ISSN 2075-7794
№4
2012

ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 4, 2012
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
канд. полит. наук *Н. Г. ОЧИРОВА*

Заместители главного редактора:
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель),
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*,
чл.-кор. РАН *В. М. Гацак*, д-р экон. наук *О. В. Иншаков*,
д-р ист. наук *К. Н. Максимов,* д-р ист. наук *И. Ф. Попова,*
д-р фил. наук *М. И. Магомедов*

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров*, д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*,
канд. юр. наук *Л. В. Батиев*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*,
д-р с.-х. наук *Э. Б. Габунщина*, д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*,
д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *В. В. Куканова* (отв. секретарь),
д-р соц. наук *А. Н. Овшинов,* д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,
д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев*,
канд. ист. наук *В. П. Санчиров*, д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*

Адрес редакции и издателя:
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Сайт: www.kigiran.com

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Магомадова Т. С., Даутова Р. А. «Торговые люди» Терского города из чеченцев (XVII в.) 7

Надбитов Р. К. Экономическое положение Калмыкии в годы Первой мировой войны 13

Красноженова Е. Е. Социальная проблема беспризорности и безнадзорности и ее решение в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) 19

Гарри М. И. Кризис и угасание французской геополитики на Дальнем Востоке (1902–1922 гг.) 23

Батинова И. В. Истоки зарождения театра в Калмыкии 29

Бакаева Э. П. Центральное духовное управление буддистов: представления и реальность 34

АНТРОПОЛОГИЯ

Комаров С. Г. Население Букеевской степи в эпоху Золотой Орды по данным краниологии 45

СОЦИОЛОГИЯ

Нусхаева Б. Б. Особенности использования материнского (семейного) капитала в Республике Калмыкия 58

Нусхаева Б. Б., Буваев Д. А. Влияние природно-климатических условий на размещение населения Республики Калмыкия 62

Байдалова О. В., Емельянова Е. А. Социальная реклама как форма передачи информации в современной массовой коммуникации 69

Намруева Л. В. Молодежь и возрождение этнической культуры в Калмыкии 76

ЭКОНОМИКА

Манджиева Д. В. К вопросу об организационных аспектах составления управленческой отчетности в отрасли животноводства 81

Басангов Л. Л. К вопросу о теоретических основах исламского банковского дела 84

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Делеева А. А. Зарубежный опыт правового регулирования контроля в сфере местного самоуправления 88

Максимов Г. К. Участие граждан Республики Калмыкия в реализации Федерального законодательства о выборах Президента Российской Федерации 93

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гедеева Д. Б. О падежном показателе *-а:/-о:/-е:* в калмыцком письменном языке XVIII в. (на материале деловых документов) 97

Сусеева Д. А. Словообразовательные гнезда русского и калмыцкого языков в сопоставительном освещении 100

Бадагаров Ж. Б. Состав падежных форм в дагурском и бурятском языках 108

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Сарангов В. Т. Девы-воительницы в калмыцких сказках 118

Селеева Ц. Б. Об указателе эпических тем (опыт составления) 122

Ингл О. П. Альберт Лорд и его работы по исследованию эпосов 127

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Батужав До. «Каменные сутры» Синьцзяна 133

Намджил О. Каталог ойратских рукописей и ксилографов из частной коллекции Очир-генги (СУАР, КНР) 139

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Очирова Н. Г. О научной экспедиции в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (хроника и предварительные результаты) 146

Очирова Н. Г., Бембеев Е. В. Современное демографическое и социально-экономическое положение ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР 156

Омакаева Э. У. Топонимия Синьцзяна как отражение ойратоязычной культуры региона: этнолингвистический аспект 162

Меняев Б. В. К характеристике ойратских рукописей и ксилографов, хранящихся в частных коллекциях Синьцзяна 175

Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Этнолингвистическое изучение песенного фольклора ойратов Синьцзяна: из экспедиционного опыта 180

Борлыкова Б. Х. О музыкальных инструментах ойратов Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая 187

РЕЦЕНЗИИ

Музраева Д. Н. Рец. на: Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения Н. С. Яхонтовой. М.: Вост. лит., 2010. 615 с. 193

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 197

АННОТАЦИИ 201

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 208

CONTENT

HISTORY	***Magomadova T., Dautova R.*** «Trading People» of the Tersky Town from Chechens (17th century)	7
	Nadbitov R. Economic Situation of Kalmykia in the days of the First World War	13
	Krasnozhenova E. Social Problem of Homelessness and Neglect and its Solution in the Great Patriotic War (on the material of the Lower Volga)	19
	Garri M. Crisis and Decline of the Far Eastern Geopolitics of France (1902–1922)	23
	Batinova I. The Sources of the Theatre Origination in Kalmykia	29
	Bakaeva E. Central Buddhist Board: Perceptions and Reality	34
ANTHROPOLOGY	***Komarov S.*** Population of the Bukeevsky Steppe in the Golden Horde Period according to Craniological Data	45
SOCIOLOGY	***Nuskhaeva B.*** The Peculiarities of the Maternal (Family) Capital in the Republic of Kalmykia	58
	Nuskhaeva B., Buvaev D. Influence of Natural and Climatic Conditions on Distribution of Population of the Republic of Kalmykia	62
	Baydalova O., Emelyanova E. Social Advertisement as the Form of Transmission of the Information in Modern Mass Communication.	69
	Namrueva L. Youth and Revival of Ethnic Culture in Kalmykia	76
ECONOMICS	***Mandzhieva D.*** Towards the Question of the Organizational Aspects of Management Reporting in the Livestock Industry	81
	Basangov L. Towards the Question of the Theoretical Foundations of Islamic Banking	84
JURISPRUDENCE	***Deleeva A.*** Foreign Experience of Legal Regulation of Control in the Sphere of Local Government	88
	Maksimov G. Participation of Citizens of the Republic of Kalmykia in the Implemention of the Federal Law on Elections of the President of the Russian Federation	93
LINGUISTICS	***Gedeeva D.*** About Case Index *-a:/-o:/-e:* in the Kalmyk Written Language of XVIII Century (on the material of business documents)	97
	Suseeva D. Word Families in Russian and in Kalmyk in the Contrastive Aspect	100
	Badagarov J. Composition of Case Forms of Dagur and Buryad	108
FOLKLORISTICS	***Sarangov V.*** Maiden Warriors of Kalmyk Fairy-tales.	118
	Seleeva Ts. About the Index of Epic Themes (from the creating experience)	122
	Ingle O. Albert B. Lord and His Works on Research on Eposes	127
LITERATURE STUDIES	***Batujav Do.*** “Stone Sutras” of Xinjiang	133

Namjil O. The Catalogue of Oirat Manuscripts and Xylographs from a Private Collection of Ochir-gengya (Xinjiang, PRC) 139

FIELD STUDIES

Ochirova N. On the Scientific Expedition in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the PRC (chronicle and preliminary results) 146

Ochirova N., Bembeev E. Modern Demographic and Socio-Economical Situation of the Oirats of Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the PRC 156

Omakaeva E. The Toponymy of Xinjiang as a Reflection of the Region's Oirat-language Culture: Ethnolinguistic Aspect 162

Menyaev B. On the Characteristics of Oirat Manuscripts and Xylographs Stored in Private Collections in Xinjiang 175

Omakaeva E., Borlykova B. Ethnolinguistic Study of Xinjiang Oirat's Folk Song: from the Expeditionary Experience 180

Borlykova B. About Musical Instruments of Oirats of the Western Mongolia and the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China . . . 187

REVIEWS

Muzraeva D. The Review on: Oirat Vocabulary of Poetical Names. Facsimile ed., transliteration, introduction, translation from Oirat into Russian, dictionary with notes, appendices by Natalia Yakhontova. Moscow: Vostochnaya Literatura Publishers, 2010. 615 p. 193

SCIENTIFIC LIFE 197

SUMMARIES 201

INFORMATION ABOUT AUTHORS 208

УДК 94(470)
ББК 63.3 (2Рос=Чеч)

«ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ» ТЕРСКОГО ГОРОДА ИЗ ЧЕЧЕНЦЕВ (XVII в.)

Т. С. Магомадова, Р. А. Даутова

Одними из первых представителей северокавказских народов, мигрировавших в русскую крепость Терского города в конце XVI в., были чеченцы. Часть их, около 200 человек, известная, по русским источникам, как ококи (или окочане), покинула свою Окоцкую землю в 1596 г. и основала под стенами крепости так называемую Окоцкую слободу. Более ста лет, пока существовала крепость, они являлись в ней наиболее многочисленной и мобильной диаспорой. Терские окочане стали государевыми служилыми людьми, выполняя различные поручения терской администрации, за что получали хлебное и денежное жалование [Кушева 1963: 61, 70–71, 81–82].

Среди служилых окочан Терского города было немало и тех, кто занимался торговым промыслом. И это неслучайно, поскольку Терский город являлся связующим звеном в торговле между Кавказом, Закавказьем, Ираном, Индией и другими странами. «Из Терского города, — пишет Н. П. Гриценко, — в разных направлениях шли торговые дороги: морем до Астрахани, Дербента, Баку — и до границ Ирана; сухопутным путем в Закавказье и Иран через Кизлярский перевоз, а также на переправу через реку Аксай, далее через Койсу на Тарки, Буйнак и до Дербента. Из Дербента можно было пройти в Ширван, Шемаху, Иран. В середине XVIII в. был хорошо известен сухопутный путь из Терского города в Индию. На протяжении длительного времени существовала Османова, или Османовская дорога, шедшая от Дербента на кумыкские Тарки, оттуда на Сунженский перевоз и дальше до берегов Азовского моря и Дона» [Гриценко 1984: 37].

Чеченцы, даже из горных районов, приезжали в Терки по торговым делам. Многие из них (шибуты, мичкизы) становились «новоприбылыми» жителями Терков, обосновываясь в Окоцкой и Черкесской слободах.

В 1674 г. в челобитной царю Алексею Михайловичу грузинский царевич Николай Давидович просил выдать возмещение за вещи, захваченные у него чеченскими (жителями селения Чечен) и шибутскими людьми при попытке проехать из Терского города в Тушетию через Шибутскую землю, а также наказать виновных: «...и те пограбленные ево животы и рухлядь (имущество. — *Т. М., Р. Д.*) на чеченских и на шибуцких людях допроводить, и которые их люди приезжают с торгами и для иных своих дел на Терек, задержать, покаместа они с ним в том учинят расплату» [Русско-чеченские отношения 1997: 220].

Е. Н. Кушева пишет: «Астрахань и особенно Терский город, как пограничный, находились в постоянных, можно сказать, повседневных сношениях с землями Северного Дагестана и Северного Кавказа, их воеводы должны были быть в курсе всех местных отношений и событий и связанных с ними интересов и действий соседних держав» [Кушева 1963: 15].

В центре города стоял «государев гостин-тезичий двор», в котором «были устроены для житья и приезду торговых тезиков (восточный купец. — *Т. М., Р. Д.*) избы с сеньми и амбары с чердаками» [Кабардино-русские отношения 1957: 253]. Здесь жили терские торговые люди, здесь останавливались и приезжие: иранские, азербайджанские, армянские, индийские, северокавказские и прочие торговцы. Всего в Терках было три гостиных двора со множеством торговых рядов и лавок. Базары устраивались два раза в неделю [Фадеев 1960: 44]. Это намного облегчало сбор «таможенной пошлины и головщины». Однако, избегая пошлин, купцы нередко останавливались за городом в слободах: Черкасской, Окоцкой, Татарской, Заречной. Здесь же, приезжая к родственникам, останавливались, надо полагать, и торговые люди из Чечни.

В связи с этим терские воеводы отписали в 1631 г. в Москву к царю: «Приезжают де на Терек приезжие иноземцы черкасы и кумычане и мичкизяня и крымские люди в Черкасскую слободу ко князю Шолоху Сунчалеевичу и ставятца в его слободах, а у них не являютца. Да с теми же де приезжими иноземцы приезжают служилые и торговые люди и товаров своих не являют и государевых пошлин с товаров не платят» [Кабардино-русские отношения 1957: 140].

Жизнь терских окочан, втянутых в ритм городского разностороннего и разноэтнического бытия, мало чем отличалась от жизни других жителей Терков и его слободок. Они принимали самое непосредственное участие во всех важных событиях, происходивших в городе Терки.

Среди окочан были довольно состоятельные люди, промышлявшие торговлей, хорошо знакомые с этим ремеслом и обладавшие достаточными средствами. Воспитатель князя Муцала Сунчалеевича Черкасского, терский окочанин, уздень Бикша Алеев, отправившись с важным государственным поручением в Дербент и Шемаху, просил прислать из дому 225 золотых, которые и привез ему его кунак тезик Аджи Суюндуков [Кабардино-русские отношения 1957: 293]. В 1647 г. окоцкий мурза Чепан Кохостров привез в подарок московскому царю Алексею Михайловичу двух аргамаков по цене 25 и 20 рублей [Русско-чеченские отношения 1997: 154].

Почти все мужское население терских окочан находилось на государевой службе, за что, хотя и нерегулярно, получало денежное и хлебное жалование. Так, например, в 1686 г. у 64 служилых окочан был оклад от 6 до 15 рублей. Упомянутый выше Бикша Алеев получал 16 рублей, а служилый окочанин Энбулат Эльмурзин — 14 рублей. Они были, несомненно, самыми высокооплачиваемыми окочанами, что свидетельствует об их принадлежности к «лучшим» окочанам, т. е. самым зажиточным, состоятельным [Русско-чеченские отношения 1997: 245].

Государева служба окочан заключалась в целом в посреднической роли в сношениях с северокавказскими народами, в сборе информации о ситуации на Северном Кавказе, в совместных походах с русским гарнизоном против неприятеля, в проводах послов, нередко они выполняли обязанности гонцов во все уголки Кавказа, в Иран и даже Москву. Так, в 1646 г. после удачного похода в Крым с сообщением о победе и о взятии в плен «языков» в Москву были посланы гонцы во главе с аталыком (воспитателем) кабардинского князя М. С. Черкасского окочанином Черкасом Алеевым (братом Бикши Алеева), которому было выдано жалованье: «…шуба соболья под камкою в 25 рублев, шапка лисья в 4 рубли, денег 8 рублев…» [Русско-чеченские отношения 1997: 148]

Чеченцы вели оживленную торговлю с русскими из казачьих городков, государевых крепостей, построенных в устье Сунжи начиная с 1567 г., со времен их появления на Тереке. С этого времени торговые связи чеченцев распространились и на другие территории. Астрахань — крупный пограничный город Русского государства, расположенный при выходе волжского торгового пути в Каспийское море — не был исключением. Через Астрахань проходили пути из Европы в Китай, Среднюю Азию, Индию и Иран. Через нее направлялись из Москвы торговые караваны и посольства в Иран, Бухару, Хиву, на Кавказ. М. В. Фехнер отмечает, что «товары, продававшиеся на астраханском базаре, были так же разнообразны, как разнообразен был национальный состав купцов, торговавших на базарной площади» [Фехнер 1952: 55]. Нередкими гостями здесь были и торговцы из числа чеченцев.

В архиве сохранилось несколько письменных свидетельств XVII в. о торговой деятельности чеченцев-окочан. Это прежде всего документы астраханской таможни. В них удалось обнаружить сведения о торговле окочан с Астраханью [Исаева 1977: 169–182; Магомадова 1977: 102–124]. «Выписи» астраханской таможни выдавались торговым людям для вывоза товаров из Астрахани. В 1672 г. была сделана «выпись» астраханской таможни об отпуске из Астрахани в Терский город терского окочанина Янтуначки Кумыкова, которая содержит сведения о количестве и ассортименте вывозимого окочанином товара: «180-го году августа в 11 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу и по подписной челобитной за пометою дьяка Петра Самойлова велено, справясь в таможне, отпустить из Астарахани вниз Волгоюрекою и морем до Терка терского [окоча] нина Янтуначку Кумыкова в лотке, а в лотке будет с ним для ево нужды 15 мешков муки ржаные, да пять котлов, да коробка

порозжая, да сукна настрафилю четыре аршина, да работных людей с ним будет в той лотке терских жа окочан три человека. А у работных людей будет 12 котлов медных, четыре аршина сукна настра[филь]ного да две коробки с мелочью. А с привозного своево тавару пошлины по указу платили.

У сей выписи астараханская таможенная печать» [Русско-чеченские отношения 1997: 213].

В документах не раз упоминаются «работные люди», коими могли быть рядовые окочане, а возможно и ясыри-невольники, которых торговые люди, и не только они, приобретали на известных невольничьих рынках. Ясыри могли доставаться окочанам и в бою.

Например, у Янтуначка были «работные люди», помогавшие в коммерческих поездках и делах. Окочане приезжали в Астрахань с товаром. Продавали его и закупали вышеперечисленный нужный в таможне товар для доставки в Терский город. Так, в 1698 г. в Астрахань из Терского города прибыли с товаром двое окочан: «…окочанина Шявшки, у ниго тритцать восьм мешков орехов гретцких, два мешка пшеничной муки, семь мешков шептолы, три овчинки бараньих… окоченина… пка (текст утерян. — *Т.М., Р.Д.*), у него 2 мешка… один мешок куреги, четыре мешка шепталы…» [Русско-чеченские отношения 1997: 259].

Торговые люди из окочан совершали поездки в самые разные уголки Кавказа, имели обширные связи. В этом отношении интересна информация, поступившая в 1673 г. с Урустобской заставы (в дельте Волги) от служилых людей астраханскому воеводе о прибытии на заставу из Дербента стружка (струг — старинное русское речное деревянное судно. — *Т.М., Р.Д.*) с торговыми людьми и с товарами, в том числе с товарами двух окочан. «В нынешнем во 181-м (1673. — *Т.М., Р.Д.*) году августа в 12 день приехал из Дербени в струшку астраханской юртовской татарин... Ажахматко Асанов с товаром, а товару у него три таи (кипа товара, возможно шелк-сырец. — *Т.М., Р.Д.*), да посыльного товара с ним окоченина Норалычка пять таи, на том жа струшку у индейца у Намченки двадцать одна тая, на том же струшку у дебенца у Чарашки одна тая да в узлу кумачи и сафьяны, на том же струшку у окоченина у Ялбечка две таи да два узла, кумачи и сафьяны, а тот товар запечатан таможенною печатью» [Русско-чеченские отношения 1997: 215–216]. Другой служилый окочанин Конейка Аллабердеев в 1675 г. был отмечен и отпущен астраханской таможней «из Астарахани вниз Волгою рекою и морем до Терка... с товаром. А товару у него пятьдесят коробок красных, десять ларцов окованных, четыре котла медных, две кожи красных, двадцеть чашек красных, восмь человек работных людей» [Русско-чеченские отношения 1997: 224]. В том же году из Астрахани был отпущен в Терский город «служилый окоченин Елчебарко Туланов в своем струшку с товаром. А товару с ним три мешка проса татарского да государева хлебного жалованья де… (текст утрачен. — *Т.М., Р.Д.*) четвертей ржи, тритцать пуд соли, два котла медных, коробка с мелочью, а в ней мех заечей, две кожи телятенные красные, шесть курпеков (сорт мелкого каракуля. — *Т.М., Р.Д.*), ларчик кованой … лоч за таможенною печатью порозжая, кадушка смолы весом …тысяча скоб…» [Русско-чеченские отношения 1997: 225]

О налаженной торговой деятельности и активных связях с Астраханью свидетельствует челобитная астраханского жителя Мулалемки Назарова, в которой он пишет, что в 1686 г. «приехав с Терка окоченин Чапай положил у меня, холопа вашего, товару своего, двести пятьдесят пять кумачей, деветь бязей, три полаза…» [Русско-чеченские отношения 1997: 244]. Сохранилась челобитная окочанина Асана Муллаева царям Ивану и Петру Алексеевичам и царевне Софье Алексеевне 1687 г. об отпуске его из Астрахани в Терский город, «в своем струшку без товару, только про свою домашную нужду три коробок, десеть мешков муки пшеничные, работных людей пять человек». На обороте челобитной была сделана «помета»: «Отпустить по указу» [Русско-чеченские отношения 1997: 248]. В 1688 г. был отпущен из Астрахани в Терский город служилый окочанин Батырка Айбилев с четырьмя товарищами «в струшку» с товаром, «а товар с ними в разбити двадцать юфтей красного товару, две тысячи аршин холста, тритцать котлов медных, четыре котла железных, тритцать шуб заячинных, семь шуб бельих, двенадцать ларцов под жестью, тритцать коробок, семьсот блюд, шестьдесят скляниц шесть тафт шолковых, противень медной, пятьдесят мерлушек, да в дву таях пятьдесят юфтей красного товару за таможенною печатью» [Русско-чеченские отношения 1997: 248].

Окочане как служилые люди принимали участие во всех походах терского гарнизона против неприятеля. Захваченные в плен ясыри становились общей добычей и делились между участниками. Источник 1634 г. сообщает, что кабардинский мурза Кельмамет Куденетович купил «Терсково ж города у служивово окоченина у Контеши у Булатова есырку жонку с сыном ее с татарчонком, а та, государь, жонка ему досталась на паю на дуване Козыевского погрому, а дал, государь, я за ту жонку с сыном у тово окоченина 50 рублев» [Русско-чеченские отношения 1997: 245]. «Казыевский погром» — это военный поход 1633 г. князя П. Волконского из Астрахани против Малых Ногаев, т. е. ногайцев Казыева улуса. В походе участвовали отряды из Терского города. Е. Н. Кушева пишет: «Очевидно, Контяш Булатов участвовал в этом походе и получил свой «пай» из числа захваченных в плен татарских ясырей» [Кушева 1963: 249]. В 1644 г. кумык Черюм из селения Эндери написал челобитную царю Михаилу Федоровичу о возвращении ему беглого дворового человека, живущего в Черкасской слободе Терского города у окочанина Петряя: «... бежал от меня, холопа твоего, из Ондреевы деревни человек мой дворовой, Сабанейко зовут, и живет, государь, у нево Петряя. И тово, государь, беглово человека тот Петряй мне, холопу твоему, не отдает, держит у себя» [Русско-чеченские отношения 1997: 327].

Постоянным источником пленных была Грузия. Ясыри поступали на невольничьи рынки в основном из горного Дагестана и Чечни. В 1640 г. посол кахетинского царя Теймураза, митрополит Никифор собирал сведения о том, сколько в Москве, Казани, Астрахани и в Терском городе живет «грузинцев». В «росписи» по Терскому городу значились следующие:

«…Невольник Мамука, живет у окоченина у Баймурзы.

Невольник же Томаз, живет у окоченина, у Баймурзина брата.

Невольник же Натир, живет у окоченина, а у ково именем, тово не написано.

Невольник же Георгий, живет у окоченина, а у ково именем, тово не написано ж.

Невольник Мамука, у окоченина ж, а у ково именем, тово не написано ж.

Невольник же Федор, а где и у ково, тово не написано ж.

Невольник же Федор, а где и у ково, тово не написано ж. [Русско-чеченские отношения 1997: 250]». Как видно из документа, значительная часть этих невольников принадлежала чеченцам-окочанам из Терского города.

Грузины-ясыри были весьма распространенным товаром. В 1653 г. терский воевода отписал астраханскому воеводе уплату терскому служилому окочанину Минкишу Мустину денег за бежавших холопов-грузин, опираясь на его челобитную: «В прошлых де годех тому лет с пятнацать купил он в Кабарде в Мундаровых кабаках мужика дидьянца Хагутачка (из Мегрелии. — *Т. М., Р. Д.*), дал за него 60 рублей денег. И в нынешнем де во 161-м году (1653. — *Т. М., Р. Д.*) грузинские люди, которые приехали в Терский город з грузинскими царицею и царевичем, пришед ночью на двор к нему, и тово ево мужика дидьянца насильством взяли и держат у себя, а ему не отдают и деньги за него, что он дал не платят…» [Русско-чеченские отношения 1997: 308]. Окочанин просит, чтобы ему из казны заплатили за невольника, как и узденю М. С. Черкасского, окочанину Чюре Алебекову. Будучи в 1651 г. в Астрахани, окочанин Чюра написал челобитную астраханскому воеводе М. Пронскому, в которой сообщает, что купил в Тарках, центре шамхальства Тарковского, ясырей-пленников «грузинца Томада, а русское имя Ивашка Вавилов, дал за него 40 рублев, да жену ево, которая была за ним Ивашкой, он же купил девкою, дал 23 рубли. И тот де грузинец Ивашка з женою и з детьми на Терке у него взяты и присланы в Астарахань». Ясыри понадобились для заведения в Астрахани «государева шелкового дела». Однако денег за них окочанин не получил и в челобитной воеводе просит оплатить взятых у него невольников. М. Пронский отписал в Терки воеводе В. Волынскому, чтоб «тому окоченину Чюре за грузинца Ивашка Вавилова на окуп велели дать из государевы казны 40 рублев из терских доходов», а за жену грузина «князь Муцалову узденю Чюре из государевы казны дано в Астарахани на окуп 23 рубли денег» [Русско-чеченские отношения 1997: 176–177]. Астраханский воевода приказал заплатить Минкишу Мустину за лишенного у него невольника 30 рублей из казны. Видимо, цена грузина была слишком завышена, и потому воевода счел нужным заплатить вдвое меньше.

Чюра Алебеков как уздень относился к служилой знати Терского города. Ясырей он мог приобретать для домашней работы,

перепродажи, использовать их как «работных людей» в своем торговом занятии. Как многие служилые окочане Терского города, Чюра (Чирачка) занимался торговыми делами. К 1675 г. его патрона, князя Муцала Черкасского, уже не было в живых. Чюра назван узденем его сына, Каспулата Муцаловича Черкасского. Сохранилась выписка этого года из астраханской таможни о том, что отпущен «из Астарахани вниз Волгою рекою и морем на Терек на клади, где попадетца, терской окоченин князя Казпулата Муцаловича Черкаского уздень ево Чирачко Альбеко, да с ним восьм аршин сукна синего и красного, юфть кож красных, мех заечинной, сто кременьев, четверы обуви, сапожных подошев, коробка старая, с ним же два человека ясырей, женка да парень калмыцкого родства Аблаева погрому, а те ясыри князь Казпулата Муцаловича матери Парханы Шаганоковны. А товар весь в одной коробке за таможенною печатью» [Русско-чеченские отношения 1997: 224–225].

Значительная часть упомянутых выше торговых людей из окочан находилась на государевой службе. Но одна служба не могла прокормить окочан. Напомним, что жалованье часто задерживалось, иногда не платили годами. Пашня не всегда давала урожай из-за частых засух или набегов саранчи. Торговля же была делом прибыльным и обеспечивавшим жизнь.

Одним из таких торговых людей был терский окочанин Энбулат Эльмурзин, регулярно возивший разнообразный товар. Сохранились три таможенные выписки, данные Энбулату, — две от 1676 г. об «отпуске» его в Терский город и одна от 1681 г. об «отпуске» в Дербент. В 1676 г. его отпустили из Астрахани «вниз Волгою рекою и морем на Терек… в своем струшку с товаром. А товару с ним: семь юфтей красного товару (кожа, окрашенная растительными красителями. — *Т. М., Р. Д.*), шесть мехов муки ржаной и пшеничной, пятнатцеть коробок красных, десеть ларчиков окованных, тридцеть мерлушек (мех из шкуры ягненка. — *Т. М., Р. Д.*), десеть зеркал, две тысечи игол, полпуда белил, два аршина сукна немецкого, шесть пуд смолы, шездесят ножниц, тритцеть решет, десеть сит, два пуда зеленой котловой меди да лохань большая зеленой меди, шесть мехов муки ржаной и пшеничной, да пять мехов заечьих белых, да бархат изорбат, да работных людей десеть человек…» [Русско-чеченские отношения 1997: 221–222]. Энбулат быстро вернулся с привезенным в Терки товаром. Уже через 20 дней астраханская таможня разрешила ему вывоз очередной партии товара «в своем струшку». Ассортимент товара в этот раз был другим: «семьсот пуд соли, семь четвертей солоду яшного, четыре четверти муки пшеничной и аржаной, три коробки красных порозжие, десять мерлушек, погребец порозжей с скляницами, ларчик окованной порозжей, четыре котла медные, двадцать брусов мыла татарского, две юфти красного товару, десять тесниц, две кадушки смолы, да работных людей на том стругу восмь человек». За товар была взята пошлина и дана «проезжая» [Русско-чеченские отношения 1997: 231].

Энбулат Эльмурзин, как видно из приведенных сведений, был тесно связан с Астраханью. Возможно, его служебные поручения были более ориентированы на связи с этим центром политической жизни в низовьях Волги и Северного Кавказа, которому подчинялась администрация Терского города. Так, в 1692 г. он привез из Астрахани от воеводы П. Хованского в Терский город пять царских грамот, четыре из которых были на имя терского воеводы В. С. Нарбекова и одна грамота — на имя думного дворянина И. Языкова [Русско-чеченские отношения 1997: 250]. Кроме того, Астрахань являлась международным центром торговли. Энбулат успешно использовал служебные поездки для личной предпринимательской деятельности. Ассортимент вывозимого им из Астрахани товара, а также его количество говорят о том, что товар вывозился для продажи. Это десятки связок кож и мехов, коробки, ларцы, зеркала, ножницы, различные ткани, тысячи игл, мед, котлы, мыло, соль, солод, мука и т. д. Перевезти большую партию товара на струге по реке и морю без помощи «работных людей» было трудно и опасно. Энбулата постоянно сопровождало до десяти человек.

Товар вывозился Энбулатом из Астрахани не только в Терский город, но и в другие центры Северного Кавказа. За 1681 г. сохранилась «выпись» Астраханской таможни об отпуске из Астрахани в Дербент терского окочанина Энбулата Эльмурзина с товаром «в своем струшку»: «семнадцать половинок стамедов, две половинки сукна кармазину, пятнадцеть аршин сукна кармазину ж, тритцать юфтей кож красных, двести мерлушек,

две тысечи игол, шесть пуд меди в котлах, шесть пуд меду, двести гнезд подошев, десеть ларчиков слудных, двадцеть коробок красных, пять портищ сукна сераго, шесть зеркол малой руки, шесть фунтов белил, пуд белил же, тринатцать юфтей белых мешков. А тот товар в разбитии: два мешка чилиму, десеть пуд поскони. Да работных людей с ним в том ево стружку десеть человек да кормщик. У сей выписи астраханская таможенная печать» [Русско-чеченские отношения 1997: 238–239].

Энбулат Эльмурзин может послужить собирательным образом чеченской диаспоры Терского города XVII в. Подобных государевых служилых окочан в российском опорном пункте было немало.

Литература

Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа (V — середина XIX в.). Ростов н/Д: ИРУ, 1984. 159 с.

Исаева Т. А. Материалы Астраханской приказной палаты как источник для изучения социально-экономической и политической жизни Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. XI. Грозный: Чеч.-Инг. ИИСФ, 1977. 163 с.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: документы и материалы. К 400-летию присоединения Кабарды к России. Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 125 с.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (втор. пол. XVI — 30-е годы XVII в.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 371 с.

Магомадова Т. С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей с русскими и Россией в XVI–XVII веках // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. XI. Грозный: Чеч.-Инг. ИИСФ, 1977. 163 с.

Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. / сост., введ., коммент. Е. Н. Кушевой. М.: Вост. лит., 1997. 415 с.

Фадеев А. В. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XVII. Нальчик, 1960. С. 33–81.

Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. М.: Госкультпросветиздат, 1952. 122 с.

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)524

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЛМЫКИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Р. К. Надбитов

С началом Первой мировой войны российское правительство взяло решительный курс на усиление государственного регулирования экономики. В связи с этим нарастало влияние государства на все отрасли народного хозяйства. Определенный интерес правительственных кругов стали вызывать национальные окраины империи, рассматривавшиеся в качестве поставщиков сырья и сельскохозяйственной продукции. В этом плане Калмыцкая степь Астраханской губернии могла выступать в качестве поставщика скота и продуктов скотоводства. Если в более ранний период развитие товарного животноводства в Калмыкии было обусловлено постепенным втягиванием региона в систему общероссийских рыночных отношений, то с началом Первой мировой войны — потребностями армии и тыла.

С осени 1914 г. в Калмыцкой степи Астраханской губернии началась кампания по пожертвованию населением лошадей на нужды фронта. 26 октября с этой важной миссией от Верховного главнокомандующего в Астрахань прибыл нойон Малодербетовского улуса, корнет Д. Тундутов. Приемка лошадей производилась на станции Тингута Владикавказской железной дороги и на Калмыцком Базаре, где специалисты тщательным образом осматривали животных. Из первой партии в 100 лошадей, пожертвованных калмыками Александровского улуса, ротмистр Соколов, откомандированный Управлением по ремонтированию армии, забраковал и сдал в распоряжение местной администрации 83 животных [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 251. Л. 88].

По распоряжению астраханского губернатора забракованных лошадей продали, а вырученные деньги перечислили на военные нужды. 25 ноября 1914 г. генерал от инфантерии Янушкевич отослал попечителям телеграмму с требованием следить, чтобы пригоняемые на приемные пункты лошади отвечали требованиям комиссии. Кампания растянулась на несколько месяцев, и в итоге астраханские калмыки пожертвовали на нужды армии 1 516 строевых лошадей и 400 тыс. рублей. По представлению ремонтной комиссии Астраханского района многие калмыцкие коннозаводчики получили награды. Так, к серебряным медалям с надписью «За усердие» были представлены зайсанги Ц. Онкоров, Б. Трухметов и Б. Боваев [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 251. Л. 88–89].

С 1 января 1915 г. на всех «инородцев», не отбывавших воинскую повинность, было распространено Положение о военном налоге. В связи с этим в Астраханской и Ставропольской губерниях начались «добровольные закупки» (принудительные реквизиции скота и сельскохозяйственного сырья для снабжения армии по установленным государством ценам). До 1916 г. заготовку скота в Калмыцкой степи вела Элистинская комиссия, а с февраля 1917 г. — еще две: Калмбазаринская и Абганеровская [Орехов 1967: 80]. В 1914–1915 гг. скот регулярно поставлялся населением Калмыцкой степи. Однако к 1916 г. ее ресурсы значительно истощились. На совещании по вопросу о мясопоставках, состоявшемся 27 февраля, представитель Управления калмыцким народом (УКН) С. Р. Залкинд заметил, что в течение года Калмыцкая степь сможет поставить не более 4 тыс. голов крупного рогатого скота. В ответ уполномоченный по заготовке скота от Астраханской земской управы Г. И. Колесников заявил, что «калмыкам следует примириться с некоторыми тягостями» [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1. Л. 8].

В марте 1917 г. заведующий калмыцким народом Б. Э. Криштафович объехал улусы, требуя неукоснительного выполнения плана разверстки и угрожая, что в противном случае скот будет изъят на местах против желания калмыков. Несмотря на проведенную в августе перепись скота, план по-

ставки был выполнен только наполовину [НА РК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 855. Л. 11].

Массовые поставки проводились и в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии. Из-за разорительных реквизиций за 1913–1917 гг. поголовье крупного рогатого скота в улусе сократилось с 31,4 тыс. голов до 19,5. По итогам особого совещания по продовольственному делу при Министерстве земледелия, по Ставропольской губернии в 1916 г. предполагалось закупить 150 тыс. голов крупного рогатого скота. На долю населения Большедербетовского улуса из этого количества приходилось 7 845 голов, или 33 % от всего поголовья скота [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 267. Л. 61]. Высокие нормы реквизиции, носившей принудительный характер при названии «добровольная закупка», значительно подорвали благосостояние калмыцких семей. В сентябре 1916 г. старшина I Икитуктунова рода сообщил, что «скота, подлежащего продаже, нет». Телеграмма с похожим содержанием была отправлена попечителю улуса Е. Ф. Майгурову от калмыков Абганерова рода: «продать скот для нужд военного ведомства не можем» [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1. Л. 92].

В то же время комиссия по приемке скота в улусе сделала вывод: «Скота у калмыков достаточно, оказался он вполне упитанным и поэтому вполне пригодным к приемке его для нужд армии» [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1 Л. 168]. По итогам двух разнарядок 1916 г. калмыками Большедербетовского улуса было сдано 6 808 голов рогатого скота.

В 1917 г. норма реквизиции повысилась до 7 000 голов. В этой ситуации жители улуса пытались укрыть скот и, уклоняясь от поставок, шли на различные ухищрения. Так, калмыки II Икитуктунова рода во главе с председателем продкомитета Гапоном Санджиевым вызвали у животных фиктивный ящур [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1 Л. 160]. Телеграммой от 28 февраля 1917 г. Медвеженская земская управа просила о поставке с 7 по 25 марта еще 3 400 голов крупного рогатого скота. Даже сам попечитель Е. Ф. Майгуров счел данную цифру нереальной, отметив, что земская управа требует поставить 2 751 голову сверх нормы, установленной в 1916 г. В то время как русское скотоводческое селение Сандата в 15 тыс. человек сдавало в месяц от 70 до 80 голов скота, калмыки Большедербетовского улуса, которых насчитывалось чуть более 8 тыс., должны были сдать на нужды армии более 3 тыс. коров [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1 Л. 262, 263].

8 марта 1917 г. в урочище Башанта состоялось совещание, посвященное разверстке скота, на котором были избраны 2 представителя для защиты интересов калмыков в улусной комиссии по проведению реквизиции — Курака Кирсанов и Андрэ Михайлов. Выяснилось, что в результате проведения реквизиций поголовье скота в улусе уменьшилось вдвое — с 25 942 голов в январе 1916 г. до 13 068 в начале 1917 г. На места выезжали уполномоченные земских и улусных управлений, призванные следить за выполнением планов поставок скота. Но зачастую и они убеждались, что реквизировать было нечего. Так, выехавший с этой целью в декабре 1916 г. в I Багатуктуновский род помощник попечителя Большедербетовского улуса сообщил, что «выполнить разнарядку хозяйства родового управления действительно не могут» [НА РК. Ф. И-21. Оп. 4. Д. 1. Л. 238].

В то же время благосостояние большинства жителей Калмыкии заметно ухудшалось. На рубеже 1916–1917 гг. население России столкнулось с острой нехваткой продовольствия. Причина дефицита продуктов питания, в первую очередь хлеба, заключалась в растущем нежелании земледельческих хозяйств продавать его за деньги, стоимость которых быстро падала. Цены на зерно и продукты первой необходимости быстро росли. Похожая ситуация наблюдалась и на мясном рынке. В 1915 г. говядина и баранина подорожали вдвойне по сравнению с довоенным уровнем. Пуд мяса стал стоить 6 руб. 80 коп. вместо прежних 3–4 руб. [Яковлев 1994: 206].

Быстро росло количество учреждений, занимавшихся спекулятивной торговлей. В Александровском улусе действовала мясная лавка Габдика Иксапова с годовым оборотом в 6 тыс. руб., на Калмыцком Базаре — заведения Степана Лаврентьевича Косова (8 тыс. руб.), в Харахусовском улусе на урочище Утта — лавка Николая Петровича Стороженко (5 тыс. руб). Торговые заведения А. Александрова и П. Сыромятникова в Манычском улусе приносили годовой доход в 12 тыс. рублей каждое. Крупные магазины А. Хаджимуратова и Р. Эрембетова функционировали в Эркетеневском улусе (годовой доход — 10 тыс. и 21 тыс. руб.

соответственно) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2474. Л. 194].

В ноябре 1915 г. в Астрахани состоялось совещание по продовольственному вопросу, в котором приняли участие представители губернских и уездных земских учреждений. В ходе совещания выяснилось, что одной из причин быстрого роста цен на продукты являлась дороговизна их провоза из-за разбросанности населенных пунктов Калмыцкой степи. Уже тогда здесь сложно было найти и закупить калмыцкий чай, муку. В своих письмах аймачным старшинам попечитель Малодербетовского улуса просил, чтобы они воздействовали на торговцев и уговорили их сделать запасы муки хотя бы до мая 1917 г. в пропорции, достаточной для населения [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 405. Л. 11].

25 марта 1917 г. вышло «Постановление Временного правительства о передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах». Все зерно урожая прошлых лет и 1917 г. ставилось на учет в продовольственных учреждениях, а заготовка хлеба велась по установленным государством твердым закупочным ценам. Так, в соседней с Калмыцкой степью Донской области закупочная цена на хлеб составляла 2 руб. 30 коп., в Кубанской — 2 руб. 23 коп., в Терской — 2 руб. 30 коп. и в Ставропольской губернии — 2 руб. 30 коп. Не желая сдавать хлеб государству, многие землевладельцы пытались скрыть запасы имеющегося в хозяйстве зерна. В таких случаях зерно реквизировалось по половинной цене [НА РК. Ф. И-9. Оп. 12. Д. 52. Л. 160, 161].

Последствия ограниченного потребления хлеба населением Калмыкии стали ощущаться уже в апреле — мае 1917 г. Так, калмыки Хаджинкиновского рода Большедербетовского улуса просили улусный продкомитет разрешить им взять в долг из общественного хлебозапасного магазина по 4 пуда зерна на душу, предупреждая о «могущих произойти на почве недовольства» волнениях [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 23. Л. 68].

В Министерство внутренних дел была направлена докладная записка от уполномоченных калмыков Ставропольской губернии Е. Чонова, Н. Хараманджиева и А. Амур-Санана. Они просили министра сделать распоряжение об отпуске в фонд Большедербетовского продовольственного комитета 200 000 руб. ссуды из общественного калмыцкого капитала. Деньги требовались на организацию продовольственной помощи населению. В то время общая сумма общественного калмыцкого капитала Большедербетовского улуса составляла 1 393 600 руб. бумагами и 178 262 руб. наличными. Просьба большедербетовцев была отклонена [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 53. Л. 4].

О нараставшей нужде калмыков Астраханской губернии свидетельствовали сообщения, поступавшие от уполномоченных разных родов. В письме от 6 мая 1917 г. от калмыков Багацатановского аймачного общества сообщалось, что «нет муки и чая ни в лавках у нас, ни в городе Астрахани, либо еще где поблизости, и взять их негде, несмотря на то, что имеются деньги». «Недалеко время, — говорилось в письме, — когда явится голод и вместе с ним все, что несет он страшного для общества» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 49. Л. 39].

В связи с этим хотонные старосты четырех родовых обществ Багацатановского аймака просили выслать указанные продукты и распределить их между проживавшими здесь в 1 500 кибитках 6 000 калмыков. 18 мая в УКН было принято письмо от калмыков, проживавших в Енотаевске (62 семьи) и вокруг этого города: в имении Комова (50 семей), за р. Ахтубой (200 семей), за Волгой (50 семей). Енотаевские калмыки, занимавшиеся в основном работами по найму, неоднократно обращались в Багацохуровский улусный продовольственный комитет с просьбой выдать им хлеб и чай, но безрезультатно. В Енотаевском продовольственном комитете также отклонили их просьбу, ссылаясь на то, что проблемы с довольствием калмыков не относились к его компетенции. «Нам продать нечего, — отмечалось в письме далее, — у нас нет никакой скотины, поэтому мы, калмыки, зарабатываем все своим горбом, и сколько ни заработаем, а за эти деньги не найдем ни чая, ни муки, а местные торговцы говорят, что у нас есть свой комитет» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 49. Л. 39, 39об.].

Озабоченный нараставшим кризисом, И. Гаврилов, агроном при УКН, высказал свои соображения в докладной записке. Он указал на «наблюдавшиеся в настоящий момент ненормальное отсутствие рабочих рук, большой недостаток орудий производства, страшную дороговизну». Введение карточной системы создавало, по его мнению, для

бедного калмыцкого населения такие экономические условия, при которых складывалось положение, внушавшее самые серьезные опасения. Они могли вылиться в «крайне острые и нежелательные меры». С целью предотвращения возможных беспорядков И. Гаврилов предложил: 1) образовать при УКН Центральный продовольственный комитет; 2) расширить деятельность комитетов по оказанию помощи семьям калмыков, призванных на тыловые работы; 3) привлечь в число членов Центрального продкомитета представителей от калмыцкого населения; 4) командировать сведущих лиц в пункты, где еще имеется возможность закупки зерна и муки; 5) собрать сведения об имевшихся в наличии у населения запасах сельскохозяйственных продуктов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 12. Л. 10].

Исходя из предложения И. Гаврилова, 22 мая 1917 г. Центральный комитет по управлению калмыцким народом (далее — ЦИК по УКН) образовал особый отдел — Продовольственный Совет под председательством Н. О. Очирова, в составе членов комитета О. Босхомджиева, А. Лисунова и В. Мергасова [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 19. Л. 2].

Организовывались продовольственные учреждения и на местах. Для этого ЦИК по УКН рекомендовал улусным и аймачным исполнительным комитетам принять на себя обязанности продовольственных советов или выделить из своего состава коллегии, исполнявшие функции продовольственных органов. Последние должны были регулярно доставлять в ЦИК по УКН сведения о числе душ мужского и женского пола старше 5 лет и о необходимом для их снабжения количестве продуктов в расчете на 1 месяц. При этом нормой потребления считалось 30 фунтов муки и 1,5 доски кирпичного чая на душу. Только после этого центральный продовольственный совет закупал продукты в Астрахани и отправлял их на хранение в специальных склады. Образование местных продовольственных комитетов требовало средств, поэтому ЦИК по УКН призвал наиболее состоятельных калмыков к предоставлению 5 % денежного займа [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 19. Л. 16, 18].

В обстановке все более ухудшавшегося экономического положения возрастало недоверие населения к деятельности продовольственных органов. Так, в п. Калмыцкий Базар 9 июня 1917 г. был созван сход, на котором разоблачалась деятельность исполкома. На сходе жители поселка заявили, что при раздаче муки исполком взимал с населения специальный взнос на уплату жалования своим членам. В действиях исполнительного комитета калмбазаринцы усмотрели «прямую угрозу общественному спокойствию» и «шаг, исключительно направленный к удовлетворению личных интересов». Было также отмечено, что комитет, имея легальные возможности получения муки из вышестоявших продовольственных учреждений, принимал настойчивые меры для приобретения ее у частных лиц, что было гораздо дороже. В итоге присутствовавшие на сходе постановили: 1) отозвать всех своих членов из исполкома и порвать с ним всякую связь; 2) ввиду явной вредной деятельности этого органа местной власти просить ЦИК по УКН произвести расследование и прекратить отпуск исполкому продуктов первой необходимости; 3) предложить членам аймачного схода потребовать обратно взносы, уплаченные населением на устройство продовольственного снабжения [НА РК. Ф. И-4. Оп. 3. Д. 3. Л. 42, 43].

14 июня 1917 г. председатель Астраханской губернской продовольственной управы П. Кравченко выступил с докладом перед членам ЦИКа по УКН и отметил в нем, что если ранее Калмыцкая степь исправно снабжалась мукой, поступавшей водным и железнодорожным путями из Самарской губернии и Уральской области, то теперь ее поступало ничтожное количество. В связи с этим П. Кравченко призвал членов ЦИК принять самые экстренные меры по организации широкой закупки зерна. Но в конце июня 1917 г. норма потребления муки в Калмыкии была урезана с 30 до 25 фунтов в месяц на человека [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 56, 58].

Законом от 1 июля 1917 г. Калмыцкая степь была выделена в особую территориальную единицу с введением земского управления. Члены ЦИК по УКН С. Б. Баянов и Д. Д. Тундутов направили министру продовольствия докладную записку, отметив логичность выделения Калмыцкой степи в самостоятельную единицу и в отношении снабжения. Они также просили разрешить калмыцкому продкомитету делать самостоятельные закупки муки в пределах Ставропольской губернии и чая в других областях. Авторы послания были озабочены

тем, что за 8 месяцев совместной деятельности с губернской продовольственной управой калмыцким управлением было получено ничтожно малое количество муки (всего 9,8 фунта на человека) и чая (0,08 кирпича на душу). Население Калмыцкой степи переживало, как отметили Д. Д. Тундутов и С. Б. Баянов, «совершенный недостаток, граничащий с голодом» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 19].

Поэтому они просили выделить на нужды калмыков ссуду в 2 млн рублей. Но Временное правительство не спешило удовлетворять просьбу калмыцких представителей. В этой ситуации продсовет степи обратился к аймачным комитетам с предупреждением о необходимости экономии в расходовании продуктов — «во избежание назревающей в стране опасности голода» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 170].

Участники состоявшегося в Астрахани заседания чрезвычайной комиссии по продовольственному делу пришли к выводу, что единственным выходом из создавшегося положения могло быть исходатайствование планомерного отпуска муки из Ставропольской губернии. Комиссия постановила командировать в качестве уполномоченных от продовольственного совета при ЦИКе по УКН Н. Очирова и председателя Яндыко-Мочажного продовольственного комитета А. Г. Мещерякова в Ставрополь с целью выяснить, насколько губерния может снабдить калмыков хлебом. По расчетам членов калмыцкого продовольственного совета, для предстоящих закупочных операций было необходимо не менее 5 млн руб., а для полного обеспечения населения Калмыцкой степи на предстоящую зиму — не менее 18 млн. Но к ноябрю 1917 г. продсоветом при ЦИКе по УКН было получено только 1 млн. руб. ссуды от Временного правительства [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 29, 56].

Таким образом, основная часть населения Калмыкии была обречена на голодное существование. На заседании продовольственного комитета Степной области калмыцкого народа 27 октября было принято решение об организации областной продовольственной управы в составе председателя Н. О. Очирова, товарища председателя Э. Хара-Давана и членов — Т. Б. Тюменя и Б. С. Сарангова. В пределах Калмыцкой степи были созданы 6 уездных и 3 районных продовольственных комитета [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 7. Л. 56].

Еще 20 августа 1917 г. цены на хлеб, отпускаемый из государственных магазинов, были повышены вдвое. Отмечая сложность сложившейся ситуации, председатель Икитуктуновского продовольственного комитета Большедербетовского улуса Степан Буринов предложил принять меры, чтобы все нуждавшиеся граждане имели возможность приобрести необходимое количество зерна. Это можно было осуществить путем изъятия запасов урожаев прошлых лет по старым ценам из общественного хлебозапасного магазина [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 30. Л. 81].

В условиях усугубившегося продовольственного кризиса стали наблюдаться попытки изъятия хлебных запасов у арендаторов земель. 4 октября 1917 г. в хозяйство крупнейшего поставщика хлеба в Большедербетовском улусе, С. М. Букреева, явилась группа вооруженных солдат и без ведома Ставропольской продовольственной управы конфисковала 3242 пуда пшеницы и 772 пуда ржи. Как отмечено в документах, солдаты «вели себя вызывающе, обращались грубо, предъявляли излишние требования и угрожали, в противном случае, разнести экономию» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 30. Л. 81, 81об.].

Трудности с продовольственным снабжением калмыков продолжали сохраняться и после октябрьского переворота в Петрограде. Политическая ситуация в стране обсуждалась на собрании служащих Медвеженской продовольственной управы, которой подчинялся Большедербетовский продовольственный комитет. Отметив «попытки большевиков-ленинцев и прочих агентов Вильгельма, захватить власть», члены управы постановили: 1) не признавать власть большевиков, так как вся власть в России принадлежит только Учредительному собранию как хозяину Земли Русской; 2) не исполнять распоряжений народных комиссаров и самочинных организаций; 3) не прекращать работы по продовольственному делу и не подчиняться требованиям незаконных захватчиков власти; 4) признать, что право заключения мира с Германией принадлежит Учредительному собранию, а не кучке преступников и предателей большевиков [НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 31. Л. 129].

Итак, служащие Медвеженской продовольственной управы продолжали придерживаться курса, установленного Временным правительством. Конфронтация структур власти в стране нарастала, а положение калмыков все более ухудшалось.

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия Национальный архив (НА РК).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Литература

Команджаев А. Н. Экономическое развитие Калмыкии и положение ее трудящихся в годы Первой мировой войны // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. С. 128–145.

Орехов И. И. Первая мировая война и развитие калмыцкого общества // Ученые записки: КНИИЯЛИ. Сер. истор. Ч. 1. Вып. 5. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. С. 77–117.

Яковлев Н. Н. Последняя война старой России. М.: Просвещение, 1994. 256 с.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622-9

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ЕЕ РЕШЕНИЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(по материалам Нижнего Поволжья)

Е. Е. Красноженова

В период Великой Отечественной войны в Нижнем Поволжье обострилась проблема детской беспризорности и безнадзорности. Ее росту способствовали тяжелые военные условия, ухудшение продовольственного снабжения населения, перебои в работе сети детских учреждений, трудности с культурным обслуживанием детей, эвакуация. Местные Советы и комитеты обороны Нижнего Поволжья в своих документах неоднократно указывали на большое скопление беспризорных на улицах, в подвалах, ранках региона [ГА РФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 5].

Решение проблемы детской беспризорности и безнадзорности явилось одним из важных направлений в социальной деятельности местных органов власти Нижнего Поволжья, от которой во многом зависела эффективность работы по предупреждению преступности и охраны тыла в целом. В то же материалы архивов свидетельствуют об увеличении их количества в военный период [ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 204. Л. 25].

Оказание социальной помощи детям на местном уровне предусматривало разработку и реализацию комплекса мероприятий, направленных на определение беспризорных детей в детские учреждения, обеспечение их продовольствием и промтоварами, организацию медицинского обслуживания и отдыха в летних санаториях. Важное значение для снижения уровня беспризорности и безнадзорности имела борьба за полный охват детей школьного возраста учебой.

С целью выявления беспризорников местные Советы Нижнего Поволжья совместно с органами образования организовывали обходы улиц, площадей, рынков, вокзалов. Для этого создавались бригады из комсомольцев, дружинников, общественных инспекторов.

Решения местных властных органов Нижнего Поволжья в области профилактики детской беспризорности основывались на постановлении Совнаркома СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 14. Л. 42–46]. Указанное постановление обязывало исполкомы региональных Советов устроить в детучреждения детей, оставшихся сиротами или потерявших обоих родителей [СП СССР. 1942. № 75].

Значительная роль в организации борьбы с беспризорностью и безнадзорностью отводилась милиции. Так, согласно директиве НКВД СССР от 11 февраля 1942 г., милиция выявляла беспризорных, которые отправлялись в приемники-распределители. Согласно вышеуказанному постановлению Совнаркома СССР, отделения милиции помогали родителям в розыске детей, потерявшихся во время эвакуации. В этих целях при отделениях милиции в Нижнем Поволжье повсеместно были открыты справочные адресные детские столы. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г., при УНКВД областей Нижнего Поволжья создавались отделения по борьбе с детской преступностью и хулиганством [ГА АО. Ф. 2233. Оп. 17. Д. 4. Л. 50]. Местными органами власти Астрахани совместно с местной милицией в 1943–1944 гг. было изъято с улиц 282 ребенка [ГАСД АО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 647. Л. 17].

Однако, оценивая работу в области ликвидации беспризорности в Нижнем Поволжье, местные партийные организации и Советы отмечали, что она протекает бесплановo, работа с беспризорниками находится в неудовлетворительном состоянии, обходы общественных мест организуются нерегулярно [Красноженова 2012: 28]. В регионе были не организованы детские комнаты, работа по розыску родителей детей, потерявшихся во время эвакуации, безрезультативна [ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 14. Л. 42–46].

В системе местных органов власти для решения социальной проблемы детской беспризорности создавались новые струк-

турные подразделения. Таковыми явились комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, образованные при исполнительных комитетах местных Советов Нижнего Поволжья. Кроме того, при исполкомах местных Советов действовали комиссии из представителей органов народного образования, здравоохранения, милиции и общественных организаций.

В Нижнем Поволжье работали детские приемники-распределители, обеспечивавшие временное пребывание беспризорников. Так, в 1943–1944 гг. в Астраханской области в детприемник НКВД было направлено 542 ребенка, из них 199 детей фронтовиков. Было трудоустроено 147 детей, из них подростков, изъятых с улицы и занимавшихся нищенством и бродяжничеством, — 107 человек [ГАСД АО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 647. Л. 17].

Рост беспризорности в Нижнем Поволжье в военный период был связан и с недостаточным охватом детей школьными учреждениями, которые не выполняли план всевобуча. В 1942–1943 гг. выполнение закона о всеобуче в Нижнем Поволжье осложнялось близостью фронта. В Сталинградской области 773 учащихся 1–4 классов остались не охваченными всеобучем [ГА АО. Ф. 2150. Оп. 1. Д. 162. Л. 1]. В Юстинском улусе Калмыцкой АССР в декабре 1942 г. 757 детей оставались не охваченными школьным обучением, из них 125 детей находились на оккупированной территории [НА РК. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 773. Л. 5–7].

Одним из направлений работы местных властных органов в области оказания социальной помощи детям-сиротам стало их устройство в трудовые учебные заведения. Подобная деятельность регламентировалась постановлением Совнаркома СССР «О трудовом устройстве подростков старше четырнадцати лет — воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД СССР и детей, оставшихся без родителей» от 1943 г. [ГА АО. Ф. 2233. Оп. 17. Д. 4. Л. 67]. Согласно постановлению, летом 1943 г. на обучение в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО было направлено 36 000 детей-сирот и около 5 400 подростков из трудовых колоний НКВД СССР [ГА АО. Ф. 2233. Оп. 17. Д. 4. Л. 67]. В том числе в соответствии с вышеуказанным решением Совнаркома в июле-сентябре 1943 г. в Саратовской области в ремесленные училища и школы ФЗО поступило учиться 650 детей из детских домов [ГА СО. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 1425. Л. 14].

Местные государственные и партийные органы власти Нижнего Поволжья при содействии общественных организаций и профсоюзов проводили мероприятия, направленные на организацию работы детских домов и обеспечение материально-бытовых условий жизни их воспитанников. Активизации этой работы способствовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации». В Нижнем Поволжье в военный период расширялась сеть детских домов и детских садов. Эта проблемы находилась в центре внимания местных властных органов региона. Так, Совнарком Калмыцкой АССР 28 мая 1943 г. вынес постановление «Об организации летнего детского интерната для беспризорных детей и детей фронтовиков» [НА РК. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 45. Л. 48–49]. В целях борьбы с беспризорностью и создания материально-бытовых условий детям в Лаганском улусе Калмыцкой АССР в мае 1943 г. был открыт летний детский интернат на 75 мест с охватом беспризорных детей Лаганского, Уланхольского, Долбанского и Приволжского улусов. При этом комиссиями по борьбе с детской беспризорностью при улусных Советах принимались решения об обеспечении каждого посылаемого в интернат дошкольника или школьника одеждой, обувью, бельем, продуктами питания [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 128. Л. 317–318]; [СП СССР. 1944. № 827]. Летний детский интернат был организован и в Уланхольском улусе [НА РК. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 45. Л. 48–49]. В Калмыкии было создано около 80 пришкольных интернатов для материально необеспеченных детей и детей-сирот. Учащиеся интернатов обеспечивались продовольствием наравне с воспитанниками детских домов.

После завершения Сталинградской битвы в области было собрано и направлено в детские дома свыше 2 тыс. детей-сирот. 1 238 детей было патронировано и усыновлено местными жителями [ГА АО. Ф. 2233. Оп. 17. Д. 4. Л. 67]. Положение детей во многих созданных детдомах было тяжелым. Детские дома испытывали недостаток в мебели, мягком инвентаре, в одежде и обуви. Многие дети из-за отсутствия одежды и обуви не могли посещать школы. Санитарное состояние детских домов оценивалось

как неудовлетворительное, отсутствовали медикаменты, не проводились профилактические мероприятия, что создавало угрозу эпидемий. Большинство детских домов региона работало в неприспособленных помещениях. Питание детей не соответствовало нормам, установленным Наркоматом просвещения РСФСР: недоставало жиров, мучных изделий, молока, круп, сахара. При поддержке местных органов власти Нижнего Поволжья нуждающиеся дети устраивались в детские учреждения. Так, в Яшалтинском улусе Калмыцкой АССР в апреле 1943 г. 820 детей поступило на детские площадки, 321 — в ясли, 56 — в детские сады [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 184. Л. 12].

В военный период в регионе принимались меры по оздоровлению больных детей-сирот. В соответствии с распоряжением Совнаркома РСФСР от 21 декабря 1944 г. в летний период 1945 г. планировалось создание детских домов санаторного типа для детей с туберкулезной интоксикацией. В Астраханской области в 1944–1945 гг. намечалось открытие 15 детских санаторных площадок на 1 500 детей, 38 площадок лагерного типа на 3 800 детей [ГА АО. Ф. 2741. Оп. 1. Д. 23. Л. 133]. Контингент детей в детских домах санаторного типа в 1945 г. в Саратовской области составлял 200 тыс. человек, в Сталинградской области — 200 тыс. человек, в Астраханской области — 100 тыс. человек [ГА АО. Ф. 1910. Оп. 1. Д. 6. Л. 19].

Государство оказывало детским учреждениям материальную помощь. Так, в 1944 г. детским садам, детским домам, ремесленным училищам и школам ФЗО было выделено около 6 млрд 600 млн рублей [Панарина 2009: 58].

Таким образом, вопросы, связанные с бытовым и трудовым устройством безнадзорных детей, систематически обсуждались на заседаниях местных Советов и партийных органов, ЦК ВЛКСМ Нижнего Поволжья. Ими при содействии организаций здравоохранения и народного образования был разработан комплекс мероприятий по предупреждению безнадзорности и снижению детской и подростковой преступности. Так, на IX сессии Сталинградского облсовета, состоявшейся в феврале 1943 г., указывалось на необходимость принять меры к ликвидации детской безнадзорности и беспризорности, улучшить работу детских домов, приемников-распределителей, обратить внимание на трудоустройство и патронирование детей и подростков [ГА АО. Ф. 3205. Оп. 3. Д. 127. Л. 124–130]. В целях предупреждения детской беспризорности и безнадзорности подросткам до 16 лет запрещалось находиться на улице после 21 часа за исключением случаев, когда они сопровождались родителями, подростки до 16 лет не допускались на вечерние киносеансы и спектакли, а также в кафе и буфеты, где отпускались спиртные напитки.

Местными Советами и партийными организациями Нижнего Поволжья организовывалась работа по устройству детей в семьи через патронат, опеку и усыновление. Например, в Астрахани в 1943–1944 гг. на патронат передано 70 детей, усыновлен 41 ребенок, учреждена опека над 148 детьми. В Сталинграде в 1943 г. было усыновлено 132 ребенка [ГАСД АО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 647. Л. 17].

Профсоюзы и комсомольские организации Нижнего Поволжья принимали активное участие в организации социальной помощи детям, тем самым внося значительный вклад в работу по ликвидации беспризорности в регионе. Профсоюзы систематически проводили воскресники, а заработанные на них денежные средства перечислялись в фонды помощи детям. На средства комсомола в военный период было создано 14 санаториев для ослабленных детей и детей-сирот [Синицын 1969: 77].

Большую работу по устройству безнадзорных детей, оказанию помощи детским домам осуществляли профсоюзные организации. Фабрично-заводские и местные комитеты профсоюзов Нижнего Поволжья создавали специальные комиссии, которые проводили обследования материального и санитарного состояния детских домов, контролировали деятельность администрации в организации питания и медицинского обслуживания воспитанников. Организации народного образования, профсоюзные и комсомольские организации участвовали в проведении для детей-сирот культурно-массовых мероприятий, организации кружковой работы и летнего отдыха. При участии обкома профессионального Союза работников госторговли в первом полугодии 1944 г. в Астрахани 80 детей были охвачены летней оздоровительной компанией, в том числе 10 детей направлены в пионерские лагеря санаторного типа, 40 — в обыкновенные пионерские лагеря и 30 — в детские оздоровительные площадки [ГАСД АО.

Ф. 325. Оп. 1. Д. 128. Л. 16–22]. В совхозах, обслуживаемых профсоюзом рабочих рыбной промышленности Юга, в 1944 г. было организовано и открыто 53 детских яслей и площадок, в которых насчитывалось более 1 060 детей [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 128. Л. 149–155].

Вышеуказанные цифры иллюстрируют вывод о результативности работы местных Советов и партийных органов Нижнего Поволжья в области решения проблемы беспризорности и безнадзорности детей в регионе. Однако архивные источники указывают и на недостатки, имеющие место в указанной деятельности. В их числе ─ недостаточное трудоустройство детей-сирот на предприятиях местной промышленности, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия их жизни, неполный охват всеобучем и культурно-просветительными учреждениями, слабая работа по организации усыновления и патронирования детей-сирот в регионе [ГА РФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 41–43]. Например, в документах Кировского районного отдела народного образования г. Астрахани в 1944 г. указывалось на то, что работа по патронированию и усыновлению детей в сельских районных области развита слабо, плохо проводится работа по учету детей, подлежащих приему в специальные детские дома, отсутствует контроль за материально-бытовыми условиями патронируемых [ГА АО. Ф. 2741. Оп. 1. Д. 23. Л. 4].

Таким образом, условия жизни детей в Нижнем Поволжье зависели от эффективности государственной политики в области оказания им социальной помощи. В военный период в регионе местными советскими, партийными органами, профсоюзными и общественными организациями проводилась целенаправленная работа по профилактике детской беспризорности и безнадзорности. Ее основными направлениями стала разработка и проведение мероприятий в области поиска и устройства беспризорных детей, организации бытовых условий их жизни, обеспечения продуктами питания, одеждой, медицинским обслуживанием и летним оздоровительным отдыхом. Разнообразные формы социальной политики, проводимые в Нижнем Поволжье мероприятия помогли в военный период не допустить распространение в регионе детской беспризорности, организовать продовольственное обеспечение и медицинское обслуживание беспризорных, содействовали усыновлению, патронированию и трудоустройству детей.

Источники

Государственный архив Астраханской области (ГА АО).

Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО).

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Государственный архив Саратовской области (ГА СО).

Казенное учреждение Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Красноженова Е. Е. Решение проблем общеобразовательной школы в период Великой Отечественной войны (на примере Нижнего Поволжья) // Известия Волгоградского Государственного педагогического университета. 2012. № 9 (73). С. 26–29.

Панарина Е. В. Решение проблем детской беспризорности и безнадзорности на Дону и Кубани в условиях Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) // Вестник развития науки и образования. 2009. № 4. С. 29–34.

Синицын А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 43–51.

Собрание Постановлений (СП) СССР. 1942. № 75.

Собрание Постановлений (СП) СССР. 1944. № 827.

УДК 325.3
ББК 66.4(0)

КРИЗИС И УГАСАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1902–1922 гг.)

М. И. Гарри

В последние десятилетия существенно возрос интерес к геополитике как научной дисциплине, изучающей основы, возможности, механизмы и формы контроля пространства со стороны политических институтов, в первую очередь государств и союзов государств.

В свете образующегося в наши дни многополярного мира ученые, теоретики геополитики и общественно-политические деятели различных стран повсеместно заняты разработкой новейших концепций и методов развития государств в новых условиях. Однако зачастую эти ученые ошибочно считают, что многополярный мир — это нечто совершенно новое, и, занятые разработкой новых подходов, они забывают зачастую обращаться к опыту предыдущих эпох. В этой связи важным представляется изучение колониальной эпохи, когда мир так же, как и сейчас, находился в состоянии многополярности. Исследование геополитики в истории является ключом к правильному пониманию современных международных процессов, способствует выработке политической элитой эффективной *геостратегии*[1] на фоне современного динамичного международного процесса. В этой связи геополитика Франции на Дальнем Востоке являет собой яркий пример, позволяя рассмотреть геополитику конкретного государства не в теории, а на практике.

В данной статье автор рассматривает проблему дальневосточной политики Франции с позиций геополитики, т. е. уделяет основное внимание пространственным и стратегическим аспектам. В своей работе мы руководствуемся характерным для геополитики системным подходом, рассматривая события в Азии в строгой взаимосвязи с глобальными тенденциями и конкретными геополитическими изменениями в других частях планеты.

В отличие от традиционной историографии, уделяющей большее внимание описательным моментам, автор данной статьи считает главными «объяснительные» моменты, аргументируя выводы с позиций геополитической науки, другими словами, говоря о каких-либо действиях французов, имевших или не имевших геополитический характер, автор стремится найти причины, цели предпринимавшихся тех или иных инициатив и описать значение этих действий в длительной перспективе. Описательная же составляющая представлена в самом лаконичном виде, достаточном для понимания читателем общей канвы событий. Словом, нашей задачей является ответить на вопросы «когда фактически?» и «почему?» Французский Индокитай исчез с политической арены XX в. Иллюстрации приведены в конце статьи. Разъяснения специфических терминов геополитики даны в сносках.

В начале XX в. происходят значительные изменения в *соотношении сил*[2] великих держав на Дальнем Востоке и в акватории Тихого океана. Активная геополитика держав-конкурентов (Англии и Японии), а также «новых» центров силы (США) создает опасность для дальневосточных позиций Франции. В это же время в геополитических подходах Франции к дальневосточному вопросу наблюдаются неопределенность, изменчивость и порой даже ошибочность действий. Такое положение дел было прежде всего связано с нестабильной общественно-политической обстановкой во французской метрополии (множество противоречий, постоянная смена правительств и т. д.), а также неустойчивой общественно-политической и геополитической ситуацией внутри и вокруг границ Французского Индокитая (экспансионистские настроения Японии, англо-японский союз, русско-японская война). В

[1] Геостратегия — направление внешнеполитической деятельности государства, основанное на геополитике.

[2] Соотношение сил — любое соотношение сил, равновесное или неравновесное, субъектов геополитики. Соответствует английскому “balance of forces”.

таких условиях суть дальневосточного вопроса для Франции в начале XX в. сводилась к обеспечению надежной безопасности Индокитайского Союза, главного колониального владения метрополии в тихоокеанском регионе.

Возможные и реальные подходы французов к дальневосточному вопросу целесообразно разделить на два типа:

а) геополитические — реально изменявшие соотношение сил держав в регионе на длительную перспективу и опиравшиеся на конкретную силу;

б) «негеополитические», или «договорные», — подразумевавшие выгоду на ближайшую перспективу и опиравшиеся на взаимообязывающий обе стороны договор.

Концепция «Континентального блока» Р. Кастекса. История свидетельствует, что Франция не применяла геополитических подходов к обеспечению безопасности колонии. Однако анализ источников по проблеме говорит о том, что в теории некоторые геополитические подходы все же были разработаны. Для примера рассмотрим план, предложенный французским теоретиком геополитики и стратегом Р. Кастексом в его работе «Японская опасность в Индокитае. Рассуждения политического и военного характера» («Le péril japonais en Indo-Chine. Réflexions politiques et militaires»).

Принимая во внимание значительное превосходство англо-японских военно-морских сил в районе Тихого океана над французскими, Р. Кастекс прекрасно осознавал, что в случае войны на море Франция может рассчитывать только на негативный исход. В таких условиях он предлагал совершенно обоснованное средство решения проблемы безопасности Индокитая — превращение индокитайской колонии Франции в «континентальный блок». Под этим термином Р. Кастекс подразумевал значительное усиление позиций Индокитая путем создания вокруг его территории мощной системы укреплений, которые должны были обеспечить безопасность колонии даже в случае войны французской метрополии в другой части света.

В качестве основных направлений возможных ударов с вражеской стороны Р. Кастекс выделял районы Сайгона, Турана (Дананга), а также всю территорию Тонкина. С одной стороны, выбор этих территорий не представляется нам новым, поскольку именно эти направления были основными в период французского завоевания Вьетнама. С другой стороны, эти территории традиционно являются наиболее важными со стратегической точки зрения: Сайгон — ввиду его положения как центра житницы страны Кохинхины, Дананг — ввиду его стратегического положения между Югом и Севером страны, Тонкин как ресурсный центр. Укрепление именно этих позиций должно было создать континентальный блок.

Если методы укрепления южных и центральных районов Индокитая были вполне понятны для французов, то безопасность Тонкина — Северной части Французского Индокитая, вызывала у Р. Кастекса наибольшее беспокойство ввиду ресурсного благополучия этой части колонии: «Тонкинская дельта и примыкающий к ней район являются также центром горнодобывающей промышленности Индокитая, которая почти целиком сосредоточена на небольшой территории… Мощные месторождения угля расположены дугообразно к северу от Тонкинской дельты, обрываясь у моря... Из этого месторождения добывается антрацит высокого качества» [Штейн 1941: 5]. По оценкам В. Штейна, к 40-м гг. XX в. запасы угля тонкинских месторождений определялись в 20 млрд т, а из 80 % добычи, поставлявшейся на экспорт, на Японию приходилось около половины этого количества. Логично, что в начале XX в. запасы угольных месторождений Тонкина были еще больше и, соответственно, не могли не вызывать пристального интереса Японии.

Безопасность Тонкина Р. Кастекс видел в создании укреплений в Тонкинском заливе, а именно в точке, где производился экспорт Тонкинского угля, — Хонгай: «Нам нужно создать опорную точку в Тонкинском заливе. Хонгай, в заливе Халонг, кажется вполне подходящим для этой перспективы по причине присутствия там угольных шахт, полностью используемых и способных снабжать военные корабли безграничными запасами» [Castex 1904: 27]. Однако создать систему укреплений в Хонгае представлялось проблематичным из-за того, что обрывистые известняковые островки совершенно не подходили для строительства на них оборонительных сооружений. В таких условиях Р. Кастекс предлагал оснастить все подходы к Хонгаю блокадными минами: «В этих сжатых желобах было бы желательно, чтобы важную роль играли мины…

для противника стало бы невозможным подойти к Хонгаю» [Castex 1904: 27].

«Континентальный блок» Р. Кастекса представлял собой довольно внятную геополитическую концепцию решения дальневосточного вопроса. Однако специалисты по истории и географии Вьетнама и Китая увидят, что в этой концепции за пределы «блока» выпадает арендованная у Китая в 1898 г. территория Гуанчжоувань. В этой связи заметим, что Р. Кастекс вообще негативно оценивал завоевание Гуанчжоуваня, поскольку не видел возможности его защиты в случае войны. С его точки зрения, эта территория «висела в воздухе» и своим расположением шла в противовес цели, которую он ставил — «построить континентальный блок, без обрывков за морями» [Castex 1904: 27].

Надо сказать, что план, предложенный Р. Кастексом, в основном остался без внимания национальной политической элиты, которая из-за общественно-политического кризиса в метрополии мало задумывалась о геополитике. Вместо этого Франция пошла по пути «негеополитических» подходов, заключив сепаратные договоры с вражескими сторонами — с Англией (1904 г.) и Японией (1907 г.).

Сепаратные соглашения 1904 и 1907 гг. и их значение. Договор по колониальным вопросам 1904 г. между Британской империей и Францией, в котором две державы разделили сферы влияния в Египте и Марокко, положил конец их многолетней вражде и, соответственно, уменьшил риск развязывания вооруженного конфликта на Дальнем Востоке после заключения англо-японского альянса (1902 г.). С другой же стороны, несмотря на явные геополитические последствия этого договора в Египте и Марокко, для подлинного положения вещей на Дальнем Востоке этот договор, помимо «дружественных отношений», не содержал ни практических решений, ни, тем более, реальных гарантий безопасности французской колонии.

Договор 10 июня 1907 г. с Японией, в отличие от англо-французского договора, имел прямое влияние на реальное положение вещей на Дальнем Востоке: согласно этому договору, каждая из стран гарантировала целостность колониальных владений обеих держав в Азии. Относительно значения этого договора в историографии существуют различные мнения. Так, например, известный специалист по истории Французского Индокитая Ю. П. Дементьев считает данный договор бесспорно выгодным для Франции: «Этот договор значительно усиливал позиции Франции в Индокитае. Благодаря ему Французский Индокитай мог сократить военные расходы, уменьшить контингент оккупационных войск, военно-морской флот» [Дементьев 1975: 200]. С нашей точки зрения, такая оценка верна лишь отчасти. Соглашаясь с Ю. П. Дементьевым в том, что этот договор позволял Франции временно сократить военные расходы на оборону Индокитая, мы, тем не менее, не согласны с тем, что этот договор значительно усиливал позиции Франции в Индокитае. Напротив, с нашей точки зрения, он прямым образом ослаблял позиции Франции в Индокитае, так как именно сокращение военного бюджета Индокитая, его незащищенность и неподготовленность к военным действиям приведут к тому, что в 40-х гг. XX в. японцы захватят Индокитай фактически без боя. Вместе с тем 34 года представляются вполне достаточными, чтобы надежно укрепить колонию.

Что же касается Японии, то для нее этот договор имел большое геополитическое значение, поскольку, с одной стороны, Япония получила от Франции признание Южной Маньчжурии, часть Монголии и китайской провинции Фуцзянь как японской сферы влияния, с другой стороны, в долгосрочной перспективе замедлила укрепление Французского Индокитая. Кроме того, признание Францией китайской провинции Фуцзянь как японской сферы влияния еще в большей мере усиливало позиции японцев в пограничных с Тонкином территориях.

Таким образом, значение сепаратных соглашений Франции с Англией и Японией неоднозначно. С одной стороны, в ближайшей перспективе они, бесспорно, имели для Франции определенное положительное значение, давая тактическую маневренность в международных отношениях и возможность сгладить противоречия с союзниками ввиду надвигающейся Первой мировой войны. С другой же стороны, в длительной перспективе эти соглашения не способствовали усилению позиций Франции на Дальнем Востоке, соответственно, их нельзя охарактеризовать как геополитические подходы по обеспечению безопасности Французского Индокитая.

Относительно значения договоров и соглашений в международных отношениях существуют различные мнения. Одни специалисты считают их важным аргументом в международной политике, другие, как, например, специалист по истории Вьетнама, профессор Санкт-Петербургского госуниверситета В. Н. Колотов, не считают их значение первостепенно важным, придавая большее значение факторам реальной силы. Являясь сторонником тех, кто не рассматривает договоры и соглашения определяющим фактором в международных отношениях, мы позволим себе утверждать, что выбранный французами на Дальнем Востоке путь сепаратных договоров отражал геополитический кризис Третьей Республики в начале XX в. Этот путь изначально являлся провальным, так как он не решал проблему безопасности Индокитая в целом, а лишь на время оттягивал конец существования Французского Индокитая, тенденция к чему неминуемо последует после Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.

Вашингтонская конференция 1921–1922 гг. и ее последствия для Франции на Дальнем Востоке. Как известно, победителями в Первой мировой войне стали державы Антанты, в числе которых была Франция. В связи с этим некоторые ученые считают, что сохранению и невключенности в войну французских территорий на Дальнем Востоке во многом способствовало заключение перед войной описанных выше сепаратных соглашений с Великобританией и Японией. Однако данные соглашения ничего не давали Франции, поскольку эти страны, от которых прежде всего и исходила опасность для французских позиций на Дальнем Востоке, также стали победителями в мировой войне. Кроме того, в ходе войны Японии удалось значительно расширить свое влияние на Дальнем Востоке, и, выдвинув Китаю знаменитое «21 требование», она фактически намеревалась превратить Китай в свою колонию. Что же касается Англии, то, оставаясь в военно-политическом альянсе с Японией, она продолжала представлять опасность для Франции. Таким образом, не будет ошибкой предположить, что, выиграв войну на Западе, на Дальнем Востоке Франция не выиграла ничего.

Однако Франция не являлась единственной из тихоокеанских держав, которые были недовольны расширением японского влияния на Дальнем Востоке. В начале XX в. на геополитическую арену в акватории Тихого океана активно вступили США. В связи с отсутствием покупательной способности Европы в первые годы после войны для Соединенных Штатов возник вполне закономерный вопрос: что делать с огромным количеством промышленной продукции, ранее поставляемой в Европу? В то же время вывоз данной продукции в дальневосточные страны «с их серебряной валютой, покупательная сила которой, благодаря поднятию цен на серебро, значительно увеличилась, должен был предоставить для Америки возможности выгод, превышавших довоенные выгоды» [Вашингтонская конференция… 1924: 7]. Совершенно логично, что Америка негативно воспринимала колониальные амбиции Японии на Дальнем Востоке. Непризнание Китаем «21 требования» и изменение политики США в отношении Японии стали основой для пересмотра положений Версальского договора (1919 г.) относительно ситуации в Тихом океане. Понимая бесперспективность нового вооруженного конфликта, США приходят к решению о созыве новой международной конференции, на которой они «были намерены дипломатическими мерами разорвать направленный против них англо-японский союз, побудить Англию и Японию к сокращению имеющихся и к запрещению новых морских вооружений на необходимый для Соединенных Штатов период и заставить Японию отказаться от всяческих вожделений в отношении Китая и русского Дальнего Востока» [Вашингтонская конференция… 1924: 9]

Примечательно, что, хотя Вашингтонская конференция была прежде всего направлена на обуздание японских амбиций, положения, принятые на этой конференции, самым негативным образом сказались на позициях Франции.

В соответствии с договором по ограничению морских вооружений, подписанному Соединенными Штатами, Британской империей, Францией, Италией и Японией, участвовавшие державы согласились ограничить свои вооружения на море. Все эти страны могли сохранить свои *литейные суда*[3] в полном объеме, однако отказывались от программ постройки новых литей-

[3] Автор использует термин «литейное судно», поскольку оно использовалось в оригинальном источнике: [Вашингтонская конференция ... 1924]. По значению соответствует металлическому военно-морскому судну.

ных судов. Кроме того, ни одна страна не могла приобретать или строить литейные суда водоизмещением выше 35 тонн, а также не могла передавать их в дар другой стороне.

Согласно статье IX первого трактата договора об ограничении вооружений, общий тоннаж литейных судов, могущий подлежать замене, не должен был превышать: для США и Великобритании 525 000 тонн, для Японии 315 000 тонн, для Франции и Италии 175 000 тонн [Вашингтонская конференция… 1924: 45]. Из этого следует, что при данной регламентации военно-морские силы Франции в Тихом океане должны были уступать всем другим державам и равняться силам Италии, что, по нашему мнению, было совершенно несправедливо по отношению к Франции, учитывая несоизмеримость итальянских и французских колоний на Дальнем Востоке. В то время как Италия обладала лишь *опорной точкой*[4] в Тяньцзине, Франция обладала *геополитическим пространством*[5] всего Индокитая. Таким образом, в вопросе ограничения морских вооружений интересам Франции был нанесен значительный урон.

Согласно статье XIX общего договора по ограничению вооружений, «status quo» в отношении укреплений и морских баз должен был быть сохранен на большинстве *эндемических* пространств участвующих держав (Гавайи для США, Гонконг для Великобритании и т. д.), а также в водах Тихого океана приблизительно вдоль 110 меридиана. Под «status quo» подразумевалось, что на данных территориях «не будут установлены новые укрепления и морские базы… не будут приниматься меры к увеличению существующих военно-морских возможностей… не будет сделано усиления береговой обороны» [Вашингтонская конференция… 1924: 18]. Именно вдоль 110 меридиана располагаются Парасельские острова и архипелаг Спратли, пространства которых Франция теоретически могла использовать как тихоокеанские форпосты для обеспечения безопасности своих индокитайских владений. Подписание соглашений Вашингтонской конференции в перспективе означало создание реальной угрозы Французскому Индокитаю в случае, если эти соглашения будут нарушены или приостановлены (они были нарушены после выхода Японии из Лиги Наций в 1933 г.). Таким образом, возможность геополитических подходов Франции к обеспечению безопасности ее колониальных владений еще более ограничивалась, что можно считать еще одним поражением для Франции на Дальнем Востоке.

Наряду с положениями договора об ограничении вооружений, всеми участниками конференции были подписаны положения о «принципе равных возможностей для торговли и промышленности всех наций на территории Китая», или, другими словами, принципе «открытых дверей», который давал равные коммерческие и миссионерские возможности для всех стран даже в зонах непосредственно французского влияния. Пагубные для Франции последствия этого соглашения отмечены исследователем того времени Ч. Лауром: «…у дверей Гуанчжоуваня в Каочжоу в орбите нашего влияния американские миссии заменили французские … американское барахло уже залило этот регион» [Laure 1928: 15]. Кроме того, были подписаны положения об «уважении суверенитета, независимости и территориальной и административной неприкосновенности Китая», ставившие вопрос о переуступке полученных ранее от Китая конвенций, включая арендованные территории (Гуанчжоувань для Франции).

В заключение отметим:

а) с начала XX в. Франция не предпринимала геополитических решений дальневосточного вопроса, напротив, она встает на путь «негеополитических» подходов, что проявилось в подписании Францией сепаратных договоров с Англией и Японией. Этот путь в длительной перспективе являлся проигрышным для Франции и полностью отражал кризис Третьей Республики начала XX в.;

б) решения, принятые на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., значительно ослабили позиции Франции на Дальнем Востоке: договор по ограничению морских вооружений заметно сократил количество боевых единиц Франции

[4] (Геополитическая) опорная точка — территория, находящаяся вне тотального поля, контролируемого каким-либо государством, коммуникации к которому, однако, контролируются другим государством.

[5] Геополитическое пространство — многомерное коммуникационное пространство. Определяется границами распространения военно-политической, экономической и технологической мощи государства.

на Тихом Океане, сделав ее одной из наиболее слабых участниц геополитического процесса; договор о «status quo» в Тихом океане сделал невозможным для Франции построение стратегических укреплений на островных архипелагах вблизи Индокитая; принципы «открытых дверей» и «уважения территориальной целостности» Китая оказали негативное влияние на коммерческие интересы Франции на Дальнем Востоке и чуть было не привели к потере Францией Гуанчжоуваня.

Таким образом, возможно сделать следующие выводы: несмотря на то, что окончательная потеря Францией Индокитая произойдет в середине XX в., именно Вашингтонская конференция 1921–1922 гг. фактически возвестила конец существования Франции как тихоокеанской державы. Решения конференции поставили «геополитический мат» Франции на Дальнем Востоке, и после 1922 г. она уже не имела ни сил, ни позиций, ни возможностей для удержания колонии в далекой перспективе. Именно поэтому Япония с такой легкостью захватила Индокитай во время Второй мировой войны.

Кризис французской геополитики в начале XX в. и последующее исчезновение Франции с политической карты Дальнего Востока наглядно демонстрирует, насколько плачевными и безвозвратными могут оказаться неправильные геополитические подходы и конформистское поведение политической элиты нации, указывает на необходимость проактивного действия в международных отношениях, длительного планирования внешней политики и последовательной реализации геополитики по стратегическим направлениям.

Рис. 1. **«Континентальный блок» Р. Кастекса**

Рис. 2. **Тихий океан после Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.**

Литература

Дементьев Ю. П. Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского Союза 1858–1907 гг. М.: Гл. ред. вост. лит., 1975. 226 с.

Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921–1922 гг. М.: Литиздат НКИД, 1924. 142 с.

Штейн В. Французский Индокитай в системе тихоокеанских противоречий // Известия всесоюзного географического общества. М.: Изд-е об-ва, 1941. С. 3–12.

Castex R. Le péril japonais en Indo-Chine. Réflexions politique set militaires. Paris: Charles-Javauzelle Editor, 1904. 36 p.

Laure C. Faut-il abandoner Kouang-Tchéou-Wan à la Chine? Hanoi: Jmpr. d`Extrême-Orient, 1928.

УДК 78
ББК 85.33 (2)

ИСТОКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ТЕАТРА В КАЛМЫКИИ

И. В. Батинова

Театральное искусство в Калмыкии зародилось после Октябрьской революции, хотя зачаточные элементы сценического искусства можно было встретить и раньше в различного рода народных зрелищах. Элементы театрального искусства изначально присущи калмыцкому народному творчеству, они проявлялись в обрядах, мистерии «Цам», играх, праздничных народных гуляниях. Анализируя национальные танцы, мы видим, что от исполнителей требуются не только пластичность, музыкальность, но и умение подражать, импровизировать. Однако народное художественное творчество, хотя и имело некоторые театральные черты, сложившейся поэтики драмы дать не могло. Сценическое представление как самостоятельная форма искусства не имело распространения.

В определенной мере театр заменял музыкальный и поэтический фольклор. К сожалению, нет достоверных данных о развитии поэтического творчества в древности. Одной из древнейших форм, если судить по произведениям современного фольклора монгольских народов, были мифы. На смену мифам и мифическим героям пришел эпос со своими героями. В более близкие нам времена сказители создавали былины, сказки, легенды [Михайлов 1973: 3].

Народные певцы-сказители с их неисчерпаемым запасом сказок и песен эпоса «Джангар» удовлетворяли извечную потребность человека в творчестве и сопереживании. Джангарчи были, пользуясь современной терминологией, представителями «театра одного актера» со всеми достоинствами и недостатками этого жанра и располагали чуткой и благодарной аудиторией [Сычев 1988: 81]. «Калмык способен верить чудесному и охотник до сказок. Иногда дня по три кряду слушает предания о подвигах сказочных героев, которых очень любит. Рассказчики водятся мастера своего дела и сопровождают, где следует, пеньем, музыкой, телодвижением, где нужно — подражанием голосу животных», — писал Н. В. Гоголь, метко подметив одну из особенностей исполнительского мастерства сказителей — наличие в нем театральных элементов [Гоголь 2009: 42]. Зрители ценили исполнителей эпоса и народных сказок не только за умение вести долгие и бесконечные рассказы, но и за манеру исполнения. Особой любовью народа пользовались такие джангарчи, как Ээлян Овла, Дава Шавалиев, Мукебюн Басангов и другие.

Элементы театрализации присутствуют и в массовых народных празднествах. Таковы, например, скачки, с установившейся традицией шествия, ритуала награждения победителей. Можно вспомнить народный «эстрадный номер» излюбленного «козлика» (*текин би*), который танцует под музыку, искусно повинуясь нескольким нитям, которыми управляет исполнитель [Сычев 1967: 166].

В большей степени элементы театрализации присутствовали в религиозных празднествах, которые устраивались в хурулах, воздействуя на зрителя театральными приемами. Отдельные обряды и ритуалы буддизма носят ярко театральный характер: они всегда рассчитаны на присутствие большого количества участников, совершаются не в храмах, а на открытом всем доступном пространстве, в них умело и искусно используется синтез света, красок, музыки. Могучая сила театра с его способностью в яркой и эмоциональной форме представлять сущность явлений неизменно привлекала буддийскую церковь и широко ею использовалась. Вместе с тем у монгольских народов мы в данный период не находим сформировавшегося театра. Например, в статье Б. Я. Владимирцова «Тибетские театральные представления» говорится о попытке привить в Тибете готовые формы индийского театра [см.: Балакаева 1985: 105].

Мистерия Цам носит ярко выраженный театральный характер: его исполнители облачаются в специальные одеяния, надевают

маски, представляя других существ, т. е. лицедействуют. И все же Цам не выделяется в отдельное театральное представление, а был возможен и допускаем только в составе богослужений, совершавшихся по разным поводам. Цам — это зрелище, предназначенное для всех, но, тем не менее, это священный обряд, мистерия, ставящий своей целью поучать зрителей, напоминая им о невечности всего сущего и о разных таинственных силах, то покровительствующих, то враждебных буддизму [Владимирцов 1923: 99].

А. М. Позднеев писал: «...что касается религиозных обрядов, то в этом отношении калмыки опять-таки не разнятся ни от монголов, ни от бурят. В хурулах их ведется решительно тот же порядок служб, читаются те же номы, исполняются те же обряды» [Позднеев 1887: 13]. Неудивительно, что для Бааза-бакши Цам был зрелищем привычным, не вызывавшим удивления.

Октябрьская революция дала новые возможности для развития культуры калмыцкого народа в годы Гражданской войны в Калмыкии. Русские передвижные театры, приезды которых были очень редки, наряду с другими культурно-просветительными учреждениями, вели агитационно-пропагандистскую деятельность, способствовали расширению политического кругозора и культурного уровня степняков.

Уже в первые годы Советской власти в среде калмыцкого народа намечается общественный подъем, приобретает размах самодеятельное искусство. Некоторые грамотные калмыки переводили рукописи одноактных пьес русских авторов на калмыцкий язык, создавали сатирические сценки на родном языке.

Красноармейцы, студенты, молодежь создавали острые социальные пьесы на родном языке. Поставленные на сценах аймачных клубов, они проникали в самые отдаленные хотоны, становясь широким достоянием масс. Так, в 1919 г. в селе Широкое красноармейцами Калмыцкого полка была разыграна одноактная сценка на родном языке «Дезертир» («Орhдул»), в которой в сатирическо-комедийном плане высмеивались невежество и трусость, порождающие дезертирство. Участниками этой постановки были С.-Г. Манджиев, Х. Кануков, У. Душан и другие [История 1980: 69–70].

В газетах, выходивших в 1920–1921 гг., можно встретить многочисленные объявления о самодеятельных спектаклях в клубах рабочей молодежи, в народных домах, красноармейских частях. Так, корреспондент газеты «Коммунист», выступивший под псевдонимом «Зоркий», в статье «Спектакли для калмыцкого народа» сообщал: «В воскресенье 17 августа в Калмыцком Базаре в помещении местного клуба кружком любителей под управлением артистки Орлицкой … была подготовлена пьеса «Вольная пташка» в трех действиях. Перед началом спектакля был исполнен „Интернационал“ и произнесены две речи, первая — о значении школьного образования, вторая — призыв к поддержке Советской власти, которая есть истинная заступница бедняков-калмыков. Спектакль закончился национальными танцами. Зал клуба был переполнен калмыками, пришедшими полюбоваться редким для них зрелищем. Следовало бы почаще устраивать спектакли-митинги на Калмыцком Базаре, которые могли бы очень многое сделать для сближения калмыцкого народа с коммунизмом и просвещением» [История калмыцкой литературы 1980: 67].

Агитационно-массовые зрелища — митинг, спектакль, концерт — были распространенной и действенной формой политического и культурного воспитания масс. Они охватывали и увлекали большое число слушателей и проводились в клубах, а зачастую на улицах и площадках. Например, в поселке Калмыцкий Базар было организовано комсомольское карнавальное шествие с факелами. Его возглавлял человек, несший звезду, за которым шла лошадь; к ее хвосту было привязано соломенное чучело, которое должно было олицетворять в глазах людей того времени религию терявшую свое значение; за лошадью двигались ряженые и колонна музыкантов. Во время шествия было устроено три летучих митинга, на котором рассказывалось о происхождении религии. Карнавальное шествие закончилось спектаклем в помещении клуба.

Ни одна кампания — «Международный юношеский день», «Кампания помощи Красному флоту», «Неделя помощи голодающему населению Поволжья», «Неделя отпора мировым империалистам», «День культуры» и т. п. — не обходилась без театрализованных зрелищ и выступлений на импровизированных площадках самодеятельных артистов. Пропаганда Советской власти при помощи мероприятий искусства

имела большое значение и была наиболее эффективна среди, в подавляющем большинстве, малограмотного населения. В репертуар самодеятельных артистов включались многочисленные импровизированные сценки, сюжетную канву которых разрабатывали сами актеры.

В улусных центрах и в отдельных аймаках открывались народные дома, где проводилась политико-просветительная и культурно-массовая работа. В 1921 г. в Калмыцкой автономной области было 17 народных домов, 19 библиотек, 6 изб-читален, в которых проводились лекции, доклады о международном и внутреннем положении Советского государства, массовые вечера вопросов и ответов, ставились спектакли и концерты. В этой работе самое активное участие принимали учителя, комсомольцы и партийно-советский актив. К середине 1920-х гг. в Калмыкии сформировалась сеть культурно-просветительных учреждений: красные кибитки, избы-читальни, клубы, народные дома. Задачи зарождавшегося искусства определялись так:

а) наглядно показать темную сторону «неприглядного прошлого»;

б) в ярких красках нарисовать картину «светлого будущего» коммунистического общества;

в) создать публику, понимающую искусство, которая предъявляла бы к нему повышенные требования.

В 1920–1924 гг. начали функционировать драматические кружки в рабочих поселках и районных центрах Долбань, Калмыцкий Базар, Шамбай, Малые Дербеты, Яшкуль, Башанта.

Постановка спектаклей осуществлялась в среде студенческой молодежи г. Астрахани. Значительный интерес представляла история самодеятельного драматического кружка совпартшколы и педтехникума. Первое время он помещался в здании клуба «Прожектор», где часто проходили литературные вечера, диспуты, конференции. В 1922 г. был организован Центральный клуб, где за период 1925–1926 гг. «шесть раз была поставлена живгазета „Красный калмык“, состоялось 4 спектакля» [Пять лет 1923: 222]. Студенты-актеры сами сочиняли сатирические сценки, в которых разоблачали нойонов и зайсангов, кулаков и подкулачников, использовали инсценировки политических статей. Руководили драмкружком преподаватели педагогического техникума.

В 1926 г. при Калмыцком педагогическом техникуме была организована драматическая студия. Ее выпускники были истинными энтузиастами своего дела — Лиджи Эрдниев, Борис Болдырев, Боота Бельвеев, Бадма Мяркиев, Шикря Манджиева, Дора Басангова и другие. Они и составили ядро передвижного театра, выступавшего перед степняками. Ставились пьесы на русском и калмыцком языках: М. Горького — «На дне», Н. Гоголя — «Ревизор», Н. Островского — «Бедность не порок». Спектакли имели большой успех; в летние каникулы кружковцы выезжали в улусы Калмыкии, где показывали их односельчанам. В учебную программу входило знакомство с драматургией и уроки по танцу. Силами этой студии в 1927 г. были поставлены первые пьесы калмыцких литераторов.

В 1927 г. в Астрахани была открыта двухгодичная калмыцкая драматическая школа для подготовки национальных кадров. Этой школой был организован национальный передвижной театр, в репертуаре которого были одноактные пьесы русских авторов (перевод осуществлял молодой писатель Б. Басангов) и танцы (русские, калмыцкие, испанские). Студенты сами переводили пьесы на калмыцкий язык и на основе калмыцкого фольклора сочиняли сатирические сценки. Они приезжали в улусы, хотоны, собирали жителей и делали доклады о культурной революции, ликвидации неграмотности, необходимости соблюдения чистоты и гигиены. После доклада показывали пьесы. Кроме того, артисты проводили работу по организации кружков художественной самодеятельности в местах гастролей.

В том же году в Элисте состоялась первая Всекалмыцкая олимпиада художественной самодеятельности, в которой приняли участие более 3 тыс. человек. Существовал также драмкружок на Калмыцком Базаре, которым руководили Манджи Бакаев и Дорджи Улюмджиев. Кружковцы сами сочиняли пьесы и сами ставили спектакли на сцене [Эрдниев 1970: 63].

1920-е гг. явились для национальной драматургии периодом рождения и настойчивых поисков путей и форм ее развития. Фрагментарность и наивное содержание первых пьес и самодеятельных постановок не позволяет говорить об их художественной ценности, но, тем не менее, они явились заметным шагом на пути к созданию профессиональной драматургии и театру.

Тогда же был создан первый калмыцкий массовый музыкальный спектакль «Улан Сар». В нем приняли участие более трехсот студентов драмшколы, педтехникума, Саратовского комвуза и университета, а также группа школьников. Автором и организатором постановки «Улан Сар» был Г. И. Бройдо, секретарь Нижневолжского крайкома партии по пропаганде. Поставленный впервые на сцене Саратовского театра им. К. Маркса, спектакль был показан затем в Астрахани, а потом и в улусах Калмыкии.

В яркой театрализованной форме этот массовый спектакль показывал победную борьбу за коллективизацию вчерашних кочевников, ликвидацию кулачества, призывал вести решительную борьбу за новую социалистическую культуру и новые отношения в быту. Его первый показ в Калмыкии состоялся 6 мая на празднестве открытия культпохода. В калмыцко-базаринской степи на берегу Тинакского озера собралось около 4 тысяч человек. После митинга состоялась премьера «Улан Сар». В действие были включены скачки, борьба, пляска, хоровые песни — все это под открытым небом, на огромном участке в 1,5 км.

Постановку спектакля «Улан Сар» осуществляла режиссерская группа Саратовского драматического театра и литературная молодежь Калмыкии: С. Каляев, Д. Педеров, Н. Манджиев, А. Дашковский, братья Белоярцевы. Композиторами А. Абрамским, Б. Сальмонтом, М. Тритузом, Н. Тулупниковым, Б. Эрдниевым была написана музыка. Хореографическая часть готовилась под руководством Е. Марголис [Калмыцкий театр 1972: 9]. В 1932 г. спектакль «Улан Сар» был показан в Москве, во дворцах культуры, на заводах и фабриках.

В обстоятельной рецензии профессора А. М. Смирнова-Кутачевского на спектакль отмечалось: «…не имея привычных мерок старой теории словесности, мы должны данное произведение оценить, как опыт нового творчества» [Ленинский путь 1935: 74]. Массовое представление «Улан Сар» еще не было профессиональным. Оно явилось как бы промежуточным звеном между любительским и профессиональным искусством.

Успех этого спектакля предопределил постановку вопроса об организации Калмыцкого техникума искусств. В решении Нижне-Волжского крайкома партии говорилось: «Принимая во внимание огромное значение организовавшегося Калмыцкого национального театра в деле развития национальной по форме, социалистической по содержанию культуры и вполне удовлетворительные результаты первой постановки «Улан Сар», секретариат постановляет: организовать Калмыцкий техникум искусств…» [Научный архив КИГИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 63. Л. 3]. В отсутствии профессионального театра основное внимание культпром уделял творчеству лучших самодеятельных и полупрофессиональных трупп как основе будущего театра.

В 1930 г. по решению Калмыцкого облисполкома и обкома партии организуется Калмыцкий техникум искусств с тремя отделениями: музыкальное, драматическое, хореографическое с 75 студентами. «В 1931 г. по инициативе Нижне-Волжского крайкома и Калмыцкой парторганизации был организован культштурм, для чего в калмыцкие улусы направились 5 тысяч студентов различных учебных заведений» [Эрдниев 1970: 64].

В техникум искусств стала поступать одаренная молодежь. Первым директором техникума искусств был выпускник Астраханской драматической школы Лиджи Эрдниев, позднее — Санджи Каляев. В стенах техникума искусств начинали свой творческий путь заслуженные артисты РСФСР Н. Ц. Эренджен ов, Б. Б. Бальбакова, заслуженные артисты Калмыцкой АССР У. Б. Лиджиева, К. С. Джапова, Б. Б. Мемеев и др.

Создание Калмыцкого техникума искусств явилось важным событием в культурной жизни калмыцкого народа. В ноябре 1936 г. состоялось открытие Калмыцкого драматического театра, который начал свою работу постановкой пьесы Хасыра Сян-Белгина «Өнчн бөк» («Борец-сирота»).

Источники

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее — КИГИ РАН).

Литература

Балакаева Д. А. К вопросу о Цаме как театральном представлении // Проблемы современ-

ных этнических процессов в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1985. С. 98–107.

Владимирцов Б. Я. Тибетские театральные представления // Восток. 1923. № 3. С. 98–107.

Гоголь Н. В. Калмыки // И друг степей калмык. Калмыцкая тема в художественной литературе: литературный дайджест. Элиста, 2009. С. 30–43

История калмыцкой литературы: в 2 т. Т. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980.

Калмыцкий театр (1927–1967). Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. 377 с.

Михайлов Г. И. Основные этапы развития калмыцкой литературы дооктябрьского периода // Ученые записки. Вып. XI. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 3–17.

Номинханов Д. Ц.-Д. Очерки истории культуры калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 138 с.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 492 с.

Сычев Д. В. К истории калмыцкого театра // Ученые записки. Вып. V. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967 г. С. 165.

Сычев Д. В. Незабытое живое // Теегин герл. 1988. № 7. С. 81–86.

Эрдниев Б.-Х. Э. Становление и развитие калмыцкого национального театра // Элиста 100 лет. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 62–75.

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)635

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БУДДИСТОВ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ*

Э. П. Бакаева

Проблема централизации управления религиозными организациями буддистов России остается одной из актуальных. В научной литературе она мало исследована. Исключение составляет коллективная работа «История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985−1999 гг.» [История буддизма 2010], в которой затрагивались отдельные аспекты данной проблемематики. В настоящей статье освещаются и анализируются отдельные положения, призванные обосновать особый статус единой централизованной организации буддистов страны.

Организация, именуемая Центральным духовным управлением буддистов, должна быть централизованным органом управления работой буддийских институтов. Однако в настоящее время в Российской Федерации существует несколько религиозных организаций со сходным названием:

1) Центральное духовное управление буддистов Российской Федерации (далее — ЦДУБ РФ) — централизованная организация, созданная после распада Советского Союза и являвшаяся преемником Центрального духовного управления буддистов СССР (далее — ЦДУБ СССР). В 1997 г. на съезде буддистов России было принято решение о реорганизации ЦДУБ РФ в религиозное объединение «Буддийская традиционная Сангха России» (далее — БТСР). В 1999 г. утвержден новый устав БТСР [Устав БТСР] и подтверждено правопреемство Сангхи России от ЦДУБ РФ. В состав БТСР входят религиозные общины Бурятии, Тывы, других регионов России, в том числе одна религиозная организация Калмыкии. Председателем БТСР является Пандито Хамбо-лама[1] Д. Аюшеев, занявший пост председателя ЦДУБ РФ в 1996 г.; под его руководством ЦДУБ РФ было реорганизовано в БТСР.

2) Центральное духовное управление буддистов (далее — ЦДУБ) — централизованная религиозная организация, включающая на добровольной основе буддийские религиозные объединения, действующие на территории Российской Федерации. Согласно Уставу ЦДУБ, оно является координирующим и консолидирующим органом религиозных объединений (организаций, групп), в своей деятельности руководствующихся традициями разных школ и направлений, следующих основным принципам буддийского учения [Устав ЦДУБ]. ЦДУБ зарегистрировано в 2004 г., в его состав вошли религиозные организации Москвы, Бурятии, Калмыкии. Председателем Совета ЦДУБ, избираемого высшим органом — Собранием Духовного управления буддистов, в момент его регистрации являлся А. Н. Будаев[2], занимавший пост Пандито Хамбо-ламы ЦДУБ РФ с 1995 по 1996 гг.[3].

3) Духовное управление буддистов (далее — ДУБ) — также централизованная религиозная организация, включающая буддийские религиозные объединения, действующие на территории Российской Федерации. Среди них несколько дацанов в Республике Бурятия, религиозные общины бурятских мирян-буддистов, Самарский буддийский центр международной школы дзен-буддизма «Кван ум» (корейской традиции сон), московская буддийская община тибетской традиции Гелуг, Санкт-

[1] Согласно Уставу БТСР, глава данной религиозной организации именуется Пандито Хамбо Лама. В настоящей работе мы используем форму написания «Пандито Хамбо-лама», характерную для ряда работ по буддизму Бурятии (см., например: [История буддизма 2010; Ламаизм в Бурятии 1987]).

[2] А. Н. Будаев известен под своим религиозным именем Чой-Доржи Будаев.

[3] Председатель ЦДУБ избирается из числа представителей других входящих в него организаций. В разные годы председателями ЦДУБ являлись также А. Н. Доржинов (Агван Ешей, в то время настоятель Троицкого хурула Калмыкии), Р. Н. Гордеев (Падма Шераб — настоятель Ики-Бурульского хурула Калмыкии).

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №12-21-03003.

Петербургский буддийский Шри Сингха центр (направление дзогчен-буддизма), Санкт-Петербургская буддийская община «Дацан Гунзечойней». ДУБ создана по инициативе Н. И. Илюхинова, который возглавил организацию, он же являлся председателем входящей в ДУБ религиозной общины «Дхарма»[4].

Кроме того, Центральным духовным управлением буддистов именуется также исполнительный орган управления БТСР. Членами Центрального духовного управления БТСР являются Пандито Хамбо-лама, Дид Хамбо-ламы (заместители Пандито Хамбо-ламы), Ширээтэ ламы (настоятели) Агинского и Иволгинского дацанов. Председатель Центрального духовного управления БТСР избирается из числа Дид Хамболам [Устав БТСР: 336].

Наличие такого количества «ЦДУБ» и «ДУБ» весьма осложняет картину современного состояния централизации управления делами буддистов России по двум причинам: сходство названий и состав претендующих на объединяющую роль организаций. Сходство в наименованиях отражает стремление представителей каждой из перечисленных организаций обладать статусом преемника ЦДУБ СССР — так называлась организация, выполнявшая объединяющую и координирующую функции среди буддистов в Советском Союзе. Состав ЦДУБ и ДУБ за последние годы не раз менялся, что отражает неустойчивость внутренней структуры и статуса. При этом территориальный охват каждой из «централизованных» организаций различен.

Особые отношения сложились с перечисленными организациями у буддистов Калмыкии, поэтому представляет существенный интерес вопрос о принадлежности к ним буддийских общин Калмыкии. Буддийская традиционная Сангха России (правопреемница ЦДУБ РФ) зачастую рассматривается как ведущая организация буддистов страны. Но из 34 буддийских организаций Калмыкии, зарегистрированных в Управлении Министерства юстиции РФ по Республике Калмыкия, лишь одна входит в БТСР. ЦДУБ, созданное после появления БТСР, объединяет меньшее, чем БТСР, число бурятских общин, при этом его членами числятся пять буддийских организаций Калмыкии. Еще одна калмыцкая община представляет собой составляющую централизованной религиозной организации «Российская ассоциация буддистов Школы Карма Кагью». Все остальные буддийские организации Калмыкии входят в созданное в 1991 г. Объединение буддистов Калмыкии (далее — ОБК), централизованную религиозную организацию [Устав ОБК].

Статус буддийских общин Калмыкии обусловлен особенностями истории этой мировой религии в регионе. Калмыки, добровольно вошедшие в состав Российского государства, сформировались как этнос в период миграции в Поволжье и укрепления новой конфессии. Буддизм был признан государственной религией на съезде ойратских и монгольских князей и духовенства в 1640 г. [Их цааз 1981]. Одной из специфических особенностей региональной формы буддизма Калмыкии являлись прямые связи с Тибетом и самостоятельная конфессиональная политика [Бакаева 1994: 44−46, 117]. «Далай-лама почитался у калмыков как верховный глава буддийской сангхи (общины). Он наделял калмыцких правителей ханским титулом…» [Дорджиева 2009: 228; Дорджиева 2012: 50]. Со времени распространения буддизма среди ойратов (калмыков) в качестве иерарха, регулировавшего как религиозные, так и политические вопросы среди ойратских народов, ими почитался Зая-пандита Намкай Джамцо (1599−1662) [Норбо 1999; Ратнабадра 2003; Тепкеев 2011]. «Источники АВПРИ, НА РК сохранили имена многих буддийских священнослужителей, игравших активную роль в ханстве в конце XVII — начале XVIII вв.: Анджатан-лама, Дэду-Ламатан, Ламахайтан, Санджи Аракба, багши Шарып, зурхачи Арынкг-Джалтын, Ачиту-цорджи» [Курапов 2007: 108]. Согласно устным источникам (легендам о преемственности учителей), за-

[4] Создание Н. И. Илюхиновым организации «Духовное управление буддистов» было связано с противостоянием двух буддийских лидеров. Как отмечается в литературе, действия Д. Аюшеева по реорганизации ЦДУБ России, изменению кадровой политики привели к созыву в период отъезда Хамбо-ламы внеочередного совета сангхи, постановившего сместить Д. Аюшеева с должности и избрать на данную должность Н. И. Илюхинова. Д. Аюшеев же по возвращении собрал новый внеочередной совет, признавший постановления предыдущего внеочередного совета нелегитимными по формальным признакам. После этого Н. И. Илюхинов со сторонниками зарегистрировал собственную общероссийскую организацию, названную «Духовным управлением буддистов» [Манзанов 2005] .

фиксированным А. М. Позднеевым, при хане Аюке одним из верховных лам являлся Анджатан-лама, сподвижниками которого были Деду Ламатан[5] и Ламахайтан [Позднеев 1919: 19]. Ачиту-цорджи — ученик Зая-пандиты, который после смерти учителя при покровительстве Аюки-хана вместе с послушниками, набранными в ойратских улусах, прибыл в Калмыцкое ханство и возродил здесь Ойратский Большой монастырь[6] [Норбо 1999: 239]. Известно, что в 1718 г. в качестве верховного ламы в Калмыцкое ханство Далай-ламой был направлен Шакур-лама, обучавшийся в течение многих лет в Тибете и сменивший на этом посту Бюкюнчин-ламу [Позднеев 1911−1912: л. 22−23, 37; Бакаева 2001: 313], который в источниках упоминается и как Буканг-лама [Курапов 2007: 109−110].

После ликвидации Калмыцкого ханства (1771 г.) и установления новой системы управления был введен титул Ламы калмыцкого народа. В период восстановления наместничества российским правительством Ламой калмыцкого народа (*шаджин-ламой*) был утвержден Сойбинг-лама (1800−1806), после смерти которого практика назначения была прекращена до введения «Положения об управлении калмыцким народом» 1834 г. и утверждения нового Ламы в 1836 г. Лама калмыцкого народа являлся верховным ламой верующих буддистов Калмыцкой степи Астраханской губернии и Большедербетовского улуса Ставропольской губернии [Бакаева 1994: 37−40; Дорджиева 2012: 67−68; Дорджиева 2009; Борманджинов 1997; Bormanshinov 1991]. Калмыков-буддистов, проживавших в Области Войска Донского, возглавлял Багши-лама донских калмыков, не находившийся в прямом подчинении шаджин-ламы[7] [Бакаева 1994: 39]. Хурулы терских калмыков подчинялись духовенству Яндыковского улуса Калмыцкой степи (а через него — Ламе калмыцкого народа); малочисленные духовные лица уральских и оренбургских калмыков были независимыми [Бакаева 1994: 39].

Историю буддизма в Бурятии принято начинать с 1741 г., когда в Забайкалье было официально зарегистрировано 150 лам и 11 «ламских капищ» [Ламаизм в Бурятии 1983: 17−18]. В начале XVIII в. «…ламы и верующие Забайкалья, особенно селенгинские, в вероисповедных делах не отделяли себя от монгольского центра» [История буддизма 2010: 33]. Политика царского правительства в Бурятии отличалась в Предбайкалье и Забайкалье. Как отмечала К. М. Герасимова, в Предбайкалье отношение к буддистам было более жесткое; а в Забайкалье правительство было вынуждено проводить гибкую политику: «Забайкалье было ключевым районом в коммуникациях с Дальним Востоком; через Кяхту шли основные по объему торговые операции России с Китаем; транспортное обеспечение русской торговли в Монголии и юго-восточных районах Китая в значительной мере контролировалось ведомством Ургинского хутухты и администрацией других монгольских монастырей… » [Ламаизм в Бурятии 1987: 27]. Правительство способствовало утверждению буддизма в качестве государственной религии, фактически выполняя законодательную функцию [Ламаизм в Бурятии 1987: 19] и способствуя формированию органов управления буддистами Бурятии. «…объединение дацанов Забайкалья в единую систему заложило основу церковной организации буддизма среди бурят <…>. В 1764 г. главный лама Цонгольского дацана Д.-Д. Заяев был утвержден царской администрацией в звании Пандито Хамбо-ламы всех буддистов, обитающих на южной стороне Байкала» [История буддизма 2010: 34]. Но это назначение являлось формальным, наблюдалось соперничество лам из трех буддийских центров, представлявших хоринских и селенгинских бурят, в связи с чем в 30-х гг. XIX в. даже предлагалось поочередно избирать Хамбо-ламу из числа настоятелей Гусиноозерского и Цонгольского дацанов [Ламаизм в Бурятии 1987: 28]. «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» 1853 г. способствовало централизации управления буддийской церковью в руках Хамбо-ламы, однако в 1890 г. была введена «Временная инструкция об

[5] О времени прибытия Ламы Анджатана в кочевьях калмыков можно судить по косвенному свидетельству: Деду Ламатан появился в России в 1670 г. [Позднеев 1919: 19].

[6] Хутугту-гэгэну-курэ — «Монастырь Его Святейшества Хутугты», т. е. Зая-пандиты. В 1771 г. монахи этого монастыря откочевали вместе с другими калмыками в направлении Джунгарии (Синьцзяна) [Норбо 1999: 239].

[7] И. Ф. Богданович, приводя сведения о том, что представители духовенства донских калмыков заключают браки, а оставшись вдовцами — даже повторно женятся, объяснял этот факт тем, что духовенство донских калмыков «совершенно независимо» от «Дурботских и Торгоутовых Лам» [Богданович 1834: 34].

управлении делами ламайского духовенства в Иркутской губернии», по которой духовенство и дацаны западных (тункинских и аларских) бурят были изъяты из управления Хамбо-ламы [История буддизма 2010: 38−39].

В Тыве главный иерарх — даа-лама — осуществлял взаимосвязи между монгольским Богдо-гэгэном и простыми верующими. Но «Институт камбы-лам Тывы испытал воздействие как со стороны монгольских духовных институтов, так и со стороны бурятских» [История буддизма 2010: 146]. Среди алтайцев буддизм не был широко распространен: его влияние было связано с периодом пребывания народа в составе Джунгарского ханства, имевшего самостоятельные связи с Тибетом.

Таким образом, исторически на территории нашей страны сложилось несколько традиционных центров распространения буддизма, в каждом из которых лишь со временем сложились институты управления. Перечисленными факторами обусловлено и отсутствие до настоящего времени единого центра буддистов.

В каждом из буддийских регионов централизация управления религиозными институтами происходила в несколько этапов. В начале XX в. в России активную работу по осуществлению связей как с Тибетом, так и между бурятскими и калмыцкими буддистами начал проводить Агван Доржиев (1853(54)−1938) — буддийский учитель, посланник Далай-ламы XIII, Хамбо-лама. Объединение усилий буддистов России под его руководством происходило в нескольких направлениях: организация поездок (с разными целями) в Тибет, обмен литературой и предметами культа, строительство храмов, и прежде всего — Санкт-Петербургского дацана [Доржиев 2003]. А. Доржиевым проводилась политика обновленческого движения и особенно активно — после революции 1917 г. При его организационном содействии в Бурятии и Калмыкии были созданы в начале 1920-х гг. Центральные Духовные Советы буддистов (ЦДС) и приняты «Положение об управлении духовными делами верующих буддистов» и «Устав о внутренней жизни монашествующих». Единые правоустанавливающие документы должны были способствовать объединению буддистов страны, в централизованном управлении делами которых были заинтересованы и органы советской власти. Идея создания централизованного духовного управления обсуждалась впервые собравшимися вместе в январе 1927 г. в г. Москве на Первом соборе буддистов СССР представителями буддийских организаций Бурятии и Калмыкии. В нем приняли участие более пятидесяти делегатов — представителей бурят и калмыков. Вопрос о выборах делегатов решался на съездах духовенства в Бурятии и Калмыкии, причем под контролем со стороны органов ОГПУ [Дорджиева 2001: 49].

На Первом соборе буддистов СССР обсуждались доклады ЦДС Бурят-Монгольской АССР, Калмыцкой АО, донских калмыков, проекты «Устава о внутренней жизни буддийского духовенства СССР» и «Положения об управлении делами буддийского духовенства СССР», вопросы об отношении духовенства к налоговому обложению, о возрастном цензе для поступления в монахи и военной службе священнослужителей, а также наиболее значимый для централизации духовной жизни буддистов страны вопрос о создании Всесоюзного духовного управления. Проект создания Всесоюзного духовного управления не был поддержан делегатами Бурятии [НА РК Ф. Р-3. Оп. 2. Ед. хр. 812; Дорджиева 2001: 56], которым предложили создать представительство буддийского духовенства СССР с резиденцией в Ленинградском буддийском храме. Решением собора такое представительство было избрано в составе: председатель — А. Насанкиев[8] (от Калмыцкой АО), заместитель — Д. Дамбаев (от Бурят-Монгольской АССР) [Дорджиева 2001: 56]. Буддийский храм был построен в Санкт-Петербурге в начале XX в. с благословления Далай-ламы XIII и по прошению столичных жителей-буддистов, среди которых были калмыцкие князья Тундутовы и Тюмени [Андреев 1991: 55−56; Бакаева 2004]. Причины принятия половинчатого решения по указанному вопросу А. А. Терентьев справедливо видит в следующем: «20–29 января 1927 года состоялся Первый Всесоюзный собор буддистов СССР, который закрепил победу обновленцев почти по всем вопросам. Единственное, чего смогли добиться консерваторы, — это отказа от создания предполагавшегося Всесоюзного духовного управления буддистов СССР до ликвидации раскола среди ламства и замены его временным «Представительством»

[8] В документах НА РК встречаются два варианта написания фамилии и имени: Арагва/Аравга и Насанкиев/Насанкаев. По сведениям родственников, его звали Аравга (Арвг) Насанкаев.

буддийского духовенства в СССР в составе двух членов — «уполномоченного» Арагва Насанкиева и его заместителя Дагдан Дамбаева» [Терентьев].

Решением упомянутого собора высшим органом признавался Всесоюзный Духовный Собор, который должен был собираться один раз в три года после проведения духовных соборов в Калмыкии, Бурятии и у донских калмыков, по традиции сохранявших относительную самостоятельность. На основании правовых документов, принятых в Бурятии[9] в 1922 г. и в Калмыкии[10] в 1923 г., были приняты единые для буддистов «Положение об управлении духовными делами» и «Устав» [Дорджиева 2001: 58].

Таким образом, на Духовном соборе буддистов СССР продолжилось объединение верующих буддистов, начатое А. Доржиевым в масштабе страны в деле строительства Санкт-Петербургского дацана (идея которого была связана, на наш взгляд, не только с открытием храма в столице, но и с обеспечением достойного местопребывания в случае прибытия Далай-ламы XIII в Россию, о возможности чего известно было Хамбо-ламе и компетентным российским чиновникам[11] [Бакаева, Очирова 2010: 43]), которое способствовало бы установлению новых отношений между буддистами, неизбежно приведя и к централизации их управления[12].

Несмотря на решение представителей буддистов Калмыкии и Бурятии о высшем органе — Духовном Соборе, — централизация руководства буддистами страны не была полностью осуществлена, т. к. буддийское представительство по функциям не соответствовало Всесоюзному духовному управлению. Только в 1946 г. было создано ЦДУБ СССР как организационная структура централизованного управления жизнью буддистов на территории СССР. Решение о создании Временного ЦДУБ СССР было официально принято на Соборе буддийского духовенства в г. Улан-Удэ [История буддизма 2010: 55−56]. Центром его стал Иволгинский дацан в Бурятии: тогда же было дано разрешение на функционирование двух храмов — Иволгинского и Агинского на территориях проживания бурят-буддистов, которые были вновь открыты в 1944−1945 гг. [Abaeva et al 1998: 61] (уже с 1950-х гг. ЦДУБ СССР было переориентировано на международную деятельность [Митыпов 2006: 126]).

Однако в современных средствах массовой информации история ЦДУБ СССР зачастую начинается с 1922 г. Так, Википедия дает следующие сведения: «БТСР является правопреемником Центрального духовного управления буддистов, существовавшего в период СССР с 1946 года и с 1922 по 1930-е годы носившего название «Центральный Духовный Совет» [Буддийская традиционная…]. Об этом же сообщает статья о главе БТСР портала «Lobbying.ru»: «Буддийская традиционная Сангха России — главная религиозная организация буддистов РФ, правопреемница Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ), существовавшего в 1922–1996 гг. (в 1922–1945 гг. — ЦДУБ РСФСР, в 1946–1996 гг. — ЦДУБ СССР)» [Аюшеев]. Еще более интересные сведения содержатся на сайте Государственного музея истории ре-

[9] В 1921 г. в составе Дальневосточной республики (ДВР) была создана Бурят-Монгольская автономная область, включавшая Агинский, Баргузинский, Хоринский и Читинский аймаки и центр в Чите. 9 января 1922 г. была образована Бурят-Монгольская автономная область в составе РСФСР (Тункинский, Аларский, Эхирит-Булагатский, Боханский и Селенгинский аймаки; центр — Иркутск). После вывода иностранных интервентов с Дальнего Востока и самоликвидации ДВР (в ноябре 1922 г.) обе автономные области объединились и 30 мая 1923 г. была образована Бурят-Монгольская АССР (со столицей в г. Верхнеудинске) в составе РСФСР.

[10] Калмыцкая АО образована в 1920 г., в 1935 г. преобразована в Калмыцкую АССР.

[11] Об этом, например, говорилось в таком документе, как «Депеша генерального консула в Калькутте Б. К. Арсеньева в Министерство иностранных дел о трудном положении Далай-ламы в Британской Индии и его желании жить в России» [Россия и Тибет 2005: 155].

[12] В данный период представители российской власти активно обсуждали вопрос возможного переезда Далай-ламы в пределы России. Так, посланник в Пекине Лессар перечислял Ламздорфу все положительные стороны возможного поселения Далай-ламы в России: «Если бы была при этом уверенность, что Далай-лама будет признан духовным главою всеми монголами, а также буддистами Китая, Тибета и Индии, то образование в наших пределах общего центра могущественной религии было бы очень желательно, несмотря на сопряженные с этим очень значительные, особенно в первое время, затраты. Буддизм не воинствующая религия и опасности для нас не мог бы представить ни в коем случае» [Россия и Тибет: 2005: 60].

лигии: «Буддизм был официально разрешен для исповедания на территории Российской Империи Указом императрицы Елизаветы Петровны в 1741 г.[13]. В 1763 г. был введен пост Пандито Хамбо-ламы, резиденцией которого до 1938 г. являлся Тамчинский (Гусиноозерский) дацан (монастырь). В 1922 г. на XI Всероссийском съезде буддистов в Москве образовано Центральное духовное управление буддистов РСФСР (ЦДУБ), которое в 1946 г. было реорганизовано и вновь утверждено как ЦДУБ СССР. С этого момента резиденцией Пандито Хамбо-ламы становится Иволгинский дацан <…>. Буддийская традиционная Сангха России признана в качестве одной из четырех традиционных религий РФ, широко развивает международные связи» [Буддийская традиционная … (II)]. Как видно, информация, изложенная в цитируемом справочнике, призвана подтвердить тезис о единстве буддистов России в сангхе, организационно оформленной как БТСР. Источник данной информации можно обнаружить на сайтах буддийских организаций Бурятии. Так, процитированный выше текст находим на сайте Агинского дацана[14] [Агинский дацан].

Но действительно ли централизованная организация была создана в 1922 г. на XI Всероссийском съезде буддистов и входили ли в нее общины из Калмыцкой АО? В коллективной монографии «История буддизма в СССР и Российской Федерации» (авторский коллектив которой включает известных ученых из Калмыкии, Бурятии, Тывы, а также Республики Алтай) в разделе «Краткий очерк истории буддизма на территории России (до 1985 г.)» ни слова не говорится ни об XI Всероссийском съезде буддистов, якобы состоявшемся в 1922 г., ни о каких-либо предшествовавших ему съездах буддистов [История буддизма 2010: 17–67]. Подобный факт не упоминается и в других работах по истории буддизма в Бурятии и Калмыкии [Ламаизм в Бурятии 1983; Abaeva et al 1998; Бакаева 1994; Дорджиева 2001; Дорджиева 2009; Дорджиева 2012]. Однако упоминание о «Первом съезде буддистов Советской России и Дальневосточной республики», состоявшемся в 1922 г., обнаружено в работе С. Филатова [Филатов], что не вполне соответствует действительности[15]. В 1922 г. состоялся съезд бурятских буддистов из Бурят-Монгольских автономных областей, одна из которых входила в состав Дальневосточной республики (ДВР), а вторая — в состав РСФСР [История буддизма 2010: 50]. Буддисты из других регионов Советской России в данном съезде не принимали участия.

Попытки начать историю ЦДУБ СССР с 1922 г., когда состоялся I съезд бурятских буддистов, связаны с наследием периода, когда буддизм в России официально ограничивался территорией Бурятии. К примеру, в брошюре «Буддизм в СССР», выпущенной в 1988 г. Агентством печати «Новости», сообщалось: «The Council of the Lamaist Clergy, held in 1922, declared its loyalty to Soviet power» (Совет ламаистского, т. е. буддийского, духовенства, созванный в 1922 г., декларировал свою лояльность Советской власти) [Buddhism in the USSR 1988: 4]. Таким образом, в официально издававшейся литературе предшественником ЦДУБ СССР (в англоязычных изданиях — Buddhist Religious Board) назывался Духовный Совет, созданный в 1922 г., — т. е. ЦДС, учрежденный на первом съезде

[13] Историю буддизма у калмыков принято начинать со времени вхождения народа в состав Российского государства, так как согласно своду законов, принятых на состоявшемся в 1640 г. съезде ойратских и монгольских князей и духовенства, буддизм получил статус официальной религии среди монголов, ойратов, калмыков [Их цааз 1981; Бакаева 1994; Дорджиева 2009; Дорджиева 2012 и др.]

[14] «В 1922 г. на XI Всероссийском съезде буддистов в Москве было образовано Центральное духовное управление буддистов РСФСР (ЦДУБ), которое в 1946 г. было реорганизовано и вновь утверждено как ЦДУБ СССР. С этого момента резиденцией Пандито Хамбо-ламы становится Иволгинский дацан.

На съезде буддистов России в 1997 г. было принято решение о переименовании ЦДУБ РФ в религиозное объединение «Буддийская традиционная Сангха России». В 1999 г. был утвержден новый устав Сангхи России и подтверждено правопреемство Сангхи России от ЦДУБ РФ. Ныне в Буддийскую традиционную Сангху России входят дацаны и общины этнической Бурятии, буддийские общины Тывы и Алтая, Иркутска, Омска, Читы, Санкт-Петербурга, Москвы и т. д.

Буддийская традиционная Сангха России признана в качестве одной из четырех традиционных религий РФ, широко развивает международные связи» [Агинский дацан].

[15] В другой работе этого же автора, посвященной религиозной ситуации в Бурятии [Филатов, Лункин 2005: 72] возобновление деятельности Иволгинского дацана и создание ЦДУБ СССР датируется 1948 г., что также не соответствует источникам.

бурятских буддистов. Так постепенно сложилось мнение, согласно которому Центральное духовное управление буддистов СССР (ЦДУБ), представляло собой верховный орган, осуществлявший руководство всей деятельностью советских буддистов и являвшийся преемником Центрального Духовного Совета (ЦДС) буддистов, созданного в 1922 г., прекратившего деятельность в 1930-х гг. в результате репрессий, а в 1946 г. возобновившего работу как ЦДУБ СССР. Даже после перестройки, хотя и в Калмыкии действовали религиозные буддийские организации, данное мнение оставалось превалирующим. Так, Б. Егоров, автор раздела в изданной в 1998 г. книге «Буддизм в Бурятии», писал: «Buddhists in Buryatia and Russia started to live a full religious life and a lot of different Buddhist communities and organizations exist now in the former USSR territory. Among these organizations the largest and most influential is the *Central Buddhist Board of Russia (the former CBB of the USSR) which claims to be a successor of the Central Spiritual Buddhist Council created in 1922 and destroyed by Communists in the 30es*. CBB was started in 1946 when it was allowed to rebuild two Buddhist temples in the Buryatia» (Буддисты в Бурятии и России начали жить полной религиозной жизнью, и в настоящее время на бывшей территории СССР действует ряд различных буддийских организаций и объединений. Среди этих организаций крупнейшей и наиболее влиятельной является *Центральное управление буддистов России (бывшее ЦДУБ СССР), которое считается преемником Центрального Духовного Буддийского Совета, созданного в 1922 г. и разрушенного коммунистами в 1930-х гг.* ЦДУБ был основан в 1946 г., когда было разрешено перестроить два буддийских храма в Бурятии») [Abaeva et al 1998: 62] (*курсив автора. — Э. Б.*).

В постсоветский период ареал расселения буддистов в России значительно расширился, что связано с официальным признанием традиционной религии в Калмыкии, Тыве и на Алтае, а также с появлением буддистов в других регионах страны. Идея отсчета истории централизованной организации буддистов со времени образования Советского Союза стала связываться и с обоснованием особого статуса иерархов буддийской церкви Бурятии в современном трансформирующемся конфессиональном сообществе буддистов России. Поэтому в выступлениях руководителей религиозных объединений, представляющих БТСР, возникновение ЦДУБ датируется 1922 г., причем тезис о возобновлении работы ЦДС под новым названием сменился тезисом о создании в 1922 г. ЦДУБ РСФСР. Таковы перипетии истории, хотя даже в 1927 г. представители Бурятии не поддерживали идею Всесоюзного управления буддистов.

На самом деле в 1922 г. на первом съезде бурятских буддистов был образован Центральный духовный совет (ЦДС), на который возложили функции исполнительного органа. Создание этого Центрального Духовного Совета впоследствии стало интерпретироваться как организация ЦДУБ РСФСР, «воссозданного» в 1946 г. в качестве ЦДУБ СССР. Но, согласно «Положению об управлении делами буддийского духовенства в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике»[16], этот ЦДС был создан как высший орган управления между созывами Духовных соборов делами буддийского духовенства, соответственно документу — Бурят-Монгольской АССР [История буддизма 2010: 317−319]. Преемственность двух организаций (ЦДС Б.-М. АССР и ЦДУБ СССР) состоит в общем поле деятельности — территории проживания бурят-буддистов. В то же время необходимо отметить, что ЦДС, созданный в 1922 г. на съезде Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР и ДВР, не выполнял функции единого централизованного органа буддистов России, а с образованием СССР — нового советского государства.

Так, летом 1923 г. в Калмыкии состоялся духовный съезд духовенства и мирян, на котором был установлен статус Центрального Духовного Совета (ЦДС) Калмыцкой АО. В документах съезд именовался первым, вероятно по примеру бурятского съезда: оба мероприятия проводились под непосредственным руководством Хамбо-ламы Агвана Доржиева — постоянного представителя Далай-ламы XIII Тубдан Джамцо в РСФСР. Но калмыцкий съезд буддистов являлся очередным, что, несомненно, учитывалось в дальнейшем при работе ЦДС. Поэтому в

[16] Данный документ принят в 1925 г. как единый документ для буддистов-бурят, проживавших до ликвидации ДВР на территории двух Бурят-Монгольских автономных областей. Публикацию документа см.: [История буддизма 2010: 317–323].

связи с проведенными необходимыми разъяснениями по данному вопросу следующий съезд 1925 г. именовался в документах пятым: впервые группа духовенства Калмыкии (30 человек) после революции 1917 г. собралась во главе с лидером калмыцкой буддийской церкви — Ламой калмыцкого народа Ч. Балдановым после проведения первого съезда представителей калмыцкого народа в марте 1917 г.; второй съезд состоялся в июле 1917 г.; третий съезд — в июле 1920 г. Таким образом, в 1923 г. состоялся четвертый съезд духовенства и верующих мирян Калмыцкой АО. В работе этого съезда участвовали 72 представителя от духовенства и 70 — от мирян, а также приглашенные лица из партийных и советских органов. На съезде были приняты «Положение об управлении духовными делами верующих буддистов Калмыцкой автономной области» и «Устав о внутренней жизни монашествующих в буддийских хурулах автономной Калмыцкой области». Данные документы были аналогичны документам, принятым буддистами Бурятии, что можно объяснить как активной работой А. Доржиева, так и влиянием советских органов, контролировавших проведение духовных съездов. Статус религиозных организаций в Бурятии и Калмыкии был независимым. ЦДС Бурят-Монгольской АССР и ЦДС Калмыцкой АО являлись, согласно «Положениям об управлении духовными делами верующих буддистов», в каждом из регионов главным исполнительным органом духовенства и верующих мирян. Центральный Духовный Совет и избранный на съезде 1923 г. Лама калмыцкого народа Г. Сеперов приняли решения о взятии на учет всего имущества духовных лиц, о выполнении норм быта, принятых Уставом внутренней жизни монашествующих. Всего в 1924 г. в Калмыцкой автономной области было 2 485 духовных лиц [Дорджиева 2001: 45].

Создание одноименных органов управления буддистами в двух регионах их проживания и принятие аналогичных уставных документов могли явиться первым шагом на пути образования единой централизованной организации буддистов страны. Но поставленная задача так и не была выполнена по ряду причин, в том числе из-за отсутствия исторического опыта функционирования подобной структуры.

Ко времени регистрации ЦДУБ СССР в 1946 г. Тыва уже вошла в состав СССР, но единой церковной организации в республике не существовало. Калмыцкая АССР в результате принятия противозаконных актов была ликвидирована в 1943 г., а калмыцкий народ подвергся насильственной депортации. Потому буддийское духовенство калмыков не могло принять участие в названном соборе. Буддийские общины Калмыкии не могли войти в состав ЦДУБ СССР по той причине, что не существовало самой республики, а калмыки получили статус «выселенных навечно», закрепленный системой комендатур на «спецпоселениях». По некоторым сведениям, в работе съезда 1946 г., состоявшегося в г. Улан-Удэ, принимал участие Л. Ш. Тепкин, являвшийся шаджин-ламой и главой ЦДС КАО до 1931 г. и высланный в г. Акмолинск после громкого судебного дела [Бакаева 1997: 3−5]. Однако поездка спецпоселенца-калмыка в этот период являлась невозможной без разрешения комендатуры. На наш запрос в Национальный архив Республики Бурятия был получен ответ, что данных об участии Л. Ш. Тепкина в данном съезде не имеется.

В советских справочных изданиях, выпускавшихся в период депортации калмыцкого народа (1943–1957 гг.), о калмыках и Калмыцкой АССР не говорилось ни слова. На протяжении ряда десятилетий было распространено мнение, что именно в этот период была утрачена буддийская традиция у калмыков. Однако неожиданно бурное возрождение буддизма в Калмыкии в конце 1980-х гг. показало, что религиозные традиции сохранялись в период депортации и ссылки в восточные районы страны, а также в период после восстановления автономной республики.

Регистрация в 1988 г. в Элисте первой буддийской общины верующих стала закономерным результатом многолетних попыток легитимизировать буддийскую традицию в регионе. В открытом тогда молитвенном доме службу провели приглашенные из Бурятии Дид хамбо-лама Эрдэм Цыбикжапов и Аюш лама. Вскоре на смену командированным на короткий период в Элисту ламам из Иволгинского дацана был приглашен лама Туван-Дорж (В. Р. Цымпилов), за ним — астролог Базарсадо (В. Р. Ламажапов). С освящения в июле 1989 г. Кушок Бакулой Ринпоче молитвенного дома, названного Элистинским хурулом, начался новый период в истории калмыцкого буддизма. В 1990 и 1991 гг. Калмыкию впер-

вые за ее историю дважды посетил Далайлама XIV. Именно в это время появилась возможность централизации управления буддистами страны, поскольку настоятелем Элистинского хурула был избран представитель Иволгинского дацана, в организационном плане подотчетный ЦДУБ СССР. Но с созданием Объединения буддистов Калмыкии (ОБК) в 1991 г. была объявлена его независимость от ЦДУБ СССР, и возможность организационного решения вопроса централизации была на неопределенный период снята с повестки дня. Необходимо отметить, что создание ОБК являлось данью традиции, согласно которой буддийские институты Калмыкии являлись самостоятельными с момента их зарождения. В связи с этим утверждение Т. В. Карповой о том, что «существовавшее еще с 1945 года Центральное Духовное Управление Буддистов (ЦДУБ) в 1990-х годах уже не объединяло все общины, существовавшие на территории страны. Центробежные тенденции во внутренней политике привели к возникновению Объединения буддистов Калмыкии (ОБК)…» [Карпова 2012: 41] мы считаем необоснованным: создание самостоятельного религиозного объединения было обусловлено историческими традициями, а не центробежными тенденциями в советском обществе.

Таким образом, распространяющееся мнение о существовании уже с 1922 г. единого Всероссийского, затем Всесоюзного духовного управления буддистов (ЦДУБ РСФСР, СССР) является ошибочным. Исторические судьбы буддизма в разных регионах России сложились в рамках существовалния самостоятельных церковных институтов, возглавлявшихся местными религиозными лидерами. С регистрацией ЦДУБ СССР в 1946 г. буддизм стал официально признанным в СССР, однако до 1988 г.[17] буддизм официально существовал только на территории Бурятии. ЦДУБ СССР, выполняя функцию управления делами буддистов страны, таким образом было ограничено в сферах своей деятельности, являясь официальным органом, использовавшимся в целях пропаганды «веротерпимой» политики Советского государства. ЦДУБ СССР осуществляло международную деятельность, будучи тогда единственным органом буддистов страны и координируя их связи с буддистами зарубежья. С созданием в 1969 г. международной организации Азиатская буддийская конференция за мир (далее — АБКМ), штабквартира которой расположилась в г. Улан-Баторе (Монголия) [Buddhism in the USSR 1988: 26], ЦДУБ СССР стал выполнять координирующую функцию, осуществляя также финансовую помощь для АБКМ. С 1956 г. ЦДУБ СССР являлось членом Всемирного братства буддистов [Buddhism in the USSR 1988: 27]. Но, несмотря на выполнение ЦДУБ СССР внешних функций, в процессе осуществления которых оно выступало в качестве централизованного единого объединения, организационная деятельность ЦДУБ СССР до конца периода существования Союза ССР ограничивалась территорией Бурятии. В г. Москве функционировало представительство ЦДУБ СССР, в деятельности которого значительное место занимали вопросы осуществления международной деятельности.

В настоящее время проблема централизации управления делами буддистов России по-прежнему далека от решения, поскольку существует множество религиозных организаций, представляющих как традиционные для российских буддистов направления тибетского буддизма, так и относительно «новые» направления, связанные с традициями других буддийских стран.

[17] В 1988 г. была зарегистрирована первая после полувекового отсутствия таковых буддийская религиозная организация в Калмыкии [Бакаева 2011]. В январе 1990 г. Совет по делам религии при Совете Министров СССР официально зарегистрировал первую после многолетнего отсутствия таковых в Туве буддийскую организацию — Тувинское общество буддистов [История буддизма 2010: 118].

Источники

Богданович И. Ф. Исторические и статистические сведения о калмыках, состоящих в Войске Донском. Новочеркасск, 1834 // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. F. IV. № 825. Т. 1.

Их цааз («Великое уложение»): памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1981. 148 с.

Казенное учреждение Республики Калмыкия Национальный архив (НА РК). Ф. Р-3. Оп. 2. Ед. хр. 812.

Позднеев А. М. Исторические ведения о волжских калмыках. 1911−1912 // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 590. Ед. хр. 152.

Позднеев А. М. Дневник поездки к калмыкам. 1919 // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 61.

Ратнабадра. Биография Зая-пандиты // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 161–220.

[*Устав БТСР*] Устав религиозной организации «Буддийская традиционная Сангха России» // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. М.: Фонд современной истории, 2010. С. 331–339.

[*Устав ОБК*] Устав религиозной организации «Объединение буддистов Калмыкии» // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. М.: Фонд современной истории, 2010. С. 324–330.

[*Устав ЦДУБ*] Устав централизованной религиозной организации «Центральное духовное управление буддистов» // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. М.: Фонд современной истории, 2010. С. 342–348.

Литература

Агинский дацан [электронный ресурс] // URL: http://aginskydatsan.ru/menu/15 (дата обращения: 05.10.2012).

Андреев А. И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ: Агентство ЭкоАрт, 1991. 124 с.

Аюшеев Дамба Бадмаевич [электронный ресурс] // URL: http://lobbying.ru/ (дата обращения: 05.10.2012).

Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.

Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии в 1957–1988 гг. // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 ноября 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 118–136.

Бакаева Э. П. Из истории процесса над буддийским духовенством Калмыкии: «дело Тепкина и других» // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.). Доклады российской делегации. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. С. 3–5.

Бакаева Э. П. Санкт-Петербургский храм: Агван Доржиев и калмыки // Буддийская традиция: история и современность. Юбилейные чтения, посвящ. 150-летию со дня рождения Агвана Лобсана Доржиева. Мат-лы конф. (25–24 ноября 2004 г.). СПб.: Эго, 2005. С. 46–56.

Бакаева Э. П. Глава калмыцкой церкви (шаджин-лама): процедура избрания // Российское монголоведение. Бюллетень V. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 312–324.

Бакаева Э. П., Очирова Б. В. Открытие высших конфессиональных школ Цанит-Чееря в Калмыкии: исторический контекст // Становление и развитие высшего профессионального образования в национальных республиках Юга России. Мат-лы регион. науч. конф. (22–24 апреля 2010 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. С. 39–43.

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Соч. 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 157 с.

Бормандженов А. Ламы калмыцкого народа: Ламы донских калмыков. Элиста: КИГПИ, 1997. 60 с.+илл.

Буддийская традиционная Сангха России [электронный ресурс] // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 05.10.2012).

Буддийская традиционная Сангха России (II) // Государственный музей истории религии. Справочник [электронный ресурс] // URL: http://www.gmir.ru/glossary/?action=show&id=1177 (дата обращения: 05.10.2012).

Дорджиева Г. Ш. Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX — начале XX в. М.: Институт российской истории РАН, 2001. 181 с.

Дорджиева Г. Ш. Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII — начало XX вв.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с.

Дорджиева Г. Ш. Буддизм у калмыков // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Т. 3. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 218–259.

Доржиев А. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография) / пер. с монг. А. Цендиной; транслитерация, предисл, коммент., глоссарий и указ. А. Г. Сазыкина и А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 2003. 160 с.

История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / под общ. ред. Н. Г. Очировой. (Абаев Н. В., Бакаева Э. П., Бичелдей У. П. , Ванчикова Ц. П., Лепехов С. Ю., Садалова Т. М.). М.: Фонд современной истории, 2010. 392 с.

Карпова Т. В. Социокультурная динамика отношений Российского государства и буддистских объединений в постсоветской России // Научный поиск. 2012. №2(4). С. 41–43.

Курапов А. А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве: XVII–XVIII вв. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 248 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц. Новосибирск: Наука, 1983. 235 с.

Манзанов Г. Е. Современное состояние религиозности в республике Бурятия // Религиоведение. 2005. № 2. С. 79–87.

Митыпов В. М. Международная деятельность Центрального духовного управления буддистов СССР и Буддийской традиционной Сангхи РФ (1970-е — первая половина 1990-х гг.) // Байкальский регион в переломные периоды истории (XIX–XXI вв.). Мат-лы Всерос. науч. конф. Улан-Удэ, 2006. С. 113–126.

Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописьм. монг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

Россия и Тибет: сборник архивных документов. 1900−1914. М.: Вост. лит., 2005. 231 с.

Тепкеев В. Т. Русские источники о пребывании хутугты Зая-пандиты у волжских калмыков в 1645−1646 гг. (по материалам РГАДА) // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 25−26 ноября 2010 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 258−263.

Терентьев А. А. Буддийская церковь в 1917–1942 гг. // Буддизм в России [электронный ресурс] // URL: http://www.buddhismofrussia.ru/sangha/51 (дата обращения: 05.10.2012).

Филатов С. Бурятия: евразийство в буддистском контексте [электронный ресурс] // http://www.keston.org.uk/russia/articles/rr20/02Buddhism.html (дата обращения: 20.09.2012).

Филатов С., Лункин Р. Республика Бурятия // Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1. М.; СПб.: Летний сад, 2005. С. 71–90.

Abaeva L.L., Abaev N.V., Dashiev D.B. e.a. Buddhism in Buryatia. Ulan-Ude: Buryat State University, 1998. 76 p.

Bormanshinov A. The Lamas of the Kalmyk People: the Don Kalmyk Lamas. Papers on Inner Asia. № 18. Bloomington: Indiana University, 1991. 52 p.

Buddhism in the USSR. Moscow: Novosti Press Agency Publishing House, 1988. 32 p.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572.71
ББК 28.71

НАСЕЛЕНИЕ БУКЕЕВСКОЙ СТЕПИ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ*

С. Г. Комаров

Антропологическому составу населения Золотой Орды посвящены многие масштабные работы. К настоящему времени благодаря трудам целой плеяды исследователей морфологические особенности жителей городских центров Улуса Джучи могут считаться хорошо изученными [Дебец 1948; Трофимова 1949; Ходжайов 1970; Залкинд 1972; Яблонский 1987 и др.]. Круг проблем, связанных с исследованием кочевого населения степей Восточной Европы золотоордынской эпохи, далек от своего разрешения: изучено лишь несколько кочевнических краниологических серий [Дебец 1932; 1934; Гинзбург, Фирштейн 1958; Гинзбург 1959; Батиева 2010]. Основные выводы авторов сводятся к тому, что физический облик населения Золотой Орды сформировался в результате смешения представителей европеоидной и монголоидной рас. Городское население характеризовалось европеоидными чертами с разной долей монголоидной примеси, в то время как у кочевников проявлялись особенности монголоидной расы [Дебец 1948; Яблонский 2008].

Предлагаемая работа имеет целью исследовать краниологическую серию золотоордынского времени из курганов Букеевской степи в Волго-Уральском междуречье. Накопление палеоантропологических материалов, относящихся к золотоордынским кочевникам, позволяет поставить задачу соотнесения интересующей нас серии с другими выборками населения Улуса Джучи. Морфологическое своеобразие кочевников Букеевской степи делает необходимым привлекать к сопоставлению и другие материалы — как домонгольского, так и постзолотоордынского времени.

Краниологическая серия, ставшая предметом нашего изучения, была получена в результате раскопок А. Н. Харузина в 1890 г. на территории современного Казахстана. В рамках археологических работ было исследовано 36 курганов, составляющих три группы: у Ханской Ставки (ныне — поселок Урда Бокей-Ординского района Западно-Казахстанской области), у поселка Ново-Казанка (Жангалинский район Западно-Казахстанской области) и у поселка Таловка (Зеленовский район Западно-Казахстанской области). Всего было получено 29 черепов разной сохранности.

При датировке материалов А. Н. Харузин ссылается на мнение археолога В. И. Сизова, который предложил считать курганы у Ханской Ставки и Ново-Казанки относящимися приблизительно к XIV в. Решающим аргументом в пользу такой датировки был орнамент, украшавший берестяную сумку (по-видимому, как указывает автор раскопок, колчан) [Харузин 1890: 118]. Курганы Таловской группы, «основываясь на способе погребения и найденных вещах», А. Н. Харузин считает более древними [Харузин 1890: 117–118].

В настоящее время черепа из курганов Букеевской степи хранятся в фондах НИИ и Музея антропологии МГУ (инв. №№ 1834–1836, 1839–1841, 1844, 1847, 1848, 1850, 1854, 1855, 1859, 1860). За годы хранения часть материала была списана ввиду плохой сохранности. Нами исследовано 14 черепов позднесредневековых кочевников, из которых 10 мужских и 4 — женских. На данный момент нами принято отнесение краниологической серии к XIV в. Тем не менее существует необходимость уточнения археологического контекста выявленных А. Н. Харузиным материалов.

Обратимся к истории изучения черепов интересующей нас серии. А. Н. Харузин

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-31-01338 (1а).

провел комплексное исследование палеоантропологических материалов, полученных им при раскопках курганов Букеевской степи. Характеризуя краниологическую серию в целом, он обращает внимание на «невыступающие скулы, среднюю величину черепа, узкое межглазничное пространство, умеренно расширенный нос, умеренный глазничный указатель, … развитые надбровные дуги, выступающие носовые кости, отсутствие сплющения лица, отсутствие прогнатизма, резкость краев носового отверстия, выступающий носовой шип, оси глазниц, пересекающиеся под тупым углом, открывающимся книзу». Такие характеристики позволяют А. Н. Харузину категорично «отрицать *монгольство*[1]» (т. е. принадлежность к монголоидной расе) населения, оставившего курганы Букеевской степи [Харузин 1890: 106].

Исследователь разделил все черепа на четыре типа, отличающиеся между собой долей монголоидного компонента. Первые два типа характеризуются в целом европеоидным обликом, но «не лишены *монголизма*». Второй тип имеет меньше монголоидных особенностей по сравнению с первым. Третий тип представлен только одним черепом с резко выраженными монголоидными особенностями. Наконец, четвертый тип отличается от остальных «полным отсутствием каких бы то ни было монгольских черт». В основу выделения этого типа лег также всего один череп [Харузин 1890: 115–116].

Для сравнения полученных краниометрических данных А. Н. Харузин привлек семь серий черепов: из Пермских курганов, из Тобольских курганов, а также серии, относящиеся к ногайцам, башкирам, гальчам, таджикам и узбекам. Исследователь приходит к выводу, что население, оставившее курганы Букеевской степи, «очевидно, не стояло близко к монгольской группе, но <...> еще более удалилось по своим антропологическим чертам от группы иранских народов; это племя было, вероятно, тюркское, носящее мало монгольских черт, причем племя, не имевшее ничего общего с таким тюркским народом, как узбеки или башкиры, и, напротив, стоявшее очевидно ближе всего к ногайцам, хотя и не представляло тождественного типа с ними» [Харузин 1890: 113]. Заключение о наибольшей близости краниологических комплексов кочевников Букеевской степи и ногайцев имеет для нас прежде всего историографическую ценность, особенно учитывая отсутствие в работе А. Н. Харузина данных о происхождении небольшой ногайской серии. Тем не менее мы считаем перспективным сопоставление серии из курганов Букеевской степи с ногайскими выборками.

К серии из курганов Букеевской степи исследователи вновь обратились в 1930-х гг. Г. Ф. Дебец в работе «Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии» изучил 4 небольшие по численности краниологические серии, относящиеся к населению Золотой Орды. Черепа из курганов Букеевской степи, согласно выводам Г. Ф. Дебеца, «совсем резко отличаются от остальных по всем признакам лицевого скелета», что явилось следствием гибридизации «турецкого» типа с каким-то европеоидным типом, установить принадлежность которого автор счел невозможным [Дебец 1932: 60]. По его мнению, серия характеризуется явным преобладанием европеоидных черт, и в общей картине антропологического разнообразия населения Золотой Орды кочевники Букеевской степи относятся к тому же брахикранному типу, что и жители городов [Дебец 1948: 272]. Г. Ф. Дебец обращает внимание на несомненное сходство краниологических особенностей населения, оставившего курганы Букеевской степи, и сармат с территории Нижнего Поволжья. Исследователь счел возможным считать сармат предками позднесредневековых кочевников Букеевской степи [Дебец 1948: 271].

Следующей вехой в изучении кочевников Букеевской степи стали исследования Т. А. Трофимовой, касающиеся антропологии золотоордынского населения. Вслед за А. Н. Харузиным, она выделяет в интересующей нас серии несколько типов. Согласно полученным выводам, из 15 хорошо сохранившихся черепов 9 характеризуются европеоидным брахикранным типом, 4 несут небольшую монголоидную примесь и только один является монголоидным [Трофимова 1936: 181]. Т. А. Трофимова обнаруживает сходство выборки из кочевнических курганов Букеевской степи и изученной ею серии из Шаринного бугра и Стрелецкой слободы (под Астраханью). Серия из Букеевской степи «в равной мере брахикранная, с несколько меньшими абсолютными размера-

[1] Здесь и далее термины, выделенные курсивом, используются нами только при цитировании работ А. Н. Харузина, поскольку вышли из употребления.

ми черепа, несколько более низкоголовая, с немного более узким лицом по абсолютным размерам, немного более … низкоорбитная, отличающаяся лишь более наклонным лбом, менее ортогнатным лицом, более выступающим носом и более сильно выраженным надбровьем». По остальным признакам, заключает Т. А. Трофимова, черепа из Букеевской степи, Шаринного бугра и Стрелецкой слободы не отличаются [Трофимова 1936: 181; Трофимова 1949: 20].

Т. А. Трофимова среди всех изученных ею краниологических серий выделяет четыре расовых типа. Согласно ее мнению, серия из Букеевской степи относится к памиро-ферганскому типу или близкому к нему варианту европеоидного брахикранного краниокомплекса. Т. А. Трофимова допускала также наличие в составе позднесредневековых кочевников Волго-Уральского междуречья представителей «средиземноморского в широком смысле слова» компонента [Трофимова 1949: 22].

В дальнейшем исследователи неоднократно обращались к серии из курганов Букевской степи, в основном используя ее в качестве сравнительного материала. О. Исмагулов выражает сомнение в правильности отнесения серии к монгольскому времени на основании европеоидного облика населения, оставившего курганы Букеевской степи [Исмагулов 1970: 76]. Тем не менее средние данные Г. Ф. Дебеца фигурируют у О. Исмагулова в сводке черепов золотоордынской эпохи [Исмагулов 1970: 86–87]. Б. В. Фирштейн полагала, что часть черепов серии из курганов Букеевской степи может относиться к более ранней эпохе [Фирштейн 1958: 417].

Перейдем к краниологической характеристике черепов из курганов Букеевской степи. Краниометрическая обработка материала осуществлялась нами по традиционной программе [Алексеев, Дебец 1964]. Основные данные по морфометрии приведены в таблице 1.

Таблица 1. ***Морфометрическая характеристика черепов из курганов Букеевской степи***

Признак, № по Мартину [Martin 1928]	**Мужские черепа**			**Женские черепа**		
	n	x	σ	n	x	σ
1. Продольный диаметр	8	177,6	7,43	4	171,3	7,63
8. Поперечный диаметр	7	141,1	7,82	4	141,5	7,36
17. Высотный диаметр от ba	6	128,4	5,82	1	-	-
20. Высотный диаметр от po	7	109,8	2,41	2	-	-
5. Длина основания черепа	5	99,8	2,51	1	-	-
9. Наименьшая ширина лба	10	94,7	5,48	4	91,0	4,95
10. Наибольшая ширина лба	8	118,6	4,60	4	116,4	2,50
11. Ширина основания черепа	7	128,1	4,87	2	-	-
12. Ширина затылка	6	112,8	4,32	2	-	-
8:1 Черепной указатель	7	79,5	6,53	4	82,9	7,54
17:1 Высотно-продольный ук-ль	6	73,6	3,85	1	-	-
17:8 Высотно-поперечный ук-ль	5	90,9	5,53	1	-	-
20:1 Высотно-продольный ук-ль от po	6	62,1	2,62	2	-	-
20:8 Высотно-поперечный ук-ль от po	6	76,2	3,63	2	-	-
40. Длина основания лица	6	100,5	6,21	1	-	-
45. Скуловой диаметр	6	133,4	5,52	2	-	-
48. Верхняя высота лица	9	71,8	4,57	2	-	-
47. Полная высота лица	2	-	-	-	-	-
43. Верхняя ширина лица	9	107,8	4,77	3	100,8	3,40
46. Средняя ширина лица	8	99,0	4,17	2	-	-
fmo-fmo Бималярная хорда	10	98,8	4,75	4	93,6	4,00
h над fmo Высота назиона над бималярной хордой	10	17,2	3,15	4	16,2	2,70

zm-zm Зиго-максиллярная хорда	8	97,6	4,43	2	-	-
h над zm высота субспинале над зиго-макслиллярной хордой	8	25,7	3,67	2	-	-
55. Высота носа	9	52,3	3,50	2	-	-
54. Ширина носа	8	26,1	2,28	2	-	-
51. Ширина орбиты от mf	8	43,1	1,93	2	-	-
52. Высота орбиты	8	33,3	2,33	2	-	-
FC Глубина клыковой ямки	8	5,3	0,66	2	-	-
MC Максилло-фронтальная ширина	8	19,3	2,30	2	-	-
MS Максилло-фронтальная высота	8	7,0	1,88	2	-	-
SC Симотическая ширина	8	7,4	2,73	2	-	-
SS Симотическая высота	8	3,9	1,64	2	-	-
48:45 Верхний лицевой ук-ль	6	53,0	2,37	1	-	-
54:55 Носовой ук-ль	8	50,4	4,92	2	-	-
52:51 Орбитный указатель от mf	8	77,3	4,95	2	-	-
SS:SC Симотический ук-ль	8	54,0	14,84	2	-	-
72. Общий лицевой угол	7	81,6	2,70	2	-	-
73. Средний лицевой угол	6	80,5	7,58	2	-	-
74. Угол альвеолярной части	6	71,7	4,18	2	-	-
75(1). Угол выступания носа	8	26,1	4,73	2	-	-
77. Назо-малярный угол	10	141,6	7,20	4	142,0	5,57
< zm’ Зиго-максиллярный угол	8	124,5	6,44	2	-	-

Мужские черепа серии мезокранные. За этой суммарной характеристикой скрывается разнообразие форм черепной коробки: из семи черепов лишь два мезокранных, один долихокранный и четыре — брахикранных. Продольный и поперечный диаметры средние. Серия отличается низким сводом черепной коробки (как от базиона, так и от порионов). Наименьшая и наибольшая ширина лба средние. Основание черепа и затылок должны быть охарактеризованы как широкие.

Большинство значений размеров лицевого скелета попадает в категорию средних величин. Лицо мезогнатное, средневысокое и среднеширокое (на верхнем уровне широкое). Орбиты широкие, средние по высоте, по указателю мезоконхные. Грушевидное отверстие средних размеров, нос по указателю мезоринный. Угол выступания носовых костей средний. Симотическая ширина малая при средней высоте переносья; соответственно, симотический указатель дал большое значение.

В горизонтальной плоскости лицо средне профилировано на верхнем уровне и резко — на зиго-максиллярном (значение нижнего угла горизонтальной профилировки находится на границе очень малых и малых значений). Клыковая ямка средней глубины.

Женские черепа в связи с малой численностью не могут быть охарактеризованы по большинству размеров. Имеющиеся в нашем распоряжении средние величины позволяют сказать лишь, что женская часть серии брахикранна при средней длине и большой ширине мозговой коробки. Наименьшая ширина лба средняя, значения наибольшей ширины попадают уже в категорию больших величин. Лицо средней ширины, средне уплощенное на назо-малярном уровне.

Для проверки степени однородности серии из курганов Букеевской степи обратимся к анализу дисперсий. Этот метод исследования позволяет проанализировать вариабельность признаков, характеризующих морфологические особенности черепа. Стандартные величины дисперсий взяты из таблиц, составленных Г. Ф. Дебецем [Алексеев, Дебец 1964]. Результаты анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2. ***Среднеквадратические отклонения и коэффициенты вариации некоторых краниометрических признаков серии из Букеевской степи в сравнении со стандартными; мужские черепа. * — повышенное значение***

№ признака по Мартину [Martin 1928]	Название признака	σ эмп.	σ ср.	V эмп.	V ср.
1.	Продольный диаметр	7,4 *	6,1	4,18 *	3,35
8.	Поперечный диаметр	7,8 *	5,0	5,5 *	3,5
17.	Высотный диаметр от ba	5,8 *	4,9	4,53 *	3,65
20.	Высотный диаметр от po	2,4	4,0	2,2	3,5
5.	Длина основания черепа	2,5	4,1	2,5	4,1
9.	Наименьшая ширина лба	5,5 *	4,4	5,8 *	4,6
10.	Наибольшая ширина лба	4,6	4,8	3,88	4,05
11.	Ширина основания черепа	4,9	4,8	3,80	3,85
12.	Ширина затылка	4,3	4,5	3,8	4,1
23.	Горизонтальная окружность	12,2	14,3	2,4	2,8
24.	Поперечная дуга po-br-po	3,9	10,3	1,27	3,25
25.	Сагиттальная дуга	10,2	13,0	2,88	3,55
26.	Лобная дуга	7,4 *	6,1	6,18 *	4,75
27.	Теменная дуга	11,2 *	7,9	9,3 *	6,2
28.	Затылочная дуга	5,89	7,35	5,1	6,4
29.	Лобная хорда	5,4 *	4,6	5,0 *	4,1
30.	Теменная хорда	8,5 *	6,1	7,78 *	5,45
31.	Затылочная хорда	6,2 *	5,1	6,7 *	5,3
8:1	Черепной указатель	6,5 *	3,2	–	–
17:1	Высотно-продольный ук-ль	3,9 *	3,1	–	–
17:8	Высотно-поперечный ук-ль	5,5 *	4,4	–	–
20:1	Высотно-продольный ук-ль от po	2,6	2,5	–	–
20:8	Высотно-поперечный ук-ль от po	3,6 *	3,3	–	–
40.	Длина основания лица	6,2 *	4,9	6,2 *	5,0
45.	Скуловой диаметр	5,5	5,1	4,1	3,8
48.	Верхняя высота лица	4,6 *	4,1	6,4 *	5,8
43.	Верхняя ширина лица	4,77 *	3,85	4,42 *	3,65
46.	Средняя ширина лица	4,2	4,7	4,2	4,9
55.	Высота носа	3,5 *	2,9	6,7 *	5,6
54.	Ширина носа	2,3 *	1,8	8,7 *	7,1
51.	Ширина орбиты от mf	1,9	1,8	4,5	4,3
52.	Высота орбиты	2,3 *	1,9	7,0 *	5,6
FC	Глубина клыковой ямки	0,7	1,1	12,5	21,6
SC	Симотическая ширина	2,7 *	1,8	37,0 *	21,0
SS	Симотическая высота	1,6 *	0,9	42,1 *	24,9
48:45	Верхний лицевой ук-ль	2,37	3,15	–	–
54:55	Носовой ук-ль	4,9 *	4,1	–	–
52:51	Орбитный указатель от mf	5,0	5,0	–	–
SS:SC	Симотический ук-ль	14,8 *	11,7	–	–
72.	Общий лицевой угол	2,7	2,9	–	–
75(1)	Угол выступания носа	4,7	4,6	–	–
77.	Назо-малярный угол	7,2 *	4,4	–	–
< zm’	Зиго-максиллярный угол	6,4 *	5,4	–	–

Из 43 рассмотренных краниометрических признаков на мужских черепах 25 обладают повышенной изменчивостью. Сокращение числа признаков до набора из 19 основных габаритных и таксономически ценных подчеркивает неоднородность: в 13 случаях дисперсии превышают норму. Таким образом, выводы А. Н. Харузина и Т. А. Трофимовой о том, что серия, в частности ее мужская часть, неоднородна, подтверждаются. По женским черепам мы не обладаем необходимым объемом данных для дисперсионного анализа.

Обратимся к межгрупповому сопоставлению краниологических серий с целью выявления места кочевников, оставивших курганы Букеевской степи, в массиве различных групп населения Золотой Орды. Для этого воспользуемся одним из методов многомерной статистики — компонентным анализом. Принято считать, что использование данного метода не приемлемо для решения задачи исследования межгрупповой изменчивости. Тем не менее в ряде палеоантропологических работ показана возможность применения компонентного анализа именно для этой цели.

Анализ осуществлен с помощью программы, разработанной Б. А. Козинцевым (1991). Сопоставление проведено по 14 краниометрическим признакам: продольный (1.)[2], поперечный (8.) и высотный (17.) диаметры, наименьшая ширина лба (9.), скуловой диаметр (45.), верхняя высота лица (48.), высота (51.) и ширина орбиты (52.), высота (55.) и ширины носа (54.), симотическая высота (SS), угол выступания носовых костей (75(1)), назо-малярный (77.) и зигомаксиллярный углы.

В сравнительный анализ вовлечены 27 серий со всей обширной территории Золотой Орды (№№ 5–14, 16–32 в таблице 5). Нами использованы только данные по мужским черепам. К сравнению привлечены материалы, характеризующие как кочевое, так и оседлое население Улуса Джучи. К сожалению, в анализе не участвует серия из Шаринного бугра в связи с отсутствием в работах Т. А. Трофимовой данных по углам горизонтальной профилировки лицевого скелета.

Самый существенный вклад в объяснение межгрупповой изменчивости вносят первые две главные компоненты (далее — ГК). Нагрузки на признаки представлены в таблице 3.

Таблица 3. ***Факторные нагрузки первых трех ГК мужских черепов населения Восточной Европы эпохи Золотой Орды***

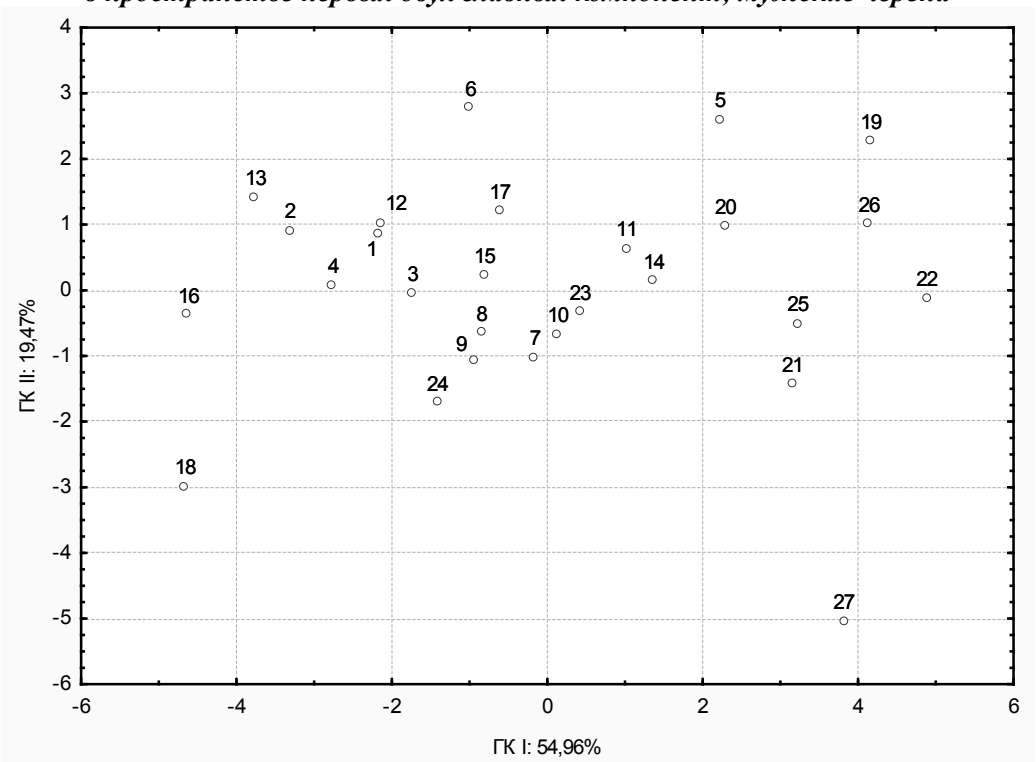
Признак (№ по Р. Мартину)	**I ГК**	**II ГК**	**III ГК**
1.	0.088	0.880	-0.125
8.	0.820	0.291	-0.070
17.	-0.366	0.808	0.305
9.	-0.013	0.935	-0.077
45.	0.853	0.294	-0.049
48.	0.881	-0.026	0.339
51.	0.779	0.036	0.281
52.	0.721	-0.281	0.483
54.	0.744	0.309	-0.005
55.	0.833	0.014	0.282
SS.	-0.816	0.260	0.295
75(1).	-0.894	0.039	0.182
77.	0.877	-0.083	-0.289
< zm’	0.876	0.019	-0.251
Собственные числа:	7.695	2.726	0.895
Процент объясняемой изменчивости:	54.963	19.474	6.393

[2] В скобках указаны номера и обозначения признаков по Р. Мартину [Martin 1928]

Наибольшую нагрузку по первой ГК (54,96 % изменчивости) несут угол выступания носа, высота лица, назо-малярный угол, зиго-максиллярный угол, скуловой диаметр, высота носа, поперечный диаметр, симотическая высота, ширина орбиты, ширина носа и высота орбиты. Таким образом, первая ГК дифференцирует включенные в анализ серии по основным таксономически ценным признакам. Четкое оформление этих признаков в единый комплекс свидетельствует о том, что наиболее существенные различия между рассматриваемыми группами определяются характеристиками рас первого порядка. Наиболее значимыми признаками по второй ГК (19,47 % описываемой изменчивости) являются ширина лба, продольный и высотный диаметры.

Взаимное расположение краниологических серий (рис. 1) эпохи Золотой Орды в пространстве первых двух главных компонент очерчивает две большие совокупности, которые можно условно определить как европеоидную и монголоидную.

Рис. 1. ***Расположение краниологических серий населения Золотой Орды в пространстве первых двух главных компонент; мужские черепа***



1 — Старый Орхей; 2 —Мамай-Сурка; 3 — Маяки; 4 — Маджары; 5 — Нижний Джулат; 6 — Верхний Джулат; 7 — Селитренное; 8 — Водянское; 9 — Царевское; 10 — Хан-Тюбе; 11 — Вакуровский бугор; 12 — Маячный бугор; 13 — Нижняя Студенка; 14 — Сарайчик; 15 — Миздахкан; 16 — Новохарьковский м-к; 17 — Мари-Луговской м-к; 18 — Березовский м-к; 19 — Тягинка; 20 — М-ки Нижнего Подонья; 21 — Кривая Лука, Никольское; 22 — Давыдовка, Августовка, Иргизное, Харьковка; 23 — Калиновский м-к, XIII–XIV вв.; 24 — Курганы Букеевской степи; 25 — Могильники Западно-Казахстанской области; 26 — Могильники Карагандинской области; 27 — Мокринский м-к[3].

Европеоидные черты характеризуют оседлое население обширной территории золотоордынского государства — от Северо-Западного Причерноморья до Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Приаралья. Исключение составляет население, оставившее серии из Вакуровского бугра, Хан-Тюбе, Сарайчика, чей комплекс краниологических особенностей проявляет сдвиг в сторону монголоидности. Серия из северокавказского Нижнего Джулата может быть отнесена к кругу монголоидных форм.

Монголоидные черты характерны для краниологических серий, представляющих кочевое население Золотой Орды. Из общей картины «выбивается» серия из курганов Бу-

[3] Выражаем глубокую благодарность Егору Петровичу Китову за возможность использования в работе неопубликованных материалов из курганов Мокринского могильника.

кеевской степи. Население, оставившее эти курганы, демонстрирует иной комплекс краниологических особенностей, который, в подтверждение проведенной расовой диагностики, характеризуется европеоидными чертами.

Расположение серий свидетельствует о наибольшей близости выборки из курганов Букеевской степи к сериям оседлого населения Золотой Орды. В первую очередь это нижневолжские городские центры, соответствующие наименованиям Царевского, Водянского, Селитренного городищ и Хан-Тюбе. Отличия от серии из курганов Букеевской степи заключаются в усилении выраженности монголоидных особенностей у жителей указанных городов. Кроме того, кочевники Букеевской степи характеризовались относительно меньшей шириной лба и величиной продольного и высотного диаметров. В числе близких к исследуемой серии находятся также выборки из могильника Маяки и из Миздахкана. От кочевников Букеевской степи население, оставившее эти серии, отличается главным образом большими значениями ширины лба, продольного и высотного диаметров, т. е. признаков, на которые падает основная нагрузка по второй ГК.

Из кочевнических серий близкой к исследуемой выборке может считаться только группа из Калиновского могильника, отличающаяся от серии из Букеевской степи некоторым усилением монголоидности. От других серий кочевников выборка из курганов Букеевской степи отличается, помимо принадлежности к европеоидной расе, меньшими продольным и высотным диаметрами, а также меньшей шириной лба. Близость двух серий кочевников (из курганов Букеевской степи и из Калиновского могильника) к выборкам из нижневолжских центров может быть свидетельством постоянного пополнения населения городов за счет кочевников. Этот процесс привел в конечном итоге к нивелировке отличий морфологических особенностей горожан и влившихся в состав городского населения кочевников [Яблонский 1987: 225].

Примечательно, что три серии с территории Западного Казахстана (из курганов Букеевской степи, из могильников Западно-Казахстанской области и из Мокринского могильника) значительно различаются между собой. Две последние группы демонстрируют монголоидный комплекс особенностей. При этом серии существенно отличаются величиной ширины лба, продольного и высотного диаметров. Значения этих признаков, рассмотренные в комплексе, в выборке из Мокринского могильника наименьшие из всех использованных в анализе групп.

Для того чтобы выявить сущность морфологического своеобразия европеоидной группы кочевников из курганов Букеевской степи, включим в анализ, помимо уже привлеченных золотоордынских материалов, краниологические серии II тысячелетия (№№ 1−4, 15, 33−42 в таблице 5): четыре выборки домонгольских кочевников, а также серии постзолотоордынского населения степей Восточной Европы. Вовлечение в разработку материалов, относимых к ногайцам, позволит проверить вывод А. Н. Харузина о наибольшей близости населения, оставившего курганы Букеевской степи, к этой этнополитической группе.

По результатам анализа статистически значимыми оказались две первые главные компоненты. Первая из них (44,86 % описываемой изменчивости) вновь разделяет серии по комплексу признаков, разграничивающих европеоидные и монголоидные группы. Наибольшую нагрузку несут те же признаки, что и в первом анализе (таблица 4).

Таблица 4. ***Факторные нагрузки первых трех ГК мужских черепов населения Восточной Европы II тысячелетия***

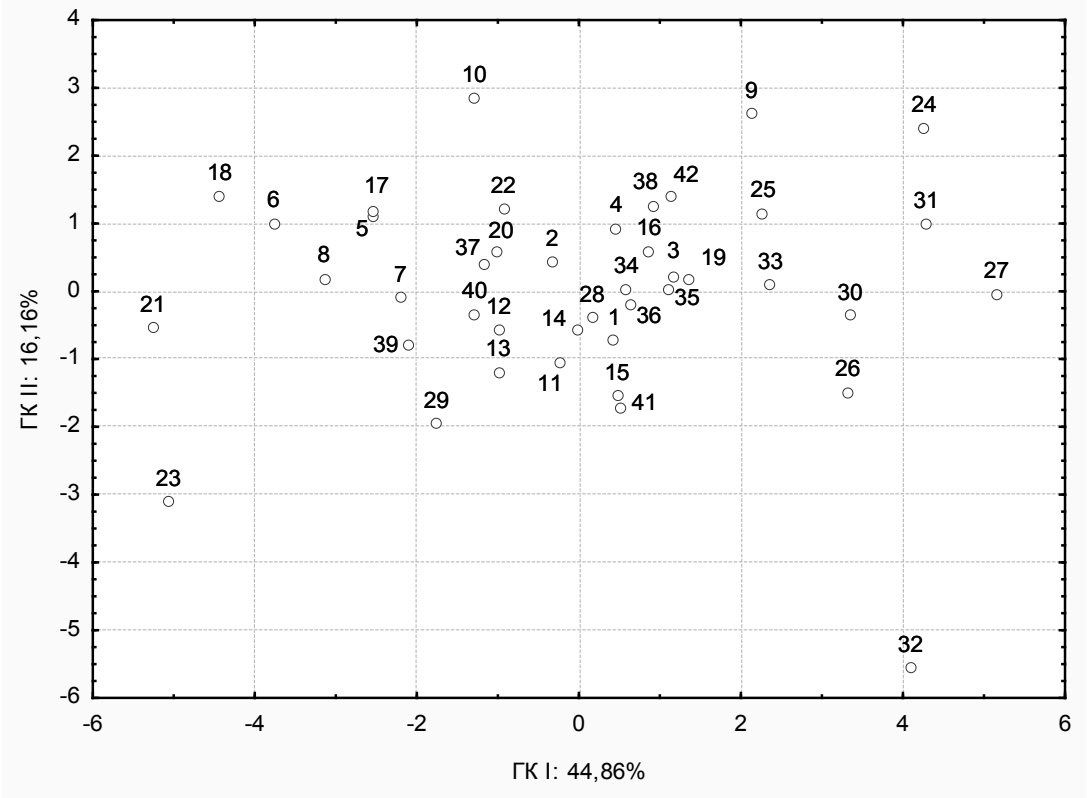
Признак (№ по Р. Мартину)	**I ГК**	**II ГК**	**III ГК**
1.	0.050	0.679	0.464
8.	0.739	0.287	-0.474
17.	-0.359	0.832	0.121
9.	-0.021	0.829	-0.340
45.	0.824	0.276	-0.289
48.	0.819	0.004	0.360
51.	0.691	0.113	0.439
52.	0.715	-0.238	0.222

54.	0.591	0.330	0.278
55.	0.804	0.028	0.285
SS.	-0.707	0.261	-0.068
75(1).	-0.762	0.095	-0.080
77.	0.772	-0.076	-0.374
< zm’	0.770	0.038	-0.481
Собственные числа:	6.280	2.262	1.565
Процент объясняемой изменчивости:	44.855	16.155	11.180

Добавление в анализ новых серий несущественно изменило взаимное расположение уже использованных в первом анализе выборок, относящихся к Золотой Орде (рис. 2). Однако, помимо серий из нижневолжских городских центров, в списке наиболее близких к выборке из Букеевской степи оказываются две ногайские группы: с территории Запорожской области и из курганов Восточного Приазовья. Накопление данных по ногайцам и применение современных статистических методов, таким образом, позволяют подтвердить наблюдение А. Н. Харузина.

Близкое сходство морфологических характеристик серии из курганов Букеевской степи, групп оседлого золотоордынского населения и ногайских выборок заключается в том, что «ногайцы … сложились из тех же племен, которые составляли Золотую Орду» [Трофимова 1949: 108].

Рис. 2. ***Расположение краниологических серий II тысячелетия в пространстве первых двух главных компонент; мужские черепа***



1 — Курганы у Саркела; 2 — Юзовка; 3 — Половцы Калмыкии; 4— Калиновский м-к, X−XII вв.; 5 — Старый Орхей; 6 — Мамай-Сурка; 7 — Маяки; 8 — Маджары; 9 — Нижний Джулат; 10 — Верхний Джулат; 11 — Селитренное; 12 — Водянское; 13 — Царевское; 14 — Хан-Тюбе; 15 — Самосделка; 16 — Вакуровский бугор; 17 — Маячный бугор; 18 — Нижняя Студенка; 19 — Сарайчик; 20 — Миздахкан; 21 — Новохарьковский м-к; 22 — Мари-Луговской м-к; 23 — Березовский м-к;

24 — Тягинка; 25 — М-ки Нижнего Подонья; 26 — Кривая Лука, Никольское; 27 — Давыдовка, Августовка, Иргизное, Харьковка; 28 — Калиновский м-к, XIV−XV вв.; 29 — Курганы Букеевской степи; 30 — Могильники Западно-Казахстанской области; 31 — Могильники Карагандинской области; 32 — Мокринский м-к; 33 — Казахи XVI−XX вв.; 34 — Ногайцы, Комрат; 35 — Ногайцы бывшего Тираспольского уезда; 36 — Ногайцы, м-ки Херсонской области; 37 — Ногайцы, м-ки Северного Крыма; 38 — Ногайцы, Балковский курган; 39 — Ногайцы, м-ки Запорожской области; 40 — Ногайцы, м-ки Приазовья; 41 — Ногайцы, Ипатово-3; 42 — Ногайцы, Барханчак-2.

Примечательно, что добавление серий дозолотоордынской эпохи продемонстрировало схожесть комплекса краниологических особенностей населения, оставившего Калиновский могильник (XIII−XIV вв.), и домонгольских кочевников Восточной Европы. Этот факт может свидетельствовать о наличии домонгольского пласта, легшего в основу формирования некоторых групп кочевого населения Золотой Орды.

При этом ни одна из групп кочевников дозолотоордынской эпохи не находит близких аналогий с населением, оставившим курганы Букеевской степи. С другой стороны, близость исследуемой серии к городским выборкам при удаленности от других групп кочевников заставляет предположить наличие еще одной основы формирования кочевого населения Золотой Орды. Если наличие в составе кочевников Улуса Джучи монголоидных групп можно связать с притоком населения из восточных частей государства в золотоордынскую эпоху, то поиск аналогий краниокомплексу населения Букеевской степи устремляет наш взор в более ранние эпохи. В этой связи особенно ценным для нас является наблюдение Г. Ф. Дебеца, считавшего кочевников Букеевской степи потомками сарматского населения. Насколько это соответствует современным представлениям палеоантропологии, покажут дальнейшие исследования.

Выводы:

1. Краниологическая серия из Букеевской степи по своим средним характеристикам должна быть отнесена к кругу европеоидных форм.
2. Наиболее близкими к населению, оставившему курганы Букеевской степи, были жители нижневолжских городских центров, кочевники Золотой Орды, оставившие Калиновский могильник, а также европеоидные группы в составе ногайского этнополитического объединения.
3. Происхождение населения, оставившего курганы Букеевской степи, не связано ни с мигрантами из восточных частей Улуса Джучи, ни с кочевниками домонгольской эпохи.
4. Кочевое население Золотой Орды имело, по крайней мере, три пласта формирования. Первый связан с домонгольскими кочевниками, второй соотносится с пришлыми с востока группами и третий, возможно, уходит своими корнями в сарматское население Поволжья.

Таблица 5. ***Краниологические серии, использованные в работе***

№	Название серии	Местонахождение серии	Датировка	Автор публикации, год издания
1	Курганы у Саркела	Ростовская область	X–XI вв.	Гинзбург 1951; Вуич 1963
2	Юзовка	Украина, Донецкая область	первая половина II тыс.	Материалы автора
3	Половцы	Калмыкия	конец XI – начало XIII вв.	Шевченко 1980
4	Калиновский могильник, X–XII вв.	Волгоградская область	X–XII вв.	Гинзбург 1959
5	Старый Орхей	Молдова, Оргеевский район	XIII–XIV вв.	Великанова 1993
6	Мамай-Сурка	Украина, Запорожская область	XIII–XIV вв.	Литвинова 2004
7	Маяки	Украина, Донецкая область	XIII–XIV вв.	Ходжайов, Швецов 2011

8	Маджары	Ставропольский край	эпоха Золотой Орды	Алексеев 1967а; Евтеев 2003
9	Нижний Джулат	Кабардино-Балкария	эпоха Золотой Орды	Алексеев 1974
10	Верхний Джулат	Северная Осетия	эпоха Золотой Орды	Алексеев, Беслекоева 1963
11	Селитренное	Астраханская область	эпоха Золотой Орды	Яблонский 1987
12	Водянское	Волгоградская область	эпоха Золотой Орды	Яблонский 1987
13	Царевское	Волгоградская область	эпоха Золотой Орды	Залкинд 1972; Яблонский 1987
14	Хан-Тюбе	Астраханская область	эпоха Золотой Орды	Шевченко, 1980
15	Самосделка	Астраханская область	XVI в. или более поздняя эпоха	Ходжайов 2005
16	Вакуровский бугор	Астраханская область	эпоха Золотой Орды	Балабанова 2011
17	Маячный бугор	Астраханская область	эпоха Золотой Орды	Ходжайов 2005; Балабанова 2011
18	Нижняя Студенка	Саратовская область	XIII–XIV вв.	Евтеев 2007
19	Сарайчик	Казахстан, Атырауская область	XIII–XIV вв.	Гинзбург, Залкинд 1955
20	Миздахкан	Узбекистан, Каракалпакия	XIII–XIV вв.	Ходжайов 1970
21	Новохарьковский могильник	Воронежская область	эпоха Золотой Орды	Алексеева, Козловская 2002
22	Мари-Луговской могильник	Марий-Эл	XIII–XIV вв.	Алексеев 1967б
23	Березовский могильник	Самарская область	XII–XIII в.	Алексеева 1958
24	Тягинка	Украина, Херсонская область	XV в.	Материалы автора
25	Могильники Нижнего Подонья	Ростовская область	эпоха Золотой Орды	Батиева 2010
26	Кривая Лука, Никольское	Астраханская область	эпоха Золотой Орды	Материалы автора
27	Давыдовка, Августовка, Иргизное, Харьковка	Саратовская и Самарская области	эпоха Золотой Орды	Материалы автора
28	Калиновский могильник, XIV–XV вв.	Волгоградская область	XIV–XV вв.	Гинзбург 1959
29	Курганы Букеевской степи	Казахстан, Западно-Казахстанская область	XIV в.	Материалы автора
30	Могильники Западно-Казахстанской области	Казахстан, Западно-Казахстанская область	XI–XV вв.	Гинзбург, Фирштейн 1958
31	Могильники Карагандинской области	Казахстан, Карагандинская область	XIII–XV вв.	Гинзбург 1956
32	Мокринский могильник	Казахстан, Западно-Казахстанская область	XIV в.	Материалы Е. П. Китова

33	Казахи XVI–XX вв.	Казахстан, Карагандинская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская области	XVI–XX вв.	Исмагулов 1963
34	Ногайцы, г. Комрат	Молдавия	XVII–XVIII вв.	Материалы автора
35	Ногайцы, бывший Тираспольский уезд	Молдавия (Приднестровье), Украина (Одесская область)	Позднее Средневековье	Комаров 2012
36	Ногайцы, Херсонская область	Украина, Херсонская область	Позднее Средневековье	Круц 2003
37	Ногайцы, Северный Крым	Украина, Крым	Позднее Средневековье	Круц 2003
38	Ногайцы, Балковский курган	Украина, Запорожская область	Позднее Средневековье	Круц 2003
39	Ногайцы, Запорожская область	Украина, Запорожская область	Позднее Средневековье	Круц 2003; Комаров 2011
40	Ногайцы, Восточное Приазовье	Краснодарский край	XVIII–XIX вв.	Материалы автора
41	Ногайцы, Ипатово-3	Ставропольский край	XVIII–XIX вв.	Герасимова 2003
42	Ногайцы, Барханчак-2	Ставропольский край	XVIII–XIX вв.	Материалы автора

Литература

Алексеев В.П. Антропологический состав средневекового города Маджара и происхождение балкарцев и карачаевцев // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1967а. Вып. 25. С. 158−171.

Алексеев В.П. Золотоордынский форпост на марийской земле // Вопросы антропологии. 1967б. Вып. 26. С. 158−166.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М.: Наука, 1974. 320 с.

Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // Материалы и исследования по археологии СССР. № 114. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 107−121.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.

Алексеева Т.И. Черепа из Березовского могильника // Советская антропология. 1958. Вып. 3. С. 85−89.

Алексеева Т.И., Козловская М.В. Антропологический облик населения // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. С. 111−123.

Балабанова М.А. Антропологический облик населения Красноярского городища по данным краниологии // Антропология Красноярского городища золотоордынского времени. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. 180 с.

Батиева Е.Ф. Материалы к антропологии нижнедонского населения эпохи Золотой Орды // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Междунар. конф., посвящ. 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). Т. 1. М.; Одинцово: Изд-во АНОО ВПО «Одинцов. гуманитар. ин-т», 2010. С. 130−138.

Великанова М.С. Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей) // Мат-лы к серии «Народы и культуры». Вып. X. Кн. 3. М.: Наука, 1993. 260 с.

Вуич Л.Г. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела — Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР. № 109. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 420−449.

Герасимова М.М. Краниология калаусских ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV: Антропология ногайцев. М.: Памятники истор. мысли, 2003. С. 36−68.

Гинзбург В.В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения хазарского каганата // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. XIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 309−416.

Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Труды Инсти-

тута этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Антропологический сборник I. Т. 33. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 238–298.

Гинзбург В. В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по материалам Калиновского могильника) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 60. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 524–594.

Гинзбург В. В., Залкинд Н. Г. Материалы к краниологии казахов // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. XVI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 432–461.

Гинзбург В. В., Фирштейн Б. В. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. XVIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 407–417.

Дебец Г. Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 54–73.

Дебец Г. Ф. К характеристике остеологических особенностей южносибирской расы // Антропологический журнал. 1934. № 3. С. 142–150.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с.

Евтеев А. А. Население золотоордынского города Маджара по данным краниологии // Вестник антропологии. 2003. Вып. 10. С. 91–103.

Евтеев А. А. Антропологические материалы из Могильника Нижняя Студенка-I // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов: Науч. кн., 2007. С. 221–237.

Залкинд Н. Г. Краниологические материалы из Нового Сарая (Сарай Берке) // Труды Московского общества испытателей природы. Т. 43. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 162–166.

Исмагулов О. Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Антропологический сборник IV. Т. 82. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 65–95.

Комаров С. Г. Краниологическая дифференциация ногайцев XVI–XVIII вв. // Вестник антропологии. 2011. Вып. 19. С. 221–231.

Комаров С. Г. Краниологические материалы позднего средневековья с территории бывшего Тираспольского уезда Херсонской губернии // Кадырбаевские чтения — 2012. Мат-лы III Междунар. конф. Актобе, 2012. С. 457–462.

Круц С. И. Антропологическая характеристика ногайцев XVI–XVIII вв. // Мат-лы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV: Антропология ногайцев. М.: Памятники истор. мысли, 2003. С. 206–239.

Литвинова Л. В. Антропологічна характеистика населення Нижнього Подніпровья доби середньовіччя (за матеріалами могильника Мамай Сурка) // Археологія. 2004. № 2. С. 68–78.

Трофимова Т. А. Краниологический очерк татар Золотой Орды // Антропологический журнал. 1936. № 2. С. 166–189.

Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 262 с.

Харузин А. Н. Курганы Букеевской степи // Известия О-ва любит. естествозн., антропол. и этнографии. Т. 64 (Труды антропологического отдела. Т. 11. Вып. 2). М.: Тип. Т-ва А. Левенсон и К°, 1890. 118 с.

Ходжайов Т. К. Население Миздахкана по данным антропологии // Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1970. С. 169–246.

Ходжайов Т. К. Средневековые краниологические материалы из Астраханской области // Вестник антропологии. 2005. Вып. 12. С. 76–97.

Ходжайов Т. К., Швецов М. Л. Археология и антропология населения Подонцовья эпохи Золоой Орды (по материалам могильников у с. Маяки на Северском Донце) // Археологические записки. Вып. 7. Ростов н/Дону, 2011. С. 178–196.

Шевченко А. В. Антропологическая характеристика населения низовьев Волги по краниологическим материалам могильника Хан-Тюбе // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 139–168.

Яблонский Л. Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья) // Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. С. 142–236.

Яблонский Л. Т. К палеоантропологии средневекового населения Поволжья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Донецк: ДонГУ, 2008. С. 269–286.

Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung. Bd. II. Kraniologie. Osteologie. Jena, 1928. 1182 p.

УДК 314.6
ББК 60.56

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ*

Б. Б. Нусхаева

Нынешняя демографическая ситуация в России определяется как кризисная и требует комплексного изучения современного состояния всех слагаемых естественного прироста населения. Особое внимание стоит уделить проблеме низкого уровня рождаемости в стране. По мнению специалистов, низкая рождаемость в России обусловлена несколькими причинами. «С одной стороны, они носят общий характер с экономически развитыми странами мира, а с другой стороны, имеют специфические российские черты» [Атлас 2009: 93]. Главной составляющей решения этой проблемы должна стать семейно-демографическая политика, направленная на укрепление института семьи и улучшения условия жизни семей с детьми.

Одним из ведущих направлений семейной политики в России является финансовая помощь семьям с детьми. В Семнадцатом ежегодном демографическом докладе говорится: «Действующая семейная политика опирается в целом на систему мер, доставшуюся в наследство от советской эпохи в результате ее кардинального пересмотра в 1980-е годы» [Население России 2009]. Основные виды государственных пособий, связанных с рождением детей, определяются Федеральным законом Российской Федерации от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 25.12.2008) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2009). Настоящим Федеральным законом устанавливаются следующие виды государственных пособий:

- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности;
- единовременное пособие при рождении ребенка;
- ежемесячное пособие по уходу за ребенком;
- ежемесячное пособие на ребенка;
- единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью;
- единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву;
- ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву [Федеральный закон 81-ФЗ]

Депопуляционные процессы в России привлекли внимание политиков и ученых к демографическим проблемам страны. В Послании Президента В. В. Путина Федеральному собранию, представленном 10 мая 2006 г., подчеркивается необходимость активных мер по стимулированию рождаемости. В 2006 г. Правительством Российской Федерации были разработаны проекты Федеральных Законов, необходимых для правового обеспечения новых мер демографической политики, которые вступили в силу с 1 января 2007 г.

Одним из них является Федеральный закон 256-ФЗ от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Данный закон устанавливает дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь. Право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) второго (третьего) и последующего ребенка (детей). Согласно статье 7 настоящего Федерального закона, средства материнского (семейного) капитала могут быть направлены для следующих целей:

- улучшение жилищных условий;
- получение образования ребенком (детьми);

* Статья выполнена в рамках проекта Программы фундаментальных иследований Президиума РАН «Демография народов Калмыкия в конце XX – начале XXI вв.».

- формирование накопительной части трудовой пенсии для женщин [Федеральный закон 256-ФЗ].

Кроме того, принят ряд нормативных документов, регулирующих получение и использование средств материнского (семейного) капитала: Постановление Правительства Российской Федерации от 24.12.2007 г. № 926 «Об утверждении правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на получение образования ребенком (детьми) и осуществление иных, связанных с получением образования ребенком (детьми), расходов» (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.11.2011 № 931), Постановление Правительства Российской Федерации от 12.12.2007 г. № 862 «О правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» (в ред. Постановлений Правительства РФ от 13.01.2009 № 20, от 04.12.2009 № 994, от 27.11.2010 № 937, с изм., внесенными решением Верховного Суда РФ от 17.08.2010 № ГКПИ10-806) и др.

Демографы дали разную оценку данной мере стимулирования рождаемости. Например, Е. В. Елизаров, рассматривая данный закон, отмечает наличие спорных вопросов [Елизаров 2007], прежде всего в скудности выбора направлений использования средств материнского (семейного) капитала при большом разнообразии типов и специфики семей. Вместе с тем Е. В. Елизаров выделяет «единственный и несомненный плюс идеи материнского капитала и закона, устанавливающего условия его назначения и использования — это предоставление женщине (семье) выбора — впервые в практике нашей демографической политики, хотя предлагалось это еще более 20 лет тому назад» [Елизаров 2007]. По его мнению, изложенные в законе меры могут быть значимы прежде всего для семей в регионах с низким жизненным уровнем, с дешевым жильем, а в случае использования на оплату образования — на очень недорогое образование (по сегодняшним расценкам) в далеко не самых престижных государственных или в негосударственных вузах. А третье направление — формирование накопительной части трудовой пенсии — Е. В. Елизаров считает маловероятным: «Трудно представить себе, что кто-то изначально захочет распорядиться своим капиталом таким образом: добровольно доверить „свой капитал“ любому государственному и тем более негосударственному пенсионному фонду на 25–35 или более лет (возраст выхода на пенсию наверняка вырастет)» [Елизаров 2007].

Рассмотрим основное использование средств материнского (семейного) капитала семьями Республики Калмыкия. На основании Постановления Правительства Российской Федерации от 20.07.2007 № 457 «Об утверждении Правил перевода средств материнского (семейного) капитала из федерального бюджета в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации» учет о выдаче сертификатов на получение материнского капитала ведется Пенсионным фондом Российской Федерации (ПФР). Согласно данным ПФР, размер материнского капитала в 2012 г. составил 387 тыс. 640 руб. 30 коп. [Информация ПФР].

По данным Отделения ПФР по Республике Калмыкия, на 28 сентября 2012 г. более 11,2 тыс. семей Республики Калмыкия получили сертификат на материнский (семейный) капитал. Большинство владельцев материнского (семейного) капитала направляют средства на улучшение жилищных условий. Эту возможность готовы использовать 3 978 семей республики (99,0 %) из 4 020 семей, подавших заявление в Территориальный орган ПФР за 2010–2012 гг. [Материнский капитал 2012].

Одним из способов улучшения жилищных условий является погашение ипотечных кредитов и займов. По словам специалиста-эксперта группы социальных выплат Отделения ПФР по Республике Калмыкия А. Ямановой, этот вариант активно используется в регионе, и при помощи материнского капитала 1 390 семей региона направили данные средства на погашение ипотечных и жилищных кредитов на сумму 431 млн 253 тыс. руб. [Жительницы Калмыкии 2012].

Вторым направлением использования средств материнского (семейного) капитала является образование детей. По состоянию на 3 августа 2012 г., такой возможностью воспользовались 29 семей республики. По данным Отделения ПФР по РК, более 1,2 млн рублей направлены на обучение детей. Всего подано 42 заявления на общую сумму 1,9 млн рублей, и в большинстве случаев получателями денежных средств выступают московские учебные заведения [Чаще всего калмыцкие семьи 2012].

Такое направление использования средств, как накопительная часть трудовой пенсии женщин, матерями Республики Калмыкия не используется. По состоянию на 28 сентября 2012 г., ни одного заявления относительно данного способа вложения средств материнского капитала в Территориальный отдел ПФР по РК не поступало.

Таким образом, главным направлением использования средств материнского капитала остается улучшение жилищных условий.

По поручению Президента Российской Федерации субъектами Российской Федерации были разработаны дополнительные меры социальной поддержки семьям с детьми. Рассмотрим законы о региональном материнском капитале, принятые в 2011 г. в отдельных субъектах Российской Федерации.

Закон № 324–IV–З «О региональном материнском капитале», принятый в Республике Калмыкия, устанавливает право семей на получение регионального материнского капитала в размере 50 тыс. руб. с рождением третьего и последующего ребенка. Средства регионального материнского капитала могут быть использованы по достижению ребенком трехлетнего возраста, но не ранее 1 января 2015 г., в следующих целях:

- улучшение жилищных условий (приобретение на территории Республики Калмыкия жилого помещения, строительство, реконструкция объекта индивидуального жилищного строительства);
- приобретение земельного участка, предназначенного для индивидуального жилищного строительства или ведения личного подсобного и дачного хозяйств;
- получение образования ребенком (детьми). Возраст ребенка, на получение образования которого могут быть направлены средства капитала, на дату начала обучения по соответствующей образовательной программе не должен превышать 23 лет;
- лечение ребенка (детей). Возраст ребенка, на лечение которого могут быть направлены средства материнского (семейного) капитала, на дату начала предоставления услуг по лечению не должен превышать 18 лет [Региональный материнский капитал в Калмыкии].

Для сравнения приведем законы соседних регионов. Региональный материнский капитал в Дагестане установлен Указом Президента Республики Дагестан от 31.05.2007 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». Указ предусматривает единовременную выдачу денежных средств семьям. Сумма денежной выплаты зависит от очередности рождения ребенка:

- пятого и каждого последующего ребенка — в размере 10 тыс. руб.;
- десятого и каждого последующего ребенка — в размере 300 тыс. руб.;
- одновременно двух детей — в размере 20 тыс. руб.;
- одновременно трех и более детей — в размере 100 тыс. руб. [Региональный материнский капитал в Дагестане]

Законом Ростовской области от 18.11.2011 г. № 727-ЗС «О региональном материнском капитале» установлен размер регионального материнского капитала в размере 100 000 рублей, который подлежит ежегодной индексации. Основными направлениями использования средств материнского (семейного) капитала являются:

- улучшение жилищных условий (приобретение или строительство в области жилья; строительство, реконструкция объекта индивидуального жилищного строительства, расположенного на территории области);
- получение образования детьми;
- лечение детей;
- приобретение автотранспортного средства [Региональный материнский капитал в Ростовской области].

Сроки использования установлены Правительством Ростовской области и предполагают использования денежных средств материнского капитала по достижению ребенком трехлетнего возраста.

В Волгоградской области Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Волгоградской области по вопросам социальной поддержки семей с детьми», принятый Волгоградской областной Думой 20.12.2011, претерпел ряд изменений, в том числе введение п. 4.1 «О порядке выдачи родительского капитала многодетной семье» и п. 4.2 «Размер родительского капитала». Материальное поощрение многодетных семей предполагает единовременную денежную выплату в раз-

мере 40 789 руб. Получение родительского капитала предусматривается при рождении третьего и последующего ребенка и выплачивается по достижении им 2 лет. Размер родительского капитала подлежит ежегодной индексации [Проект закона 124 – 2011з от 07.09.2011].

Принятые в Республике Калмыкия, Волгоградской и Ростовской областях законы о региональном материнском капитале рассчитаны на поощрение рождения третьего и последующего ребенка. Сумма денежных средств материнского капитала различна, в Дагестане дифференцируется в зависимости от очередности рождения ребенка. В Республике Калмыкия и Ростовской области определены основные направления использования средств регионального материнского (семейного) капитала, в Дагестане и Волгоградской области денежные выплаты могут быть израсходованы по усмотрению семьи.

Материнский капитал как на федеральном, так и региональном уровнях является новой мерой стимулирования рождаемости. Следует отметить, что в России доля расходов на семейные, детские пособия в 2009 г. составила 0,6 % к ВВП, а в 2005–2006 гг. всего 0,2 % к ВВП. В то время как по рекомендациям ЮНИСЕФ (Детского Фонда ООН) эти расходы должны составлять не ниже 2,5–3,5% от ВВП (в зависимости от доли детского населения и уровня детской бедности) [Елизаров 2012]. Отсюда следует вывод о необходимости увеличения государственных расходов на семейную и демографическую политику.

Таким образом, основным направлением использования средств материнского капитала семьями Республики Калмыкия является улучшение жилищных условий. Исходя из этого, помощь молодой семье в решении жилищных проблем может стать одной из наиболее эффективных мер демографической политики в нашем регионе.

Литература

Атлас демографического развития России // Научный совет по программе Президиума фундам. исслед. Российской академии наук «Экономика и социология знания». М.: Эконом. образование, 2009. 220 с.

Елизаров В. В. Стимулирование рождаемости и поддержка семей с детьми в современной России // Демоскоп Weekly. 2012. 23 января – 5 февраля. № 495–496.

Елизаров В. В. Политика экономической поддержки семей с детьми: проблемы реализации и пути совершенствования // Демоскоп Weekly. 2007 г. 12–25 ноября. № 309–310.

Жительницы Калмыкии уже использовали 1 млрд 232 млн рублей материнских денег // Пенсионный фонд Российской Федерации Отделение по Республике Калмыкия. Опубликовано 22.08.2012 [электронный ресурс] // URL: http:pfrf.ru/ot_kalmik/pr_releases/49780 (дата обращения: 11.11.2012).

Информация ПФР о материнском (семейном) капитале [электронный ресурс] // URL: http: pfrf.ru (дата обращения: 11.11.2012).

Материнский капитал помог 2255 семьям Калмыкии улучшить жилищные условия / Пенсионный фонд Российской Федерации. Отделение по Республике Калмыкия. Опубликовано 28.09.2012 [электронный ресурс] // URL: http:pfrf.ru/ot_kalmik/pr_releases/51191 (дата обращения: 11.11.2012)

Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневского; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2011. 334 с.

Проект закона 124–2011з от 07.09.2011 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Волгоградской области по вопросам социальной поддержки семей с детьми» [электронный ресурс] // URL: http:volgoduma.ru (дата обращения: 14.11.2012).

Региональный материнский капитал в Калмыкии [электронный ресурс] // URL: http:matkap.ru/region/ (дата обращения: 11.11.2012).

Региональный материнский капитал в Ростовской области [электронный ресурс] // URL: http:matkap.ru/region/ (дата обращения: 11.11.2012).

Региональный материнский капитал в Дагестане [электронный ресурс] // URL: http: matkap.ru/region/ (дата обращения: 11.11.2012).

Федеральный закон Российской Федерации от 19 мая 1995 года № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [электронный ресурс] // URL: http:consultant.ru (дата обращения: 11.11.2012).

Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [электронный ресурс] // URL: http:pfrf.ru/family_capital (дата обращения: 08.11.2012).

Чаще всего калмыцкие семьи платят за обучение детей в Москве / Пенсионный фонд Российской Федерации Отделение по Республике Калмыкия. Опубликовано 03.08.2012 [электронный ресурс] // URL: http:pfrf.ru/ot_kalmik/pr_releases/49156 (дата обращения: 11.11.2012).

УДК 314.6
ББК 60.56

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Б. Б. Нусхаева, Д. А. Буваев

Республика Калмыкия расположена на крайнем юго-востоке европейской части России. Площадь территории составляет 76,1 тыс. км^2 (0,4 % территории Российской Федерации) [Республика Калмыкия 2010: 9]. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., численность населения Республики Калмыкия составила 289 481 чел., что соответствует средней плотности 3,8 чел./км^2 [Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г.]. Однако население Калмыкии распределено крайне неравномерно по территории. Наиболее плотно заселены западные районы республики, наименее — восточные, что можно объяснить различием природно-климатических условий.

По рельефу территория Калмыкии подразделяется на низменную восточную и возвышенную западную части. Выделяют несколько основных типов ландшафтов Калмыкии:

- Прикаспийская молодая аллювиально-морская лиманная равнина с чернополынными, белополынными и типчаково-ковыльными полупустынями на солонцах и солончаках;
- Черноземельская древне-дельтовая песчаная равнина с белополынными, белополынно-эркековыми и прутняковыми пустынями на бурых аридных почвах и открытых песках;
- Ергенинская эрозионно-возвышенная равнина с белополынно-ковыльно-типчаковыми и белополынными степями на комплексах светло-каштановых почв с солонцами;
- Манычская ложбина с солянковыми и полынными степями и полупустынями на каштановых и солонцевато-солончаковых почвах; северо-восточная периферия Ставропольской возвышенности со злаковыми и полынно-разнотравными степями на черноземах [Ташнинова и др. 2010: 52].

Почвенно-климатическое районирование.

Структура почвенного покрова Калмыкии отличается большим разнообразием и комплексностью, обусловленные различием процессов почвообразования и строением ландшафтов [Ташнинова 2000]. Наиболее благоприятными для растительных сообществ и, соответственно, для их потребителей (животных и людей) являются черноземы и каштановые почвы, содержащие большее количество гумуса в плодородном горизонте. Сельскохозяйственная продуктивность с единицы площади на этих почвах наиболее высокая, независимо от формы ведения сельского хозяйства: земледелия или скотоводства. В Калмыкии это районы, расположенные южнее системы Маныч-Гудило и на Ергенинской возвышенности. Менее благоприятными для растительных сообществ можно считать Прикаспийскую равнину (низменность) на бурых почвах, песках, на солонцах и солончаках. Меньшее количество гумуса определяет низкую сельскохозяйственную продуктивность. Исторически Черные земли Калмыкии являлись только местом зимовки всех кочевий и в теплые периоды практически не эксплуатировались [Неронов 2000].

В 1960–1970 гг. в республике велись масштабные работы по развитию земледелия (в первую очередь орошаемого), а также добывающей промышленности (доминирующим видом минеральных ресурсов является нефть и газ) [Эльвартынов 1987]. Сложившаяся в тот период система стационарных животноводческих стоянок и пунктов разработки и транспортировки углеводородов привела в последующем к массовому разрушению древних задернованных песков и супесчаных почв Черных земель. Бурые пустынно-степные почвы на этой территории в течение ряда лет испытывали сильную пастбищную нагрузку, усиленную ветровой эрозией. Климатические изменения в XX в., усугубленные формами хозяйства, которые не характерны для данной

экосистемы, вызвали катастрофическое опустынивание восточных регионов Калмыкии в 1970–1980-е гг., когда площадь только открытых песков достигала более 25 % территории, не считая полузакрепленных песков и солончаков [Зонн 1995]. В настоящее время площадь открытых песков значительно снизилась [Ташнинова и др. 2010]. Однако восстановительные процессы крайне неустойчивы. Приостановка мероприятий по закреплению песков, увеличение техногенной нагрузки при проектировании новых транспортных систем и гидротехнических сооружений может привести к рецидиву опустынивания [Ташнинова, Буваев 2009].

Основным показателем существования экосистем является степень засушливости (аридности) территории. Для Калмыкии выделены четыре аридные зоны и выполнены расчеты климатических индексов аридности:

- сильно аридная зона (A) расположена на крайнем востоке и юго-востоке Калмыкии. Климат здесь очень сухой, гидротермический коэффициент (ГТК) 0,3–0,4, количество осадков менее 300 мм, высокие температуры теплого периода. В зоне (A) преобладают солончаки, бурые солончаковые почвы и бугристо-грядовые пески.
- средняя аридная зона (B) включает большую часть восточной Калмыкии со среднегодовыми осадками 250–300 мм и жарким летом, ГТК 0,4–0,5. Это северные пустыни или южные полупустыни. В зоне (B) преобладают бурые песчаные и супесчаные аридные почвы.
- умеренно аридная зона (C) включает большую часть западной Калмыкии (Ергенинскую возвышенность и часть Сальско-Манычской гряды) со среднегодовыми осадками 300–400 мм и теплым летом, ГТК 0,5–0,6. Это сухие степи или северные полупустыни. Почвы зоны (C) отнесенные к каштановому типу.
- слабо аридная зона (D) занимает небольшую площадь на крайнем западе республики с осадками более 400 мм и нормальным теплым летом, с ГТК 0,70–0,75. Это южные степи или северные полупустыни. Почвы зоны (D) представлены в основном черноземами [Ташнинова и др. 2010: 52–53].

Таким образом, в Республике Калмыкия выделены четыре аридные зоны. Климатическое районирование Калмыкии по степени засушливости климата показано на рисунке 1.

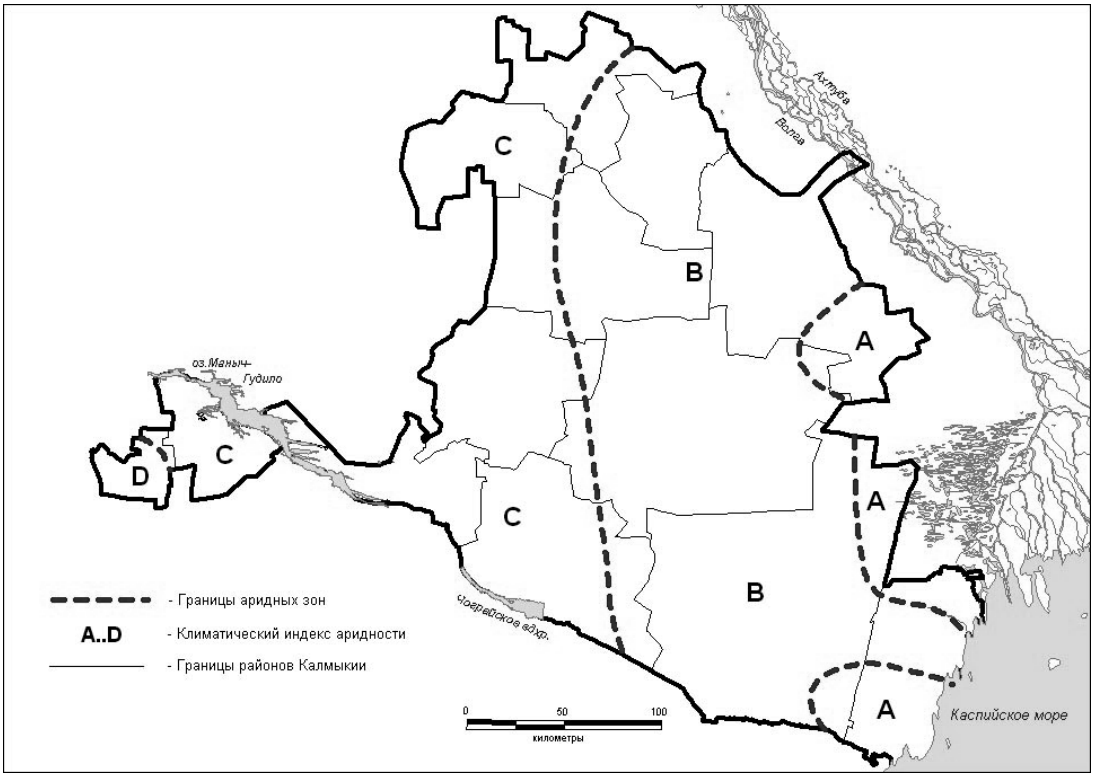


Рис. 1. ***Распределение аридных зон на территории Калмыкии [Ташнинова и др. 2010]***

Размещение населения Республики Калмыкия.

Рассмотрим численность населения районов республики и покажем влияние природно-климатических условий на размещение населения. Источниками данных итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. и текущих статистических показателей послужили официальные сайты Росстата и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия [www.gks.ru, www.statrk.ru].

Согласно данным о численности России, федеральных округов, регионов Российской Федерации, районов, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов, население Республики Калмыкия составляет 289 481 человек, из них 127 637 городское население и 161 844 сельское, или 44,1 % и 55,9 % соответственно (табл. 1) [Об итогах Всероссийской переписи населения]. Следует дополнить, что Республика Калмыкия — единственный регион в Южном Федеральном округе, в котором наблюдается преобладание сельского населения [Нусхаева 2012: 122]

Таблица 1. ***Численность населения Республики Калмыкия, районов, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов (по итогам ВПН 2010 г.)***

Республика Калмыкия	**289 481**
Городское население	127 637
Сельское население	161 844
г. Элиста с подчиненными его администрации населенными пунктами	108 289
Городское население — г. Элиста	103 749
Сельское население	4 540
посёлок Аршан	3 927
Прочие сельские населенные пункты	613
Городовиковский район	17 295
Городское население — г. Городовиковск	9 565
Сельское население	7 730
Ики-Бурульский район — сельское население	11 424
посёлок Ики-Бурул	4 051
Прочие сельские населенные пункты	7 373
Кетченеровский район — сельское население	10 622
посёлок Кетченеры	3 908
Прочие сельские населенные пункты	6 714
Лаганский район	20 089
Городское население — г. Лагань	14 323
Сельское население	5 766
Малодербетовский район — сельское население	10 528
село Малые Дербеты	6 434
Прочие сельские населенные пункты	4 094
Октябрьский район — сельское население	9 438
посёлок Большой Царын	5 497
Прочие сельские населенные пункты	3 941
Приютненский район — сельское население	11 658
село Приютное	6 010
Прочие сельские населенные пункты	5 648
Сарпинский район — сельское население	13 796
село Садовое	6 530
Прочие сельские населенные пункты	7 266

Целинный район — сельское население	20 051
село Троицкое	11 943
Прочие сельские населенные пункты	8 108
Черноземельский район — сельское население	13 258
посёлок Комсомольский	4 525
Прочие сельские населенные пункты	8 733
Юстинский район — сельское население	10 585
посёлок Цаган Аман	6 027
Прочие сельские населенные пункты	4 558
Яшалтинский район — сельское население	17 178
село Яшалта	4 716
Прочие сельские населенные пункты	12 462
Яшкульский район — сельское население	15 270
посёлок Яшкуль	7 861
Прочие сельские населенные пункты	7 409

Население городского округа г. Элисты насчитывает 108 289 человек, что составляет 37,4 % от общей численности населения республики, причем 35,8 % — это жители г. Элисты. Таким образом, более чем третья часть населения республики проживает в г. Элисте.

Наиболее многочисленным районом республики является Лаганский район, население которого составляет 20 089 человека (6,9 %). Из них 14 323 человека (71,3 %) проживает в г. Лагань и 5 766 человек в сельской местности.

Далее по численности населения следует Целинный район с численностью 20 051 человек или 6,9 % от общей численности населения республики. Такое размещение объясняется расселением населения вокруг столицы республики.

Городовиковский район занимает четвертое место по численности населения — 17 295 человек (6,0 % от общей численности населения). Более половины населения (55,3 %) проживает в г. Городовиковске и 7 730 человек в сельской местности района.

Несколько меньше население Яшалтинского района — 17 178 человек или 5,9 % от общей численности населения республики. Население Яшкульского района составляет 15 270 человек (5,3 %). Сарпинский район с населением 13 796 человек (4,8 %) занимает седьмое место. Далее следует Черноземельский район, численность его населения составляет 13 258 человек (4,58 %). В Приютненском районе проживает 13 258 человек (4,6 %), в Ики-Бурульском районе — 11 424 человек (3,9 %), в Юстинском районе — 10 585 человек (3,7 %). Население Кетченеровского и Малодербетовского районов составляет 10 622 и 10 528 человек (3,7 % и 3,6 % соответственно). Завершает список Октябрьский район с населением 9 438 человек (3,3 %).

Таким образом, основное сосредоточение население приходится на три города республики: столицу республики Элисту, Лагань и Городовиковск. Наиболее многочисленными можно считать Яшалтинский и Яшкульский районы, а наименее — Октябрьский.

Рассмотрим плотность населения по районам республики. Средняя плотность населения Республики Калмыкия — 3,8 чел./ км^2. На основании данных Росстата о численности населения Республики Калмыкия разработана картосхема плотности сельского населения Республики Калмыкия. На рис. 2 выделены три зоны плотности населения.

- К первой зоне, плотность которой составляет 0,9–2,8 чел./км^2, относятся 8 районов республики: Ики-Бурульский, Кетченеровский, Лаганский, Малодербетовский, Октябрьский, Черноземельский, Юстинский, Яшкульский. Это районы с наименьшей плотностью населения. Сопоставление двух схем (зона аридности и плотность населения) показывает, что территория районов приходится на сильно аридную и среднюю аридную зоны (А и В).
- Далее по плотности следуют три района республики: в Приютненском и Сарпинском районах плотность населения составляет 3,7 чел./км^2, в Целинном

районе — 3,8 чел./км². Согласно выделенным зонам аридности, эти районы располагаются в умеренно аридной зоне (C).

- Наибольшая плотность населения республики отмечается в Городовиковском и Яшалтинском районах (7,1 и 6,9 чел./км² соответственно). Эти районы расположены в слабо аридной зоне (D), которая характеризуется наиболее благоприятными природно-климатическими условиями.

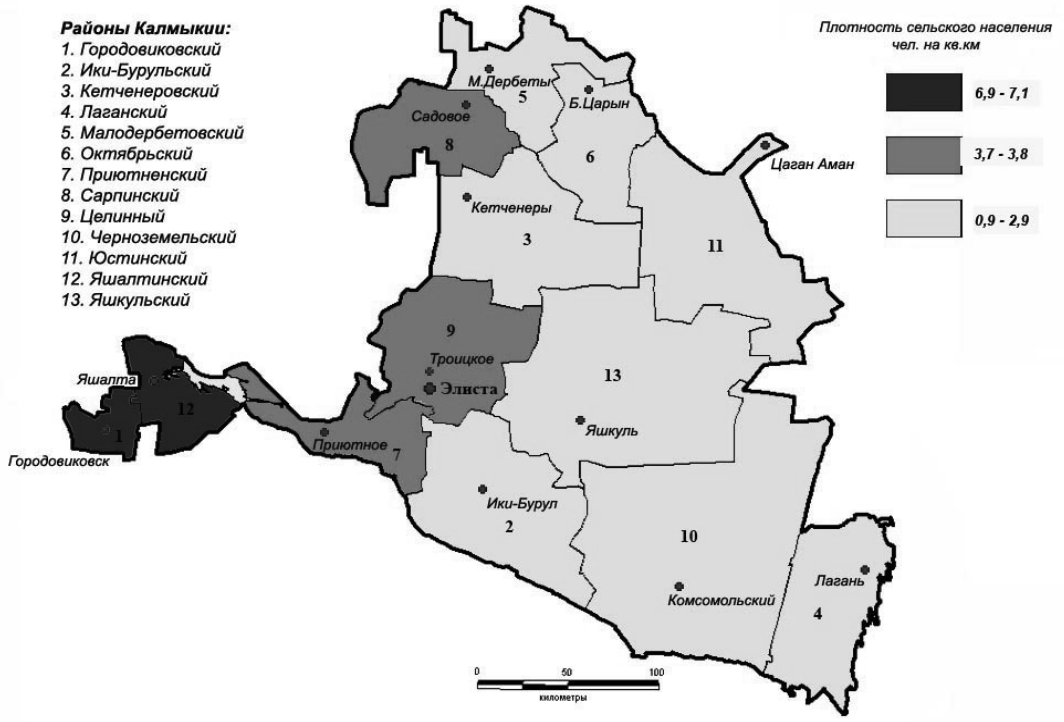


Рис. 2. ***Распределение сельского населения по районам Калмыкии (2010 г.)***

Можно сделать вывод о взаимосвязи природно-климатических условий и размещения населения республики. Как показывает сопоставление рисунков 1 и 2, границы климатических (аридных) зон практически совпадают с районами Калмыкии с различной степенью плотности проживания.

Интересным, на наш взгляд, будет сравнительный анализ размещения населения Республики Калмыкия в 1970 и 2010 гг. Население Калмыкии в 1970 г. составляло 267 993 человек. Из них 91,7 тыс. городское население и 176,3 тыс. сельское, что составляет 34,22 % и 65,78 % соответственно. Сравнение статистических данных свидетельствует о росте удельного веса городского населения, что связано с присвоением п. Башанте статуса города в 1971 г. [Энциклопедии и словари]. Сравним плотность населения Калмыкии по данным переписи 1970 г. и современные показатели.

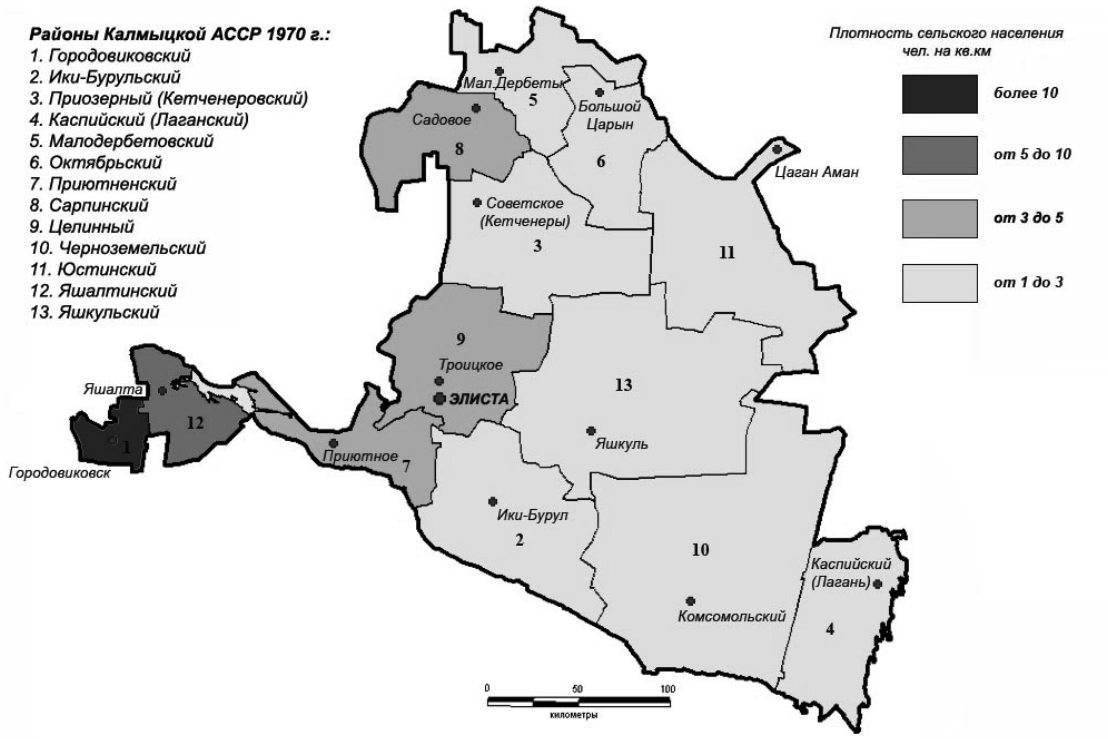


Рис. 3. ***Распределение сельского населения по районам Калмыкии (1970 г.)***

На рис. 3 показано распределение сельского населения по районам Калмыкии в 1970 г. Согласно этим данным, выделяются четыре зоны плотности. К первой зоне отнесены районы с плотностью от 1 до 3 чел./км^2: Ики-Бурульский, Приозерный (Кетченеровский), Каспийский (Лаганский), Малодербетовский, Октябрьский, Черноземельский, Юстинский, Яшкульский. В трех районах (Приютненский, Сарпинский, Целинный) плотность населения составляет от 3 до 5 чел./км^2. Яшалтинский и Городовиковский районы выделены в зону с плотностью от 5 до 10 чел./км^2.

На фоне остальных районов выделяется Городовиковский, плотность населения которого в 1970 г. составляла более 10 чел./км^2, что связано с присвоением в 1971 г. п. Башанте статуса города Городовиковска и перехода сельского населения в категорию городского. По нашим расчетам, плотность сельского населения Городовиковского района в 2010 г. составила 7,1 чел./км^2. Этот район по-прежнему остается территорией с наиболее высокой плотностью сельского населения в республике.

Следующим отличием, выделенным при сравнении плотности сельского населения Калмыкии в 1970 и 2010 гг., является выделение района с наименьшей плотностью населения. Так, плотность сельского населения Октябрьского района в 2010 г. составляет 0,9 чел./км^2, а в 1970 г. плотность населения этого района выделена в группу 1–3 чел./км^2.

В целом плотность и размещение населения остались прежними. Высокая плотность населения отмечается в слабо аридной зоне, плотность населения от 3 до 4 чел./км^2 определены в тех районах республики, которые располагаются в умеренно аридной зоне, и самая низкая плотность наблюдается в восьми районах республики, которые размещаются в сильно и средне аридных зонах. Кроме того, размещение населения республики характеризуется сосредоточением большой части населения в трех городах Калмыкии.

Таким образом, высокая плотность населения в западной части и низкая в восточной части республики напрямую зависит от взаимодействия двух основных факторов:

- климатических индексов аридности: чем выше степень засушливости, тем меньше плотность населения в регионе;
- комплекса основных почвенно-растительных ассоциаций в каждой из арид-

ных зон на территории Калмыкии: наиболее плотно заселены районы с наиболее благоприятными условиями для земледелия.

Литература

Атлас Калмыцкой АССР. М.: ГУГК СМ СССР. 1974. 33 с.

Зонн С. В. Опустынивание природных ресурсов аграрного производства Калмыкии за последние 70 лет и меры борьбы с ним // Биота и природная среда Калмыкии. М.: ООО «Каркис», 1995. С. 19–52.

Неронов В. В. Изменения состояния биоты Черных земель Калмыкии за вековой период // Известия РАН. Серия географическая. 2000. № 5. С. 81–90.

Нусхаева Б. Б. Население Республики Калмыкия по итогам Всероссийской переписи — 2010 г.: основные характеристики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 128–134.

Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. [электронный ресурс] // URL: www.statrk.ru (дата обращения: 21.03.2012).

Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А. Почвы аридных зон Калмыкии // Вестник Южного научного центра РАН. 2010. Т. 6. № 1. С. 52–61.

Ташнинова Л. Н., Буваев Д. А. Геоинформационный мониторинг пастбищных земель северо-западного Прикаспия // Проблемы региональной экологии. 2009. № 5. С. 290–294.

Ташнинова Л. Н., Буваев Д. А., Богун Н. М. Комплексные исследования природной среды долины реки Кума в пределах Калмыкии // Современное состояние и технологии мониторинга аридных и семиаридных экосистем юга России. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 174–188.

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2010. Стат. сб. Элиста: Калмыкиястат, 2010. 323 с.

Численность населения Республики Калмыкия [электронный ресурс] // URL: www.statrk.ru (дата обращения: 21.03.2012).

Эльвартынов И. Н., Киенко Ю. П. Основные результаты комплексного изучения природных ресурсов Калмыцкой АССР на основе космического зондирования // Межведом. тематический сб. науч. трудов: Исследование природных ресурсов Калмыцкой АССР с использованием материалов космического фотографирования. М.: ИНИИГАиК, 1987. С. 5–15.

УДК 316.77
ББК 60.5

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ФОРМА ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. В. Байдалова, Е. А. Емельянова

Человек живет в мире природы и мире культуры. На характер окружающей среды можно посмотреть и под другим углом зрения: человек живет в двух мирах — мире вещей и мире знаков. Вещи, созданные как природой, так и самим человеком, — материальный субстрат нашего мира. Мир знаков связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями.

Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса. Еще Пифагор «для познания нравов какого ни есть народа» советовал прежде всего изучить его язык. Столь же неоспорима связь языка с культурой, орудием и ипостасью которой он является.

В последнее десятилетие с развитием рыночных отношений мощное развитие получил рекламный бизнес. Современная зарубежная и отечественная реклама отражает все радикальные изменения в технологиях и средствах передачи информации, в экономических и социальных отношениях, в нашем понимании культуры, общества и роли в нем человека. Следует отметить, что реклама отличается многообразием форм — это в свою очередь является одним из факторов, обуславливающим ее широкое применение в самых разных областях человеческой жизнедеятельности — от коммерческой до социальной. Являясь одним из наиболее распространенных средств передачи массовой информации, реклама рассматривается и как форма коммуникации, и как составная часть маркетинга, и как средство популяризации товаров, услуг или идей. Нельзя не отметить, что если в самом начале рекламной деятельности отечественные специалисты использовали достижения зарубежных разработок по маркетингу и креативному решению рекламных кампаний, то по мере появления в России тысяч новых рекламных агентств, ежедневно решающих проблемы по продвижению товара на рынок, сотрудники последних накопили достаточный опыт по разработке отдельных составляющих рекламы.

В настоящее время вопросам места и роли социальной рекламы в жизни общества уделяется много внимания. Необходимость решения социальных проблем повышает значимость этого вида рекламы и ставит задачи для ее дальнейшего развития. Однако нельзя не заметить, что при всей совокупности имеющихся публицистических и исследовательских материалов о социальной рекламе сам феномен в полной мере не изучен.

Задачи социальной рекламы сводятся к формированию общественного мнения, привлечению внимания к актуальным проблемам общественной жизни, активизации действий по их решению, формированию позитивного отношения к государственным структурам, демонстрации социальной ответственности бизнеса, укреплению социально значимых институтов гражданского общества, формированию новых типов общественных отношений, изменению поведенческой модели общества. Одной из задач социальной рекламы является формирование установки общества на производство и освоение ценностей, которые выходят за рамки торговых отношений [Николайшвили 2008: 16].

Любая реклама имеет дело с текстом, и именно лексические единицы позволяют выявлять то, насколько национальные различия влияют на восприятие и силу воздействия рекламы. Воздействие социальной рекламы, как правило, строится на сильных отрицательных эмоциях, поскольку речь идет о важных и не всегда приятных проблемах, и рекламист не ставит задачу создать благовидный образ продукта, а, наоборот, — возбудить рефлексию получателя, заставить проникнуться состраданием, вызвать тревогу и страх.

Эмпирической базой исследования в рамках статьи являются законодательные и нормативно-правовые акты, регулирующие

жизнедеятельность современного российского общества в целом и сферу рекламной деятельности, в частности данные официальной статистики; международные и российские ресурсы глобальной сети Интернет, а также вторичный анализ материалов социологических исследований, опубликованных в печати.

Язык служит средством не только передачи сообщения, но и моделирует самые разные социально-психологические отношения общества (энтузиазм, страх, зависть и др.) [Карасик 1996: 7]. Эксперты, занимавшиеся изучением проблемы рисков, пришли к выводам, что культура, культурные ценности и нормы являются определяющими в оценке рисков и опасностей. Таким же образом культура определяет и страхи. Некоторые распространенные в массовом обществе страхи могут быть рассмотрены как элементы массовой культуры. Например, в американском обществе в последние годы резко усилился страх перед курением как вредной привычкой и фактором повышенного риска заболеть раком легких. За годы общественных мероприятий курящие и курение превратились в «культурную тему», которая вызвала массу выступлений, газетных и журнальных статей, монографий, научных исследований, телевизионных и радио-дебатов. Публичное внимание и массовая озабоченность этой проблемой привели к серьезным сдвигам в массовом поведении. Резко снизился процент курящих. Соблюдается разделение мест для курящих и некурящих в публичных местах. В ряде учреждений вообще запретили курить. Права курящих как меньшинства, которое оказалось ущемленным некурящим большинством, привлекли внимание борцов за права человека. Диспуты о табачных компаниях, претензии и требования к ним развернулись на всех уровнях государственной власти, включая сенат и высшую федеральную власть. Решения, принимаемые властями, и последующие действия, как и действия общественных организаций и частных лиц, ориентированы на создание общественной атмосферы, ограничивающей курение рамками личных решений, касающихся конкретно самого курящего человека и его ответственности за свое собственное здоровье и жизнь [Вяльба 1997: 10–13].

Массовыми могут быть признаны любые общераспространенные страхи, которые отражают иерархию ценностей и предпочтений, сложившихся в определенном обществе, его группах и слоях. Их содержание охватывает наиболее значимые сферы общественной и индивидуальной жизни [Социальное самочувствие россиян…].

Часто люди испытывают страх по отношению к чему-то определенному, потому что в их культуре это считается страшным. Масоны, например, страшны не потому, что вред, причиненный ими, имеет источником исторический, семейный или личный опыт, а потому, что существуют соответствующие культурные предрассудки. То же самое можно сказать и о распространенных страхах перед какими-либо объектами, предметами или ситуациями, начиная от простого суеверного страха перед черным котом, переходящим дорогу, до рафинированного, но такого же, по сути, суеверного страха перед расположением звезд и «магическими» числами.

Концептуальное поле эмоции «страх» в русском языке представлено следующими ядерными элементами:

- **страх** — *очень сильный испуг, чувство сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью;*
- **ужас** — *чувство сильного страха, испуга, приводящее в состояние подавленности, оцепенения, трепета;*
- **жуть** — *чувство тоскливого беспокойства, страха;*
- **паника** — *крайняя степень страха, сразу охватывающего человека или многих людей;*
- **боязнь** — *робость, беспокойство, вызываемое ожиданием опасности, несчастия;*
- **фобия** — *непреодолимый навязчивый страх;*
- **испуг** — *сильное душевное волнение от чего-нибудь страшного, пугающего;*
- **опасение** — *чувство тревоги, беспокойство, предчувствие опасности;*
- **тревога** — *беспокойство, сильное душевное волнение, смятение (обычно в ожидании опасности, чего-нибудь неизвестного)* [Ожегов, Шведова 2006].

Рассмотрим объем концепта «fear» в английском языке. На лексическом уровне данный языковой концепт представлен такими ядерными элементами, как:

- **fear** — *the bad feeling that you have when you are in danger, when smth. bad might*

happen, or when a particular thing frightens you;
- **panic** — *a sudden feeling of great fear that cannot be controlled and prevents you from thinking clearly;*
- **terror** — *a feeling of extreme fear;*
- **horror** — *a feeling of great shock, fear or disgust;*
- **dread** — *a feeling of great fear about smth. that might or will happen in the future; a thing that causes this feeling;*
- **consternation** — *a worried, sad feeling after you have received an unpleasant surprise* [Hornby 2002].

Данные синонимичные единицы различаются в зависимости от интенсивности чувства страха, его импульсивности, продолжительности переживаемых эмоций, реакции человека, сопровождающей состояние страха. Доминантой ядерных элементов является существительное *fear/страх*. Оно обладает ассоциативной прозрачностью, позволяя видеть за собой состав всего ряда элементов и отражая в общем виде его содержание.

Ядерный элемент **страх** в российской социальной рекламе находит свое отражение в воздействии на адресата посредством использования лексико-семантического компонента содержания текста. Социальная реклама, передающая эмоцию страха, отличается психологическим воздействием. Ее главный объект — не те, кто стал жертвой, а те, кто остался жив. Цель — устрашение и деморализация живых. Арсенал лексических средств для привлечения внимания, пробуждения страха и убеждения, используемый в текстах социальной рекламы, весьма разнообразен: применяются игровые приемы, упрощается синтаксис и употребляется императив. Например: *Курить не буду жить; Остановись! Жизнь — больше стакана!; ЛОСОСЬ* [ПМА 2012].

Лексико-семантическое ядро **fear** представлено в англоязычной социальной рекламе элементами, означающими, как правило, страх человека за самого себя и осознание себя виновником сложившейся ситуации. Чаще всего в этом случае используется глагол to be + Participle II или фразовый глагол. *Например: Billions of animals are abused and violently killed because you eat meat; No one thinks they'll try to tear off their own skin. METH will change it; If you drink like a man you might end up like one* [ПМА 2012].

Различия результатов вербализации эмоций, которые обнаруживаются при сопоставлении российской и англоязычной языковых картин мира, свидетельствуют о том, что главными при формировании лингвистических категорий являются не перцептивно-физиологические факторы, а факторы работы этнического коллективного сознания по категоризации информации.

Наш анализ показывает, что эмоциональные концепты одного лексического поля взаимно дополняют друг друга, последовательно расширяя объем эмоциональной концептуальной сферы. Результаты анализа рекламных текстов наглядно демонстрируют различие между культурами, которые происходят из различий в способах воспитания детей, а также в прочих аспектах социализации. Такое членение действительности является прямым отражением тех или иных культурно-этнических доминант и несовпадения способов категоризации и, следовательно, концептуализации эмоции страха в русском и английском языке, а также о склонности англичан к большей детализации картины мира и, как следствие, номинации различных оттенков данной эмоции. Неповторимость эмоциональной картины мира любого языка становится очевидной на фоне изучения другого языка, другого коллективного сознания, что мы и пытались показать на лексическом материале, представляющем концептом эмоции страха.

Проведенный нами анализ позволяет говорить о наличии лексических средств передачи значения «страх» в российской и англоязычной социальной рекламе и свидетельствует о богатстве функционально-семантического поля «страх», которое характеризуется избирательностью лексических средств для определения страха в той или иной ситуации. При этом различные элементы функционально-семантического поля отвечают за свою часть восприятия концепта как вербальными, так и невербальными средствами, которые позволяют комплексно воздействовать на аудиторию.

Общество потребления — такова одна из характеристик современного общества, которое во все большей степени оказывается организованным на основе принципа потребления. Эта доминанта соотносится обычно с такими социальными явлениями, как рост доходов, существенно изменяющий структуру потребления, снижение продолжительности рабочего и рост свободно-

го времени, размывание классовой структуры и многофакторный характер социальной дифференциации, ведущий к тому, что формирование идентичности все более и более смещается от трудовой сферы к сфере досуга и потребления, индивидуализация потребления, которое формирует индивидуальный стиль и имидж. Что касается экономики, то ее в соответствии с этими изменениями часто называют «экономикой потребителя» (а не производителя), где не предложение формирует спрос, а, напротив, спрос формирует предложение. Рынок сегментирован, а индивидуальное потребление отражает не только социальные характеристики потребителя, являясь демонстрацией его социального статуса, но и особенности его индивидуального образа жизни [Кривельская 1996: 27–29].

Главная причина слабого развития рекламной деятельности, на наш взгляд, кроется в исключительно слабом, практически полном отсутствии эффективных каналов взаимодействия между государством и общественностью — что влечет непонимание (или нежелание понимать) структурами власти интересов, потребностей и проблем населения. «В результате проигрывает все общество: не осуществляется профилактика социальных коллизий, не формируется позитивное информационное поле, что отрицательно отражается на состоянии общественного мнения, на уровне самосознания социума» [Аузан 2001: 21–22]. Именно поэтому целенаправленное развитие диалога между общественностью и властью (что, по сути, и является обратной связью) рассматривается экспертами социальной рекламы как ключевое условие ее эффективности.

К сожалению, язык рекламной коммуникации технизирован, упрощен, во многом упущены социальные аспекты общения. Это ведет к отчуждению человека от социальной среды. Таким образом, предположение о недооценке лексико-семантического компонента содержания текста находит свое подтверждение в том, что реклама моделирует не социум, а интересы рекламодателей.

Наиболее эффективными управленческими мерами, способствующими развитию социальной рекламы в российском обществе, являются как меры общесоциального характера (обеспечение обратной связи между государством и обществом), так и более специализированные (конкурсы социальной рекламы и внедрение комплексных социальных программ, предусматривающих финансирование социальной рекламы).

Современная социальная реклама (как англоязычная, так и российская) направлены на большее количество носителей, она более разнообразна как в техническом, так и творческом отношении. Отчасти это связано с техническим прогрессом, отчасти с тем, что создание социальной рекламы инициирует не только государство, как это было в советское время, но и бизнес, политика и «третий сектор» — некоммерческие и общественные организации.

Как известно, у людей, помимо зрительной, очень устойчивой, является эмоциональная память, которая работает по принципу: приятно — неприятно, нравится — не нравится. Рекламные материалы неизбежно навевают неосознаваемые эмоциональные образы. Установлено, что эмоциональная память намного сильнее, чем другие виды памяти, воздействует на поведение человека. Любой рекламный видеоряд — это не только информация, но прежде всего несколько эмоционально насыщенных мгновений, лично переживаемых человеком в момент просмотра. Характерна в этом отношении сама рекламная лексика с ее богатой эмоциональной терминологией. Например: *Мама, почему я дебил? В 8 из 10 случаев рождение умственно отсталого ребенка — результат употребления спиртного, в том числе слабоалкогольных напитков; Диме Б. был один год. Он умер, потому что 22.11.2012 на Звенигородском шоссе вы, с...ки, не пропускали скорую; SURGEON GENERAL WARNING. Drinking This Water Couses Lung Cancer, Yeart Disease, Emphysema, And May Complicate Pregnancy. Would you drink it?; CARRY ON, taking rubbish into your mouth* [ПМА 2012].

Таким образом, в социальной рекламе можно выделить два слоя — вербальный и скрытый, имплицитный. Сама реклама не рефлексивно оказывает влияние на человека. Главная проблема социальной рекламы в России заключается в том, что она не направлена на глубинное подсознание, а вследствие этого вербальная суть сообщения не всегда передается. Это вызвано неумением связать технический язык коммуникации с языком культурного контекста. Только на основе сохранения исходных клише возможна эффективность действия социальной рекламы.

В социальной рекламе необходим тематический баланс между текущими социальными задачами и стратегическими целями, между позитивом и негативом в тематическом содержании. Для повышения управленческой эффективности, предложения по тематике социальной рекламы в соответствующих пропорциях следует высказывать всем структурам — органам государственной власти, институтам гражданского общества, рядовым гражданам.

Социальная реклама, на самом деле, очень похожа на другие виды рекламы и, казалось бы, ничего особенного в ее производстве и в подходах к ее созданию и реализации быть не должно. Но есть несколько принципиальных отличий. Коммерческая реклама продвигает объект, услугу или продукт, и ее результаты можно легко просчитать. Социальная реклама призвана продвигать социальные ценности и поэтому работает гораздо медленнее. Медленнее, но долговременнее. Результаты ее работы часто трудно оценить в короткой перспективе, невозможно зафиксировать маркетинговые результаты в динамике прибыли по подъему уровня продаж. Иногда результаты работы социальных кампаний становятся очевидны не раньше, чем через несколько лет, т. е. должно вырасти новое поколение людей, которые впитали в себя этот комплекс принципов, сообщений и информации, а также скорректировали свои этические и нравственные установки, модели поведения и, благодаря этому, появился совершенно другой этический, интеллектуальный и социальный результат.

Социальная реклама представляет особенный интерес из-за своей кажущейся простоты. Но миф о ее простоте является ловушкой. Некоторые коммерческие службы и бизнес-корпорации, начиная вести социальные проекты и программы, считают, что социальная реклама может работать по законам рекламы коммерческой. По тем же стандартам, адресатам, сообщениям и штампам, которые у них наработаны в бизнес-PR, они пытаются действовать в социальных кампаниях. Тут и начинаются первые сюрпризы: простейший социальный проект отказывается работать — не доверяет аудитория, не печатают СМИ, срываются пресс-конференции, совершенно не проявляют интереса к этим социальным кампаниям журналисты. Например: *Выбирая одежду, НЕ ЗАБУДЬТЕ про ремень; СМСишь за рулем? Ответ не дойдет; Курить в присутствии ребенка — еще большая пытка для него; Разбуди SOSЗНАНИЕ. Прояви SOSСТРАДАНИЕ. Окажи SOSДЕЙСТВИЕ* [ПМА 2012].

«Почему? В этом состоит одна из ключевых особенностей социальной рекламы в России: политически коммерческие или политические цели, замаскированные под социальную рекламу, просвечивает через нее как сквозь призму. Она высвечивает прагматику, поэтому общество, те адресаты, к которым она адресована, чувствуют манипуляцию и не доверяют ей, если намерение имеет целью получение выгоды, если это сделано для того, чтобы хорошо отчитаться, выполнить проект, освоить деньги. Лакмусовая специфика социальной рекламы — самый тонкий ее дискурс» [Николайшвили 2008: 126–128].

Отличительной особенностью современной социальной рекламы в России является ее коммерциализация, представляющая собой превращение социальной рекламы в инструмент корпоративных PR и зачастую предполагающая размывание ее дискурса через привнесение в него ярко выраженного коммерческого компонента. Коммерциализация обусловлена участием бизнеса в производстве и распространении социальной рекламы. В России факт того, что государство является основным заказчиком рекламы социального характера, не противоречит ее коммерциализации. Государство либо самостоятельно, либо через посредников находит спонсоров для своих информационных кампаний и позволяет этим спонсорам в полной мере использовать социальный дискурс для продвижения собственного бренда.

Несомненно, фиксируя размывание дискурса социальной рекламы, следует учесть фактор рекламной мимикрии. Но он далеко не единственный. Существует немало случаев, когда реклама изначально возникает как социальная (причиной организации коммуникативного акта становится общественная необходимость), но впоследствии обретает коммерческий подтекст. Более того, инициируя или спонсируя социальную рекламу, бизнес может не видоизменять ее в своих интересах и при этом успешно использовать в PR-коммуникации. На практике отличить случаи, где коммерческая реклама заимствует черты социальной, от случаев, где социальная реклама приобретает черты коммерческой, весьма проблематично. По-

этому при описании феномена коммерциализации для нас важно просто подчеркнуть, что иногда социальная реклама дает коммерческий эффект, т. е. прямо или косвенно выражает интересы бизнес-субъекта.

Обозначенный коммерческий эффект существует в трех формах. Если социальная реклама продвигает не только общеполезные идеи, но и содержит информацию, направленную на формирование интереса к товару/услуге спонсора, то можно говорить о собственно коммерческом эффекте такой рекламы. Вне всякого сомнения, обращение, в котором упомянут бизнес-субъект и его продукция, можно и нужно рассматривать как коммерческую рекламу. Однако на практике заказчиками подобной рекламы нередко являются власть и «третий сектор», т. е. имеются основания, чтобы отнести эту рекламы к социальной. Вообще явление коммерциализации заключается именно в размывании критериев, по которым потребитель может идентифицировать информацию как социальную (не ставящую перед собой задачу побуждения к акту потребления).

Если в социальной рекламе перечисляются спонсоры, партнеры и другие коммерческие организации, причастные к производству и распространению данной рекламы, то можно говорить о PR-эффекте для упомянутых представителей бизнеса. Однако PR-эффект от социальной рекламы достигается не только за счет прямой ссылки на спонсора. Иногда социальное послание сочетается с недвусмысленным позиционированием определенного коммерческого бренда без его упоминания. При этом реципиент получает подсказку, как «вычислить» этот бренд, и при желании легко может это сделать. Более того, PR-эффект от социальной рекламы может возникать не только при непосредственном контакте целевой аудитории с рекламным продуктом. Иногда мы можем говорить об отсроченном PR-эффекте. Речь идет о тех случаях, когда социальная реклама попадает в фокус СМИ, т. е. становится информационным поводом для публикаций о спонсировавшей ее коммерческой организации.

Наконец, участие бизнеса в производстве и распространении социальной рекламы можно рассматривать в русле GovernmentRelations (GR) — налаживания благоприятных отношений с властью. Другими словами, если результатом кампании становится лоббирование корпоративных интересов среди чиновников, проведение стратегически важных встреч с официальными лицами государства, можно говорить о GR-эффекте такой кампании [Астахова 1996].

Конечно, понятие общества потребления связано прежде всего с материальными ценностями. Но, тем не менее, процесс потребления идей в обществе все равно идет. Это можно проследить, рассмотрев, кто и какую социальную рекламу заказывает. Ведь отношения между социальной рекламой и обществом потребления, как правило, скрываются в социальном заказе.

Таким образом, мы приходим к выводу правомерности гипотезы, согласно которой, российская социальная реклама выражает не состояние общества, а создает искусственные миры, которые технически, а не социально-культурно воздействуют на аудиторию. Доля социальной рекламы, сделанной по заказу государства (именно государство является основным заказчиком рекламы во всех развитых странах), стремительно растет. «Однако государственные заказчики часто путают качественную социальную рекламу с пропагандой, которая по прямолинейности и безальтернативности воздействия еще с советских времен вызывает отторжение. Упор делается на техническую сторону рекламного сообщения, манипулятивность его содержания. Без формирования установок нереализуема регулятивная функция социальной рекламы» [Турченко 1997: 268].

Необходимое условие успешности рекламного продукта, помимо удачного креативного хода, — его качественное лексическое и художественное исполнение. Рекламная кампания, сделанная на любительском уровне, может привести к полной дискредитации ее смысла.

«Необходимо учитывать, что социальная реклама является особым инструментом управления обществом. Она способна не только выражать состояние общества, но и оказывать воздействие на установки и поведение людей. Для повышения эффективности рекламных сообщений следует осваивать особенности российского национального менталитета» [Амбуладзе 1998: 119]. Социальная реклама может и должна работать на улучшение духовно-морального климата в обществе, даже при подаче феноменально страшных и шокирующих материалов.

Источники

ПМА 2012 — Полевые материалы авторов

Литература

Амбуладзе Д. Г. Национальное самосознание: сущность, структура, противоречия. М.: Клистар, 1998. 206 с.

Астахова Т. В. Связи с общественностью для третьего сектора. М.: Аспект Пресс, 1996. 195 с.

Аузан А. Есть целая серия проблем, которые не решаются государством без общества и обществом без государства. М.: ОГИ, 2001. 263 с.

Вяльба Ю. А. Причины социального нездоровья общества // Клуб «Реалисты». 1997. № 33. С. 10–13.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М: Институт языкознания РАН, 1996. 92 с.

Кривельская Н. В. Духовное здоровье нации // Клуб «Реалисты». 1996. № 25. С. 27–29.

Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: Теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2008. 391 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [электронный ресурс] // URL: http://www.slovari.ru (дата обращения: 10.11.2012).

Российское общество: становление демократических ценностей // под ред. Макфола М., Рябова А. Московский Центр Карнеги. М.: Дело, 1999. 310 с.

Социальное самочувствие россиян: мерцающая стратификация / ВЦИОМ [электронный ресурс] // URL: http://wciom.ru (дата обращения: 10.11.2012).

Турченко В. Н. Экономическая ситуация в России. Новосибирск, 1997. 283 с.

Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's dictionary. Fifth edition. Oxford: Oxford University Press, 2002. 1440 p.

УДК 316.354:351/35
ББК 60.54

МОЛОДЕЖЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КАЛМЫКИИ*

Л. В. Намруева

Российская молодежь насчитывает около 40 миллионов человек, что составляет 27 % от общей численности населения страны. В соответствии со Стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 1760-р, к категории молодёжи в России ранее относились граждане от 14 до 30 лет. Однако в последнее время в большинстве субъектов РФ наблюдается тенденция смещения возрастного ценза для молодежи до 35 лет. Специалисты утверждают, что наибольшим модернизационным потенциалом в нашей стране обладает молодое поколение, система ценностей и поведение которого сформировались под влиянием постсоветских трансформаций. Наибольший интерес вызывают у исследователей россияне, рожденные в нач. 90-х годов и представляющие собой первое несоветское, «постперестроечное» поколение, которое прошло все стадии социализации в сложные 1990-е гг. [Ядова 2012: 5788]. Несмотря на то, что усвоение молодыми людьми социальных норм, ценностей происходило в сложных условиях становления нового общества, значительная часть молодежи смогла получить образование, приобщиться к богатейшему культурному наследию.

В данной статье анализируется роль молодежи в социокультурных процессах, ведь от ее позиций, активного участия в этнокультурном воспроизводстве зависит будущее этноса. В этой связи весьма актуальны положения, выдвинутые Карлом Мангеймом. В своем трактате «Диагноз нашего времени» ученый утверждает, что «проблемы молодежи в современном обществе имеют два аспекта: что может дать нам молодежь и что может ждать от нас молодежь» [Мангейм 1994: 441]. К. Мангейм очерчивает круг параметров, в рамках которых возможно гармоничное, социально значимое развитие личности молодого человека. Среди таких параметров выделены следующие:

1) состояние социального окружения как необходимое условие, позволяющее индивиду (молодому человеку) вносить вклад в данное общество;
2) приверженность молодых людей действующим в обществе идеям, культурным нормам и ценностям;
3) потенциал молодых людей и условия, необходимые для преобразования этого потенциала в действие [Мангейм 1994: 441].

Перенесем выделенные параметры на реалии современного калмыцкого общества. В системе образования республики созданы условия для оптимального восприятия элементов этнической культуры, формирования национального самосознания у молодого поколения. На это нацелены образовательные программы «Основы буддизма», «История и культура родного края», «Тодо бичиг», которые преподаются в школах региона с середины 1990-х гг. Разнообразные конкурсы и фестивали («Цаган ботхн», «Танцевальная весна», «Веселая карусель», «Юность Калмыкии»), фольклорно-этнографический фестиваль («Җаңһрин ачнр»), конференция («Бичкн төрскн») направлены на формирование у подрастающего поколения республики уважения к языку и культуре, на передачу традиций, опыта жизни этноса [Намруева 2011: 64]. В этой связи мы разделяем мнение З. В. Сикевич о том, что «институты образования и воспитания осуществляют гуманитарное (духовное) воспитание подрастающего поколения, в частности, воспитание этнокультурное, призванное формировать этническую идентичность, и патриотическое, призванное способствовать становлению национальной

* Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект КИГИ РАН «Современная молодежь и традиционная культура (на примере Калмыкии)»).

идентичности [Сикевич 2011: 51]. Наши исследования фиксируют, что в республике наблюдается растущий с каждым годом интерес школьников и молодых людей к изучению истории и культуры народа, своей малой родины.

В рамках Федеральной программы «Культура России» в г. Элисте на протяжении ряда лет (2005, 2007, 2009, 2011 гг.) проводится традиционный Международный фестиваль сказителей «Эпосы мира на земле потомков Джангара», в котором участвуют сказители из стран дальнего и ближнего зарубежья (Японии, Монголии, Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, Казахстана, Кыргызстана) и регионов России. Основная цель фестиваля заключается в демонстрации различных исполнительских традиций эпосов мира, в ознакомлении с ними широкой общественности. За Круглым столом «Сказительские традиции: сохранение и перспективы развития» ученые обсудили проблемы изучения и распространения произведений эпического жанра. В республике с 1990-х гг. возрождается искусство сказителей-джангарчи. Один из них, лауреат премии «Душа России» Владимир Каруев, удостоен включения в «Золотой фонд» ЮНЕСКО в номинации «Творчество народов мира». В Малодербетовском районе при Мемориальном музее Ээлян Овла — народного сказителя, жившего в начале XX в., — создана экспериментальная школа «Молодого джангарчи» под руководством Батра Манджиева, который в 2011 г. также стал лауреатом премии «Душа России».

В Калмыкии целенаправленно осуществляется поддержка одаренных детей в обучении национальным видам искусства. Так, осенью 2010 г. была открыта этношкола — специализированная школа-интернат для творчески одаренных детей, — где дети, владеющие родным языком, развивают свои литературные способности, изучают калмыцкую литературу и поэзию, приобщаются к богатым традициям народных калмыцких песен и танцев, знакомятся с методиками и техниками, использовавшимися в народном декоративно-прикладном искусстве, также обучаются искусству исполнения эпических произведений. О том, что решение о создании образовательного заведения было правильным, говорят успехи ее воспитанников. В марте 2012 г. танцевальный коллектив этношколы Республиканского центра детского творчества завоевал Гран-при международного фестиваля-конкурса «Звездный час» (г. Москва). Жюри высоко оценило самобытность калмыцких танцев «Ишкмдг», «Миңһн байр», «Чичрдг», хороший уровень исполнения юных танцоров, преемственность в сохранении традиций в области национальной хореографии. Ученики школы также успешно выступили в номинации «Народный вокал», заняв призовые места; в их исполнении прозвучали протяжная песня «Маля», народные домбровые песни «Галдма», «Бичкн кер мөрн».

Сохранение и приумножение традиций исполнительской и музыкальной культуры, повышение профессионального уровня учащихся и выявление одаренных и перспективных детей для дальнейшего профессионального ориентирования являются основными задачами регулярно проводимого в республике конкурса «Молодые дарования Калмыкии». Традиционно конкурс проходит в дни весенних каникул на базе Элистинского училища искусств им. П. Чонкушова, с каждым годом число его участников растет. В 2012 г. в нем приняли участие 220 воспитанников школ дополнительного образования от 7 до 19 лет из 10 районов и столицы республики, которые соревновались в номинациях «Национальные инструменты Калмыкии», «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство», «Оркестровые духовые инструменты» [Балакаева 2012].

Весной 2012 г. в республике проведены два крупных культурных мероприятия: детский конкурс калмыцкой песни «Теегин айс» (совместный проект Мэрии Элисты и ГТРК «Калмыкия») и шоу «Голос нации» (инициатива группы «Легато»). Телезрители активно голосовали за понравившихся участников по Интернету. Основная задача первого конкурса — возрождение национальных духовных традиций путем приобщения к нему молодого поколения. Конкурс показал, что в республике много талантливых детей, которые хорошо знают родной язык, прекрасно поют. Такие состязания, передачи необходимы, чтобы раскрывать юные таланты, растить настоящих патриотов. В финале шоу «Голос нации» участвовало 13 молодых людей, прошедших отборочный тур. При поддержке спонсоров, которых волнует судьба национальной культуры, проведены в столице страны концерты призеров конкурса «Голоса нации», организаторы которого ставят весьма амбициозную задачу — вывести победителей на

всероссийский уровень. Такие творческие соревнования способствуют развитию калмыцкого языка, песенного творчества в молодежной среде. Все участники показали, что настроены участвовать в сохранении этнической культуры.

Констатируя успехи молодых талантов, следует отметить, что в республике еще много молодежи, которая не имеет возможности для самореализации, особенно в сельской местности, в силу профессиональной загруженности, низкой информированности, отсутствия специального оборудования, помещения, профессиональных кадров, работающих с населением. Одним из важных направлений деятельности Министерства спорта, туризма и молодежи РК является разработка и реализация проектов, направленных на выявление, поддержку и развитие творческого потенциала молодежи. В рамках одного из таких проектов — «Билгтә баһчуд» —планируются создание базы данных о талантливых молодых людях, проведение Республиканских малых дельфийских игр, творческих конкурсов и фестивалей («Хаврин айс», «Прорыв»). Подобные мероприятия способствуют привлечению внимания общественности к творчеству молодых исполнителей, артистов, прикладников и повышению статуса молодежного творчества в социуме [Настольная книга 2011: 114].

Рассмотрим второй параметр социально значимого развития личности молодого человека (по Мангейму), используя результаты социологического исследования, проведенного автором в 2011 г., в рамках которого было опрошено 272 человека из числа учащихся школ, средних специальных и высших учебных заведений республики.

Распределение по этническому признаку выглядит следующим образом: 54 % респондентов — калмыки, 46 % респондентов — русские. Полученные результаты показывают, что более половины (56,7 %) анкетируемых приобщены к этнической культуре калмыков, из них 48 % опрошенных могут исполнить песню, йорял, калмыцкий танец. 8,7 % могут обучить других петь по-калмыцки, исполнить калмыцкий танец, т. е. эти молодые люди достаточно хорошо владеют рассматриваемыми видами народного творчества. 42,9 % респондентов ни одним из перечисленных умений не владеют. Следовательно, эта часть не включена в процессы этнической социализации. Данные опроса свидетельствуют, что молодежь включается в этническую культуру посредством чтения республиканских газет (38,9 % респондентов), просмотра спектаклей в калмыцких театрах (20,4 %), чтения произведений калмыцких авторов (14,0 %.) Почти каждый пятый (22,4 %) не выбрал ни один из предложенных вариантов, тем самым продемонстрировав равнодушное отношение к данным видам деятельности. Как видим, большинство опрошенной молодежи приобщено к культуре калмыцкого народа.

Закрытый вопрос «Что из предложенного Вы будете делать с удовольствием?» выявил, какое из предлагаемых действий по включению в этническую культуру является наиболее привлекательным. Согласно полученным данным, в равной степени являются привлекательным посещение выставок в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (23,4 %) и участие в художественной самодеятельности (23,4 %). Каждый шестой опрошенный (15,6 %) побывал бы на встрече с калмыцким художником. Следует отметить, что 37,6 % респондентов не нашли привлекательным ничего из предложенного списка. Данный вопрос также позволил определить и направленность интересов учащихся, которые, судя по ответам почти четверти опрашиваемых, связаны с художественной самодеятельностью и работой музея (далее следует интерес к творчеству калмыцких художников).

На вопрос «Беспокоит ли Вас будущее калмыцкой культуры?» 23,1 % респондентов отметили, что эта проблема для них актуальна, поэтому они сами готовы участвовать в работе по ее сохранению. 46,7 % респондентов признались, что иногда эта проблема их волнует. 15,9 % опрошенных придерживаются мнения, что не стоит переживать, поскольку ассимиляция — это закономерный процесс. По признанию 14,2 % респондентов, их указанная проблема совсем не волнует. Полученные данные свидетельствуют, что в молодежной среде одновременно существуют два противоречивых настроения относительно будущего калмыцкой культуры, большая часть опрашиваемых (69,8 %) озабочена ее перспективами.

Отвечая на вопрос «Что Вы можете предложить в решении проблемы сохранения калмыцкой культуры?», ребята указывают, что могут организовать мероприятие по калмыцкой тематике (12,2 %), участво-

вать в таком мероприятии (37,6 %), наблюдать за ходом такого мероприятия (49,9 %). Полученные результаты свидетельствуют, что половина опрашиваемых (49,8 %) настроена принимать активное участие в организации и проведении мероприятий, направленных на сохранение калмыцкой культуры. Другая половина нацелена занять пассивную позицию сторонних наблюдателей. По всей видимости, для этих молодых людей высока прагматическая ценность образования, они в большей степени ориентированы на достижение определенного социального статуса, позволяющего в дальнейшем достичь жизненного благополучия или успеха, чем на реализацию своих интеллектуальных и творческих способностей в интересах страны, республики, народа [Быкова, Зотов 2011: 72].

Третий параметр, выделенный К. Мангеймом, — потенциал молодых людей и условия, необходимые для преобразования этого потенциала в действие, — рассмотрим на примере деятельности молодежных организаций Калмыкии, лидеры которых, имея твердую жизненную позицию, нацеленность на конкретные действия, готовы противостоять усилению ассимиляционных процессов. За последние два года в регионе созданы молодежные организации, основными направлениями деятельности которых стали развитие калмыцкой культуры и языка, возрождение этнических традиций[1]. Так, Центр развития современной ойратской культуры «Тенгрин уйдл» («Млечный путь»), объединивший общественных деятелей, журналистов, молодых преподавателей, постоянно реализует интересные этнокультурные проекты.

Один из проектов Центра развития современной ойратской культуры «Теңгрин уйдл» связан с выпуском газеты «Өөрдин зәңг» («Ойратские известия»), который мыслится как возобновление одноименного издания, первый номер которого вышел 15 ноября 1917 г. Как отмечает руководитель центра «Басан Захаров, создатели первой калмыцкой газеты «Өөрдин зәңг» Номто Очиров и Бадма Боваев, судьба которых оказалась весьма трагичной, успели выпустить всего пять номеров, и в память об их инициативе, а также в целях сохранения духовной преемственности принято решение и возрождении издания. Поэтому первому выпуску газеты, вышедшей 13 апреля 2012 г., дан следующий порядковый номер — № 6. «Өөрдин зәңг» выходят с периодичностью 1 раз в месяц и распространяются бесплатно в Элисте и районах Калмыкии[2].

Молодежная организация «Иткл» (руководитель — Виталий Боков), в составе которой выпускники различных вузов страны, организовывает бесплатные концерты в республике, на которых не только звучат современные песни, забытые народные мелодии, но и демонстрируются народные обряды. Активисты молодежной организации проводят конкурсы знатоков языка, традиционной культуры, в которых принимают участие школьники и студенты различных учебных заведений г. Элисты. В 2011 г. молодые люди организовали и успешно провели праздники калмыцкого чая, калмыцкой песни, соревнования по калмыцкой борьбе. Ребят из «Иткл» называют подвижниками, которые посвящают себя делу спасения культуры калмыцкого народа. М. Конеев, известный в республике публицист, ныне живущий в Санкт-Петербурге, после концерта «Иткл» перед калмыцкой диаспорой северной столицы эмоционально отметил, что «в жизни Калмыкии «Иткл» — явление особое. Эти парни, блестяще знающие калмыцкий язык, прекрасно танцующие и поющие на родном языке, родом из калмыцких сел. Значит, народ способен из глубин своих выдвигать новых людей, с кодом и шифром культурной памяти. Если б таких ребят было бы человек сто, то вопрос об исчезновении нашего языка был бы снят с повестки дня. И навсегда» [Конеев 2012]. Членов организации «Иткл» также волнуют проблемы нравственного воспитания, возрождения исконных традиций, привлечения молодежи к занятиям физической культурой и спортом. И в этом деле они сами подают пример, так как считают, что никакие указы и увещевания не дойдут до сознания человека, если не будет примера для подражания.

Как видим, руководителей молодежных организаций — Басана Захарова, Виталия Бокова — отличают динамичность, креативность, приверженность к новым идеям, они конструируют социокультурную реальность, которая отвечает запросам молодого поколения. Эти лидеры, имея твердую жизненную позицию, нацеленность на конкретные действия, стремятся всемерно способ-

[1] См. подробнее: [Намруева 2011: 168].

[2] Электронная версия газеты размещена на сайте http: // tengrin.ru.

ствовать сохранению национальных традиций. Культура существует и развивается благодаря усилиям талантливых личностей. Молодежь как самая динамичная страта общества, носительница новых идей и обладательница права на будущее пополняет его ряды и расширяет возможности творческой самореализации.

Рассмотренная в данной статье социальная диада «молодежь — культура» выходит в современной России на передний план, так как от того, как будет решаться задача социокультурного инвестирования в молодежный сегмент российского общества, во многом зависит его цивилизационное будущее. «Ведь системный кризис в стране больнее всего «ударил» именно по молодежи, особенно чувствительной к социокультурному диссонансу, нивелирующему личность под некий стандарт общечеловека» [Индриков 2011: 90]

По данным социологического исследования, проведенного нами в 2011 г., выявлено, что респонденты в большинстве своем готовы участвовать в этнокультурных процессах, происходящих в республике. С начала 1990-х гг. многое сделано для возрождения и развития калмыцкой культуры, духовных этнических ценностей, народных обычаев и обрядов. В этом процессе большое внимание уделяется молодому поколению, т. к. оно будет определять сохранение и развитие культуры в недалеком будущем. Несмотря на сложное социально-экономическое положение в регионе, здесь созданы необходимые условия, позволяющие молодым людям, молодежным организациям вносить определенный вклад в развитие калмыцкого общества, сохранение этнической культуры.

Литература

Балакаева Н. Молодые дарования Калмыкии // Известия Калмыкии. 2012. 5 апреля.

Быкова Д. Ю., Зотов В. В. Социокультурный подход к формированию молодежной политики инновационного общества // Вопросы культурологии. 2011. № 4. С. 68–73.

Индриков А. А. Молодежная среда: проблема социокультурного диссонанса // Вопросы культурологии. 2011. № 2. С. 90-94.

Конеев М. Цаган Сар на берегах Невы // Элистинский курьер. 2012. 1 марта. С. 4.

*Мангейм К.*Диагноз нашего времени / пер. с нем. М. И . Левина. М.: Юрист, 1994. 693 с.

Намруева Л.В. Современная калмыцкая культура: состояние и перспективы // Вопросы культурологии. 2011. № 3. С. 61–65.

Намруева Л.В. Региональное телевидение как механизм этнической социализации (на примере Калмыкии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 167–172.

Настольная книга специалиста по делам молодежи. Издание 2. Часть 1. Элиста: Мин-во спорта, туризма и молодежи РК, 2011. 170 с.

Сикевич З. В. Влияние этнического фактора на современное общество и человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 2. С. 41–58.

Ядова М. А. Современные и традиционные ценности российской молодежи: региональный аспект // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [электронный ресурс]: Мат-лы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. Уфа. С. 5788–5790.

УДК 657
ББК 65.052.236.33

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ АСПЕКТАХ СОСТАВЛЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ В ОТРАСЛИ ЖИВОТНОВОДСТВА*

Д. В. Манджиева

В современных динамично изменяющихся условиях сельскохозяйственные предприятия в нашей стране сталкиваются с определенными трудностями адаптации системы бухгалтерского учета к новым структурным и производственным трансформациям. Бухгалтерский учет должен быть переориентирован от сегодняшнего основного направления (составления отчетности для различных внешних пользователей) на решение внутренних управленческих задач производственно-хозяйственной деятельности. Ориентация учета на управленческие нужды — требование рыночной экономики.

Задачи бухгалтерского учета в современных условиях не ограничиваются представлением необходимых данных только внешним пользователям (государственным регулирующим органам), но и банкам, поставщикам, партнерам, инвесторам. Функции бухгалтерского учета разрослись и включают теперь подготовку сведений, способствующих осуществлению задач администрации, планированию, выработке производственной политики, принятию эффективных управленческих решений, контролю и учету выполнения работ и их результатов. Для достижения поставленной цели, связанной с управлением предприятием и его структурными подразделениями, важна разработка методологических, методических, технических и организационных основ управленческого учета, осуществляемого в интересах внутренних пользователей информации в соответствии с требованиями рыночной экономики и накопленным международным опытом в сфере управленческого учета. Создание системы составления и представления управленческой отчетности — вопрос не только эффективного управления предприятием, но и самого его существования в условиях рыночной экономики. Возможность быстрого реагирования в динамично меняющихся условиях рынка — основное преимущество, которое предоставляют действующие методики управленческого учета и соответствующие им модели бизнеса.

Одним из важных элементов системы управленческого учета является учет по центрам ответственности, который представляет собой систему сбора, отражения и обобщения информации о деятельности отдельных структурных подразделений организации. Контроль за деятельностью организации строится на базе информации по центрам ответственности. Управленческая отчетность, как заключительный этап всего учетного процесса, отражает целый спектр данных и информации о деятельности организации и ее структурных подразделений. Управленческая отчетность существенно отличается от финансовой как по содержанию, так и по информационной составляющей.

В отличие от бухгалтерской (финансовой) отчетности, разрабатываемой на базе данных финансового учета и ориентированной на внешних пользователей, управленческая отчетность формируется для внутренних пользователей — руководителей различных уровней управления организацией. Отличие состоит и в том, что управленческая отчетность не регламентируется какими-либо нормативными актами. Содержание управленческой отчетности, ее формы, структура и сроки представления являются внутренним делом самой сельскохозяйственной организации. Именно поэто-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект №2012-1.2.2-12-000-3002-029 «Исследование потенциала экономического роста и обеспечения социальной безопасности депрессивных регионов».

му управленческая отчетность относится к коммерческой тайне предприятия [Зубарева 2003: 46].

Процесс информирования заинтересованных руководителей о соответствии фактических результатов деятельности ожидаемым через систему внутренней управленческой отчетности представляет собой обратную связь. Чем больше руководитель сельскохозяйственной организации ориентирован на достижение определенного желаемого результата, тем в большей степени он нуждается в обратной связи через внутреннюю управленческую отчетность, информирующую его об эффективности деятельности того или иного центра ответственности.

Основная цель внутренней управленческой отчетности — удовлетворение информационной потребности руководителей различных уровней управления организацией. Поэтому по отношению к управленческой отчетности (в отличие от финансовой) не могут быть установлены общие требования к формированию и представлению, а также применены единые отчетные формы. Составление и представление управленческой отчетности является внутренним делом самой организации и законодательно не регламентируется.

Недостатки внутренней отчетности в отрасли животноводства связаны с традиционностью подходов к организации внутреннего контроля: основной упор делается на выявление ошибок вместо того, чтобы дать управляющим информацию, позволяющую предпринимать эффективные действия.

На основе внутренней отчетности принимаются решения на всех уровнях управления организацией. Важным элементом в принятии решений является время от получения отчета до выработки решения и претворения его в управляющие действия. Существенное значение имеет доступная форма внутреннего отчета, расположение и подача соответствующей информации.

Для создания на предприятии системы внутренней отчетности необходимо прежде всего определить перечень информации, которая необходима менеджерам различных структурных звеньев, а также степень оперативности — регулярности ее предоставления. Для этого, как правило, проводится специальное обследование системы управления предприятием, выявляются полномочия менеджеров различных уровней управления по принятию решений и их информационные потребности [Палий 2003:63].

Животноводство — одна из важнейших отраслей сельского хозяйства, обеспечивающая население важнейшими продуктами питания и снабжающая сырьем многие отрасли промышленности (мясная, маслодельно-сыроваренная, кожевенная и др.). Вместе с тем это одна из самых сложных отраслей, требующая больших усилий для успешного развития и постоянного внимания аналитиков.

Животноводство занимает 75% в общем объеме сельскохозяйственного производства Республики Калмыкия и является основным источником ее благосостояния. Основные виды производимой продукции — мясо, молоко, шерсть.

Одним из животноводческих хозяйств Республики Калмыкия является ОАО ПЗ им. Чапчаева. При изучении состояния управленческого учета в данной организации нами сформирован вывод: для более эффективного управления отраслью животноводства организации необходимо ввести следующие виды документов внутренней отчетности.

Таблица 1. ***Анализ выполнения плана производства продукции животноводства ОАО племзавода им. Чапчаева в 2011 г.***[1]

Показатели	Плановая величина		Фактическая величина		Отклонения в себестоимости (тыс. руб.)
	Кол-во (в ед. изм.)	Себестоимость (тыс. руб.)	Кол-во (в ед. изм.)	Себестоимость (тыс. руб.)	
Прирост живой массы телят, ц	170	1 290	173	1 320	+30
Прирост живой массы животных на выращивании и откорме, ц	50	382	51	390	+8
Прирост живой массы ягнят, ц	455	2 900	454	2 820	+80
Прирост живой массы овец на выращивании и откорме, ц	20	253	-	-	-253
Шерсть, ц	50	250	51	255	+5

[1] По данным годовой бухгалтерской отчетности ОАО ПЗ им. Чапчаева за 2011 год, с.38.

При ведении отчетности данной формы будет проводиться сравнение фактической величины расходов отчетного периода с аналогичными данными плановых показателей, отклонения от них. Предлагаемая форма должна будет составляться ежегодно специалистом управленческого учета и представляться руководителю предприятия. Руководитель на основании данного документа может принять соответствующее управленческое решение.

Таблица 2. ***Сводная смета затрат производственных центров отрасли животноводства ОАО ПЗ им. Чапчаева в 2011 году***[3]

Центры ответственности	Затраты по элементам												Всего затрат	
	зарплата		корма		эл. энергия		содержание основных средств		нефтепродукты		прочие			
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Мясное скотоводство (зоотехник по цеху скотоводства)	66	7	226	21	18	16	171	42	7	26	922	47	1410	31
Овцеводство (зоотехник по цеху овцеводства)	851	93	837	79	98	84	236	58	20	74	1 033	53	3 075	69
Всего	**917**	**100**	**1 063**	**100**	**116**	**100**	**407**	**100**	**27**	**100**	**1 955**	**100**	**4 485**	**100**

Эта форма представления отчетных данных предназначена для контроля за эффективностью и обоснованностью расходования ресурсов по местам возникновения затрат и центрам ответственности. При этом соблюдается принцип контролируемости затрат, который позволяет установить ответственных за расходы.

Сводная смета затрат производственных центров должна будет составляться ежемесячно специалистом управленческого учета и представляться руководителю предприятия.

Внедрение данных форм позволит более эффективно управлять затратами, т. е. рационально использовать материальные ресурсы и кормовую базу, своевременно выявлять нарушения, их причины и виновников, а также будет способствовать слаженному труду работников организации. Это положительно скажется и на принимаемых руководством организации управленческих решениях.

В целом можно сделать вывод о том, что организация управленческой отчетности является неотъемлемым элементом системы управленческого учета, обеспечивающим действенный контроль за эффективностью производственной деятельности организации и ее структурных подразделений.

Источники

Годовая бухгалтерская отчетность ОАО ПЗ им. Чапчаева за 2011 год.

Литература

Зубарева С. А. Основные принципы организации управленческой отчетности // Бухгалтерский учет. 2003. № 12. С. 45–47.

Палий В. Ф. Управленческий учет: внутрифирменная отчетность // Бухгалтерский учет. 2003. № 13. С. 62–64.

[3] По данным годовой бухгалтерской отчетности ОАО ПЗ им. Чапчаева за 2011 год, с.39.

УДК 332
ББК 65

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИСЛАМСКОГО БАНКОВСКОГО ДЕЛА

Л. Л. Басангов

Интерес к исламским финансовым институтам, определившийся в 1950-х гг., к настоящему времени значительно возрос и обусловил интенсификацию исследований, в том числе посвященных теоретическим основам исламского банковского дела. Многими учеными отмечается, что основной особенностью, отличающей исламское банковское дело от так называемого традиционного, или западного, банковского дела, является запрет на взимание ссудного процента [Van Greuning, Iqbal 2008: 3], [Mohamed 2010: 25].

Формирование теоретической базы в рамках изучения исламского банковского дела — это актуальная задача настоящего времени, ключевые проблемы которой состоят в определении понятия исламского банка и норм исламского права, регулирующих деятельность такового банка. В настоящей статье осуществляется попытка дать решения указанных проблем.

Запрет на взимание ссудного процента, являющийся существенным аспектом деятельности исламских финансовых институтов, представляется лишь следствием требований, составляющих теоретическую основу исламского банковского дела, поэтому, на наш взгляд, было бы правильным рассматривать понятие исламских финансовых институтов более широко, не акцентируя внимания на элементах, логически выводимых из общих требований.

Термин «исламские финансы», по мнению бывшего исполнительного директора МВФ, владельца Международного центра по образованию в исламской финансовой системе (INCEIF) и председателя исламского финансирования доктора Аббаса Мирахора, а также директора по инвестициям казначейства Всемирного банка доктора Замира Икбаля, часто определяют как систему, которая запрещает взимание ссудного процента. Такая трактовка представляется неполной и приводит к недопониманию между исследователями [Iqbal, Mirakhor 2011: 1]. Авторитетное мнение руководителей международных финансовых институтов разделяет и доктор Мохсин С. Хан, который отмечает, что запрет сделок, основанных на взимании ссудного процента, нельзя рассматривать как полное определение исламской экономической системы [Khan, Mirakhor 2005: 1].

В связи с этим важно сформулировать определение исламского банка и установить основные элементы регулирования деятельности исламского банка, отвечающие за контроль соответствия его деятельности нормам исламского права. Анализ поставленных выше вопросов можно рассматривать в качестве основной части теоретической базы, являющейся важным элементом любого исследования в сфере исламских финансов, поскольку именно она будет определять оценки результатов исследований в этой области.

Определение исламского банка

Само понятие исламского банка является одним из ключевых определений, потому что к настоящему времени не выработано единого подхода к тому, что такое исламский банк. Специалисты дают определение, исходя из своих представлений о наиболее адекватной формулировке, что позволяет выделить несколько часто встречаемых подходов.

I. Исламский банк — это банк, который включает в себя элементы традиционного коммерческого и инвестиционного банков, что делает его сходным с универсальными банками [Iqbal, Mirakhor 2011: 25].

Такой подход представляют З. Икбал и А. Мирахор, которые, основываясь на этой дефиниции, формируют и анализируют структуру баланса исламского банка. Этого же определения придерживается и Х. Ван Грюнинг, формулируя его в рамках анализа практики применения инструментов исламских финансов. Однако подобное определение представляется неточным, по-

скольку в полной мере не раскрывает особенности исламского банка и не позволяет выявить его отличие от универсального банка.

II. Исламский банк — это банк, который осуществляет свою деятельность в рамках исламской экономической системы [Khan, Mirakhor 2005: 4].

Данное определение сформулировано в работе М. С. Хана и А. Мирахора в части, посвящённой изучению основных отличительных черт исламского банка. Оно в полной мере учитывает особенности деятельности исламского банка, но резко ограничивает перечень стран, в которых могут работать исламские банки. Согласно такому определению, в исламскую экономическую систему следует включить только Иран, Судан и Пакистан, т. е. страны с полностью исламизированной экономической системой. Однако, как отмечает ряд авторов, в том числе российские ученые Р. И. Беккин и К. В. Кочмола, исламские финансовые институты успешно осуществляют свою деятельность и в странах, экономическая система которых не заявлена как исламская, например Малайзия и Турция.

III. Исламский банк — это банк, который выполняет следующие функции:

– способствует вытеснению из деловой практики транзакций, запрещенных шариатом;
– способствует установлению исламских ценностей и норм поведения в сфере банковского обслуживания транзакций и представлению исламских банковских продуктов в этой области;
– способствует возрождению традиции уплаты закята;
– способствует развитию исследований и разработок современных транзакций [Mohamed 2010: 38].

Но и эта дефиниция исламского банка, сформулированная Махмудом А. Эль-Халифой Мохамедом (Mahmoud A. El-Khalifa Mohamed) в работе, посвященной изучению истории исламских банков, представляется неполной. В ней не отражено требование строгого соблюдения норм исламского права, т. к. необходимость способствовать вытеснению запрещенных исламом транзакций не означает запрета на их использование в деловой практике.

Все приведенные выше определения, казалось бы, отражают ключевые особенности исламского банка, однако они справедливы лишь в рамках исследований, проводимых авторами. Анализ показывает их неполноту при применении указанных определений в исследованиях исламских финансов. В связи с этим понятие исламского банка следует сформулировать следующим образом: исламский банк — это финансовый институт, который признается таковым по законодательству страны, на территории которой он осуществляет свою деятельность и деятельность которого регулируется нормами исламского права.

Исламское право как элемент контроля деятельности исламского банка

Изучая вопрос исламского банковского дела, важно проанализировать проблематику исламского права, которая оказывает сильное влияние на деятельность исламских банков. Этот вопрос часто рассматривается специалистами. Махмуд А. Эль-Гамаль (Mahmoud A. El-Gamal) в работе по изучению законодательного, экономического и прикладного аспектов деятельности исламских финансов отмечает важность анализа имеющейся практики использования исламского права в части регулирования деятельности исламских банков и подчеркивает необходимость дальнейшего развития этой области права [El-Gamal 2006: 26]. Обращаясь к отечественным авторам, можно процитировать слова профессора К. В. Кочмолы, который утверждает, что: «Исламская религия (в отличие от остальных мировых религий) оказывает сильное влияние на общество, политику и бизнес, заставляя подчиняться определенным законам и правилам» [Кочмола 2007: 131–132].

Поскольку деятельность исламского банка регулируется нормами шариата, то выявляются следующие ключевые проблемы: 1) двойное регулирование деятельности банков; 2) определение нормативной базы, соответствующей нормам ислама и влияющей в конечном итоге на спектр продуктов, предлагаемых банком.

При изучении первой проблемы важно отметить, что характер регулирования деятельности исламских финансовых институтов во многом зависит от того, на территории какой страны оперирует банк. Это позволяет сделать вывод о предопределенности вопроса двойного регулирования. В связи с этим К. В. Кочмола в исследовании

исламских финансовых институтов в мировой финансовой архитектуре выделяет три преобладающих подхода:

1) монистический — регулирование финансовых институтов полностью определяется принципами и нормами шариата (в настоящее время подобный подход реализован в Иране, Судане и Пакистане);
2) дуалистический — деятельность исламских финансовых институтов подпадает под нормы специально разработанных законов (Малайзия);
3) традиционный — для регулирования исламских финансовых институтов используются нормы традиционного законодательства (Саудовская Аравия, Египет, Великобритания) [Кочмола 2007: 107].

Обращаясь ко второй проблеме, состоящей в определении нормативной базы, соответствующей нормам ислама, необходимо отметить, что она является одной из наиболее сложных. Ключевым направлением в ее решении является создание при каждом действующем банке особой структурной единицы — Шариатского совета.

Цель его деятельности — предоставление гарантии клиентам в том, что предлагаемые финансовой организацией продукты и услуги соответствуют нормам шариата. Ключевым принципом деятельности Шариатского совета является его независимость, что определяет непредвзятость и эффективность его деятельности. С одной стороны, Шариатский совет должен работать в соответствии с целями и задачами организации. С другой — Шариатский совет должен быть свободен в своем праве одобрить или не одобрить выносимые на его рассмотрение продукты или решения. Иными словами, в основе любых действий совета должны лежать нормы и принципы исламского права.

Однако согласие или отказ Шариатского совета по вопросам одобрения введения нового банковского продукта или одобрение конкретной сделки являются лишь элементом регулирования деятельности финансового института. Другими элементами выступают объективные экономические закономерности, согласно которым финансовый институт обладает инструментарием для минимизации рисков в своей деятельности. Спектр этих элементов для исламских финансовых институтов шире, чем для традиционных.

В рамках последнего утверждения уместно отметить, что действующее законодательство страны является важным макроэкономическим фактором, предопределяющим эффективность и динамику развития национальных исламских финансовых институтов.

Ученые выделяют три основных требования, выполнение которых необходимо для развития исламских финансовых институтов в каждой отдельно взятой стране [Кочмола 2007: 255]. Первое — наличие Шариатского совета. Второе — отсутствие запрета на проведение банковских операций без выплаты или взимания процента, закрепленного на законодательном уровне. И третье — это отсутствие запретов на участие банков в торговых операциях и на разделение прибылей и убытков с клиентами. В странах, где ислам не является основной религией и нормы мусульманского права не отражены на государственном уровне, вопрос соответствия предлагаемых банком продуктов и проводимых операций нормам шариата решается исключительно на уровне самих финансовых институтов. Это в свою очередь вызывает ряд трудностей в изучении вопроса взаимодействия исламских финансовых институтов разных стран и в анализе перспектив развития подобных институтов в России.

Таким образом, на наш взгляд, наиболее приемлемым может быть определение исламского банка, данное Махмудом А. Эль-Халифой Мохамедом (Mahmoud A. El-Khalifa Mohamed): финансовый институт, который признается таковым по законодательству страны, на территории которой он осуществляет свою деятельность и деятельность которого регулируется нормами исламского права. Что касается вопроса о привлечении норм шариата для оценки деятельности исламских банков, то можно отметить, что в настоящее время отсутствуют единые для всех стран нормы исламского права, рекомендованные к применению в деловой практике исламских банков. В связи с этим целесообразно обратиться к опыту и рекомендациям международных исламских организаций, в частности, к постановлениям Совета исламской академии правоведения (фикха).

Литература

Беккин Р. И. Исламская экономика. Краткий курс. М.: АСТ Восток–Запад, 2008. 288 с.

Кочмола К. В. Исламские финансовые институты в мировой финансовой архитектуре. Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2007. 368 с.

El-Gamal Mahmoud A. Islamic finance: law, economics and practice. Cambridge: Cambridge University press, 2006. 222 p.

Iqbal Z., Mirakhor A. An introduction to Islamic finance: theory and practice. Singapore: John Wiley & Sons (Asia) Pte. Ltd., 2011. 406 p.

Khan Mohsin S., Mirakhor A. Theoretical Studies in Islamic Banking and Finance. North Haledon, New Jersey: Islamic Publications International, 2005. 246 p.

Mahmoud A. El-Khalifa Mohamed. History of Islamic Banks and a contemporary Basic Guide to Islamic Banking and Finance. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Muller, 2010. 188 p.

Greuning H., van, Iqbal Z. Risk analysis for Islamic Banks. Washington DC: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2008. 310 p.

УДК 34
ББК 67

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГОРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

А. А. Делеева

Рассматривая российский опыт конституционно-правовых основ организации контроля в сфере органов местного самоуправления, отметим, что подобные механизмы определены и в законодательстве зарубежных государств. Конституция Австрийской Республики предусматривает детальную регламентацию государственного контроля за деятельностью общин. В соответствии с нормами Конституции Федерация и земли осуществляют контроль за соблюдением общинами законов и постановлений в ходе осуществления ими полномочий в сфере собственной компетенции. В частности, за федеральными органами и органами субъектов Федерации закреплены следующие вопросы контроля: не выходят ли общины за пределы своей компетенции и выполняют ли возложенные на них законом задачи. Кроме того, земля вправе проверять финансовую деятельность общины с точки зрения ее экономичности, рентабельности и целесообразности. И главное, что право осуществлять контроль и его законодательное регулирование относительно входящих в сферу собственной компетенции общины полномочий федеральной исполнительной власти принадлежит Федерации, а в остальных случаях — землям [Салливан 2002: 68].

Следует также обратить внимание на то, что при всем положительном опыте передачи полномочий на нижестоящий уровень ряд европейских государств соблюдает Рекомендации Комитета Министров Совета Европы R (98)12 от 18 сентября 1998 г., предписывающие государствам сокращать число делегированных полномочий, так как при частой передаче полномочий отсутствует возможность контролировать их своевременное и эффективное исполнение [Рекомендации … 1998]. Нельзя не отметить также Рекомендацию Комитета Совета Европы государствам-членам о финансовых средствах местных и региональных властей, которая определяет что делегированные задачи — это функции, полная ответственность за выполнение которых лежит на вышестоящем органе власти, при этом их осуществление передано местному органу власти.

Небезынтересным представляется тот факт, что наиболее эффективно контрольные системы функционируют в тех государствах, где им обеспечена максимальная независимость[1]. Так, общий административный контроль над местными органами осуществляется центральным правительством или правительством соответствующего субъекта федерации (в лице, как правило, одного или нескольких министров). В Японии этими органами ведает Министерство по делам местного самоуправления, в Норвегии — Министерство местного управления, во Франции, Италии, Новой Зеландии и целом ряде других государств — Министерство внутренних дел [Ларина и др. 2007: 271]. В свою очередь, в отдельных государствах на конституционном уровне довольно подробно определены органы, осуществляющие государственный контроль на местном уровне [Муниципальное право… 2006: 107–108]. Статья 153 Конституция Испании относит к контрольным органам: Конституционный суд — для определения конституционности принятых органами автономных сообществ нормативных правовых актов, имеющих силу закона; Правительство — относительно осуществления делегированных полномочий; органы административного законодательства — применительно к автономному управлению и его регламентарным нормам; Счетную палату — для контроля

[1] В Аргентине (Генеральная синдикатура), в Канаде (ведомство Генерального ревизора), в Италии и Франции (счетные палаты), в США (Главное контрольно-финансовое управление).

за экономической и бюджетной деятельностью [Конституция Испании от 27 декабря 1978; Конституции государств 2001: 87].

В зарубежной практике также установлены различные формы государственного контроля за деятельностью местных органов при реализации последними делегированных полномочий. Одним из принципов, регулируемых законом, в соответствии со статьей 162 Конституции Бельгии является вмешательство органов государственного контроля или федеральной законодательной власти в деятельность провинциальных и коммунальных учреждений в целях недопущения нарушения закона или нанесения ущерба общегосударственным интересам [Ларин 2008: 87–95]. В Германии за деятельностью общины в сфере делегированных полномочий осуществляется отраслевой контроль, который охватывает проверку не только соблюдения законов, но и правомерности и целесообразности действий органов местного самоуправления [Окунькова 1997: 135].

Необходимость законодательного регулирования административного (государственного) контроля закреплена также и во всех Основных Законах государств Восточной Европы [Организация местного … 2001: 443]. Конституция Болгарии предусматривает, что центральные государственные органы и их представители на местах осуществляют контроль за соответствием актов органов местного управления закону, только когда это предусмотрено законом (ст. 144). Объектами административного контроля выступают акты местного самоуправления, а предметом контроля является прежде всего их законность [Конституции государств… 2001: 654]. В Венгрии «специальные представители Республики осуществляют контроль за соблюдением законов местными органами власти. Они обязаны обращать внимание на любое нарушение законодательства. Если орган власти не предпринимает никаких действий для прекращения нарушений нормативных правовых актов, то в установленный законом срок специальный представитель имеет право обратиться в суд. Только суд имеет право аннулировать решения муниципалитетов. Местный представительный орган, который нарушает законы, может быть распущен парламентом» [Kudricka 2004: 243].

В Литве органами контроля над муниципалитетами являются губернатор округа, Комитет по вопросам реформы государственного управления и местных органов власти (парламентский контроль за структурами местных органов власти), омбудсмен (по расследованию жалоб граждан относительно злоупотреблений служебным положением чиновниками местных органов власти), Государственное управление контроля (надзор за надлежащим и эффективным использованием средств госбюджета, а также анализ общего исполнения муниципального бюджета). В Латвии внутренний контроль за деятельностью местных органов власти осуществляет соответствующая комиссия аудиторов, избираемая советом административной территории. Количество членов комиссии пропорционально количеству избранных в совет депутатов от каждой политической организации или ассоциации избирателей [Европейское право… 2008: 277–421]. Органами контроля за деятельностью структур местного самоуправления Эстонии являются: губернатор, который осуществляет надзор за деятельностью местных органов власти; Государственное управление аудита, контролирующее использование государственных активов и распоряжение активами, переданными местным органам власти; председатель суда, осуществляющий надзор за соответствием нормативных актов, принятых местными органами власти. Для выражения представительства и защиты общих интересов при исполнении общих функций местные органы власти Эстонии могут сотрудничать и наделять другие местные органы власти полномочиями, а также формировать союзы и объединения местных органов власти. В интересах сотрудничества местные органы власти создают совместные агентства, работающие на договорной основе [Организация местного … 2001: 134].

Как считает британский исследователь Р. М. Паннетт, «контроль центральных властей над местным управлением должен приветствоваться только в том случае, когда он способствует обеспечению эффективности местного управления, стандартизации услуг, оказываемых местным властям, защищает граждан от злоупотребления властью со стороны местных органов и содействует реализации национального политического курса в области финансов, экономики» [цит. по: Лапшина 2007: 78].

На наш взгляд, заслуживает внимания опыт применения косвенного контроля

за деятельностью органов местного самоуправления в Великобритании, где премьер-министр публикует ежегодное послание (White Paper), отражающее текущие приоритеты государственной политики в сфере местного самоуправления. Это своего рода предложение к сотрудничеству, не содержащее императивных указаний. Одновременно публикуются индикаторы деятельности[2] местных органов власти (BVPI — Best values performance indicators), которые устанавливаются Правительством в соответствии с полномочиями, предоставленными Законом о местном самоуправлении 1999 года. [Local Government Act 1999]. Одной из основных целей данного Закона является регулирование осуществления программы Best Value (далее — Программа)[3]. Закон определяет участников Программы, включая в их число органы местного управления общего и отраслевого назначения (например, полицейские и пожарные службы). Закон устанавливает обязанность субъектов постоянно совершенствовать исполнение своих функций в отношении их эффективности и в этих целях проводить консультации с представителями налогоплательщиков, пользователей услуг, лиц имеющих законные интересы в сфере деятельности участника Программы.

Участник Программы обязан осуществлять проверку качества и публиковать результаты исполнения своих функций в соответствии с указаниями министра, который имеет право устанавливать индикаторы измерения эффективности осуществляемых функций и стандарты, которым должны соответствовать участники Программы (как для всех участников, так и для каждого в отдельности). Помимо упомянутых индикаторов, устанавливаются индикаторы Аудиторской комиссии, которая считается независимым органом, несмотря на то, что формируется Правительством. Правительство и Комиссия не имеют права направлять действия и влиять на решения аудиторов во время исполнения ими своих обязанностей. Обе системы индикаторов являются фундаментальной частью системы оценки деятельности местных органов власти и разработаны, чтобы отразить эффективность местного самоуправления в широком спектре, начиная с образования, социального обеспечения и уровня жилищных услуг до организации деятельности транспорта, полиции и пожарной охраны.

Таким образом, функционирующая система косвенного контроля позволяет получать информацию для формирования региональной политики, сравнивать деятельность муниципалитетов, наблюдать, как изменяется деятельность конкретного муниципалитета, и оценивать, как могут быть улучшены услуги местной власти. Представляется целесообразным также использовать опыт государственного регулирования рыночной экономики в промышленно развитых странах (Германия, США, Франция, Япония). Именно там решалась задача государственного влияния на самостоятельные хозяйствующие субъекты, требующая использования косвенных методов. Проблемы взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления во многом схожи, а значит, и методы их решения могут быть аналогичными. Отметим, что индикаторы применяются там также при оценке качества осуществления переданных государственных полномочий и подлежат включению в текст контракта с руководителем местной администрации. Отклонение значений индикаторов от установленной нормы служит основанием для органа исполнительной власти, в чьи полномочия входит инициирование внесения законопроекта о прекращении исполнения государственных полномочий органами местного самоуправления, систематически допускающими нарушение[4].

[2] Индикативное планирование можно определить как механизм координации интересов и деятельности субъектов, не находящихся в субординационных отношениях, который сочетает общесистемное (государственное, национальное) регулирование с саморегулированием в отдельных подсистемах (субъект федерации, муниципальное образование). Этот механизм предполагает определение общесистемных приоритетов на всех уровнях публичного управления. Термин «индикативный» является фактически аналогичным понятию «директивный», означая косвенные, а не прямые методы реализации того или иного направления.

[3] Это наименование может быть переведено как «наилучшее значение, показатель, достижение» и определяется как «принцип обеспечения и постоянного совершенствования услуг в соответствии со стандартами, обеспечивая максимально достижимые экономичность, качество и эффективность» [Byrne 2000: 12].

[4] Следует отметить, что данная система ак-

При анализе положительного зарубежного опыта целесообразно рассмотреть практический опыт Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее — Великобритания) по оптимизации государственного финансового контроля в системе местного самоуправления. Наиболее специфической чертой британской реформы стало то, что она должна была решить не только проблемы сокращения бремени государственных расходов и повышения эффективности функционирования государственной и муниципальной собственности путем передачи ее в частные руки, но и реформировать «государство всеобщего благосостояния» [цит. по: Мэннинг, Парисон 2003: 256]. Результатом выраженного стремления уменьшить присутствие государства в социальной и экономической сфере, обеспечить суверенитет и независимость граждан, построить «демократию, основанную на расширении частной собственности», стало последствие, повлекшее за собой реорганизацию местного самоуправления в стране. Местные власти не могли по своему усмотрению расходовать средства, поступившие от продажи муниципальной собственности [Лапшина 2007: 77–83]. Первоначально в дополнение к поступающим от государственных органов дотациям на осуществление жилищных программ местные власти могли использовать от них 50 %. Остальные средства должны находиться на счетах муниципалитетов, и только проценты по ним могут использоваться для покрытия текущих расходов. Постепенно уменьшилась потребность в дотациях центрального правительства для покрытия дефицита бюджетов местных органов. Органам местного самоуправления не разрешалось использовать доходы от приватизации на строительство.

Британские исследователи Д. Виккерс и Д. Ярроу, проанализировав опыт распродажи муниципального сектора в Великобритании, расставили поставленные цели в порядке убывания их значимости для государства, а именно: повышение эффективности деятельности местных органов; сокращение долга муниципального сектора; уменьшение вмешательства властей в принятие самостоятельных решений органами местного самоуправления [Мэннинг, Парисон 2003: 234]. С данными аргументами можно согласиться, но, по нашему мнению, к ним следует еще добавить, как следствие, развитие добросовестной конкуренции, способствующей экономическому росту, а также преобразования в правовой сфере.

Следует также отметить, что рассматриваемые реформы, инициированные правительством в сфере местного самоуправления, имели также антикоррупционную направленность. Основным обоснованием необходимости отказа от принципов государственного администрирования было утверждение, что предоставление государством в лице местных органов власти общественных услуг «собственными силами» неизбежно приобретает государственные формы, в результате чего это оказывается в высшей степени невыгодным для общества и малоэффективным для граждан. Другой тезис гласил, что развитие свободной конкуренции, особенно в сфере государственных услуг, является основным стимулом для постоянного развития инновационного процесса, улучшения качества предоставляемых услуг и снижения издержек [Мацнев 2007: 364].

В рамках проводимой реформы также была введена система признания заслуг, так называемая «отметка хартии». Она получила дальнейшее развитие, поскольку существенный акцент был сделан на признании высокого качества работы органов государственной власти и органов местного самоуправления, на новых механизмах контроля и управления и на выявлении и распространении передового опыта. Такие планы, как «равнение на лучших», используются в местных органах власти, и их особенность заключается в том, что признанные «лучшими» должны активно стремиться распространять свой передовой правовой опыт на другие службы муниципального сектора. По нашему мнению, данный практический опыт не только эффективен, но и положи-

тивно используется на практике в Республике Татарстан, где принят ряд постановлений кабинета министров, утверждающих состав и значения индикаторов, отражающих качество осуществления переданных государственных полномочий. Кроме того, эти постановления устанавливают формы контроля над исполнением переданных полномочий и соответствующей отчетности. Постановления устанавливают, что ненадлежащим исполнением государственных полномочий, влекущим применение мер, установленных законодательством, является недостижение нормы значения индикатора для соответствующего муниципального образования.

телен и перспективен для современной модели органов местного самоуправления в Российской Федерации.

В заключение отметим, что основной целью дальнейшего изучения зарубежного опыта и применения его в Российской Федерации должен быть поиск способов формирования, с помощью норм права, заинтересованности муниципальных образований в партнерском взаимодействии с органами государственной власти. Как справедливо отмечает М. Х. Фарукшин, «изучение зарубежного опыта позволяет находить наиболее оптимальные варианты решения проблем, возникающих и в практике других государств» [Фарукшин 2003: 44]. Представляется, что данный зарубежный опыт в отношениях государства и местного самоуправления может быть оценен как небезуспешный вариант регионального развития некоторых общих принципов организации местного самоуправления в Российской Федерации.

Литература

Европейское право // Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека / отв. ред. М. Л. Энтин. М.: Норма, 2007. 960 с.

Конституции государств Европы. М.: Норма, 2001. 654 с.

Конституция Испании от 27 декабря 1978 года // Конституции государств Европы. М.: Норма, 2001. 824 с.

Лапшина И. Е. Формы взаимодействия центральных и местных органов управления Великобритании // Государство и право. 2007. № 5. С. 77–83.

Ларин А. Ю. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: курс лекций. М.: РГИИС, Книжный мир, 2008. 181 с.

Ларина Л. А., Максютин М. В., Прудников А. С. Местное самоуправление (управление) в зарубежных странах. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 271 с.

Мацнев А. А. Децентрализация государственной власти и местное самоуправление. М.: РАГС. 2007. 384 с.

Муниципальное право зарубежных стран / под ред. В. В. Еремяна. М.: Академический Проект, Мир, 2006. 752 с.

Мэннинг Н., Парисон Н. Реформа государственного управления: международный опыт. М.: Весь мир, 2003. 496 с.

Окунькова Л. А. Конституции государств Европейского союза. М.: Инфра М-Норма, 1997. 316 с.

Организация местного самоуправления в Восточной Европе, на Кавказе и в Средней Азии. Т. 3. Будапешт: Ин-т Местн. Самоупр., Ин-т Открыт. Об-ва, 2001. 443 с.

Рекомендации Комитета Министров Совета Европы R (98) 12 от 18 сентября 1998г. [электронный ресурс] // URL: http//www.ilpp.ru>files/recom_se.doc (дата обращения: 01.10.2012).

О'Салливан А. Экономика города. М.: Инфра-М, 2002. 706 с.

Фарукшин М. Х. Реформа государственного управления: международный опыт. Сравнительный федерализм. Казань: КГУ, 2003. 284 с.

Byrne T. Local Government in Britain. L.: London University Press, 2000. 254 p.

Kudricka B. Combating conflict of interest in the CEE countries. Budapest: LGI, Open Society Institute, 2002. 328 p.

Local Government Act 1999 // Elizabeth II. Chapter 27. 1999. Stationary Office [электронный ресурс] //URL: hptt:///www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/27/contents (дата обращения: 01.10.2012).

УДК 34
ББК 67

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Г. К. Максимов

С приобретением России статуса государственного суверенитета, субъекта международного права (12 июня 1990 г.) ее граждане в условиях начавшейся демократизации российского общества получили возможность более или менее свободного волеизъявления при реализации активного и пассивного избирательного права. Впервые неформальный подход к решению судьбоносных проблем государства проявили россияне, в том числе и население Калмыкии, при проведении 17 марта 1991 г. референдума РСФСР по вопросу о введении поста Президента России. В референдуме РСФСР по Калмыцкому избирательному округу № 77, организацией проведения которого занимались специально созданные комиссии, приняли участие 169 097 человек (82,8 %), а за введение поста Президента проголосовало 102 031 человек (60,3 %, в РФ — 69,9 %) [Ведомости... 1991: 512].

В том же году (12 июня), согласно постановлению Третьего съезда народных депутатов РСФСР от 4 апреля 1991 г., установившему дату выборов Президента, и в соответствии с законами РСФСР «О выборах Президента РСФСР» (24 апреля) и «О Президенте РСФСР» (22 мая) впервые в России был избран Президент — глава республики на альтернативной основе из утвержденных 6 кандидатов 22 мая 1991 г. Съездом народных депутатов РСФСР [О выборах...; О Президенте РСФСР...]. Кандидаты на пост Президента РСФСР были выдвинуты республиканскими (РСФСР) политическими партиями, профессиональными союзами и массовыми общественно-политическими движениями. Кроме того, они получили поддержку ста тысяч избирателей (подписи) и не менее одной пятой от общего числа народных депутатов РСФСР. По закону имели право непосредственного выдвижения кандидатов на пост Президента РСФСР трудовые коллективы, собрания граждан по месту жительства и военнослужащих по воинским частям [Ведомости 1991: 513].

Избирательную кампанию также проводили специально сформированные избирательные комиссии по выборам Президента РСФСР. В Калмыкии на эти выборы пришло 77,65 % избирателей (в РФ — 70 %), а из 6 кандидатов, участвовавших на альтернативной основе, за Б. Н. Ельцина проголосовало 39,22 % (в РФ — 57,3 %) [Российские регионы... 1997: 326]. Одновременно с избранием Б. Н. Ельцина Президентом РФ был избран вице-президентом А. В. Руцкой, кандидатура которого была предложена кандидатом в президенты Б. Н. Ельциным. С этого момента Россия не только приобрела законно избранного своего лидера сроком на 5 лет, но и закрепила свой государственный суверенитет, стала легитимным субъектом международного права.

В соответствии с законом РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР в связи с принятием Закона „О Президенте“» (24 мая 1991 г.), включенным в дополнительную главу 13 Конституции Российской Федерации под названием «Президент РСФСР», Президент объявлялся высшим должностным лицом и главой исполнительной власти Российской Федерации. Однако законодатель, введя возрастной ценз (не моложе 35 лет) граждан Российской Федерации, претендующих на пост Президента и вице-президента Российской Федерации, установил верхний возрастной предел — не старше 65 лет. Согласно новому конституционному положению, полномочия Президента определялись пятилетним сроком, и одно и то же лицо не могло быть Президентом РФ более двух сроков подряд [Конституция... 1992].

Выборы Президента РФ в соответствии с Законом РСФСР «О выборах Президента РСФСР» от 24 апреля 1991 г. назначались Съездом народных депутатов РСФСР и

осуществлялись гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Правовая база первых выборов Президента Российской Федерации была ограничена лишь тремя названными выше законами РСФСР от 24 апреля, 22 и 24 мая 1991 г. Особенность этих выборов заключалась еще в том, что закон о Президенте РСФСР был принят позже, нежели о выборах, сроки со дня назначения выборов до дня выборов были весьма ограничены — всего лишь полтора месяца.

В начале 1993 г. усилилась конфронтация между исполнительной и законодательной властями Российской Федерации. В этой сложной обстановке Президент России Б. Н. Ельцин вынужден был назначить на 25 апреля 1993 г. голосование по вопросам о доверии Президенту, одобрении политики Президента, о перевыборе Президента и народных депутатов Верховного Совета РСФСР. Повсеместно были сформированы специальные комиссии по проведению референдума. 25 апреля на референдуме страны большинство избирателей (66,2 %) Калмыкии приняло участие в голосовании (в РФ — 64,08 %). За доверие Президенту в республике тайным голосованием высказалось 67,1 % избирателей (в РФ — 58,76 %), за одобрение — 63,93 % (РФ — 53,04 %), за перевыборы Президента — 28,53 % (РФ — 31,71 %), за перевыборы народных депутатов — 46,62 % (РФ — 43,06 %) [Избирательный процесс... 2001: 90]. Таким образом, большинство граждан Калмыкии, проявив активность, чувство ответственности, высказалось за стабилизацию политической обстановки в стране, конструктивную работу и взаимодействие органов государственной власти, за скорейший переход к демократическим формам управления государством.

Вторая половина 1993 г. в республике была ознаменована подготовкой к проведению референдума Российской Федерации по принятию Конституции РФ, выборов депутатов в Государственную думу и Совет Федерации Федерального Собрания РФ сроком на два года в соответствии с заключительными и переходными положениями принимаемой Конституции РФ. Вся подготовительная работа и организация проведения референдума и выборов осуществлялась в республике специально созданными Парламентом Калмыкии Центральной, городской, районными избирательными комиссиями.

Итоги всенародного голосования по проекту Конституции РФ 12 декабря 1993 г. по Калмыкии показали, что участвовавшие граждане в референдуме поддержали новую Конституцию и проголосовали за нее 51,52 % (РФ — 58,4 %). С принятием Конституции был заложен правовой фундамент демократического государства, основа всей новой правовой базы, форма государственности, государственного устройства, политические и юридические институты, устройство новых федеральных органов государственной власти, гарантии прав и свобод человека, граждан. По Конституции существенно изменился статус Президента РФ. Он является главой государства и обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. В статье 3 Конституции закреплен важнейший демократический принцип, согласно которому высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы в органы государственной власти и местного самоуправления [Конституция... 1993].

Этот принцип стал основой развития и совершенствования федерального и регионального законодательства о референдумах и выборах. Одним из первых федеральных законов, определивших правовые, организационные и иные средства обеспечения реализации и защиты избирательных прав граждан, явился Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», подписанный Президентом РФ 6 декабря и вступивший в силу 10 декабря 1994 г. Этот закон носил общий характер и являлся рамочным для всех выборов, проводившихся на территории России. Однако он имел и силу прямого действия на выборах органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органов местного самоуправления. В его общем положении определялись пределы действия данного Федерального закона. В нем подчеркивалось, что им устанавливаются основные гарантии избирательных прав граждан Российской Федерации при выборах Президента РФ, депутатов Государственной думы Федерального Собрания РФ, в иные федеральные государственные органы, предусмотренные Конституцией и избираемые непосредственно гражданами РФ,

при выборах в органы государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления, проводимых в соответствии с федеральными законами.

Федеральный закон гарантировал участие в выборах граждан России на основе демократических принципов — всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, соблюдение добровольности участия и свободного волеизъявления. Однако закон предусматривал возможность установления соответственно уровню проводимых выборов дополнительных условий приобретения гражданином пассивного избирательного права. В пределах этого рамочного закона устанавливался минимальный возраст кандидата в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ, главы местного самоуправления — не моложе 21 года, в главы исполнительного органа — 30 лет; ценз оседлости не мог превышать 1 года.

С целью обеспечения реализации и защиты избирательных прав граждан, подготовки и проведения выборов создавались избирательные комиссии в Российской Федерации. Если до принятия этого закона действовали избирательные комиссии по конкретно проводимым выборам, предусматривалось образование системы комиссий в РФ: Центральная избирательная комиссия (ЦИК РФ), избирательные комиссии субъектов РФ, территориальные, участковые избирательные комиссии [Федеральный закон... 1996].

С принятием Федерального закона об основных гарантиях Народный хурал (Парламент) Республики Калмыкия, постановлением от 19 января 1995 г. образовав постоянную на штатной основе Центральную избирательную комиссию республики (ЦИК РК) в составе 12 членов в статусе юридического лица, одновременно поручил ей подготовить и внести на утверждение проект положения о ЦИКе РК. Согласно Положению «О Центральной избирательной комиссии Республики Калмыкия», 20 апреля 1995 г. Народный хурал сформировал ЦИК РК в составе 13 человек сроком на 4 года. Ее основная задача заключалась в подготовке и проведении на территории республики выборов в федеральные органы власти, референдумы Российской Федерации, выборов в органы государственной власти республики Калмыкия, референдума Республики Калмыкия, а также в оказании методической и организационно-технической помощи территориальным и участковым избирательным комиссиям по выборам в органы местного самоуправления республики.

В дальнейшем Народный хурал, совершенствуя структуру избирательных комиссий республики, конкретизируя их полномочия, права и обязанности в соответствии с федеральным законодательством, 22 июня 1995 г. принял постановление переименовать Центральную избирательную комиссию РК в Избирательную комиссию РК (ИК РК), как входящую в российскую единую систему органов государственной власти с особым статусом. На этом же заседании Народный хурал, учитывая пожелания общественных объединений, выборных органов местного самоуправления, избирателей, представил совместно Президентом РК новый состав Избирательной комиссии РК, который им был утвержден 14 июля 1995 г. в количестве 14 человек сроком на 4 года [Вестник Избирательной комиссии... 2010: 9].

Постепенно накапливая опыт по организации и проведению крупномасштабных выборных кампаний, избирательная комиссия республики в 1996 г. приступила к подготовке важного политического и государственного события — выборам Президента РФ в соответствии с новым Федеральным законом «О выборах Президента Российской Федерации» (подписан Президентом 17 мая и опубликован 23 мая 1995 г.). Дата (16 июня 1996 г.) предстоящих выборов Президента РФ была назначена в соответствии с Конституцией РФ Советом Федерации Федерального Собрания РФ 15 ноября 1995 г. [Федеральный закон... 1995]. В связи с предоставлением законодательством право выдвижения кандидата на должность Президента РФ не только избирателям, но и избирательным объединениям (на съездах, конференциях при тайном голосовании) и блокам, повысилась ответственность, возрос объем работы избирательных комиссий. Избирательные объединения и инициативные группы избирателей собирали по месту жительства, работы, службы в поддержку кандидатов не менее одного миллиона подписей избирателей, причем на один субъект РФ должно был приходиться не более 7 %.

Впервые по этому закону кандидаты на должность президента для регистрации представляли в ЦИК РФ подписные листы,

итоговые протоколы, заявления и декларации о доходах за два года, предшествующих году выборов. Эти выборы, проводившиеся на территории Калмыкии, отличались от предыдущих наличием целостной системы федерального законодательства о выборах Президента, прежде всего Конституции РФ, ряда новых законов, а также переходом к качественному информационному обеспечению процессов, осуществлявших при подготовке и проведении выборов. В 1996 г. в республике была разработана и внедрена Государственная автоматизированная система «Выборы» (ГАС «Выборы»), которая позволила не только ускорить обработку информации, но и обеспечить ее достоверность. Федеральным законом о выборах Президента более полно и четко, чем в законе 1991 г., были определены формы, виды и условия предвыборной агитации на длительный срок, т. е. фактически на 6 месяцев (хотя по закону 4 месяца), а также финансирования выборов.

В республике выборная кампания прошла организованно и с высокой активностью ее граждан, при участии общественного контроля и наблюдателей. 16 июня 1995 г. пришли и проголосовали 151 496 избирателей Калмыкии, или 75,66 % (РФ — 69,81 %). Из 10 кандидатов за Б.Н. Ельцина подали 58,49 % голосов (РФ — 35,28 %). При повторном голосовании 3 июля явка составила по республике 73,42 % (РФ — 68,88 %), а результаты голосования за Б. Н. Ельцина — 70,27 % (РФ — 53,83 %). Таким образом, на новый четырехлетний срок главой Российского государства вновь стал Б. Н. Ельцин [Выборы Президента... 1996: 131, 170].

Выборы Президента Российской Федерации в 1991 и 1996 гг., интерес к ним избирателей и результаты их голосования показали, что Россия постепенно переходила на путь демократических преобразований, проведения свободных демократических выборов при формировании органов государственной власти всех уровней. Граждане Российской Федерации, благодаря демократически организованным выборам, поддержали новые направления политического, социально-экономического развития страны, курс руководства на стабилизацию внутриполитической обстановки.

Источники

«*О выборах* Президента РСФСР» от 24 апреля 1991 г. // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».

«*О Президенте* РСФСР» от 22 мая 1991 г. // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».

«*Об основных* гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» от 6 декабря 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».

Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России от 10 декабря 1992 г. // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».

Федеральный закон от 17.05.1995 N 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».

Литература

Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 17. Ст. 512, 513.

Вестник Избирательной комиссии Республики Калмыкия: статист. выпуск / Избирательная комиссия Республики Калмыкия. Элиста, 2010. 64 с.

Выборы Президента Российской Федерации 1996 г. Электоральная статистика. М.: Изд-во «Весь Мир», 1996. 319 с.

Избирательный процесс Республики Калмыкия: Отчет тенденции развития. Т. 2. Избирательная комиссия Республики Калмыкия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 358 с.

Российские регионы после выборов – 1996. М.: Юрид. лит., 1997. 784 с.

Федеральный закон «Об основных избирательных прав граждан Российской Федерации». Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 1996.

Федеральные законы о выборах Президента Российской Федерации, о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 1995.

УДК 81`366.5
ББК 81.2-03(2Рос=Калм)

О ПАДЕЖНОМ ПОКАЗАТЕЛЕ -А:/ -О:/ -Е: В КАЛМЫЦКОМ ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ XVIII в. (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ)*

Д. Б. Гедеева

Официальные письма XVIII в., написанные калмыцкими ханами и князьями в адрес астраханской администрации и послужившие материалом для данной статьи [Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.) 2005], имеют большое значение для исследователей как исторические документы, свидетельствующие о политической, военной, социально-экономической, культурной жизни калмыцкого общества того времени. Представляя жанр деловой письменности, они также являются важными источниками для изучения истории развития старописьменного литературного языка, формирования его функционально-стилистических особенностей [Асирова 2002; Сусеева 2011; Омакаева 2008].

Язык исследуемых нами писем имеет в основном тот же лексический состав, те же синтаксические конструкции и морфологические признаки, что и современный язык. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что калмыцкий литературный язык в XVIII в. в основном был уже сформирован в том виде, в каком он функционирует в настоящее время. Однако в письмах имеются некоторые грамматические явления, отсутствующие в современном языке. Одному из них и посвящена данная статья.

В рассматриваемых письмах встречается падежный показатель *-а:/-о:/-е:*. В текстах он встречается после основ, имеющих конечные согласные *r, n, g, d, s*. Упоминание об этом падежном показателе в языке калмыцких деловых документов мы встретили только в статье С. Намжавина [Намжавин 2008: 37–46].

Следует отметить, что этому падежному показателю *-а/-е* (без долготы) в старописьменном монгольском языке посвящен ряд исследований. Так, М. Н. Орловская считает его показателем местного падежа, часто употребляющимся в тексте исторического сочинения XVII в. «Алтан тобчи» [Орловская 1975: 176].

И. А. Грабарь в статье «О дательно-местном падеже в «Сокровенном сказании монголов», излагая историю изучения дательного падежа в старописьменном монгольском языке, пишет, что среди монголоведов нет единого мнения по поводу употребления суффикса *-а/-е* как показателя дательного падежа [Грабарь 1985: 21]. Автор статьи отмечает, что Г. Рамстедт и Э. Хениш называли падеж на *-а/-е* дательным. Д. Стрит также считал его показателем дательного падежа, имеющим, однако, и локальное значение. И. А. Грабарь также приводит мнение Н. Н. Поппе, который считал, что в письменном монгольском языке XX в. это показатель местного падежа, а в языке XIV в. и позже — показатель дательного падежа [Грабарь 1985: 21].

В «Сокровенном сказании монголов» суффикс *-а (-е)*, как информирует И. А. Грабарь, представлен очень широко и по частоте употребления стоит на втором месте после суффикса *-dur (-tur)*; употребляется в значениях и дательного, и местного падежей [Грабарь 1985: 21].

И. А. Грунтов, исследуя историю развития падежной системы в монгольском языке, об употреблении суффикса *-а* в «Сокровенном сказании монголов» пишет следующее: «На момент написания «Сокровенного сказания» падеж с показателем (*-dur*, *-tur*) превратился в полноценный лативно-локативный падеж, в то время как падеж с показателем (*-а*, *-da*), полностью сохранив дативные функции, употреблялся в локативном значении только у ограниченной группы имен» [Грунтов 2002: 156].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-04-00553а.

В исследуемых нами калмыцких текстах круг значений падежного показателя *-a:/-o:/-e:* довольно широк.

1. Лицо — участник совместного или взаимного действия: *man**a:** yabuqči inaral* ‘генерал, отправляющийся с нами’, *cerig**e:** xa: niyildeküyini* ‘где соединится с войсками’, *bambar**a:** xamtu oula talaki xalxadu γatulul ügei* ‘не переправляясь вместе с Бамбаром на нагорную сторону’, *urida guberna:tor bolǰi bayiqsan kümüd**e:** inagiyin yoso:r bayiqsan belei bida* ‘мы жили в дружбе со всеми прежними губернаторами’, *töün**e:** odxu dura ügei küügi xariulǰi orkiyita* ‘не желающих ехать с ней людей отправьте назад’, *tere birikešig**e:** ebceǰi mönggü:n abubabida* ‘уладив с тем приказчиком, мы забрали свои деньги’, *xasaγ**a:** eliyin yoso:r bayidaq bi* ‘с казахами я живу в мире’.

2. Лицо, против которого совершается противодействие: *dayin**a:** bayiri keqsen yuuman ügei* ‘не завязали бой с неприятелем’, *türüg**e:** dayin bolǰi bayiqsan caqtu* ‘когда воевали с турками и татарами’, *tanai mantaγ**a:** kerüldüqsen küü ügei ... bi keni ca:ǰilaxu bi* ‘кого я буду судить, если нет того человека, который повздорил с вашим Мантагом’, *ceyice:r oros**o:** dayilduǰi orosiyin cerigi daruǰi genei* ‘говорят, Цечар воевал с русскими и победил их’.

3. Время совершения действия: *noγoni teriun**e:** ... ese geǰi noγoni urida* – ‘с первой травой или же до появления травы’.

4. Эталон сравнения, при этом данный падеж употребляется с послелогом *adali* со значением сравнения (что характерно для соединительного падежа): *de:re bičiqsen**e:** adali* ‘как написано выше’, *biši ulus**a:** adali* ‘подобно другим людям’.

5. Адресат действия: *basa čigi dutuu ügesi tan**a:** küünel bayiǰi* ‘сообщив также Вам недосказанное’, *yeke ezeni gegen**e:** elči bičige:n ilgeleyibi* ‘я послала письмо к его императорскому величеству’.

6. Место действия: *solton**o:** zolγoxuda uuxu nige bedere sayin bodki tabun bedere borostoi arban beder čaryr ötör öqči ilge ...* ‘срочно пришли одно ведро хорошей водки, десять ведер простой водки, десять ведер вина, чтобы пить, когда пойдем в гости к Султану’.

Как видим из вышеприведенных примеров, этот падежный показатель соответствует по своим значениям аффиксам как дательного, так и соединительного падежа. Что касается последнего, то нами зафиксирован интересный случай употребления соединительного падежа в локативном значении вместо употребляемого в таких случаях дательно-местного падежа: *serkešiyin adoun mani nutugiyin zaxa**la:** bayixudu xuluγai šoq šodor bitegei kelgeyite geǰi bičiǰi ülübayinu ta* ‘Вы пишете, чтобы не было воровства, когда табун черкесов будет находиться у окраин нашего кочевья’.

В старописьменном монгольском языке дательный падеж с показателем *-a / -e* также встречается со значением, характерным для соединительного падежа. Так, М. Н. Орловская пишет, что имена с этим падежным окончанием в «Алтан тобчи» обозначают лицо, совместно с которым совершается действие: «это значение несколько необычно для местного падежа, поскольку оно свойственно совместному или соединительному падежу» [Орловская 1975: 183]. Сам же соединительный падеж с традиционным показателем *-la:/-le:* также встречается в текстах, хотя и очень редко: *tani elči**le:** bi nige taniǰi medekü küü ilgesüle...* ‘вместе с вашим посыльным я пошлю разбирающегося человека’, *odo: šine ene elči**le:** xariǰi yabunai ...* ‘сейчас возвращается с новым посыльным’. Чаще его заменяет падеж с показателем *-a:/-o:/-e:*. Однако встретился случай параллельного употребления обоих показателей в словосочетании с послелогом *xamtu* ‘вместе с’. Наряду с *bambar**a:** xamtu oula talaki xalxadu γatulul ügei* ‘не переправляясь вместе с Бамбаром на нагорную сторону’ встречается *kiyiγastu übülzüǰi bambarayi**la:** ürgülǰi xamtu bayixu bolo:d* ‘решив всем вместе жить с Бамбаром, зимуя на косах’.

В деловых документах также в качестве объекта сравнения в конструкциях с *adali* и *ilγal ügei* вместо ожидаемых слов в форме соединительного падежа с суффиксом *-la:/-le:* встречаются слова как с показателем *-a:/-o:/-e:* (как было указано выше), так и с традиционным показателем дательно-местного падежа *-du/-dü, -tu/-tü: toko:roqson-**du** adali bayiqsan caqtu* ‘в то время, когда [они] как будто успокоились’, *biši nige yasutai ulus-**tu** adali biši* ‘не похожи на других соплеменников’, *töün-**dü** adali* ‘как он’, *γumuduxu bitü üliger-**tü** adali bolǰi* ‘как пример, достойный сожаления’, *tan-**du** adali üyilečin-dü* ‘управителю дел, как Вы’, *ura:la ügeyi**dü** adali youman belei ene* ‘это похоже на то, что раньше этого не бывало’, *sayidaqsan noyodouda:*

ilγal ügei onco xayiran-du kürtükü zöbtöi … ‘так же, как и отличившиеся нойоны, [они] будут отдельно удостоены милости’.

В современном калмыцком литературном языке существительные в форме дательного падежа с послелогом *әдл* не употребляются. Однако по результатам нашего полевого исследования данное явление имеет еще место в разговорной речи: *нанд әдл* ‘подобно мне’, *чамд әдл* ‘подобно тебе’, *келснд әдл* ‘подобно сказанному’ и т. д.

Вместе с тем факты свидетельствуют о том, что показатель *-a:/-o:/-e:* в калмыцком языке XVIII в., как и в старописьменном монгольском языке, является суффиксом дательно-местного падежа. Это подтверждают примеры из текста писем, где показатели *-a:/-o:* и *-du,* заменяя друг друга, употребляются параллельно: *basa čigi dutuu ügesi tan**a:** küünel bayiǰi* ‘сообщив Вам недосказанное’, *tan**du** čigi köüneqsen čigi belei bi* ‘Вам я также сообщал’.

Таким образом, в исследуемых текстах показатель *-a:/-o:/-e:* употребляется в значениях дательно-местного и соединительного падежей наряду с суффиксом соединительного падежа *-la:/-le:* и суффиксом дательного падежа *-du/-dü, -tu/-tü*. Эта тенденция прослеживается и в современном калмыцком языке. Так, дательный падеж с суффиксом *-д/-т* и соединительный падеж с суффиксом – *ла/-лә* в темпоральном значении употребляются параллельно: *үвллә, үвлд* ‘зимой’, *хаврла, хаврт* ‘весной’, *зунла, зунд* ‘летом’, *намрла, намрт* ‘весной’, *өрүнлә, өрүнд* ‘утром’, *асхнла, асхнд* ‘вечером’, *цагла, цагт* ‘во время’, *җиллә, җилд* ‘в году’. Суффикс *-а/-ә* сохранился в современном языке в наречиях времени *өрүнә* ‘прошедшим утром’, *асхна* ‘вчерашним вечером’, *үвлә* ‘прошедшей зимой’, *хавра* ‘прошедшей весной’, *зуна* ‘прошедшим летом’, *намра* ‘прошедшей осенью’, *тендә* ‘тогда’; в наречиях места *дора* ‘внизу’, *дота* ‘внутри’.

Таким образом, взаимозаменяемость рассмотренных показателей в значениях, характерных для дательно-местного и соединительного падежей, представляет собой интересное явление, требующее дальнейших исследований как языка памятников письменности, так и современного калмыцкого языка.

Литература

Асирова Н. Д. Исследование частей речи в калмыцком языке XVIII века: на материале деловых писем: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2002. 16 с.

Грабарь И. А. О дательно-местном падеже в «Сокровенном сказании монголов» // Монгольский лингвистический сборник. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. С. 21–30.

Грунтов И. А. Эссивные функции падежей в «Сокровенном сказании монголов» // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / ред. В. А. Плунгян. М.: Русские словари, 2002. С. 150–156.

Кокшаева Н. О. Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.) / науч. ред. В. И. Рассадин. Элиста: Изд. дом «Герел», 2011. 191 с.

Намжавин С. XVIII зууны халимаг хаад нөёдын захидал бичиг, түүний халимагийн түүх хэл судлах хэрэглэгдэхүүн болох нь // Proceedings of the International Symposium. Past and Present Dinamics: the Great Mongolian State. December 22–23, 2006. Tokyo. Edited by Kurebito Tokusu. Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). Tokyo University of Foreign Studies, 2008. С. 37–46.

Омакаева Э. У. Деловой калмыцкий язык XVIII века: проблема статуса и методы комплексного изучения лексики и синтаксиса писем в лингвокультурологическом аспекте // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 4. С. 37–42.

Орловская М. Н. О некоторых грамматических особенностях языка «Алтан Тобчи» // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики. Материалы Всесоюзной конференции. Элиста, 17–19 мая 1972 г. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит–ры, 1975. С. 176–193.

Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.): факсимиле писем. Изд-е текстов, введ., транслит., перев. со старокалмыцкого на современный калм. яз., словарь Д. Д. Гедеевой / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 194 с.

Сусеева Д. А. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология и морфемика (на материале писем калмыцких ханов и их современников) / отв. ред. А. В. Дыбо, Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 201 с.

УДК 811.512.37 366
ББК Ш164.3-2

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА РУССКОГО И КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ*

Д. А. Сусеева

В науке о языке словообразовательное гнездо (СГ) в качестве единицы словообразовательной системы привлекло к себе внимание только во второй половине XX в. В 1972 г. В. В. Лопатин писал: «Парадоксально, что, хотя понятие гнезда использовалось в нашей науке еще в прошлом веке и давно является одним из элементарных школьных понятий, тем не менее углубленное теоретическое осмысление сущности словообразовательного гнезда как одного из центральных понятий словообразовательной системы языка началось у нас недавно (прежде всего в работах представителей структурной лингвистики). Многие закономерности, связанные с семантическими и формальными свойствами гнезда, с границами гнезда, с типологией гнезд, ждут своего обнаружения» [Лопатин 1977: 96].

За последние десятилетия многое сделано для изучения СГ. Значительный вклад внес А. Н. Тихонов, один из первых давший полное описание СГ русского языка, что нашло отражение в его двухтомном словообразовательном словаре [Тихонов 1990].

Вопросы, связанные с этим понятием, освещены в работах Е. А. Земской [1973], В. В. Лопатина [1977], И. С. Улуханова [2007], Е. С. Кубряковой [1981; 1979], П. А Соболевой [1979], Е. Л. Гинзбург [1979] и др. Учеными выявлены основные признаки СГ: 1) СГ — это совокупность однокоренных слов, упорядоченная отношениями производности; 2) СГ состоит из «вершины» («вершинного слова») и его производных; 3) по частеречной принадлежности «вершины» различаются разные типы СГ; 4) вершинное слово в СГ выступает как мотивирующее, а остальные — как мотивированные и мотивирующие; 5) внутри СГ между однокоренными словами обнаруживаются закономерные формально-семантические отношения производящих и производных, мотивирующих и мотивированных слов; 6) в основе строения СГ лежит принцип иерархии, принцип последовательного подчинения одних единиц другим.

Сопоставляя СГ русского и калмыцкого языков, мы установили, что они имеют много общего, несмотря на то, что сопоставляемые языки относятся к разным типам. Калмыцкому словообразовательному гнезду (КСГ), как и русскому гнезду, присущи одни и те же основные признаки. Ниже мы рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, каждое КСГ имеет упорядоченный характер, где каждое производное слово занимает предусмотренное ему системой языка место:

	1. *зурач* [зур-**ач**] художник		
зур(х) рисовать, чертить	2. *зура* [зур-**а**] план	2.1. *зуран* [зура-**н**] плановый	
		2.2. *зурата* [**з**ура-**та**] с планом; плановый	
		2.3. *зураго* [зура-**го**] беспланновый	
		2.4. *зурал(х)* [зура-**л**(х)] планировать	2.4.1. *зураллһн* [зурал-**лһн**] планирование
			2.4.2. *зураллт* [зурал-**лт**] планирование

* Работа выполнена по проекту «Актуальные вопросы сопоставительной грамматики русского и калмыцкого языков» (2012 г.).

3. *зурц* [зур-**ц**] очерк		
4. *зург* [зур-**г**] рисунок, фотография	4.1.*зургл(х)* [зург-**л**(х)] рисовать	4.1.1. *зургллһн* **[**зургл-**лһн]** фотографирование
5. *зурлһн* [зур-**лһн**] рисование,черчение		
6. *зурата* [зур-**ата]** нарисованный, начерченный		
7. *зуруль* [зур-**уль**] чертеж		

КСГ обычно состоит из исходного (непроизводного) слова и всех его производных. Непроизводное слово, как известно, — это слово, лексическое значение которого немотивировано в современном языке. Производное слово — это слово, лексическое значение которого мотивировано другим словом, т. е. объяснимо с помощью другого слова. Так, значение слова *зурх* ‘рисовать’ не мотивировано другими словами, так как оно является непроизводным, а все остальные слова приведенного выше СГ являются производными, так как их значения мотивированы другими словами.

Приведем другой пример. Слово *гиигн* ‘легкий’ относится к числу непроизводных, так как его лексическое значение не мотивировано другим словом; слово *гиигдх* ‘быть слишком легким’ является производным, так как оно образовано и мотивировано прилагательным *гиигн* ‘легкий’. Глагол *гиигдх* образован по продуктивной модели с помощью суффикса *-д*, входит в ряд производных глаголов: *күчрдх* ‘быть тяжелым’ (от *күчр* ‘тяжелый’), *дуладх* ‘согреваться, теплеть’ (от *дулан* ‘теплый’), *килврдх* ‘дешеветь’ (от *килвр* ‘дешевый’), — которые относятся к одному словообразовательному типу.

Во-вторых, КСГ составляют слова, имеющие общий смысловой элемент, выразителем которого является корень. В вышеприведенном гнезде такой общий смысловой элемент выражает корень *зур-* ‘рисовать’.

В-третьих, границы КСГ изменчивы. Они открыты для пополнения их новыми словами, и, наоборот, некоторые слова, архаизируясь, могут выпадать из них. Лингвистические и экстралингвистические факторы, влияя на смысловые отношения слов в КСГ, способствуют либо ослаблению, либо укреплению этих связей. Так, в советскую эпоху появились неологизмы *зураллт* ‘планирование’ и *зургллһн* ‘фотографирование’, которые расширили объем рассматриваемого КСГ. Раньше эти слова в калмыцком языке отсутствовали. Другой пример: от глагола *сунх* ‘растягиваться, вытягиваться, удлиняться’ образовано слово *суңһх* ‘вытягивать, растягивать’, позже этот производный глагол приобрел переносное значение ‘избрать’ и с этим значением вышел из прежнего КСГ, создав самостоятельное гнездо. Сравним эти два гнезда:

1) ***Сунх*** ‘растягиваться, вытягиваться, удлиняться’ → *суңһ**а**х* ‘растягивать, вытягивать, удлинять’. ***Сунх*** → *суңһг* ‘проволока’ → *суңһг**ч*** ‘телеграфист’.
2) ***Суңһх*** ‘избрать, баллотировать’ → *суңһ**а**х* ‘выбирать, избирать’. Суңһх → *суңһ**ач*** ‘избиратель’. ***Суңһх*** → *суңһ**вр*** ‘выборы’. ***Суңһх*** → *суңһ**лт*** ‘выборы’. ***Суңһх*** → *суңһ**лһн*** ‘избрание’ и т. д.

В связи с тем, что в КСГ происходят семантические сдвиги (процессы), в них могут сосуществовать неологизмы и архаизмы. Архаические производные — это слова, семантические связи которых с современной системой словообразования либо ослаблены, либо вовсе утрачены. Например, некогда в калмыцком языке был глагол ***базх* ‘сильно, крепко сжимать’, который в настоящее время утрачен. Соответствующее гнездо, где этот глагол был «вершинным словом», перестроилось. В качестве исходного слова теперь в этом КСГ выступает производный глагол *базһх* ‘мять, сжимать’, некогда образованный от ***базх*. Ср.: *базһ(х)* ‘сжимать’ → *базһлһн [базһ-**лһн**]* ‘сжатие; массаж’; *базһ(х)* → *базһлдх [базһ-**лд(**х)]* → *базһлдлһн [базһлд-**лһн**]* ‘сжатие’.

От утраченного глагола *базх* некогда было образовано прилагательное *базг* ‘скупой, жадный’ с помощью суффикса *-г*. Б. Х. Тодаева зафиксировала это прилагательное в языке эпоса «Джангар» [Тодаева 1976:

12]. В современном калмыцком языке прилагательное *базг* в значении ‘энергичный, решительный’, как это дано в языке эпоса «Джангар», относится к числу непроизводных и в состав КСГ с исходным словом *базһх* ‘сжимать’ уже не входит. В значении ‘скупой, жадный’ прилагательное *базг* образует самостоятельное гнездо. Ср.: * *базх* → *базг* ‘жадный’ → *базгл**х*** ‘быть прижимистым’ → *базгл**лһн*** ‘жадность, скупость’.

В-четвертых, КСГ в стилистическом аспекте бывают неоднородными, так как в них могут быть представлены слова разной стилистической окраски, т. е. они могут включать слова нейтральные, книжные, разговорные, просторечные, а также социально ограниченные и неограниченные. Например, гнездо с исходным словом *күн* ‘человек’ включает в свой состав производные нейтрального характера: *күүнә* ‘человеческий’; чужой’, *күүнәшх* ‘считать чужим’, *күүнәркх* ‘считать чужим; чуждаться’, *күүнәрхг* ‘застенчивый, стеснительный’. Гнездо с исходным словом *күмн* ‘человек’ представлено словами книжного (высокого) стиля: *күмн* человек’, *күмнә* ‘человеческий’, *күмн-әмтн* ‘человечество’. Отдельные КСГ включают в свой состав терминологические слова. Например, в состав КСГ с исходным словом *киисх* ‘падать’, наряду с нейтральными словами (*киискх* ‘свалить’, *киисклһн* ‘падение’), входят терминологические слова (грамматические термины): *киисквр* ‘падеж’, *киискгдгч* ‘склоняемый’, *киискгддго* ‘несклоняемый’, *киисклһн* ‘склонение’ и др. В некоторых СГ встречаются слова с уникальными суффиксами. Например, СГ с исходным словом *йовх* ‘идти’, наряду с производными, образованными по продуктивным моделям, содержит в своем составе производное слово, образованное по непродуктивной модели с помощью уникального суффикса *-уд*, а именно: слово *йов-уд* ‘ход, процесс’.

СГ калмыцкого языка включают в свой состав однокоренные слова, между которыми имеются живые семантические связи (отношения). Например, к числу таких гнезд относится КСГ с исходным словом *наах* ‘замазывать; клеить’:

наах замазывать, клеить

→ *наа-**гд**(х) страд.* ‘приклеиваться’
→ *наа-**лд**(х) совм.* ‘приклеиваться’
→ *наа-**вр*** ‘наклейка’
→ *наа-**ц*** ‘наклейка’
→ *наа-**лт*** ‘клейкость’
→*наа-**лһн*** ‘заклеивание’
→ *наа-**лһ**(х)* ‘клеить’

→ *наагд-**лһн*** ‘приклеивание’
→ *наалд-**ул**(х) побуд.* → *наалдул-**лһн*** ‘заклеивание’
→ *наалд-**лһн*** ‘наклеивание’
→ *наалд-**ур*** ‘*липучка*’ *(от мух)*
→ *наалд-**ац*** ‘приклейка’
→ *наалд-**ан*** ‘заклейка’
→ *наалд-**мһа*** ‘вязкий’
→ *наалд-**мг*** ‘клейкий, липкий’
→ *наалһ-**ата*** ‘приклеенный’

В калмыцком языке различаются СГ по активности и пассивности употребления входящих в их состав слов. Одни СГ полностью состоят из активных слов, а другие — только из пассивных. Например, КСГ с исходным словом *гүүх* ‘бежать, бегать’ полностью состоит из слов, которые активно употребляются в речи: *гүүһәч* ‘бегун’, *гүүдл* ‘бег’, *гүүлһн* ‘бег’, *гүүмтхә* ‘ходкий’. Гнездо с исходным словом *алвн* ‘повинность, налог’ большей частью состоит из архаических производных: *алвтн* ‘подданные’, *алвт* ‘владение’, *алвта* ‘имеющий подданных’.

В-пятых, в КСГ представлены два типа формально-семантических отношений слов: мотивированные и немотивированные. Мотивированные отношения наблюдаются между двумя словами, значение одного из которых входит в состав другого: *зур(х)* ‘рисовать; чертить’ → *зур-ач* ‘тот, кто рисует; художник’. Другие примеры:

а) значение слова *будх [буд-]* ‘красить’ полностью входит в состав производного от него слова *будач [буда-ч]* ‘красильщик’, что буквально обозначает ‘тот, кто красит’, однако их лексические значения не тождественны; б) лексическое значение производящего слова тождественно лексическому значению производного от него слова, но грамматические значения и синтаксические позиции этих слов различны: слово *буульх* ‘восхвалять’, несмотря на то, что является глаголом, имеет лексическое значение, тождественное лексическому значению слова *буульлһн* ‘восхваление, хвала’, которое является производным от него существительным, ср.: *бууль(х)* ‘восхвалять’ → *бууль-**лһн*** ‘восхваление’. Оба слова, хотя относятся к разным частям речи, обозначают одно и то же действие ‘восхвалять/восхваление’.

Немотивированные отношения складываются между двумя однокоренными словами, если они образованы от разных однокоренных слов, а значения их не входят в семантическую структуру друг друга. Пример: *зург* ‘рисунок’ и *зурасл(х)* ‘чертить’, у которых общий корень *зур-* ‘рисовать’, но они не связаны отношением мотивации, так как слово *зург* образовано от глагола *зурх* ‘рисовать’, а слово *зураслх* образовано от существительного *зурасн* ‘черта, линия’. Другой пример: отсутствуют мотивационные отношения у однокоренных слов *геегдл* ‘потеря, утрата’ и *геелһн* ‘потеря’, так как они образованы и мотивированы разными производящими словами, хотя и однокоренными. Имя существительное *геегдл* образовано от глагола *геегдх* ‘быть потерянным; потеряться’ с помощью суффикса –л (*геегд/х → геегд-**л***), а имя существительное *геелһн* образовано от глагола *геех* с помощью суффикса *–лһн* (*гее/х → гее-**лһн***).

Производные слова создаются на основе строго определенного значения производящего слова. Например, глагол *матх* ‘тянуть’ в калмыцком языке имеет четыре значения: 1) ‘тянуть, тащить, дергать’; 2) ‘запрягать (лошадь)’; 3) ‘защищать’ и 4) ‘взимать, взыскивать; собирать дань’. Все четыре значения данного глагола участвуют в словообразовании. В первом значении глагол *матх* соотносится со следующими производными словами: *матвр* ‘оттяжка; отлив, спад’, *матгдх* ‘спадать (о воде)’, *матдг* ‘вытяжной’, *матлһн* ‘тяга, притяжение’, *матлдх* ‘стягиваться’, *матлдан* ‘стяжение; перен. осложнение’, *матур* ‘токарный станок’, *матурдх* ‘точить на токарном станке’, *матурлх* ‘работать на токарном станке’, *матурч* ‘токарь’, *матата* ‘открытый’ и др. Во втором значении глагол *матх* соотносится со следующими производными словами: *матата* ‘запряженный’, *матдг* ‘упряжной’, *матлһн* ‘запряжка’, *матур* ‘задняя подпруга’. В третьем значении глагол *матх* соотносится со словом *матгч* ‘защитник’, а в четвертом значении — со словами: *матвр* ‘налог, подать’, *матврч* ‘сборщик податей (налогов)’, *матлһн* ‘сбор налогов’.

В одних КСГ однокоренные слова связаны мотивационными отношениями на основе исключительно прямых значений вершинного (исходного) слова. Например: *соя* ‘клык’, *соядх* ‘схватывать клыком’, *соялх* ‘появляться (о клыке)’, *соярхг* ‘клыкастый’. В других КСГ однокоренные слова связаны мотивационными отношениями как на основе прямых, так и переносных значений. Например, глагол *дәврх* в современном калмыцком языке имеет три значения: 1) ‘нападать, вторгаться, атаковать’; 2) перен. ‘задевать кого-либо’; 3) ‘заезжать’. В первом значении с глаголом *дәврх* соотносятся следующие производные слова: *дәвргдх* ‘подвергаться каким-либо воздействиям’, *дәврдг* ‘наступательный, агрессивный’, *дәврлһн* ‘нападение, атака, налет’, *дәврлһтә* ‘наступательный’, *дәврлт* ‘нападение, атака’. Во втором значении (переносном) с глаголом *дәврх* соотносятся следующие производные слова: *дәвргдх* перен. ‘быть задетым кем-либо’, *дәврлһн* перен. ‘оскорбление, нападки’. В третьем значении глагол *дәврх* соотносится со следующими производными словами: *дәвргдх* ‘быть встреченным на пути’, *дәврдг* ‘проходной’, *дәврлго* ‘мимо’, *дәврлһн* ‘заход, заезд’.

В отдельных КСГ исходные слова имеют и прямые, и переносные значения, но производные слова в них создаются на основе только прямых значений, а переносные значения не принимают участия в современном языке. Например, глагол *залһх* имеет два значения: 1) ‘присоединять, соединять; наставлять, сращивать’ и 2) перен. ‘оказывать помощь’, из которых только прямое значение принимает участие в словообразовании. Примеры: 1) *залһ(х)* ‘присоединять, соединять’ → *залһ-**ан*** ‘связь, соединение, сцепление; преемственность’ → *залһа-**та*** ‘соединенный, связанный, сцепленный’; 2) *залһ(х)* ‘присоединять, соединять’ → *залһ-**вр*** ‘наставка, наращение’; 3) *залһ(х)* ‘присоеди-

нять, соединять’ → *залһ-**гд**(х)* ‘соединяться, связываться’ → *залһгд-**лһн*** **‘**соединение, сцепление**’;** 4) *залһ(х)* ‘присоединять, соединять’ → *залһ-**лд**(х)* ‘соединяться, сцепляться’ → *залһлд-**ан*** ‘последовательность, связь, сцепление’; 5) *залһ(х)* ‘присоединять, соединять’ → *залһ-**лд**(х)* ‘соединяться, сцепляться’ → *залһлд-**ул**(х)* → *залһлд**ул-лһн*** ‘соединение, сцепление, связывание’; 6) *залһ(х)* ‘присоединять, соединять’ → *залһ-лт* ‘надставка; продолжение, преемственность’; 7) *залһ(х)* ‘присоединять, соединять’ → *залһ-лц(х)* ‘соединяться, сцепляться’ → *залһлц-ан* ‘соединение’; 8) *залһ(х)* ‘присоединять, соединять’ → *залһ-лц(х)* ‘соединяться, сцепляться’ → *залһлц-лһн* ‘соединение, связь, сцепление’; 9) *залһ(х)* ‘присоединять, соединять’ → *залһмж̨* ‘последовательность’ → *залһмж̨-л(х)* ‘идти друг за другом, продолжать следовать друг за другом’.

В современном языкознании выделяют у исходных слов «стержневое» значение [Тихонов 1990: 39]. Стержневым значением называют такое значение исходного слова, которое участвует в образовании большинства слов. В качестве «стержневых значений» могут выступать как прямые, так и переносные значения. Семантика производных слов в гнезде чаще всего базируется на прямом значении исходных слов. Если исходное слово многозначно, то производные слова могут группироваться вокруг разных значений. Часть производных слов оказывается связанной с ним в нескольких или всех значениях. Нередко одни слова гнезда объединяет прямое значение, а другие — переносное «стержневое значение». Совокупность «стержневых» значений, их количество и набор, сочетание не одинаковы для различных типов гнезд. Это зависит от семантической структуры исходного слова, его принадлежности к той или иной части речи.

«Стержневые» значения, связывающие однокоренные слова в подгнездах, находятся в сложных взаимоотношениях. Как отмечает А. Н. Тихонов, «отражая длительную прошлую жизнь гнезда, разнообразные семантические сдвиги, затрагивающие различные группы производных, они не всегда бывают близки друг другу. Без резких переходов обычно связаны между собой стержневые значения, которые опираются на номинативные, производно-номинативные значения однокоренных слов, а также на переносные (метафорические и метонимические) значения, утратившие свой образный характер» [Тихонов 1990: 39].

В калмыцких гнездах между стержневыми значениями складываются разные отношения. Одни из них активны в образовании слов, другие — нет. Так, существительное *залу* имеет три значения: 1) ‘мужчина’, 2) ‘муж, супруг’, 3) ‘юность, молодость’, из которых только первое значение активно в словообразовании. Ср.: 1) *залу* ‘мужчина’ → *залу-р(х)* ‘возмужать, стать мужчиной’ → *залур-хг* ‘проявляющий мужество, отвагу’; *залу* ‘мужчина’ → *залу-һинәр* ‘по-мужски’; 2) *залу* ‘муж, супруг’ → *залу-та* ‘замужняя’; *залу* ‘муж, супруг’ → *залу-һинәр* ‘по-мужнину’; 3) *залу* ‘юность, молодость’ → *залу-рхг* ‘кичащийся молодостью, молодящийся’.

В отдельных гнездах наблюдается ослабление семантической связи между однокоренными словами. К примеру, слаба семантическая связь между однокоренными словами в гнезде с исходным словом *әмн*, которое имеет три значения: 1) ‘жизнь’, 2) ‘дыхание’, 3) перен. ‘душа’. Производные слова, образованные от стержневого значения ‘душа’, практически утратили семантическую связь с другими производными словами, созданными на базе остальных стержневых значений. Ср.: 1) *әмн* ‘жизнь’, *әмтн* ‘все живое’; собир. ‘человечество, люди’, *әмтнә* ‘человеческий, людской’, *әмд* ‘живой’, *әмдәр* ‘живьем, заживо’, *әмдрх* ‘оживать; воскресать’, *әмдрл* ‘жизнь, *әмдрлһн* ‘оживление’, *әмдрлин* ‘жизненный’, *әмлх* ‘оживлять, проявлять признаки жизни’, *әмллһн* ‘оживление’; 2) *әмн* ‘дыхание’, *әмлх* ‘дышать’; 3) *әмн* ‘душа’, *әмнч* ‘эгоист’, *әмнчл(х)* ‘проявлять эгоизм’, *әмнчллт* ‘проявление эгоизма’.

В некоторых случаях связь между стержневыми значениями настолько ослабевает, что одно гнездо, как мы уже отмечали выше, распадается на два гнезда и более. Например, гнездо с исходным словом *цәәх* ‘белеть, светлеть’ распалось на два гнезда из-за семантического обособления одного из его стержневых значений. Ср.: 1-ое гнездо: *цәәх* ‘белеть, светлеть’ → *цәә-лһ(х)* ‘белить’ → *цәәлһ-лһн* ‘побелка’; 2-ое гнездо: *цәәлһ(х)* перен. ‘пояснять, комментировать’ → *цәәлһ-лһн* ‘объяснение’; *цәәлһ(х)* перен. ‘пояснять’ → *цәәлһ-вр* ‘объяснение, агитация’ → *цәәлһвр-ин* ‘пояснительный, пропагандистский’; *цәәлһ(х)* перен. ‘пояснять’ → *цәәлһ-әч* ‘комментатор, пропагандист’.

В-шестых, в зависимости от частеречной принадлежности исходного (вершинного) слова следует различать разные типы КСГ, а именно: 1) с исходным словом — именем существительным, 2) с исходным словом — именем прилагательным, 3) с исходным словом — глаголом и т. д. Примеры:

1. *толһа* ‘голова’ → *толһа-**ч*** ‘руководитель’
→ *толһа-**л**(х)* ‘возглавлять’
→ *толһ-**д**(х)* ‘ударить по голове’
2. *ахр* ‘короткий’ → *ахр-**д**(х)* ‘сокращаться’ → ахрд-**ул**(х) ‘сокращать’
→ *ахр-**л**(х)* ‘укорачивать’
→ *ахр-**хн*** ‘короткий’
→ *ахр-**ар*** ‘коротко, сжато’
3. *зал-(х)* ‘управлять’ → *зал-**ач*** ‘управляющий; заведующий’
→ *зал-**лһн*** ‘правление, управление’
→ *зал-вр* ‘управление’ → *залвр-**ин*** ‘управленческий’

В-седьмых, между словами в КСГ устанавливаются два типа словообразовательных отношений: синтагматические и парадигматические.

В калмыцком языке имеются микрогнезда и макрогнезда. Микрогнезда — это гнезда, которые состоят из исходного слова и одного производного, например: *аадмг* ‘творог’ → *аадмг-ин* ‘творожный’. Макрогнезда — это такие, которые состоят из исходного слова и множества производных. Например, таким будет гнездо с исходным словом *буслх* ‘кипеть’:

	1-й словообразовательный шаг	2-й словообразовательный шаг	3-й словообразовательный шаг
бусл(х) ‘кипеть’	*бусл-**лһ**(х)* ‘кипятить’	*буслл**һ**-**а**(х)* ‘вскипятить’	*буслл**һа**-**вр*** ‘кипятильник’
	*бусл-**лһн*** ‘кипение’	*буслл**һ**-**сн*** ‘кипяченый’	
	*бусл-**сн*** ‘закипевший’		

Большинство гнезд в калмыцком языке относится к числу макрогнезд, которые представляют собой сложные структурные образования, состоящие из большого числа производных, как и в русском языке. Некоторые гнезда в русском языке содержат более 30–40 производных однокоренных слов. В отличие от русского языка гнезда в калмыцком языке не так объемны. Например, гнездо с исходным словом *бүрх* ‘заворачивать; укрывать, покрывать, обтягивать, заворачивать’ содержит 23 производных слова [Сусеева 1997: 80].

Обязательным компонентом калмыцкого гнезда, как и русского, являются исходное слово и, как минимум, одно производное от него слово. Вместе они составляют словообразовательную пару. Исходное слово — это такое слово, с которого берет свое начало словообразовательное гнездо. В роли исходных слов в калмыцком языке выступают непроизводные слова, а именно: 1) слова со свободным корнем, например: *бүс* ‘пояс’, *бүт(х)* ‘закрываться’, *бүкл* ‘целый, полный’; 2) слова со связанными корнями (основами), например со связанным корнем *гил-*: ***гил**вк(х)* ‘мерцать’, ***гил**вклһн* ‘блеск’, ***гил**ән* ‘белый, светлый, блестящий’, ***гил**һр* ‘блестящий’, ***гил**ңгүр* ‘слюда’, ***гил**их* ‘быть блестящим’. В этих словах выделяется связанный корень *гил-*.

Калмыцкое гнездо, как и русское, помимо исходного слова, в своей структуре содержит словообразовательные единицы, которые бывают простыми и комплексными. В качестве простой словообразовательной единицы выступает производное слово, которое, как известно, состоит из двух компонентов: словообразовательного производящей основы и форманта. Так, в производном слове *зүүдлх* ‘сниться’ выделяются словообразовательный суффикс *-л* и производящая основа *зүүд-*. Производное слово как в гнезде, так и в словообразовательной системе является важной единицей. Как пишет Е. С. Кубрякова, «именно способность производного слова объективировать пропозициональные структуры и затем служить их простому угадыванию, способность служить такой единицей номинации,

которая удобна для упаковки информации и использования ее в речевой деятельности, и характеризует производное слово как особую когнитивно-дискурсивную структуру. Попадая в разряд единиц, служащих обозначению одной и той же пропозиционной структуры, а значит, одной и той же ситуации, объекта, процесса или признака, производное слово становится тем самым объектом когнитивной семантики» [Кубрякова 2004: 394].

К числу комплексных единиц относятся словообразовательная пара, словообразовательная цепь и словообразовательная парадигма. Калмыцкая словообразовательная пара, как и русская, представляет собой пару однокоренных слов, связанных между собой отношениями словообразовательной мотивации. В словообразовательной паре одно слово является производящим, а другое — его производным. Например, *гетх* ‘следить’ и *гетвр* ‘засада’ представляют собой словообразовательную пару, так как первое слово является производящим, а второе — производным от него.

Словообразовательная цепь представляет собой ряд однокоренных слов, связанных между собой отношениями последовательной мотивации, где каждое предыдущее слово является производящим в отношении последующего. Например: *дөгәх* ‘шалить’ → *дөгә-**н*** ‘шалость’ → *дөгә-**тә*** ‘шаловливый’ → *дөгәтә-h-**әр*** ‘шаловливо’.

Словообразовательная парадигма — это совокупность всех производных слов, образованных от одного производящего слова на одном и том же словообразовательном шаге или ступени. Например:

назр ‘земля’ → *назр-**ч*** ‘гид, проводник’
→ *назр-го* ‘безземельный’
→ *назр-ин* ‘земной; земельный’
→ *назр-а* ‘земной’
→ *назр-д(х)* ‘касаться земли’
→ *назр-л(х)* ‘возвращаться на землю’

Производные слова, образованные на каком-либо словообразовательном шаге, могут иметь свои собственные парадигмы. Например, глагол *haph(x)* ‘вытаскивать, вынимать’, образованный от глагола *hap(x)* ‘выходить’ на первом шаге, на втором словообразовательном шаге гнезда имеет свою парадигму, представленную следующими производными словами.

	1-й словообразовательный шаг	2-й словообразовательный шаг
hap(x) ‘выходить’	*hap-**h(x)*** ‘вытаскивать, вынимать’	*haph-**а(х)*** ‘выносить’ *haph-**лhн*** ‘выпуск’ *haph-**лт***’увольнение’ *haph-**ул(х)*** ‘удалить, вывести’

Структура гнезда, таким образом, определяется соотношением тех словообразовательных единиц, которые входят в его состав.

Комплексные единицы словообразования русского и калмыцкого языков, к числу которых относится словообразовательное гнездо, никогда раньше не были предметом сопоставительного анализа. Между тем, именно сопоставление СГ двух разнотипных языков (агглютинативного и флективного) открывает новый аспект изучения семантической системы словообразования — когнитивный.

Литература

Гинзбург Е. Л. Типология гнезд и соотношения категорий производности // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 24–39.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 302 с.

Кубрякова Е. С., Соболева П. А. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 5–23.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования и производного слова в обработке знаний // Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Яз. славян. культуры, 2004. С. 390–458.

Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М.: Наука, 1977. 315 с.

Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 312 с.

Сусеева Д. А. Словообразовательная парадигматика имен прилагательных в современном калмыцком языке // Алтайские языки и восточная филология: Памяти Э. Р. Тенишева. М.: Вост. лит., 2005. С. 401–416.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. Т. 1. 1553 с. Т. 2. 886 с.

Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 528 с.

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Изд. 4-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

УДК 811.512.32+811.512.31
ББК 81

СОСТАВ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ДАГУРСКОГО И БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОВ

Ж. Б. Бадагаров

Падежные формы в монгольских языках выработались в процессе исторической эволюции как следствие диалектического взаимодействия тенденций, с одной стороны, к усложнению языка в результате размытия физических оболочек служебных слов в ходе грамматикализации и, с другой стороны, к упрощению в ходе интуитивного парадигматического выравнивания отдельных уровней и подуровней языка. В этом процессе тесно взаимодействуют все ярусы естественного языка, поэтому полноценный многофакторный анализ его представляется достаточно сложной, но перспективной задачей. Сравнение пар языков одной группы, в данном случае дагурского и бурятского, дает ценный материал, на основе которых можно делать определенные частные выводы и обобщения, а также сформулировать вопросы для дальнейшего углубления в проблематику. Проблематика дагурско-бурятских языковых связей и ее проявление в именных категориях рассматриваемых языков была затронута в [Бадагаров 2000, 2002]. На более широком материале категория склонения в монгольских языках была подробно рассмотрена в монографии С. М. Трофимовой [2009: 97-198]. Перспективным также представляется анализ отдельных явлений дагурского и бурятского языков в контексте тюрко-монгольских языковых контактов [Рассадин, 2006].

Материалом для исследования послужили работы советских [Поппе 1930; Тодаева 1986], китайских [Zhong Suchun 1965; Namcarai, Qaserdeni 1983; Engkebatu 1983, 1984, 1985] и западных [Kara 1996] ученых. Для удобства дагурский материал передается кириллицей без диакритических знаков. Латиница использовалась только в тех случаях, когда требовалось передать особенности действующей орфографии, основанной на китайской латинице *пиньинь*. Бурятский язык передается средствами действующей кириллической орфографии. Примеры из диалектов Внутренней Монголии также даны на кириллице без диакритических знаков.

В дагурском языке большинство исследователей выделяет от восьми до четырнадцати падежей. Н. Н. Поппе определил в дагурском языке следующие падежи: 1) неопределенный, 2) родительный, 3) винительный, 4) дательно-местный, 5) исходно-отложительный, 6) соединительно-совместный, 7) орудный, 8) продольный (пролатив) [Поппе 1930: 151–154]. Десять падежей в дагурском языке находит Чжун Сучунь: 1) именительный, 2) родительный, 3) дательно-местный, 4) винительный, 5) орудный, 6) совместный, 7) меры, 8) цели (*целевой аккузатив. — Ж. Б.*), 9) направительный и 10) места исхода (*неопределенно-исходный. — Ж. Б.*) [Zhong 1965]. В более поздней работе Чжун Сучунь объединил родительный и винительный падежи в один родительно-винительный, а также дополнил список исходным (в первой публикации Чжун Сучунь не выделяет исходный падеж, считая, что он совпадает с орудным). Таким образом, общее количество падежей осталось прежним [Zhong 1982: 34–39].

Намцарай и Хас-Эрдэни выделяют восемь падежных форм: 1) именительный, 2) родительный, 3) дательно-местный, 4) винительный, 5) исходный, 6) совместный, 7) орудный, 8) предельный [Namcarai, Qaserdeni 1983: 110]. Эти же восемь падежей выделяет Б. Х. Тодаева [Тодаева 1986: 39–46].

Так как долгое время дагурский язык был недоступен для ученых из других стран, а его изучение осуществлялось силами ученых КНР, то до недавних пор полемика ученых КНР относительно падежей дагурского языка была неизвестна. Обзор всех существовавших на тот момент взглядов приведен в работе Энхэбату, который предлагает свою наиболее полную систему падежных форм дагурского языка, состоящую из семи основных и семи неосновных[1] падежей [Engkebatu 1985: 504]. К основным он относит именительный, родительный,

[1] В терминологии Энхэбату: ündüsün 'основные' и ündüsün busu 'неосновные'.

дательно-местный, винительный, исходный, орудный, совместный падежи, а к неосновным — падеж меры, определенного места, неопределенного места, места исхода (*неопределенно-исходный. — Ж. Б.*), падеж направления, направительный падеж, определительный падеж.

В бурятском языке обычно выделяется семь падежей: 1) именительный, 2) родительный, 3) дательно-местный, 4) винительный, 5) орудный, 6) совместный, 7) исходный [Грамматика бурятского языка 1962: 75]. У некоторых авторов упоминается падеж меры и степени, который имеет ограниченное употребление. На наш взгляд, можно также говорить о наличии сложившейся формы экватива в бурятском языке.

Именительный падеж. В дагурском языке именная основа в именительном падеже не имеет конечного *-н*. По данному признаку его можно объединить с собственно монгольскими диалектами (халха-монгольским и внутреннемонгольскими). В бурятском языке именная основа в именительном падеже, в отличие от дагурского, не теряет конечный *-н*. Данный признак можно считать классификационным [Binnick 1987: 186]: конечный *-н* наличествует в бурятском, ойратском, хамниганском, некоторых диалектах и говорах Внутренней Монголии. Некоторые дагурские слова имеют конечный *-н*. Это такие слова, как *хэйн* ‘ветер’, *эулэн* ‘облако, облака’, *адоочин* ‘табунщик, пастух’, *алардаан* ‘тушканчик’, *амитан* ‘животное’, *арджаан* ‘хорошая молочная водка’ (ср. монг. *арза*), *аркан* ‘спина’, *арслан* ‘лев’, *айаан* ‘место слияния двух рек’, *барчин* ‘место напротив; противник’, *баркан* ‘бог’, *бареэчин* ‘костоправ’, *дэлкин* ‘селезенка’ и т. п.

Слово *хэйн* соответствует бур. *хии* ‘воздух; ветер’, х.-монг. *хий*, калм. *ки*, письм.-монг. *kei* ‘id.’ Среднемонгольские данные также показывают отсутствие конечного *-н* в данном слове: TUig *kei* ‘id.’ [Tumurtogoo, Cecegdari 2006: 440], TPhag *kei* ‘id.’ [Tumurtogoo, Cecegdari 2010: 156], MA *kei* ‘id.’ [Поппе 1938: 213]. Это слово также, без конечного *-н*, встречается в говорах эвенкийского языка [Чимитдоржиева 2012: 104, 124, 129]. Таким образом, форма с конечным *-н* присуща только дагурскому языку. Это, по-видимому, единственный случай, когда конечный *-н* наличествует только в дагурском слове, тогда как в остальных монгольских языках это же слово зафиксировано без конечного *-н*.

Есть также ряд слов, в которых дагурский также имеет конечный *-н* в тех словах, в которых его нет в халха-монгольском, однако оно имеется в бурятском и калмыцком. Это такие слова, как даг. *дэлкин* ‘селезенка’ < **delikin* < **delikün* > **deligün* > х.-монг. *дэлүү* ‘селезенка’, наряду с даг. *дэлуу* ‘id.’, ср. бур. *дэлюун*, калм. *дэлүн* ‘id.’; *эулэн* ‘облако’ < **egülen* > бур. *үүлэн*, х.-монг. *үүл*, ср. бур. *үүлэн*, калм. *үүлн* ‘id.’ и т. п. Первое из приведенных слов представляет большой интерес с точки зрения исторической фонетики, так как оно, на наш взгляд, является отражением одного из древнемонгольских диалектов, о котором до сих пор мало что известно. Это один из тех древнемонгольских диалектов, который не отражен в языке монгольской письменности. Это же слово есть в тунгусо-маньчжурских языках [Цинциус 1975: 233] в виде *дэлкин* ‘селезенка, диафрагма’. В солонском, с которым дагурский язык находится в тесном контакте на протяжении нескольких столетий, данное слово имеет форму *дэлкии* ‘селезенка’.

Родительный падеж. В дагурском языке, согласно официально принятой орфографии[2] на основе пиньинь (китайской латиницы), наличествуют следующие аффиксы родительного падежа: 1) *-ei*, который присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный (кроме *j*, *q*, *x*). Например: *biteg* + *ei* — *bitegei* ‘книги’, *heleg* + *ei* — *helegei* ‘печени’, *adus* + *ei* — *adusei* ‘скота’, *aol* + *ei* — *aolei* ‘горы’; 2) *-ii*, присоединяется к основам, оканчивающимся на *j*, *q*, *x*: *kaiq* + *ii* — *kaiqii* ‘ножниц’, *orj* + *ii* — *orjii* ‘сóски’, *tulx* + *ii* — *tulxii* ‘дров, хвороста’; 3) *-i*, который присоединяется к основам, оканчивающимся на краткую гласную: *mori* + *i* — *morii* ‘коня’, *nowu* + *i* — *nowui* ‘собаки’, *danga* + *i* — *dangai* ‘табака’; 4) *-yi*, к основам, оканчивающимся на долгую гласную и дифтонг. Например: *akaa* + *yi* — *akaayi* ‘брата’, *kasoo* + *yi* — *kasooyi* ‘железа’, *dao* + *yi* — *daoyi* ‘песни’. Фонетически четыре орфографических варианта реализуются в виде двух: после согласных и редуцированных гласных — «*-i:*»; после долгих гласных и дифтонгов — «*-ji:*». При присоединении к основам с кратким гласным краткая гласная редуцируется, но не дает гласной «*-i:*» аффикса смягчить предшествующий согласный. В кириллических книгах 1950-х гг., изданных Д. Карой [Kara 1995], «*-i:*» в таких случаях передается буквой *ы*.

[2] Данная орфография была кодифицирована в Кратком дагурско-китайском словаре [Engkebatu 1983].

В литературном бурятском языке наблюдается такое же несовпадение орфографии и живой речи. Орфографически в бурятском языке имеется пять разновидностей аффиксов: 1) после основ на гласную, кроме *и*, — *-ын*; 2) после основ на гласную *и* — *-иин*; 3) после долгих гласных, кроме *ы*, и согласной *-н* со скрытой *-г*, т.е. *-н(г)* — *-гай*[3]; 4) после дифтонгов и гласных *-ии* и *-ы* — *-н*; 5) после основ на согласную, кроме *-н(г)*, — *-ай*[3]; хотя фактически фонетических вариантов три: «*-i:n*», «*-æ:*» и «*-ŋ*». Согласный *-г* в третьем аффиксе представляет собой соединительный согласный. Как показал Н. Н. Поппе, все эти три аффикса могут быть возведены к праформе **n* (с протетической гласной после согласных) [Poppe 1987: 187–189].

Бурятские диалекты знают другие формы генитива. Первый тип генитива в целом совпадает с ойратским и дагурским, хотя есть небольшие отличия от последнего: 1) *-и* после согласных при атрибутивном употреблении, *-аэ*, *-оэ*, *-эи* — при предикативном употреблении слова в родительном падеже[3]; 2) *-ги* или *-йи* — после долгих гласных; 3) *-н* — после дифтонгов и долгого *-ии*. Второй тип генитива — подобный тому, что мы имеем в литературном бурятском языке и, следовательно, в хоринских говорах.

Развитие генитива в монгольских языках представляет собой диахроническую лабораторию, которая сохранила следы различных фонетических процессов, действовавших в монгольских диалектах прошлого. Как известно, многочисленные письменные памятники разных эпох, а также живые монгольские языки, их диалекты и говоры дают довольно пеструю картину показателей родительного падежа. Несомненно то, что в большинстве своем памятники отражали живое произношение определенного периода.

Генетив, подобный бурятскому (в виде дифтонга), имеется в говорах Внутренней Монголии. Например: хорч. *однээ* ‘звезды́’, *шувуунээ* ‘ птицы’ [Тодаева 1985: 27]; чах. *модной* ‘дерева’, *адуунай* ‘табуна́’ [Тодаева 1985: 96]; шилин. *готной* ‘города’, *амьтнай* ‘народа’ [Тодаева 1985: 110]. Думаем, что разитие данной формы связано с конечными протетическим гласными, подобными тем, какие мы наблюдаем в даг. *гэри* ‘дом’ и калм. *гере* ‘id.’, ср. бур. *гэр* ‘id.’, х.-монг. *гэр* ‘id.’, письм.-монг. *ger* ‘id.’. Дагурский представляет собой тот тип языка, в котором конечный протетический гласный появляется во всех словах, которые оканчиваются на согласный. Именно в языке такого типа и развился, на наш взгляд, формант генетива в виде дифтонга. Это процесс вполне мог выглядеть следующим образом: **gere* + *(i*[4]*) n* > *gerein* > *gereĩŋ* > *gereĩ* > *gerei*. Прадагурский имел чередование *e ~ *i, в том числе в непервых слогах, что объясняет развитие слова *гэри* ‘дом’. В халха-монгольском и ойратском в мягкорядных словах общее палатальное произнесение слова нейтрализует палатализацию от *i. Например: х.-монг. *эрхэм* ‘лучший’ < **erkim*, *erkin* ‘id.’ > калм. *эркн* [эркен] ‘id.’. Поэтому калм. *гер* может восходить как к **geri*, так и к **gere*.

Примеры: даг. *ного* ‘собака’ — *ног°ии*, *чонко* ‘окно’ — *чонк°ии*, *далеэ* ‘океан’ — *далеэйи*, бур. *нохой* ‘собака’ — *нохойн*, *сонхо* ‘окно’ — *сонхын*, *хари* ‘чужой’ — *хариин*, *далай* ‘океан’ — *далайн*, *гүбээ* ‘холм’ — *гүбээн* (иногда встречается вместо *гүбээгэй*).

Дательно-местный падеж. В дагурском в качестве показателя дательно-местного падежа используется аффикс *-d*, который присоединяется непосредственно к основе слова, если основа оканчивается на согласные *d*, *t*, *k*, *s*, *j*, *q*, *x*, тогда перед *-d* ставят соответствующую гласную: *xiree* + *d* — *xireed* ‘столу’, *horwu* + *d* — *horwud* ‘червю’, *tos* + *d* — *tosod* ‘маслу’.

В бурятском языке, как и в монгольском и ойратском, имеется два типа аффиксов дательно-местного падежа: *-да* и *-та* (после основ на *б*, *г*, *р*, *с*, *д*). Например: бур. *бэшэг* ‘письмо’ — *бэшэгтэ*, *түб* ‘центр’ — *түбтэ*, *гар* ‘рука’ — *гарта*, *эсэс* ‘конец’ — *эсэстэ*, *арад* ‘народ’ — *арадта*, *хото* ‘город’ — *хотодо*, *бүбөөлжэн* ‘удод’ — *бүбөөлжэндэ*, *заршам* ‘принцип’ — *заршамда*, *шэхэн* ‘уши’ — *шэхэндэ* и т. д. Ср. монг.[5]: *гэр* ‘юрта, дом’ — *гэрт*, *төлөв*

[3] Такую же картину можно наблюдать в ойратских говорах и калмыцком литературном языке. См., например: [Грамматика калмыцкого языка 1983: 104–105, 145].

[4] Здесь i < *i, который имел протетический характер.

[5] В современном монгольском языке односложные основы на *в* (< *b) и *с* принимают аффикс дательно-местного падежа на *-д*. Этот же аффикс принимают основы на *д* и *с*. Таким образом, в современном монгольском языке морфофонологические правила для дательно-местного падежа отличаются от бурятского и ойратского языков. После согласных *д* и *с* между основой и аффиксом вставляется протетическая гласная

‘вид, форма, тип’ — *төлөвт*, *цаг* ‘время’ — *цагт*, *орос* ‘русский’ — *орост* (в разговорном языке *орсод* по аналогии с *улсад*, так как между сонантом и шумным согласным гласная является “лишней”, полногласие поддерживается орфографически для имен собственных: *Баатарын* ‘Батора’, *баатрын* ‘богатыря’), *чих* ‘уши’ — *чихэнд*, *ном* ‘книга’ — *номонд* и т. п.; калм. *һар* ‘руки’ — *һарт*, *күүкс* ‘девушки’ — *күүкст*, *керәд* ‘Кереды’ — *керәдт*, *һосн* ‘обувь’ — *һоснд*, *хараңһу* ‘темнота’ — *хараңһуд* и т. п.

Памятники среднемонгольского периода показывают наличие двух видов аффиксов -da и -du/-tu ~ -dur/-tur, которые, по всей видимости, впоследствии под действием конвергентных процессов превратились в один формальный показатель дательно-местного падежа. Действительно, интересен тот факт, что в памятниках монгольской письменности часто встречаются случаи так называемого «ошибочного» написания аффикса дательно-местного падежа, когда вместо ожидаемого *-dur*, написано *-tur*. На данном этапе развития монгольского языкознания возможность ошибочного написания нельзя исключать. На наш взгляд, данная проблема требует анализа с привлечением статистических методов, что позволит с достаточной степенью убедительности поставить точку в этом вопросе. Пока же можно рассматривать это как одну из гипотез и попытаться найти возможные причины для объяснения таких «ошибок». И. Грунтов в своей работе констатировал, что аффиксы типа *-dur ~-tur* являются характерной чертой восточно-среднемонгольских диалектов, на базе которых возник письменно-монгольский [Грунтов 2002: 9].

Мы полагаем, что «неправильное» написание аффикса *-tur* после основ на гласную не случайно. Логично предположить, что это некий послелог, некоторое время сохранявший свою самостоятельность, но впоследствии в процессе грамматикализации прошедший определенные ступени фонетической адаптации. Так, озвончение изначально глухого гласного могло произойти в результате озвончения в позиции между гласными и сонорным и гласным, а также по аналогии с действовавшим аффиксом датива-локатива *-da ~ -du*. Какое же значение мог иметь этот послелог и связан ли он с существующими послелогами? В современных монгольских языках есть и послелог *тула* со значением ‘для, ради’. Он является широко употребительным и обычно оформляет придаточные цели в сложных синтаксических конструкциях. Однако его можно употребить и с именами. Одной из его особенностей является управление родительным падежом. Например: бур. *хилэ-эмэнэй тула* ‘ради хлеба’ и т. п. Этот послелог вполне может рассматриваться как одна из форм, имеющих связь с неким древним послелогом **tur*. Он мог в некоторых диалектах, потомками которых могут являться носители современных монгольских языков, иметь форму **tu*, либо он утратил конечный согласный **-r* (примерно такое же чередование наличия конечного форматива *-р* и его отсутствия можно наблюдать в инессивном послелоге *дотор ~ досоо < dotur-a ~ dotuγa* (**dotu’a*?). Г. Рамстедт отметил, что *-р* в составе форманта *-тур* «представляется совершенно загадочным» [Рамстедт 1957: 43]. Г. Д. Санжеев считал, что конечный согласный *-р* выпал из более древнего показателя *-дур*, которое, по его мнению, мог быть цельным или составным[Санжеев 1953: 166]. По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, аффикс *-тур*, скорее всего, является составным и может восходить к наречию *дор* ‘внизу, вниз’ [Цыдендамбаев 1979: 53–54]. Эта гипотеза звучит вполне убедительно, однако сам вопрос требует дальнейшего изучения источников с точки зрения семантики и функционирования соответствующих алломорфов и их дистрибуции, в особенности тех, которые признаются «неверными» с точки зрения современного узуса монгольской письменности и его орфографии, нормированной в XX столетии. Дело осложняется еще и неразработанностью проблем палеографии уйгуро-монгольского письма, что не позволяет дать однозначную фонетическую трактовку форманта. Если все-таки предположить, что начальный согласный в этом форманте изначально был глухим переднеязычным взрывным, то возможно отождествить его с послелогом *тула* ‘за, ради’, претерпевшим расширение семантики от бенефактива до датива, а затем и локатива. Фонетически данный показатель по закону

в соответствии с правилами сингармонизма. Например: *ард* ‘народ’ — *ардад*, *нөхөд* ‘товарищи’ — *нөхдөд* ‘товарищам’, *тус* ‘помощь’ — *тусад*, *улс* ‘страна, государство’ — *улсад* и т. д. Многосложные основы на *в* (< *b) и *с* присоединяют аффикс дательно-местного падежа по общим с бурятским и ойратским языками правилам. Например: *төвд* от *төв* ‘центр’, но *төлөвт* от *төлөв* ‘форма’.

аналогии сблизился существовавшим дативом на *-*da* ~ *-*de*, постепенно выработав алломорф со звонким согласным в начале. В. Л. Котвич также полагал, что аффикс *-dur*, наряду с *-du* и *-a*, прежде всего являлся дативом, тогда как локативом служил аффикс *-da* [Котвич 1962: 190].

Сам факт возникновения двух рядов форм с начальным глухим и звонким является достаточно интересным с точки зрения исторической фонетики, морфологии и морфофонологии монгольских языков. В контексте сравнения дагурского и бурятского языков обращает на себя внимание тот факт, что в дагурском языке форматив дательно-местного падежа имеет только звонкий начальный согласный, тогда как в бурятском сохраняется такая же система, как в письменно-монгольском и ойратских диалектах, где после определенных условиях начальный согласный становится глухим. Как справедливо полагал Н. Н. Поппе [1987: 196], формант дательно-местного падежа с глухим начальным согласным возник по соседству с глухими конечными согласными основы: фонетически [p], [k], [r], [s], [t], орфографически *б*, *г*, *р*, *с*, *д*. В дагурском ввиду его полногласия в ауслауте нет согласных, поэтому глухой начальный гласный в аффиксе дательно-местного падежа морфонологически не является возможным. Тем не менее в отдельных случаях, таких как даг. *гэрьтэ* ‘в доме’ и т. п.[6], вариант с глухим согласным сохраняется, что, видимо, может говорить в пользу того, что дагурский первоначально действовал в рамках морфонологических правил общемонгольского характера, которые отражены в языке монгольской письменности, а также в современных монгольских литературных языках.

Винительный падеж. Существует мнение, что в дагурском языке формы родительного падежа совпадают с формами винительного. Однако это не совсем так. Наряду с аффиксами, совпадающими с аффиксами родительного падежа, есть аффикс *-ju:*[7]. По мнению Энхэбату, наличие подобного аффикса есть свидетельство тенденции к дифференциации генитива и аккузатива [Engkebatu 1985: 508–509]. В литературном бурятском языке винительный падеж образуется от неполной основы путем присоединения 1) аффикса *-ые* (к основам на краткий гласный, кроме *-и,* или согласный); 2) *-ыие* (к основам на краткий *-и*); 3) *-е* (к основам на долгую гласную или дифтонг). В разговорном языке фактически имеются две разновидности аккузатива: *-i:ji* ~ *-i:ji:* ~ *-i:* (после согласных и кратких гласных) и *-ji* ~ *-ji:* (после долгих гласных и дифтонгов). Например: хара ‘черный’ — харые «χarï:ji:» ~ «χarï:jï» ~ «χarï:», элһэн ‘песок’ — элһые «zl'hï:jï:» ~ «zl'hï:jï» ~ «zl'hï:».

Как было отмечено выше, дагурская форма винительного падежа на *-ju:* находит параллель в письменно-монгольском, где есть композитная форма аккузатива с безличным притяжанием *-yuγan* ~ *-yügen*. Данная форма существует в халхаском в качестве заимствования из старописьменного языка, которое служит для придания «налета старины». Например: *Сод их билэгт түмэн юүгээн бишрэн магтмуу би!* (Б. Ринчен, Монгол хэл). Непосредственный когнат данной формы, возникший в результате ее исторического развития, есть в бурятском. Это так же композитная форма аккузатива с безличным притяжанием — *-яа*[3] < *-*yuγan*/*-yügen* с образованием долгого гласного по второй гласной двоеслога. Примеры: письм.-монг. *aq=a-yuγan*, бур. *ахаяа*, халх.-разг. *ахыгаа* (< *aqa-yi-ban*) и халх.-книж. *ах юугаан* ‘своего старшего брата’; письм.-монг. *kele-yügen*, бур. *хэлэээ*, халх.-разг. *хэлийгээ* (< *kele-yi-ben*) и халх.-книж. *хэл юүгээн* ‘свой язык; письм.-монг. *поти-yuγan*, бур. *номоёо*, халх.-разг. *нумыгаа* (< *пити-yi-ban*) и халх.-книж. *нум юугаан* ‘свой лук’. В связи с наличием формы аккузатива с огубленным узким гласным встает вопрос о первоначальном качестве гласного в аккузативе. Чередование гласных *i-u* в аккузативе, на наш взгляд, является следствием протетического характера данного гласного, аналогичного чередованию этих же гласных в формантах родительного падежа.

Исходный падеж. Исходный падеж в дагурском языке представлен двумя рядами форм, которые отличаются конечной согласной: 1) *-aar*, *-eer*, *-oor* — присоединяется в соответствии с законом сингармонизма к словам, оканчивающимся на согласные (кроме *j*, *q*, *x*), а также краткие гласные: *ag* + *aar* — *agaar* ‘от старшего брата’, *lek* + *eer* —

[6] Приведено только два таких слова: *гэрьтэ* ‘в доме’ и *вээртэ* ‘у себя’ [Namcarai, Qaserdeni 1983: 112].

[7] Здесь уместно вспомнить письм.-монг. композитную форму аккузатива с безличным притяжанием yuγan ~ yügen.

lekeer ‘от жернов’, *topoor* + *oor* — *topooroor* ‘от топора’, *danga* + *ar* — *dangaar* ‘табаком’, *nowu* + *or* — nowuor ‘от собаки’ 2) *-ier*, к словам, оканчивающимся на согласные *j*, *q*, *x*, а также гласный *-i*: *onq* +*ier* — *onqier* ‘ножом’, *orj* + *ier* — *orjier* ‘соской’, *gali* + *er* — *galier* ‘огнем’, *mori* + *er* — *morier* ‘лошадью’; 3) *-yaar*, *-yeer* — согласно закону сингармонизма к словам, оканчивающимся на долгую гласную или дифтонг: *deu* + *yeer* — *deuyeer* ‘от (или у) младшего брата (сестры)’, *kasoo* + *yaar* — *kasooyaar* ‘железом’.

Хайларские дагуры употребляют только форму с конечной *-s*: *-aas*, *-yaas*. Дагуры, проживающие по реке Нонни используют обе формы, но чаще с конечной *-r*: *-aar*, *-yaar* [Namcarai 1983: 117]. Такой же аффикс исходного падежа с конечным *-р* отмечен Б. Х. Тодаевой в языке Их-мянганов Хэйлунцзяна. Однако он назван ею орудным падежом [Тодаева 1988: 138]. Подобную же интерпретацию дает Чжун Сучунь в одной из своих ранних работ (цит. по: [Engkebatu 1985: 509]). Энхэбату подсчитал частотность употребления двух разновидностей аффикса исходного падежа по четырем текстам. Из 18 употреблений исходного падежа в 13 случаях употреблен аффикс, оканчивающийся на *-р*. Таким образом, он приходит к выводу, что аккузатив на *-р* является основной формой [Engkebatu 1985: 510].

Как мы видим, в дагурском языке из-за действия ротацизма аффикс исходного падежа фонетически полностью совпал с аффиксом орудного падежа. Сходство усиливает тот факт, что дагурский не знает различных основ (полных и усеченных) при образовании падежных форм. Если в бурятском или халха-монгольском исходный и орудный падежи образуются от различных основ (исходный от полной и орудный от усеченной), то в дагурском оба падежа образуются от единой основы, совпадающей с так называемой усеченной основой других монгольских языков. В целом дагурские формы составляют единую изоглоссу с собственно монгольскими и ойратскими говорами. Хамниганский, в котором аффикс исходного падежа состоит из двух кратких гласных и интервокального *s*, являет собой переходную ступень к бурятским говорам. Фактически это некое прабурятское состояние: **-VsV*. Западно-бурятские говоры демонстрируют нам прямое развитие этого аффикса в виде *-VhV*, тогда как в хори-бурятском и переходных диалектах *-(V)hVV*, который, как считается, восходит к **-VVsV* (в результате метатезы гласных).

Совместный падеж. В дагурском языке аффикс совместного падежа *-tii* присоединяется к основе слова: *akaa* + *tii* — *akaatii* ‘с (старшим) братом’, *ewee* + *tii* — *eweetii* ‘с мамой’. Данный аффикс имеет сходство с комитативом в цонгольском говоре бурятского языка, в котором он имеет форму *-ты* [tï:] *мори* — *мориты* ‘с лошадью’. В литературном бурятском комитатив оформляется формой на *-тай*[3]: *морин* ‘конь’ — *моринтой*, *Доржо* ‘Доржо (имя)’ — *Доржотой*, *басаган* ‘девочка; дочка’ — *басагантай*. В языке хори-бурят комитатив под воздействием дифтонга приобретает вид *-теэ* после любой основы [Руднев 1913: 58]. Например: хор. *морьтеэ* — комитатив от *морин* ‘конь’, *урьтеэ* — комитатив от *ури* ‘ребенок’ и т. п.

Следует отметить, что в монгольских языках имеется два омонимичных аффикса, которые, несмотря на общее происхождение, все же следует различать, поскольку их значения и функции имеют довольно большую разницу. Собственно комитатив употребляется при глагольном сказуемом и имеет значение совместности выполнения действия. В этом случае в бурятском также имеет место важный формальный признак, а именно сохранение конечного неустойчивого *-н*, как было наглядно показано вышеприведенными примерами. Омонимичный аффикс *-тай*[3] является скорее словообразовательным аффиксом, нежели словоизменительным. Так, он образует относительные прилагательные со значением обладания предметом, выраженным в основе. При этом конечный неустойчивый *-н* основы выпадает. Например: бур. *морин* — *моритой* ‘имеющий коня, конный’, *гартай* ‘имеющий руки’, *гэрэлтэй* ‘светлый’. Будучи употребленным в качестве сказуемого такое прилагательное имеет значение русской конструкции «у (меня, тебя, него) есть *предмет, выраженный основой*) или английской «I have *smth*.» Кроме того, его можно употребить в функции обстоятельства и прямого дополнения. Например: *налхитайда газаа бү гара!* ‘не выходи на улицу при ветре (*досл.* когда ветренный)’, *баяртайдань хэлыш* ‘скажи тому, кто радостный’ или ‘скажи в тот момент (или пока), когда (он будет) радостным’, *үгытэйень мэдээ* ‘узнал, что (он) бедный», *нахалтайень харааб* ‘я видел того, кто с бородой’, *мүнөөдэр бороотойе*

мэдээд, дулаагаар хубсалааб ‘я оделся теплее, узнав о том, что сегодня будет дождь (дождливый)’. Таким образом, комитатив может выступать в предложении только в роли косвенного дополнения, тогда как прилагательные образованные при помощи омнонимичного аффикса, могут являться любым членом предложения.

Общемонгольский комитатив **-luγa*, который связан с тюркским аффиксом *-lïγ*, отсутствует и в дагурском, и в бурятском языках, но сохранился в ойратских и восточно-монгольских говорах [Грамматика калмыцкого языка 1983; Тодаева 1985]. Интересен тот факт, что в дагурском практически неизвестны слова, образованные при помощи аффикса **-liγ*, тогда как в бурятских и монгольских диалектах он довольно употребителен. Отдельные осколки комитатива на **-luγa* можно найти в бурятском языке. Например, сложная форма комитатива и инструменталиса сохраняется в бурятском языке в слове *амаралталаар* ‘в выходные’ от слова *амаралта* ‘выходные’, что, по сути, идентично временному комитативу в калмыцком языке: *ирх сарла йовнав* ‘я уезжаю в следующем месяце’.

Орудный падеж. Орудный падеж в дагурском языке выражается следующими аффиксами: 1) *-aar*, *-eer*, *-oor* — присоединяется в соответствии с законом сингармонизма к словам, оканчивающимся на согласные (кроме *j*, *q*, *x*), а также краткие гласные: *sarp* + *aar* — *sarpaar* ‘палочками для еды’, *lek* + *eer* — *lekeer* ‘жерновами’, *topoor* + *oor* — *topooroor* ‘топором’, *danga* + *ar* — *dangaar* ‘табаком’, *nowu* + *or* — *nowuor* ‘собакой’; 2) *-ier*, к словам, оканчивающимся на согласные *j*, *q*, *x*, а также гласный *-i*: *onq* +*ier* — *onqier* ‘ножом’, *orj* + *ier* — *orjier* ‘соской’, *gali* + *er* — *galier* ‘огнем’, *mori* + *er* — *morier* ‘лошадью’; 3) *-yaar*, *-yeer* — согласно закону сингармонизма к словам, оканчивающимся на долгую гласную или дифтонг: *qoloo* + *yaar* — *qolooyaar* ‘камнем’, *kasoo* + *yaar* — *kasooyaar* ‘железом’.

В бурятском языке орудный падеж образуется от усеченной основы и оформляется следующим образом: 1) *-aap*[4] после основ на согласный и краткий гласный кроме *и*. Например: *гар* ‘рука’ — *гараар*, *хүл* ‘нога’ — *хүлөөр*, *сahан* ‘снег’ — *сahаар*, *хэhэн* ‘прич. прош. вр. от *хэхэ’* — *хэhээр* (*хүниие хэhээрнь сэгнэдэг* ‘человека оценивают по тому, что он сделал (досл.: по сделанному)’), *машина* — *машинаар*, *лама* ‘буддийский священник’ — *ламаар* и т. д.; Этот же аффикс с соединительным согласным *г* употребляется после долгих гласных и дифтонгов: *малгай* ‘шапка’ — *малгайгаар*, *нохой* ‘собака’ — *нохойгоор*, *Астана* — *Астанагаар*, *гүбээ* ‘холм’ — *гүбээгээр*. В западнобурятских говорах вместо соединительного *г* используется *й*. Например: *нохой* ‘собака’ — *нохоёор*, *малагай* ‘шапка’ — *малагаяар*; 2) *-яар*[3] после основ на *-и* или мягкий согласный. Например: бур. *морин* ‘конь, лошадь’ — *морёор*, *аргали* ‘архар’ — *аргаляар*, *түдүүли* ‘петелька для застежки’ — *түдүүлеэр*, *зээли* ‘займ’ — *зээлеэр*.

Кроме собственно инструментального значения, в дагурском и бурятском языках данный падеж может выражать пролативное или транзитивное значение. Например: даг. *тэргулээр хаджирсан* ‘вернулся по дороге’, бур. *ойгоор ябаа* ‘шли по лесу’.

В бурятском языке аффикс орудного падежа может образовывать комитатив от полной основы. Например: бур. *нүхэдөөрөө кинодо орооб* ‘я ходил в кино с друзьями’, *басаганаараа* ‘со своей дочерью’.

Направительный падеж. Направительный падеж один из формирующихся падежей в монгольских языках. В современном монгольском языке направительный падеж возник на основе послелогов *уруу* < **uruγu* ‘вдоль вниз’ и *өөд* < **ögede* ‘вдоль вверх’. Последний корень можно видеть в слове письм.-монг. *ögsekü* ‘перемещаться вверх вдоль чего-либо’, бур. *үгсэхэ*, х.-монг. *өгсөх* ‘id.’. Что касается первого послелога, то можно было бы соотнести его с глаголом **oruqu* ‘входить’, т. е. ‘двигаться внутрь’, который мог развиться следующим образом: **oruqu* > **oruu* > *uruu* > х.-монг. *-руу*[2] ~ *-луу*[2], *uruu* > ойр. *uur*, калм. *-ур*[2]. Ойратский формант директива показывает метатезу, подобную метатезе в аффиксе исходного падежа в исходном падеже в бурятского языка. В халха-монгольском развился полноценный аффикс направительного падежа, который согласуется с корнем в соответствии с правилами сингармонизма, а также меняет начальный согласный: если в слове содержится звук *-р* или *-л*, то начальный согласный в аффиксе меняется на *-л*. Это правило еще не устоялось и действует довольно произвольно. Например: *надруу* ‘на меня, в сторону меня’, *гэрлүү* ‘домой, в сторону дома’, *үүдрүү* ‘в строну двери, к двери’, *бугаруу* ‘на оленя, в сторону оленя’ и т. п.

От послелога *өөд* в некоторых монгольских диалектах возникла форма направительного падежа *-аад*[4]. Например: *гэрээд* ‘домой, в сторону дома’, первоначально. Данный формант может присоединяться не ко всем словам.

Направительной семантикой обладают еще ряд послелогов, такие как *зүг*, *тал* ‘в сторону’, которые происходят от соответствующих именных основ в процессе их грамматикализации: *зүг* ‘сторона света, сторона’, *тал* ‘сторона’. От послелога *зүг* возник аффикс *-джүү* в хорчинском говоре (джасагтуский подговор) [Тодаева 1985: 61]. Направительный послелог *тал* активно используется в калмыцком языке: калм. *гер тал* ‘домой, в сторону дома’ и т. п. В дагурском языке в качестве форманта с направительным значением используется послелог *джурдээ* ‘в сторону’ или *джур* ‘id.’ < **jügtegen*, *jüg* ‘сторона (света), направление’. Например: *гэрии джур* ‘домой; в сторону дома’.

В бурятском языке также можно говорить о возникновении направительного падежа, так как послелог *уруу* фонетически сращивается с предыдущим словом, теряя начальный краткий гласный и подчиняясь сингармонически гласной основы. Однако в некоторых случаях послелог *уруу* может выступать и в промежуточной форме *руу*, не меняя гласную в соответствии с правилами сингармонизма, но без начального краткого гласного. Орфографией закреплен только послелог *руу*, сингармонически подчиненные морфофонологические формы падежного форманта орфографчески не отображаются. Например: бур. *гэр руу*, *гэррүү* ‘домой, в сторону дома’, *хүн руу*, *хүнрүү* ‘человеку, в сторону человека’. Однако в бурятском языке действует еще один фонетический критерий, определяющий характер грамматикализованной формы. Все падежные окончания в бурятском языке принимают на себя конечное музыкальное ударение. В случае с директивом ударение остается на последнем слоге основы. Например: [ˈгэррүү], [ˈхүнрүү], [машиии̯ˈнаруу][8] ‘к машине, на машину, в сторону машины’ и т. п. Логика развития падежных форм в монгольских языках позволяет прогнозировать смещение ударения на конец слова по мере окончательной граматикаллизации форманта. Логика развития формантов направительного падежа соответствует типологическим моделям развития грамматических, в том числе падежных, формативов из полнозначных слов в процессе их грамматикализации и потери самостоятельного лексического значения.

Интересное употребление форманта *руу* можно наблюдать в бурятском языке. Например, словосочетании бур. *хады руу бууха* ‘спускаться под гору’. Здесь *руу* скорее всего необходимо рассматривать как наречие. Аккузатив у существительного, скорее всего, обусловлен тем, что в данной конструкции предполагается некий управляющий аккузативом глагол. В данном конкретном случае им мог бы быть глагол *уруудӓха* ‘двигаться вниз вдоль чего-либо’. Семантика подобных конструкций и логика их образования должна стать предметом отдельного исследования.

В ограниченных рамках данной публикации мы не можем рассмотреть все падежи, которые выделялись исследователями в дагурском языке. Из тех падежей, которые названы Энхэбату неосновными, мы рассмотрим лишь предельный падеж, поскольку он последовательно рассматривался в качестве самостоятельного падежа большинством исследователей дагурского языка и некоторыми исследователями бурятского языка.

Предельный падеж. Предельный падеж, который также известен под названием, падеж меры и степени, падеж меры, может быть образован не от любых основ, ввиду чего Г. Д. Санжеев назвал его в недостаточным. Это своеобразная форма квантитативного экватива, которая восходит к общемонгольскому форманту **ča* ~ **sa*. Этот формант является частью таких слов, как письм.-монг. *sača* ‘наравне, как только’, *sačayu* ‘равный’. С его участием образованы такие деепричастные формы как письм.-монг. *-mayča*, х.-монг. *-магц*, бур. *-мсаар* (**-n* + *ča*+*bar*), калм. *-н цацу*. Спорным является вопрос о характере долгого гласного в форманте. Так, Г. Рамстедт считал его долгим гласным вторичного образования, т. е. возникшим из **aya*. Такого же мнения придерживался Ц. Б. Цыдендамбаев. Что касается существования двух корней с чередующимся начальным согласным *s* ~ *č*, то вполне возможно, что это отражение некоего древнего состояния, диалектных различий, которое прослеживается также в

[8] Тройной гласной обозначен сверхдолгий гласный звук по терминологии Г. Д. Санжеева [1978: 88].

аффиксе исходного падежа *-ača ~ asa*, отыменном номинальном словообразовательном аффиксе *-sun ~ či*[9].

Даг. *-qaar*, *-qeer* присоединяются, согласно закону сингармонизма к основе слова: *soo* + *qaar* — *sooqaar* ‘по подмышки’, *sak* + *qaar* — *sakqaar* ‘по лодыжки’.

В бурятском языке подобные формы образуются при помощи аффикса *-саа*[4]. Например: *үбдэгсөө* ‘по колено, до колен’, *шагайсаа* ‘до лодыжек, по лодыжки’, *хоолойсоо* ‘по горло, до горла’ и т. п.

Состав падежных форм дагурского и бурятского языков не исчерпывается рассмотренными падежами. Внимательное рассмотрение вопроса в контексте общетипологических моделей генезиса падежных форм, а также выделение критериев, по которым тот или иной формант может быть интерпретирован как падежный, поможет выявить ранее неучтенные падежи и объяснить пути происхождения падежных форм в монгольских языках. Анализ падежных форм дагурского и бурятского языков показывает отсутствие совпадений формальных оболочек падежей, которые могли бы охватывать только дагурский и бурятский языки. Все падежные форманты в обоих рассматриваемых языках происходят из общего языка-источника или близких древних диалектов. Следы влияния различных монгольских диалектов на развитие дагурских падежных форм можно наблюдать в родительном и винительном падежах. Показатели дагурского генитива восходят к древним формантам с соединительным гласным **i*. Это же можно сказать в отношении бурятского, ойратского и монгольского языков. Соединительный гласный **u* в генетиве характерен для языка монгольской письменности. Такое же чередование узких лабиализованных и нелабиализованных мы находим в показателях аккузатива монгольской письменности: *-yi ~ -yu(γan)*. Остатки этого чередования, как мы предполагаем, сохранились в дагурском языке.

Дагурский и бурятский языки схожи в том, что не имеют рефлексов так называемого соединительного падежа на **-luγa*. По этому же признаку к ним можно добавить халха-монгольский. Однако в дагурском языке практически совершенно нет имен, образованных при помощи аффикса **-liγ*, формально и генетически связанного с комитативом на **-luγa*, тогда как в бурятском и халха-монгольском имена с аффиксом *-лиг* довольно употребительны. Ассоциатив на **-tai* формально совпал в дагурском и цонгольском говоре бурятского языка и выглядит как *-ты*. Это совпадение может быть как случайным, так и следствием дагурского субстрата в бурятском говоре.

Перечисленные факты позволяют нам сделать вывод о том, что состав падежных форм дагурского и бурятского языков восходит к общему источнику, но дагурские форманты сохранили архаичные элементы, которые не сохранились в бурятском языке.

Сокращения

бур. — бурятский; даг. — дагурский; калм. — калмыцкий; монг. — монгольский; ойр. — ойратский; письм.-монг. — письменно-монгольский; ТИМ — Тайная история монголов [Kuribayashi 2001]; х.-монг. — халха-монгольский; халх.-книж. — халхаская книжная форма; халх.-разг. — халхаская разговорная форма; хор. — хори-бурятский; хорч. — хорчинский; чах. — чахарский; шилин. — шилингольский; МА — Мукаддимат ал-Адаб [Поппе 1938: 213]; TPhag — язык квадратной письменности по книге [Tumurtogoo, Cecegdari 2010]; TUig — доклассический монгольский по книге [Tumurtogoo, Cecegdari 2006].

Литература

Бадагаров Ж. Б. Дагурско-бурятские языковые связи // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф. Т. 3: Языки. Фольклор. Литература. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 11–15.

Бадагаров Ж. Б. Грамматические категории имен существительных бурятского и дагурского языков // Мир Центральной Азии. Т. 4, Ч. 1: Языки. Фольклор. Литература. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 11–14.

Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Вост. лит., 1962. 340 с.

Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.

[9] В ТИМ упоминается Шинчи баян урианхай, слово *шинчи* Гаадамба считал связанным с культом лиственницы. Лиственница в монгольских языках называется бур. *шэнэһэн*, х.-монг. *шинэс*, п.-монг. *sinesün*. В контексте соответствия даг. *кимчи*, бур. *хюмһан*, х.-монг. *хумс*, п.-монг. *kimusun* вполне можно соотнести и пару *шинчи ~ sinesün*, где появляется соответствие морфем *-či* и *-sün* и звуков *č ~ s*.

Грунтов И. А. Реконструкция падежной системы праалтайского языка: автореф. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. М., 2002. 24 с.

Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 373 с.

Поппе Н. Н. Дагурское наречие. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 178 с.

Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 452 с.

Рассадин В.И. К проблеме формирования монгольских языков в двух ареалах // Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 3–19.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 254 с.

Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: (Опыт исслед., тексты, пер. и примеч.). Вып. 1. Опыт исследования. Петроград: Тип. В. О. Киршбаума, 1913. 137 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 237 с.

Санжеев Г. Д. Об аллофонах долгих гласных фонем в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 88–99.

Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. М.: Наука, 1985. 129 с.

Тодаева Б. Х. Дагурский язык. М.: Наука, 1986. 189 с.

Тодаева Б. Х. Некоторые данные о языке ихмянган // Проблемы монгольского языкознания. Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. С. 134–139.

Трофимова С. М. Грамматические категории именных основ в монгольских языках (семантико-функциональный аспект). Элиста: Изд-во КГУ, 2009. 282 с.

Цинциус В. И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Том I. А-Ң. Л.: Изд-во «Наука» (Ленинградское отделение), 1975. 672 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 148 с.

Чимитдоржиева Г. Н. Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 212 с.

Binnick R. I. On the Classification of the Mongolian Languages // Central Asiatic Journal. 1987. Т. 31. № 3–4. С. 178–195.

Engkebatu M. Dahan xiao cidian [=Краткий дагурско-китайский словарь]. Huhhot: Neimenggu renmin chubanshe, 1983. 253 с.

Engkebatu nar. Daγur kelen-ü üges = Dawoeryu cihui. Kökeqota: Öbür Mongγul-un arad-un keblel-ün qoriy=a, 1984. 2+337 с.

Engkebatu nar. Daγur kelen-ü üge kelelge-yin maṯêriyal = Dawoeryu huayu cailiao. Kökeqota: Öbür Mongγul-un arad-un keblel-ün qoriy=a, 1985. 2+414 с.

Engkebatu M. Daγur kelen-ü teyin ilγal-un tuqai // Öbür mongγul-un yeke surγaγuli-yin erdem šinǰilegen-ü sedkül. 1985. № 7. С. 503–517.

Kara G. Daurica in cyrillic script / DEBTER DEBTHER DEBTELIN. Materials for Central Asiatic and Altaic Studies. 10–11. Budapest: MTA Altajisztikai Kutatócsoport, 1995. 18 + 42 + 96 + 67 + III, 47 + 6 + 64 + [4] + 159 с.

Kuribayashi H. (Edited with Choijinjab) Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols based on the Romanized Transcription of L. Ligeti, Center for Northeast Asian Studies(CNEAS Monograph Series No. 4). Sendai: Tōhoku Daigaku Tōhoku Ajia kenkyū sentā, 2001. VI + 954 с.

Namcarai, Qaserdeni. Daγur kele mongγul kelen-ü qaričaγulul. Kökeqota: Öbür Mongγul-un arad-un keblel-ün qoriy=a, 1983. 8 + 655 с.

Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Second Edition. Helsinki, 1987. 300 с.

Tumurtogoo D., Cecegdari G. Mongolian Documents In Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries). Introduction, Transcription and Bibliography / Language and Linguistics Monograph Series A-11. Taipei, Taiwan: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. XIV + 722 с.

Tumurtogoo D., Cecegdari G. Mongolian Monuments in ‘Phags-pa Script. Introduction, Transliteration, Transcription and Bibliography. Taipei, Taiwan: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2010. XVI + 453 с.

Zhong S. Dawo’eryu jianzhi [Краткое описание дагурского языка]. [Beijing]: Minzu chubanshe, 1982. 110 с.

Zhong S. Dawo’eryu gaikuang [=Краткий обзор дагурского языка] // Zhingguo yuwen [=Язык и литература КНР]. 1965. № 4. С. 20–42.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22
ББК 83.3(2Рос=Калм)

ДЕВЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ В КАЛМЫЦКИХ СКАЗКАХ

В. Т. Сарангов

В мировом фольклоре широко представлены образы женщин, совершающих подвиги наравне с богатырями. Подобные сюжеты присутствуют в древнегреческих мифах, древнескандинавских сагах, а также в сказочно-эпических произведениях тюрко-монгольских народов, среди которых выделяется оригинальный каракалпакский дастан «Кырк кыз» (Сорок девушек), не находящий себе аналогов в фольклоре народов Центральной Азии и, вероятно, связанный многими мотивами с нартским эпосом народов Кавказа.

Героями эпических и сказочных произведений тюрко-монгольских народов, в которых девы-воительницы играют главную роль, может выступать младшая сестра или жена богатыря, которая расправляется с врагами, погубившими их старшего брата или мужа.

В калмыцком сказочно-эпическом фольклоре к числу произведений, где девы-воительницы являются центральными образами, следует отнести сказки «Күүкн баатр» (Девушка-богатырь), «Барс Мергн баатр» (Богатырь Барс Мерген), «Улада Мерген» (Богатырь Улада Мерген), «Көвүн бәәдлтә күүкн» (Девушка, похожая на юношу), «Цөн малта Цоңгтл гидг өвгн эмгн хойр» (Старик Цонгтол и его старуха). Основными сюжетообразующими мотивами данных сказок являются гибель богатыря, месть сестры за брата, оживление богатыря. Анализ текстов показал необычайное сходство сюжетно-композиционной структуры калмыцких сказок с бурятскими и алтайскими сказаниями и сказками.

Рассмотрим сюжетно-композиционную структуру сказки «Күүкн-баатр» («Девушка-богатырь»):

1. У старика со старухой сын Буудя Мерген и дочь Буга Шага. Родители умирают.
2. Однажды младшая сестра отправляется на охоту.
3. Три муса-чудовища убивают Буудя Мергена.
4. Буга Шага отправляется мстить за брата.
5. Далее идет вставка о Дамбин Уланбаторе, богатыре, живущем рядом с героями сказки. После ряда приключений Дамбин Улан-баатор встречается с Буга Шагой.
6. Буга Шага расправляется с убийцами брата.
7. Чтобы оживить брата, Буга Шага, по совету Дамбин Улан-баатора, отправляется за тремя дочерьми Санджи-хана.
8. Чтобы заполучить трех сестер, Буга Шага в образе молодого богатыря участвует в трех видах свадебных состязаний. Как победитель Буга Шага получает трех дочерей Санджи-хана.
9. Буга Шага также успешно проходит испытания, которые устраивает старая ханша, чтобы узнать, девушка она или мужчина.
10. Буга Шага с тремя дочерьми Санджи-хана возвращается домой. Дочери хана оживляют ее брата. Он берет в жены дочерей хана.
11. Буга Шага, оставив письмо брату, в облике зайца убегает в лес.
12. Брат встречает в лесу младшую сестру в облике зайца и привозит домой.
13. Три жены Буудя Мергена обижают его сестру.
14. Буудя Мерген отвозит сестру в лес, где строит ей маленький домик.
15. Жены выслеживают и убивают Бугу Шагу.
16. Буудя Мерген хоронит сестру в сундуке, а сундук подвешивает к веткам высокого дерева.
17. Бугу Шагу находит старик (ханский пастух), привозит домой и оживляет ее. Сын хана женится на девушке.

18. Буудя Мерген находит сестру и становится министром (*тушемел*) хана.

В данной сказке, а также в других сюжетах устойчивым является мотив, когда вместо погибшего брата подвиги совершает его сестра, выдающая себя за него. На ее пути встречаются препятствия, направленные на то, чтобы ее разоблачить. Героине необходимо сохранить тайну, в этом ей помогает лошадь погибшего брата, без которого невозможны ее победы.

Аналогичные сюжетные ходы закономерно обнаруживаются в эпическом творчестве тюрко-монгольских народов Южной Сибири. Е. Н. Кузьмина в работе «Женские образы в героическом эпосе бурятского народа» пишет: «В улигерах, в этих любимых древними людьми сказаниях, женщина занимает центральное место, выступая активной эпической героиней. Особенно ярко проявляется личность сестры богатыря в качестве воительницы. Для того чтобы ввести героиню в сюжет, создатели эпоса избрали своеобразный прием — они сталкивают главного героя с препятствием в лице чудовища-мангадхайки в эхирит-булагатском цикле улигеров: богатырь-мужчина погибает. Тогда активность полностью переходит к героине». Далее, анализируя бурятский улигер «Айдурай Мэргэн», Е. Н. Кузьмина отмечает: «После преодоления ряда препятствий, совершения смелых подвигов, сестра привозит к телу брата его суженую-воскресительницу, сама превращается в зайца и убегает в лес. Мы наблюдаем поразительное сходство мотивов бурятских улигеров с тувинским сказанием „Бокту-Кириш и Бора-Шээлэй“» [Кузьмина 1980: 79].

При сопоставлении калмыцких богатырских сказок «Күүкн-баатр», «Улада Мерген» и «Барс Мерген-баатр» с героическими сказаниями бурят, тувинцев, алтайцев на данную тему, выявляется несомненная общность мотивов убийства брата мангасами-чудовищами, расправы младшей сестры богатыря над последними, доставки дев-воскресительниц, принятия сестрой облика зайца. Здесь следует отметить, что начало калмыцкой сказки «Барс Мерген-баатр» несколько иное: причиной смерти богатыря являются действия старшей сестры-изменницы, которая хитростью связывает брата и убивает его с помощью ханского сына; далее главную роль в развитии сюжета сказки играет младшая сестра богатыря. Для оживления брата она приводит к нему трех небесных дев-воскресительниц, но вначале ей приходится вступить в схватку и убить многоглавых мусов-чудовищ, у которых в плену находились небесные девы. После того как привели дев-воскресительниц младшая сестра оставляет письмо брату и, приняв облик зайца, убегает в степь.

Девы-воительницы калмыцких сказок, отправляясь в поход, облачаются в боевые доспехи брата и берут его богатырского коня. Боевые доспехи и оружие брата, видимо, обладают магическими свойствами, дающими его обладателю силу, волю и энергию в достижении цели и победы над врагом. Особая роль в данной ситуации отведена коню, который выступает как мудрый советчик, помощник героини в преодолении сложных испытаний, встречающихся ей на пути.

Академик В. М. Жирмунский, исследуя эпические и сказочные произведения тюркских народов, отмечал: «Можно полагать, что сказание об амазонках, как и образ богатырской девы в эпосе и в сказке, в конечном счете восходит к бытовым отношениям матриархата. Однако и патриархальное родовое общество сохраняло у многих народов, вплоть до высшей ступени варварства и даже в период развивающихся феодальных отношений, пережитки более независимого положения женщины в семье и обществе и сперва равноправного, а позднее эпизодического участия ее в воинских предприятиях своих родичей и соплеменников — как реальную бытовую предпосылку эпического образа „девушки-воина“. В частности, независимое и даже почетное положение женщины у тюркских народов в средние века засвидетельствовано многими источниками как участие женщин-воительниц в боевых предприятиях своего рода и племени» [Жирмунский 1974: 266].

Сюжеты рассмотренных выше сказок свидетельствуют об архаичности их происхождения. Особо надо отметить образы женщин — помощниц героев сказок. Они похищают для богатыря магическое оружие врага, узнают и указывают на местонахождение «внешней души» мусов, мангасов, помогают во время боя.

Особенно велика роль женщины в эпизоде оживления героя. Так, в сказке «Улада Мерген» богатырь погибает в схватке с мусом-чудовищем. Его конь отправляется к старшей сестре Улада Мергена, живущей

в «верхнем мире», на небесах, и доставляет ее туда, где лежит разрубленный на части богатырь. В сказке обряд оживления описывается следующим образом: три раза перешагнув и три раза ударив подвесками своих кос (токугами), сестра соединяет части тела брата. Затем, трижды перешагнув через тело, она произносит заклинание: «Свойства мужчины заключены в девяти его частях». Когда она перешагнула через тело богатыря последние три раза, Улада Мерген встал на ноги.

Анализируя сюжет воскрешения богатыря женщиной, А. Ш. Кичиков отмечал, что данный сюжет был чрезвычайно популярен в Южной Сибири и наиболее полно отразился в эпосе киргизов и калмыков. «В национальных вариантах женщина-целительница (воскресительница) представлена то как небесная дева, то как непорочная земная женщина, обладающая чудесным даром оживления» [Кичиков 2008: 120], причем «легенда о женщине-целительнице может бытовать и самостоятельно, претерпевая изменения, приобретая инновации (иногда — „приземление“ образа) в соответствии с общественным развитием, что, по-видимому, отражает изменившееся положение в феодальном обществе [Кичиков 2008: 119].

Сюжет исцеления женщиной, характерный для фольклора целого ряда народов, в калмыцких сказках и эпосе представлен в развернутом варианте. В данном эпизоде отражены древние верования предков калмыков, обусловившие, в частности, магический характер обряда оживления (исцеления). Заметим, что в названии обряда используются косы и подвески-токуги. Токуги — аритибут замужних женщин. По представлениям древних, волосы связаны с жизненной силой человека.

В калмыцком свадебном обряде обязательным элементом было деление волос невесты на две косы, поскольку две косы символизировали в традиционных представлениях жизненную силу жены и мужа. Изначально калмыки в косы вплетали черные шнурки с целью противодействия черной, нечистой, силе, со временем эти шнурки заменили подвески — токуги. Обычно токуги изготовлялись из серебра — благородного металла, которому в традиционных представлениях калмыков приписывалось свойство оберега от нечистой силы.

В сказочном сюжете «Улада Мерген» исцелительницей является старшая сестра богатыря. Почему сестра? Во-первых, богатырь не женат. Во-вторых, хранительницей жизненной силы братьев, по представлениям предков калмыков, могла являться сестра, что связано с символикой волос как вместилища жизненной силы.

Почему именно старшая сестра? Это можно объяснить тем, что в структуре родства калмыцкого общества огромное место отводилось старшинству в роду. Старшие сестры, родные тети по отцу и матери были почитаемы у младшего поколения. Поэтому в качестве исцелительницы выбрана старшая сестра. Она подвесками-токугами преодолела действие нечистой силы и через них (как продолжение кос) передала жизненную силу телу младшего брата. Как известно, мотив исцеления богатыря отражен в эпосе «Джангар», когда мать Хонгора трижды перешагивала через раненого пятилетнего Джангара.

В сказке «Девушка-богатырь» три сестры совершают иной обряд оживления богатыря. Каждая вынимает свой платок и проводит им по лицу погибшего, после чего богатырь оживает. Во многих сказках заметно отличие в способах оживления, используемых женщинами и самими богатырями. Женщины никогда не применяют чудодейственное «белое снадобье», в то время как богатыри часто используют его после сражений. Женщины не только помогают героям и оживляют их после смерти, но зачастую они спасают героев, попавших в плен: с помощью своих кос они вытаскивают богатыря, брошенного в подземелье или в глубокую яму.

Древние сюжеты богатырских сказок о девах-воительницах нашли отражение и в поздних преданиях. Так, например, в средневековом предании калмыков, повествующем о междоусобных войнах ойратов и монголов в XVI в. [Бадмаев 1967а: 107], ханша, жена монгольского Убаши-хунтайджи, узнав о поражении и смерти мужа, решает отомстить ойратам. Собрав большой отряд женщин, облачив их в воинские одеяния и вооружив, она выступает с ними в поход. Однако, для ханши и ее отряда этот поход завершился поражением [Бадмаев 1967б].

Рассматриваемые нами богатырские сказки о девах-воительницах содержат це-

лый ряд художественно-стилевых средств, которые не относятся к числу сюжетообразующих элементов, но которые вместе с тем неотделимы от эпического повествования. Следует отметить, что в сюжетах о героинях присутствуют те общие места, которые характерны для изображения богатырей эпоса. К ним относятся типические места, наличие которых характеризуют стилистические особенности богатырской сказки: седлание коня, его стать и бег, описание доспехов, описание боевой плетки, ход поединка, отдых богатыря, прием пищи и т. д.

Таким образом, в сказках, где героинями являются девы-воительницы, отражены как древние представления о женщине как небесной целительнице, покровительнице (живущей в «верхнем мире»), так и представления о непорочной деве-воительнице — сестре героя. Присутствие в архаическом сюжете исцеления героя мотива воскрешения посредством троекратных перешагиваний и ударов подвесками костокугами (атрибутами замужних женщин) свидетельствует о символике рождения героя.

Литература

Бадмаев А. В. Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967а. 192 с.

Бадмаев А. В. Две версии одного памятника ойратско-калмыцкой литературы // Вестник КНИИЯЛИ. № 2. Ч. 2. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967б. С. 105−112.

Борджанова Т. Г. О взаимосвязи эпоса «Джангар» и богатырских сказок // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. Мат-лы Всесоюзн. науч. конф. (Элиста. 17–19 мая. 1975 г.). М.: Наука, 1980. С. 214–219.

Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. М.: Вост. лит., 1974. 376 с.

Кичиков А. Ш. Сюжет исцеления богатыря в эпосе народов Саяно-Алтайского нагорья // Учитель, ученый, просветитель. Профессор А. Ш. Кичиков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. С. 16–121.

Кузьмина Е. Н. Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. Новосибирск: Наука, 1980. 168 с.

Сарангов В. Т. Фольклор калмыцкого народа. Элиста: КалмГУ, 2010. 136 с.

УДК 398.22
ББК 83.3(2Рос=Калм)

ОБ УКАЗАТЕЛЕ ЭПИЧЕСКИХ ТЕМ (ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ)

Ц. Б. Селеева

Наличие значительного массива фольклорных текстов ставит перед современными исследователями задачу систематизации и каталогизации накопленного материала. «Благодаря систематизации в научный оборот в упорядоченном виде вводится массовый и достоверный материал, без чего немыслимы какие-либо объективные результаты по всем основным проблемам, в особенности тем из них, какие надлежит разрабатывать в этногенетическом плане» [Смирнов 1988: 3]. На сегодня известны десятки и создаются новые сюжетно-мотивные указатели к текстам разных фольклорных жанров. Создание указателей — процесс сложный, обусловленный рядом проблем, связанных с вопросами научной интерпретации, рассмотрения и систематизации материала. Обратившись к накопленному опыту[1], мы предприняли попытку составления указателя эпических тем. Актуальность данной задачи обусловлена недостаточной изученностью тематического состава эпических песен «Джангара» и проблематикой исследования имманентной структуры эпического текста, имеющей остро дискуссионный характер.

Героический эпос «Джангар» является комплексом полистадиальных текстов народного словесного творчества, представленных рядом самостоятельных национальных версий: калмыцкой, синьцзян-ойратской, монгольской. Специфические особенности каждой из версий обусловлены определенными факторами, но наряду с ними выявляются и сходства различного уровня, обусловленные общегенетическим свойством книжно-устной эпической традиции тюрко-монгольских народов.

Исследователи калмыцкого героического эпоса «Джангар» насчитывают двадцать шесть песен, объединенных в репертуарные циклы, записанные в XIX–XX вв. у известных и неизвестных джангарчи той или иной исполнительской школы. Составленный нами указатель эпических тем основан на материале десяти песен калмыцкого эпоса «Джангар» (репертуарный цикл сказителя Ээлян Овла) и позволяет выявить их соответствия в синьцзян-ойратской версии. В указателе приняты обозначения: КД — калмыцкий «Джангар», СД — синьцзян-ойратский «Джангар», с приведением нумерации песен по репрезентативным изданиям обеих национальных версий эпоса «Джангар» [Джангар 1978; 1990; 2005; 2007].

Выбор калмыцкого эпического памятника обусловлен тем, что он представляет собой завершенный в сюжетно-композиционном отношении репертуарный цикл, записанный от прославленного сказителя и укорененный в национальной фольклорной традиции. Репертуар сказителя Ээлян Овла «относится к классическому типу эпопей, характеризующийся высокой степенью устойчивости, передававшийся с установкой на неизменность текста и точность его усвоения, на высокий профессионализм в исполнении и веру в несомненную достоверность повествований» [Кичиков 1997: 167]. Бытование списка песен калмыцкой версии в синьцзян-ойратской эпической традиции, по всей вероятности, объясняется распространением калмыцких книжных эпических текстов в среде ойратских сказителей примерно с середины XX в. Так, версия сказителя Ээлян Овла получила широкое распространение благодаря литографическому изданию (на ойратском языке) 1910 г. [Кичиков 1997: 169] и ее последующим переизданиям.

[1] Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых-фольклористов: А. Aarne [1910], Н. П. Андреева [1929; 1988], А. Дандеса [2003], В. М. Жирмунского [1974], С. Томпсона [1981; 1955–1958], В. Я. Проппа [2001], Е. М. Мелетинского [1963; 1998], Б. П. Кербелите [2005], А. Ш. Кичикова [1997], Н. К. Козловой [2000], А. В. Козьмина [2009], А. Б. Лорда [1994], М. Л. Лурье, И. А. Разумовой [2006], С. Ю. Неклюдова [1966; 1975; 1984; 2004; 2006], Б. Н. Путилова [1975; 1999], А. Рафаевой [1998], Ю. И. Смирнова [1974; 1988], Х. Ясон [2000] и др.

Руководствуясь известными принципами «морфологии», определенными в трудах В. Я. Проппа [Пропп 2001], при составлении указателя мы выделяем составные части, которые подлежат сравнительному анализу, в результате чего получаем описание эпических текстов по «тематическим компонентам». Взятый нами за основу термин М. Пэрри–А. Лорда «тема», определяемый авторами как группа понятий и представлений, регулярно используемых при передаче сюжета [Лорд 1994: 83], в фольклористике нередко отождествляется с понятиями сюжета, мотива, алломотива и др. Тема, как и мотив, является функциональным элементом эпической сюжетной системы, хотя тематический и мотивный уровни сюжета, безусловно, различаются. Тема определенным образом соотносится как с сюжетом, так и с другими темами. Мотив функционирует аналогичным образом, являясь, однако, независимой семантической единицей — в отличие от темы, которая привязана к фабульной реализации сюжета. При переходе из одного текста в другой темы обладают определенной свободой распределения своих внутренних компонентов, соединяются в тематические комплексы, т. е. они, как и мотивы, имеют синтагматические, и парадигматические измерения [Неклюдов 2004: 236–247]. Следовательно, существует несколько уровней соотношения внутри сюжета, и каждый из них заслуживает особого внимания.

Изучение взаимосвязей различных уровней текстовой иерархии — одна из насущных и сложных проблем исследования фольклора в аспекте поэтики. Знаменательно, что при запоминании и воспроизведении текстов сказитель ориентируется в первую очередь на структурные и смысловые доминанты всех уровней (тему, сюжет, мотив, формулу). «Память сказителя ориентирована не на приготовленный однажды неизменный текст, но на типовые элементы разных уровней, как вполне конкретные, поддающиеся варьированию, так и существующие в виде моделей» [Путилов 1999: 214]. Эти типовые элементы А. Б. Лорд определил как темы эпического сказания: «Тема неразрывно связана с процессом текстопорождения в живой эпической традиции, когда сказитель переходит от одной темы к другой по мере того, как в связи с развитием темы возникает необходимость дальнейшего развития действия. В результате песня представляется сказителю в виде гибкого плана последовательности тем» [Лорд 1994: 83]. Рассматриваемая нами тематическая структура имеет ряд иерархических уровней: макротематический, тематический, микротематический.

Тематическая макроструктура эпического текста понимается в работе как единство основной темы, которой посвящена песня со своей главной идеей. Рассматриваемая нами макротема совпадает с понятием сюжетной темы у ряда других исследователей. Например, Б. Н. Путилов, говоря о сюжетной теме, отмечает, что это «главная и существенная коллизия, на которую, в конечном счете, ориентировано все повествование и которая определяет все содержание данного произведения» [Путилов 1970: 11]. Выделение макротемы основывается на выявлении доминирующего в сюжете эпического конфликта. Обычно в песнях эпоса «Джангар» фиксируются несколько конфликтов, образующих определенную систему. Доминантный эпический конфликт, лежащий в основе макротемы текста, как правило, возникает из-за нарушения гармонии в эпической картине мира, следствием чего является борьба противоположностей, которая, в свою очередь, должна разрешиться победой одной противоположности над другой. Конечным результатом развития конфликта является восстановление гармонии.

Макротемы песен из цикла Ээлян Овла в указателе приводятся в кодификации каждой тематической единицы:

А. Пленение потенциального противника и возвращение похищенного.

А1. Захват трофея и пленение потенциального противника.

А2. Попытка уничтожения потенциального соперника.

Б. Возвращение похищенного и пленение противника.

Б1 Возвращение утраченного и пленение противника.

В. Брачные коллизии — героическое сватовство, неудачное и удачное.

Обобщенный уровень тематических блоков, по которому выстраивается содержательная часть нашего указателя, представлен следующим образом (цифрами указано количество компонентов тем в указателе): пир (28 компонентов тем), получение вести (11), совет (22), выбор (6), выражение чувств и эмоций (16), клятвоприношение

(6), поимка коня (9), седлание коня (10), снаряжение богатыря (10), отправление в путь (39), преодоление пути (49), встреча (31), отдых (6), прибытие (39), вхождение во дворец (26), нахождение (19), поиск (11), захват трофея (4), сражение (41), пленение (14), исцеление (6), исполнение просьбы (3), пребывание (8), локальные темы (5). Для формирования рубрикации тематических блоков, тем и микротем мы прибегли к дефинициям на основе имени существительного с выражением действия. По ряду подобных дефиниций указателя возможны уточнения и коррективы. Темы редкие или локальные выделены в отдельный перечень.

Непосредственное выделение тем основано на принципе формального вычленения традиционных эпических ситуаций и функциональных компонентов эпического сюжета: седлание коня, снаряжение богатыря, преодоление пути, пребывание в ставке антагониста или хана — будущего тестя, поединок с антагонистом, участие в трех состязаниях за невесту, возвращение домой и др. В основе систематизации лежит главная эпическая бинарная оппозиция «герой–антагонист». Эта оппозиция составляет ядро эпической системы и основу коммуникативной ситуации. Основными элементами, формирующими сюжетно-тематическую структуру, являются «акция» и «реакция» персонажей [Лурье, Разумова 2006: 75], а основным актантом, по Б. Кербелите [Кербелите 2005], является «герой».

Тематическое членение эпического сюжета основано на концепте единства (триединства) локуса–времени–персонажа. Критерием локализации для границ тем, описывающих эпические ситуации, служит «перемена места или времени действия, введение новых действующих лиц или перенесение центра внимания на новых лиц, как носителей действия» [Андреев 1988: 233]. Мы руководствовались реляционной концепцией категорий пространства и времени, которая заключается в осмыслении пространства и времени не как самостоятельных сущностей, а как системы отношений, образующихся при взаимодействии материальных объектов. Материальными объектами, которые взаимодействуют, являются пространственно-временные параметры и персонажи — герой, антипод, помощники и др. Результатом взаимодействия являются функции персонажей, которые составляют основу содержания тем и микротем. Для эпического сюжета характерна прочная связь определенных ситуаций и событий с определенным местом. «Места, в которых происходит эпическое действие, обладают не столько локальной, сколько сюжетной (ситуативной) конкретностью. Иными словами, в отношении к герою эти «места» являются функциональными полями, попадание в которые равнозначно включению в конфликтную ситуацию, свойственную данному locus'у» [Неклюдов 1966: 42]. Под функцией понимается поступок действующего лица, определяемый его значимостью для хода действия. Известная концепция В. Я. Проппа о функции действующих лиц как устойчивых элементах сказочного сюжета применима и к рассмотрению эпического сюжета. В результате описания эпического сюжета через «атрибутирующие его пространственно-временные отношения» может быть выявлена инвариантная модель, построенная как ряд ситуативно-локально-временных единиц [Цивьян 1975: 192].

Тема репрезентативна для обобщенного уровня компонентов эпического текста. Последующая конкретизация возможна при рассмотрении содержательного, микротематического уровня, где связи внутри темы строятся на акции и реакции персонажей.

Указатель в традиционном понимании включает краткую аннотацию того или иного элемента (т. е. описательную часть) и его индекс. Тема в данном указателе может быть представлена следующим образцом:

Д.С.: Совет Джангара с богатырями во время пира об отправлении в поход на помощь герою, ведущему сражение с войском хана-антагониста

К.Д.8; С.Д.15; Б1; Д.Д.вв; 19–29;

Совет Джангара с богатырями. Передача богатырем захваченного героем трофея Джангару — Мингъян передает Джангару войсковое знамя Мангна-хана, захваченное Хонгором; совет Джангара с сайдами — шесть тысяч двенадцать богатырей во главе с Джангаром в течение трех дней держат совет и обсуждают, как им поступить в ситуации, когда Хонгор сражается с Мангна-ханом. Если они выступят, то могучий враг их уничтожит, а если не выступят, то под угрозой судьба Хонгора — **в С.Д. микротема отсутствует;** принятие решения Джангаром — Джангар принимает решение отправляться в поход на помощь Хонгору;

— **Джангар с богатырями решили, остановив празднество, отправляться в поход.**

В шифровке каждой темы (например, Совет Джангара с богатырями) дается указание на соответствующие варианты песен (К.Д.-8; С.Д.-15) в калмыцкой и синьцзян-ойратской версии, из которых в качестве основной принята калмыцкая версия. Далее следует шифровка макротемы сюжета, к которой относится тема (Б1. Возвращение утраченного и пленение противника). В кодификации каждой тематической единицы обозначена принадлежность описываемой ситуации к определенному локусу. Например, в кодификации темы «пира» указан микролокус (Д.Д.вв — дворец Джангара внутри). В конце приведен порядковый номер темы (19) и общее количество тем в данном сюжете (29). К каждой теме даются Д.С. — дополнительные сведения, где сообщена дополнительная информация, относящаяся к данной теме. Это может быть указание персонажей, времени, локализации, причин предшествующих событий, направления действия и т. д.

После кодификации приводится подробное описание каждой темы с воспроизведением микротематической цепочки, необходимой для реализации темы. Выявленная микротема расшифрована схематичным, а затем конкретно-содержательным описанием.

Отсутствие микротемы в синьцзян-ойратской версии обозначается, как было показано выше, следующим образом: — совет Джангара с сайдами — **в С.Д. микротема отсутствует.** Дополнения к теме или микротеме, выявленные в синьцзян-ойратской версии (поскольку основной признана калмыцкая версия), выделяются жирным шрифтом с подчеркиванием и предваряются многоточием. Например: К.Д.-13; С.Д.-19; А2; Д.Д.вв – Л.С.Б. - Д.Д.в; 6-43;

Поимка коня героя. Повеление героя о седлании его коня — Санал отдает распоряжение оседлать его проворного коня Буурал Галзана; поимка коня героя конюхом — могучий смуглолицый стремянный, взяв с собой узду с бронзовыми удилами величиной с грудь человека, отправился за конем. Поймал Буурал Галзана, пасшегося среди скакунов множества сайдов на траве зеленых лугов, у холодных вод родников **… надел на коня, придавливая на загривке мышцы, соединенный цепочкой недоуздок, придавливая мышцы щеки, надел уздечку**; возвращение конюха с конем домой — стремянный, высокий золотисто-пестрый дворец Торлок справа объехав, к нефритово-серебряным дверям дворца привел коня.

Выявленное в калмыцкой версии отсутствие темы маркируется соответствующим указанием. Например: К.Д.-8 **тема отсутствует**; С.Д.-15; Б1; Д.Д. вв — Л.С.Б.– Д.Д.в; 19, 20–29;

Поимка коня Джангара. Повеление мудреца о седлании коня — Алтан Чээджи дает распоряжение оседлать Джангару отца коня Аранзала Зээрдэ, Нярхен Зээрдэ; поимка коня Джангара — могучий смуглолицый стремянный взял с собой узду с бронзовыми удилами величиной с человека, взял жестяно-серебряную уздечку, отправился за конем. Поймал коня Нярхен Зээрдэ, пасшегося на траве зеленых лугов, у холодных вод родников.

Представленные в указателе темы имеют устойчивую и в то же время довольно гибкую модель реализации. Функционирование темы можно уподобить густой сети переплетений и наложений. Та или иная тема может быть включенной в крупные темы, а ряд тем могут функционировать как микротемы. При этом выделяется фонд «сквозных тем», т. е. тем, функционально активных и локальных. «У темы нет какой-то одной «чистой» формы — ни у отдельного сказителя, ни в традиции в целом. Тема не есть нечто статичное, это живое, меняющееся, способное применяться к контексту художественное творение» [Лорд 1994: 110].

Исследование эпических текстов на тематическом уровне позволяет выявить как степень типизации сюжетных компонентов в рамках репертуарного цикла отдельной традиции, так и степень их трансформации на почве заимствующей (синьцзян-ойратской) традиции, поскольку константные вариативные элементы тем в представляемом указателе отчетливо вычленяются. Принципы классификации, как и сама схематическая структура указателя, могут найти применение для решения исследовательских задач сравнительно-типологического плана. Выявление и рассмотрение конструктивных тематических элементов сюжетостроения позволяют прояснить ряд вопросов, связанных с механизмами сложения эпического текста.

Литература

Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Гос. Рус. Геогр. Об-во. Отдние этнографии. Сказоч. комис. Л.: Гос. Рус. Геогр. об-во. 1929. 118 с.

Андреев Н. П. Проблема тождества сюжета (Публикация В. М. Гацака) // Фольклор. Проблемы историзма. М.: Наука, 1988. С. 230–244.

Дандес А. От этических единиц к эмическим в структурном изучении сказок // Фольклор: семиотика и / или психоанализ: сб. ст. / Алан Дандес: пер. с англ.; сост. А. С. Архипова. М. Вост. лит., 2003. С. 14–30.

Җаңһр. Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст). На калм. яз. В 2-х т. / Сост. А. Ш. Кичиков. М.: Наука, 1978. 441 х., 415 х.

Джангар. Калмыцкий героический эпос. М.: Наука. 1990. 475 с.

Д*жангар*. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. На калм. яз. / в 3-х т. Т. 1–2. Элиста. «НПП Джангар». 2005, 2007. 856 с., 831 с.

Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Избранные труды. Л.: Наука, 1974. 727 с.

Кербелите Б. П. Типы народных сказок: Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок. Ч. 1–2. М.: РГГУ, 2005. 724 с.

Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 3-е, репринт. М.: Вост. лит., 1997. 319 с.

Козлова Н. К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник. Указатель сюжетов и тексты / под ред. Ю. И. Смирнова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 262 с.

Козьмин А. В. Сюжетный фонд сказок: структура и система. М.: РГГУ, 2009. 110 с.

Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона; послесл. Б. Н. Путилова. М.: Вост. лит., 1994. 368 с.

Лурье М. Л., Разумова И. А. Указатель сюжетов устных демонологических рассказов: принципы выявления и структура описания // Проблемы структурно-семантических указателей: сборник статей / под ред. А. В. Рафаевой. М.: РГГУ, 2006. С. 72–93.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Наука, 1963. 461 с.

Мелетинский Е. М. О применении структурно-семиотического метода в фольклористике // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М.: РГГУ, 1998. С. 33–52.

Неклюдов С. Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В. Я. Проппа / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 182–191.

Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов (устные и литературные традиции). М.: Вост. лит., 1984. 310 с.

Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.

Неклюдов С. Ю. Указатели фольклорных сюжетов и мотивов: к вопросу о современном состоянии проблемы // Проблемы структурно-семантических указателей / под ред. А. В. Рафаевой. М.: РГГУ, 2006. С. 31–38.

Неклюдов С. Ю. К вопросу о связи пространственно-временных отношений с сюжетной структурой в русской былине // Тезисы докладов II Летней школы по вторичным моделирующим системам (16–26 августа 1966 г.). Тарту, 1966. С. 41–45.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. / науч. ред., текстолог. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт: 2001. 192 с.

Путилов Б. Н. Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. / сб. ст. памяти В. Я. Проппа. сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 141–156.

Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербург. Востоковед., 1999. 288 с.

Путилов Б. Н. За структурата на создавањето на сижетите во билините и во јvначките песни (резиме) // Македонски фолклор. Скопје, 1970. С. 9–24. (Отд. оттиск на рус. яз.).

Рафаева А. В. Исследование семантических структур традиционных сюжетов и мотивов: дис. … канд филол. наук. М., 1998. 320 с.

Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. М.: Наука, 1974, 264 с.

Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы (Опыт указателя сюжетов и версий). М.: Наука, 1988. 117 с.

Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. 320 с.

Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen. Helsinki, 1910. FFC № 3.

The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen». FFC № 3 / Translated and Enlarged by S. Thompson. 1981 / FFC. № 184. 542 p.

Thompson S. Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrativ Elements in Folk-Tales, Ballads, Myths. Fables, Medieval Romances, Exempla Fabliaux, Jest-Books and Local Legends. In 6 v. Copenhagen; Bloomington, 1955–1958.

Jason H. Motif, Type and Genre. Helsinki, 2000. FFC № 273.

УДК 398.22
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

АЛЬБЕРТ ЛОРД И ЕГО ЭПОСОВЕДЧЕСКИЕ ТРУДЫ

О. П. Ингл

Альберт Бейтс Лорд (1912–1991) был славистом и специалистом в области сравнительного литературоведения, учился, а потом преподавал в Гарвардском университете (1934–1983). В 30-е годы Милмэн Пэрри (1902–1935), выдающийся американский филолог, фольклорист, и его ученик Альберт Лорд отправились в Югославию, где «устный эпос» «был живым, популярным и доступным для записи». А. Лорд отмечает: «Для сравнительного исследования в равной мере подошла бы и русская устная традиция или традиции Средней Азии, но они в то время были не столь доступны для американского ученого» [Лорд 1994: 10]. М. Пэрри известен как создатель «устной» теории, которая теперь называется теорией Пэрри-Лорда, он умер молодым из-за несчастного случая, Альберт Лорд завершил работу своего учителя. В 1950-е годы Лорд вновь посетил Восточную Европу и продолжил исследования в русле научной традиции М. Пэрри, результатом чего явилась книга «The Singer of Tales» [Lord 2000], впервые опубликованная в 1960 году. Ее перевод на русский язык под названием «Сказитель» [Лорд 1994] — первый и единственный, насколько нам известно, перевод трудов ученого. К изданию на английском языке 2000 года «The Singer of Tales» прилагаются CD и видеозаписи полевых работ Пэрри и Лорда. «До собрания Пэрри не существовало ни одного крупного корпуса фонографических записей песен, доступных для исследования» [Лорд 1994: 302]. Исследование открывается словами «Эта книга — о Гомере. Он — наш Сказитель. Однако в более широком смысле он олицетворяет собой всех сказителей с незапамятных бесписьменных времен до наших дней» [Лорд 1994: 10]. В послесловии к русскому переводу книги «Сказитель» Б. Н. Путилов приводит слова М. Пэрри, который был «воодушевлен стремлением увидеть, «как певец составляет слова и фразы, а затем стихи, но также — как он группирует целые отрывки и темы... как песня живет и переходит от одного человека к другому, от одного поколения к другому, переходит через поля и горы, и даже через все языковые границы, а также увидеть еще большее — как устная поэзия живет и умирает» [Лорд 1994: 326, 340]. Лорд исследовал сербские, греко-византийские поэмы, старофранцузские и англо-шотландские баллады. Результаты его исследований, вызвавшие поначалу много споров и разногласий, теперь стали общепризнанной классикой эпосоведения, с которой можно не соглашаться, но нельзя ее не учитывать. Теория Пэрри-Лорда стала фундаментом для многочисленных исследований не только славянской, но и мировой, устной и письменной эпической поэзии.

Лорд был известен своим спокойствием, скромностью и щедростью. Работы его написаны простым литературным языком, с использованием научных терминов лишь по необходимости. Словами его жены, также филолога, Мэри Луиз Лорд, определены особенности исследовательского подхода и научного стиля эпосоведа: «Альберт Лорд твердо верил в литературную критику, полностью основанную на тексте. Он недоверчиво относился к теориям и анализам, которые парят высоко в стратосфере, никогда не спускаясь на землю собственных слов поэта. Он также скептически относился к мудреной, многословной и излишне сложной критической терминологии. Чем яснее определение, тем лучше» [Lord 1995: XI].

Главный труд А. Лорда «Сказитель» посвящен детальному анализу эпических формул и тем. «Вкратце устная эпическая песня — это жанр повествовательной поэзии, создаваемой способом, выработанным поколениями сказителей, не умевших писать. Этот способ заключается в сложении метрических стихов и полустиший посредством формул и формульных выражений и построением песен с помощью тем» [Лорд 1994: 14]. Лорд активизирует определение «формулы», данное Пэрри, как «группы слов, регулярно используемой в одних и тех

же метрических условиях для выражения данной основной мысли» [Лорд 1994: 42].

Ученый прослеживает процесс становления рапсода: молодой сказитель сначала слушает опытных мастеров, усваивает чужие формулы, которыми учится передавать основные моменты повествования: сюжеты, герои, страны, обычаи, поэтические темы; потом с годами вырабатывает собственные формулы — «поэтическую грамматику устного эпоса» [Лорд 1994: 80]. Он не «заучивает» формулы.

Изучавшие и изучающие иностранный язык сразу поймут, что именно Лорд подразумевает под формулой. Изучая новый язык, мы не заучиваем его, а запоминаем выражения, по Лорду — формулы, и учимся использовать их. Если мы учим английский по Шекспиру — это одни формулы, а по газетным новостям — другие.

По мнению исследователя, талантливый ученик, растущий в условиях живой устной традиции, в зрелом возрасте (по Лорду, лучшие сказители уже немолоды) способен создавать песни, равные по величине и величию гомеровским.

Пэрри и Лорду посчастливилось встретить мусульманского сербоязычного певца Авдо Меджедовича из города Биело Поле в Черногории, у которого они записали версию эпической песни «Свадьба Смаилагича Мехо» (свыше 12 000 строк). Лорд назвал Авдо «вполне может быть, последним действительно великим эпическим певцом Славянских Балкан» [Slavic Folklore. A Symposium 1956: 122]. Авдо умер в 1955 г. в возрасте 85 лет.

Анализируя эпические формулы, Лорд приходит к выводу о том, что они получают символичность и многозначность «благодаря специальной и своеобразной функции устного эпоса, который, прежде чем стать героическим, был магическим и ритуальным» [Лорд 1994: 82]. «Прежде чем стать «артистом», поэт был чародеем и провидцем» [Лорд 1994: 83]. Лорд показывает, как при помощи формул излагаются темы, которые в эпических сюжетах повторяются: «возвращение, вызволение, свадьба, взятие города — это одна и та же песня в разных обличьях! И речь при этом идет не о второстепенной схеме, не о незначительном эпизоде, а фактически об основной сюжетной линии» [Лорд 1994: 140]. К данным темам присоединяются и другие, как, например, тема собрания, но все они повторяются во многих сказаниях.

Так как «Сказитель» — книга о Гомере, легендарному рапсоду посвящена значительная часть труда А. Б. Лорда. Он считает, что Гомер был истинным сказителем, который не умел читать и писать, а «Илиада» и «Одиссея» были записаны с его слов под диктовку, «яркость описания и непосредственное воздействие его поэм тем и обусловлены, что он устный поэт» [Лорд 1994: 166]. Пэрри и Лорд сами убедились: если есть заинтересованные слушатели, талантливый певец может в процессе пения сочинять песни большого объема. По их мнению, именно так создавались величайшие эпические сказания. Отсюда и пошло название «устной» теории Пэрри-Лорда. Эта теория происхождения эпоса популярна среди американских ученых.

Лорд — страстный поклонник устной традиции, поэтому характерно его отношение к письменности: «Когда письменность возникла, эпические певцы, даже опять-таки самые блестящие, не осознали ее «возможностей» и не кинулись овладевать ею. Видимо, они были мудрее нас, потому что песнь написать нельзя. Нельзя пленить Протея: связать его — значит погубить»; «Мы принимаем как само собой разумеющееся, что письменный стиль всегда, *с самого начала*, выше устного. Это — ошибка, сделанная уже на стадии наблюдения, ошибка, которую — увы! — постоянно совершают ученые, пожертвовавшие опытом ради теоретических построений» [Лорд 1994: 142, 153]. Лорд доказывает, что устный эпос живет в другом масштабе, несравненно более великом, чем письменный. Устный текст создается сказителем в момент исполнения. Сказители из поколения в поколение передают одни и те же темы примерно одинаковыми формулами в ритмической схеме элементов песни, они передают вечные истины традиционными приемами своих отцов и учителей, которую впитали в себя из первых уст. В заключении к книге Лорд пишет: «Когда мы знаем, как построена песня, мы видим также, что кирпичи, из которых она сложена, не могут не быть очень древними. Ибо в самой природе традиции заложено стремление к стабильности, к самосохранению. Эта стойкость проистекает не из упрямства, не из абстрактного принципа абсолютного искусства, но из непоколебимого убеждения, что традиция сохраняет самые средства поддержания жизни и достижения счастья. Традиционный устный эпический певец не

художник, он — провидец. Унаследованные им мыслительные структуры появились, чтобы служить не искусству, а религии в самом первичном ее смысле» [Лорд 1994: 247—248]. Устным песням присуща одновременно изменчивость и стабильность, потому что они живые. Письменный текст — застывший. Лорд четко подразделяет тексты на устные и авторские письменные.

Уже после смерти ученого Мэри Луиз Лорд издала неопубликованные статьи мужа в книге «The Singer Resumes the Tale» [Lord 1995]. В ней детально разбираются тексты некоторых европейских эпических сказаний и баллад, целая глава посвящена «переходным» текстам [Lord 1995: 212—237], то есть текстам, записанным у сказителей собирателями фольклора, обработанным и изданным в «облагороженном» виде, или текстам, записанным самими сказителями, выучившимися грамоте. Как только эпос записан, он начинает жить по другим законам и решать не только задачи эпоса устного, но и задачи письменного эпоса, поставленные автором в конкретном историческом времени. В этой же главе Лорд пишет: «Националистический угар XIX века привел к тому, что устный эпос стал использоваться в целях националистической пропаганды. Поэмы воспевают героев прошлого, отражают борьбу нации против внешних врагов. Таким образом, герой превратился в «национального» героя, а сами произведения стали называться «национальным эпосом» [Лорд 1994: 18]. Лорд вообще не использует слов «национальный» и «народный» применительно к эпосу, так как считает, что эпос существовал не только в простонародной среде и к национальности имеет малое отношение.

Особый интерес для нас представляют исследования Лорда по финскому эпосу «Калевала», составленному Э. Лённротом. В «Сказителе» Лорд упоминает «Калевалу», рассматривая историю эпосоведения и теории, связанные с авторством Гомера. По одной из теорий, песни Гомера (в устном исполнении) запоминали сказители с феноменальной памятью, по другой — Гомер был единственным автором, который записал свои тексты, третья говорит о множестве авторов. В одном из разветвлений последней теории гомеровские поэмы рассматривались «как свод кратких песен, сшитых воедино их составителем». ... В результате следования данной теории «возникло несколько ценных сводов. Лённрот составил финскую «Калевалу», эстонцы включились в состязание со своим «Калевипоэгом», сербы тоже попытались составить ряд «эпопей» о Косовской битве. Но ничего сопоставимого с Гомером не получилось. Вопрос о том, каким образом гомеровские поэмы достигли таких размеров, если они не были плодом литературного творчества одного автора, остался неразрешенным» [Лорд 1994: 22].

Альберт Лорд рассматривает «Калевалу» и в других своих работах. Во вступительной статье к «Калевале» в переводе Кита Бостли он объясняет свое увлечение «Калевалой» еще со студенческих лет тем, что в ней присутствуют единственные в своем роде темы и исключительная атмосфера: «Ключи к пониманию «Калевалы» — сила слова, сила заклинания и сила рассказа. Ее герои — мастера слова и чудотворцы» [Lord 1989: XII]. С 1950-х годов Лорд включил «Калевалу» в свой курс по сравнительному эпосоведению, обращая особое внимание студентов на то, что Лённрот не только собрал традиционные песни (что было подвижническим трудом в то время), но и сложил огромный эпос. Ученого особенно интересовал процесс перехода финской народной поэзии из мифа в литературный эпос, сложенный в середине XIX в. Разобраться в закономерностях этого перехода ему помогли исследования по финской народной поэзии Доменико Компаретти, Мартти Хаавио и Матти Кууси, а также Э. Лённрота: существует великое множество вариантов песен, из которых он был составлен, и три варианта самой «Калевалы» [Lord 1989: VI–X].

В статье «The Kalevala, South Slavic Epics, and Homer» [Lord 1991: 105–132] А. Лорд проводит сравнительный анализ «Калевалы», южнославянских сказаний и поэм Гомера. «В этой статье я хочу, во-первых, обсудить различные виды взаимоотношений между тремя эпическими традициями, названными в заголовке; во-вторых, технику композиции и передачи в трех традициях: финской, южнославянской и древней греческой; и в-третьих, некоторые общие для эпосов сюжеты и характер повествования в трех составляющих исследования» [Lord 1991: 105]. Приведем еще одно положение из этой работы А. Лорда: «То, что создал Лённрот, было, по крайней мере в одном аспекте, ближе к древнеис-

ландским «Эддам», чем к гомеровским поэмам, потому что отдельные стихи, из которых была сделана «Калевала», видны в конечном результате. Лённроту, впрочем, удалось создать «национальный эпос» для финнов, который до этого не существовал. Он, разумеется, не осознавал, что «Илиада» и «Одиссея» на самом деле не были «национальными эпосами» для древних греков, так же как и «Старшая Эдда» не была «национальным эпосом» для исландцев.

Хотя все или почти все ее составляющие были устными традиционными песнями, сама «Калевала» таковой не является. Доменико Компаретти говорил об этом в 1898 г. в своей замечательной книге «Традиционная поэзия финнов»: То, что вся популярная, традиционная поэзия, живущая и воспроизводящаяся веками, должна обеспечить материалом одну единственную поэму, — явление странное и неестественное» [Lord 1991: 105–106]

Далее Лорд показывает различия в жанрах традиционной поэзии и поэмы Лённрота. Устный сказитель свято сохранял традицию. Несмотря на то, что песни не передавались в неизменной форме, так как певцы не заучивали их, а пели их строго зафиксированными формулами в рамках определенных тем и жанров, сущность этих песен не менялась. Лённрот не следует традиции, а создает авторский текст на ее материале. Лорд сравнивает «Калевалу», южнославянские песни и поэмы Гомера по величине — они примерно одинаковые, с большой протяженностью исполнения. Но по композиции они сильно отличаются. Гомер и Авдо Меджедович были истинными певцами, которые пели традиционные песни и удлинили их за счет «украшений», за счет мастерского использования формул и тем. Традиционный певец «не сшивал песни вместе, чтобы создать «монументальные» песни, а сочинял их в манере живой традиции, такой, как у славян, например, и при случае «смешивал» песни, для того чтобы создать другие, часто осторожно унифицированные песни. Это иной, отличный от лённротовского при составлении «Калевалы», процесс, который еще не был в достаточной мере описан» [Lord 1991: 110]. «При составлении «Калевалы» Лённрот добивался длины различными способами. Самым поразительным было включение ритуальных песен, например, заклинаний и песен свадебного цикла. Такой вид расширения объема отсутствует в южнославянских и гомеровских песнях» [Lord 1991: 110]. «В «Калевале» Лённрот иногда вставляет отдельные сюжеты, к примеру, трагический о Куллерво, таким образом прерывая течение повествования» [Lord 1991: 111].

«Короткие финские песни, даже повествовательные, более сравнимы с южнославянскими «женскими песнями», чем с южнославянскими эпическими. Это особенно касается финских лирических и ритуальных песен...» [Lord 1991: 110]. Здесь Лорд приводит несколько страниц с примерами из текста эпоса. Во всех трех сравниваемых типах эпоса используется внутренний прием расширения текста путем введения деталей и описаний.

Далее Лорд рассматривает метод композиции песен «Калевалы», сопоставляя варианты песен, из которых она составлена, с вариантами южнославянских песен. Это метод повтора словосочетаний, строки, строк или целых куплетов. Именно эти повторы остаются почти неизменными во всех вариантах, в них содержится основной смысл темы, что одинаково верно как для песен «Калевалы», так и песен южнославянских, то же наблюдается в песнях Гомера (хотя до нас не дошли варианты гомеровских песен). Результаты наблюдений исследователя говорят о том, что песни «Калевалы» близки к традиционным.

Лорд анализирует основные схематические темы повествования. В «Калевале» темы добывания жены и похищения Сампо, то есть два похищения, — типичные темы традиционных песен, но схема развития темы в «Калевале» сильно отклоняется от традиционных. Вяйнямёйнен и Илмаринен выступают в роли брошенных женихов, а удачливый жених Лемминкайнен жену умыкает. Здесь три главных героя поставлены в «негероические» ситуации, что нехарактерно для традиционных песен.

«Главное различие между финской традицией, славянских Балкан и древнегреческой — это существование и сила шаманизма в «Калевале» и в вариантах песен, которые легли в ее основу. Героизм посредством магических заклинаний, а не мечей и копий, придает «Калевале» особую атмосферу, захватывающе и увлекательно проникнуть в этот странный мир... Призрачная трагическая красота «Калевалы» несравнима ни с какой другой традицией. При этом Лённрот выразил в ней то же чувство личной

человеческой потери, которое находим в «Илиаде». «Калевала» также разделяет с ней чувство окончательного примирения с реальностью, которое символизировано тем фактом, что люди могут обладать только частями Сампо, хотя, как это ни парадоксально, они были достаточно умны, чтобы создать Сампо» [Lord 1991: 131].

Русскоязычный читатель-филолог знаком с концепцией А. Лорда по его книге «Сказитель». В аспектах генезиса теории Пэрри-Лорда и его методологического значения уместно будет сослаться на классика российской фольклористики Б. Н. Путилова, который в послесловии к «Сказителю» отмечает, что американские ученые почти не были знакомы с трудами русских эпосоведов, у Лорда есть ссылки только на В. М. Жирмунского (Лорд это осознавал и пытался изменить ситуацию, к чему мы еще вернемся): «При всем при том мы вправе рассматривать теорию Пэрри-Лорда в общем русле изучения феномена сказительства, наиболее мощные импульсы которому даны именно русской школой» [Лорд 1994: 330]. По мнению Б. Н. Путилова, М. Пэрри и А. Лорд «на материале сербскохорватской эпики строят обобщения для эпического творчества вообще — без национальных и временных ограничений» [Лорд 1994: 332]. Важен как частный вывод российского ученого: «Творческая разработка идей теории Пэрри-Лорда и применение их к конкретному материалу достигли наиболее ощутимых результатов в сфере книжного эпоса» [Лорд 1994: 337], — так и выводы генерального характера: «Творческие возможности теории Пэрри-Лорда далеко еще не исчерпаны. Ее приложение как к живым эпическим традициям, так и к памятникам книжного эпоса доказало и продолжает доказывать свою продуктивность, особенно когда исследователи не просто следуют основным ее идеям, но и критически проверяют их и заново пересматривают круг предложенных проблем и методических принципов» [Лорд 1994: 339].

В 1981 г. вышел сборник «Устная традиционная литература», объединивший труды американских ученых, последователей теории и методологии Пэрри-Лорда, по традиционным и письменным произведениям эпоса и литературы. Он был посвящен 70-летию Альберта Бейтса Лорда. Приводим посвящение в нашем переводе: «С великим удовольствием посвящаем этот том Альберту Лорду в знак благодарной признательности за его монументальный вклад в исследования устной литературы и искреннего признания его личного примера благородства и гуманности в академической профессии. Собрав эти статьи в юбилейное издание, мы пользуемся редкой возможностью в истории литературы — чествовать не только величайшего теоретика или плодотворного критика, а, скорее, истинного основоположника. Насколько значимы для устной теории были первые, смелые и блистательные шаги Милмана Пэрри, настолько же ясный взгляд, терпение и блистательные исследования Альберта Лорда создали и определили науку устной литературы. Эта книга или все, что есть в ней ценного, — связаны с ним, и мы надеемся, что она ему понравится [Oral Traditional Literature 1981: 7]. Ознакомившись лишь с десятком работ А. Лорда, видишь, насколько заслужены им почтительные и хвалебные слова. Взять хотя бы сборник «Slavic Folklore. A Symposium» [Slavic Folklore 1956: VII] под редакцией А. Лорда с его, по обыкновению краткой, вступительной статьей. Из нее видно, что ведущий ученый в послевоенные годы не только вдохновляет и объединяет американских славистов, но и пытается приобщить европейских славянских фольклористов к совместной научной работе. Он пишет: «Наши возможности в этой обширной и значительной отрасли вселенского знания уже огромны и быстро увеличиваются. Мы только начинаем ощущать нашу силу.

Тем не менее, к великому сожалению, в это издание не вошли статьи из-за границы. (Одна. — *О.И.*) Хотя работы за рубежом, опубликованные на разных языках, известны специалистам, компетентным в этих языках, они заслуживают более обширной аудитории. Одна из реальных услуг, которую мы можем оказать, — сделать эти работы доступными на английском» [Slavic Folklore 1956: 7].

В заключение предоставим слово самому Альберту Бейтсу Лорду. Во вступительной статье к сборнику русских народных сказок он точно подмечает впечатление производимое им на читателя: очарованные их красотой, мудростью и загадочностью, вы возвращаетесь к ним снова и снова. В какое-то время вам кажется, что все они очень похожи, а в другое — уже непохожи. «И когда, наконец, вы вскине-

те руки вверх и скажете, что не можете отличить одну сказку от другой, тогда вы достигли момента понимания русской устной сказительской традиции. И вы к тому же добились понимания одного из основных принципов всей устной традиционной, иногда называемой «народной», литературы» [Russian Folk Tales 1970: 20].

Литература

Лорд А. Б. Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. Послесл. Б.Н. Путилова. Статьи А.И. Зайцева, Ю. А. Клейнера. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1994. 368 с.

Lord Albert B. Epic Singers and Oral Tradition / Albert B. Lord // The *Kalevala*, South Slavic Epics, and Homer. Ithaca and London: Cornell University Press. 1991. P. 105–132.

Lord Albert B. The Singer of Tales. Harvard University Press: Cambridge, Massachusetts; London, England. 2000. 307 p.

Lord Albert B. The Singer Resumes the Tale. Ed. Mary Louise Lord. Cornell University Press: Itaca and London. 1995. 258 p.

Lord Albert B. Avdo Mededović, Guslar // *Slavic* Folklore. A Symposium. Vol. 6. Bibliographical and Special Series. American Folklore Society. Ed. Albert Bates Lord. Philadelphia. The William Byrd Press, Inc.: Richmond, Virginia. 1956. P. 122–132.

Lord Albert B. Foreword *// Elias Lönnrot.* The Kalevala. Transl. Keith Bosley. Oxford University Press: Oxford, New York. 1989. P. VI–X.

Oral Tradition in Literature: Interpretation in Context. Ed. J. M. Foley/ A. B. Lord // The Merging of Two Worlds: Oral and Written Poetry as Carriers if Ancient Values. University of Missouri Press: Columbia, 1986. P. 19–65.

Oral Traditional Literature: A Festschrift For Albert Lord. Ed. John Miles Foley. 1981. Slavica Publishers, Inc. 461 p.

Russian Folk Tales. Selected and Edited by Albert B. Lord. Printed for the Members of the Limited Editions Club: New York. 1970. 196 p.

Slavic Folklore. A Symposium. Volume 6. Bibliographical and Special Series. American Folklore Society. Philadelphia. Ed. Albert Bates Lord. The William Byrd Press, Inc.: Richmond, Virginia. 1956. 132 p.

ББК 63.2
УДК 003

«КАМЕННЫЕ СУТРЫ» СИНЬЦЗЯНА

До. Батужав

Слово *ном* (санскр. *dharma*, тиб. *chos*), имеющее несколько значений, и слово *судр* (санскр. *sutra*, тиб. *mdo*), означающее текст, который представляет собой изложение подлинных слов самого Будды Шакъямуни, были заимствованы ойратами из тибетского языка и санскрита в период распространения буддизма и перевода буддийских сочинений на родной язык. Однако в широкой народной массе верующих, которая была далека от понимания тонкостей значения тех или иных религиозных терминов, словом *ном* обозначали все рукописные тексты и ксилографы, употребляя его в значении «книга». Слова *ном* и *судр* также стали употребляться в близком по смыслу значении и стали парным словом *ном-судр*. Поэтому и камни с текстами на ойратской письменности в народе стали называть *чолун судр* («каменные сутры»), при этом проводилось различие между ними и древними наскальными рисунками и текстами, а также надписями на каменных стелах и изваяниях.

Этим словосочетанием обозначали как одиночные камни с короткими молитвенными формулами, так и группы камней, на которых мог быть выбит полный текст какой-либо сутры на «ясном письме». В некоторых местах их называли еще и *бичгтә чолун* («камни со священными текстами»). Так, например, 73-летний животновод Чурюм, кочевья которого находятся вблизи местности Цаган хад на реке Нилх-гол, где и были обнаружены каменные сутры, в беседе с нами называл их *бичгтә чолун* [Möngke 1990].

Термин *чолун судр* вошел в широкое общественное и научное употребление в Синьцзяне после того, как был опубликован ряд исследовательских статей о камнях с ойратскими текстами (см., например: [Daoerǰi 1989]). Это название стало распространяться и среди других монгольских народов, чему в немалой степени способствовало государственное телевидение Внутренней Монголии, показавшее серию передач о каменных сутрах, обнаруженных в Или-Казахском автономном округе (АО) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Каменные сутры являются значимой частью культурного наследия ойратов и одним из свидетельств исторического развития их письменности. И хотя точно еще не установлено, сколько сутр было выбито на камнях, каково полное количество камней с ойратскими текстами, можно предварительно обобщить некоторые сведения, исходя из уже опубликованных данных и собранного полевого материала. Первое письменное свидетельство о каменных сутрах, обнаруженных на территории современного Или-Казахского района, можно найти в книге Шу Сунга «Географическое описание Западного края». Известный китайский путешественник и географ периода династии Мин привел название некоторых сутр, выбитых на камнях на ойратской и тибетской письменности, — «Хоңгшим бодьсадын тәрни», «Маанин зурһан үзг», «Цогт зандн судр», «35 бурхна магтал», «Мигзм» [Xu Song 2005].

Плоские камни с надписями на санскрите были в свое время обнаружены исследователями на территории посевных полей, расположенных по берегам реки Барун-гол в местности Хумрагин хадур недалеко от города Дурбелджин. На берегу реки Эрэн модон в местности Хумраг были найдены камни с выбитыми текстами молитвенных формул на тибетском языке. Судя по приведенным данным, камни различной величины с ойратскими и тибетскими письменами находили по берегам реки Эрэн модон-гол, у перевала Гилсх и по берегам рек Уластын-гол и Хашин-гол.

К сожалению, во время полевых поисков исследователям не удалось обнаружить камни с полным текстом сутр. Во время экспедиции 2011 г. было найдено 5 камней с надписями [Batujab 2007] на «ясном письме» и на тибетском письме. Из этих пяти камней два камня выделялись особой тех-

никой исполнения. Ойратские и тибетские буквы были выбиты красивым почерком, с заметным углублением. По всей видимости, работа была сделана мастером высокой квалификации.

Таким образом, можно констатировать, что каменные сутры сконцентрированы в основном по берегу реки Эрэн модон-гол, у подножия перевала Гилсх и на территории, указанной в книге Шу Сунга. Каменные сутры в свое время находили и в местности Цаган хад на реке Нилх-гол. Здесь в конце 1980-х гг. экспедицией, организованной по распоряжению районного управления, было найдено 46 каменных сутр, которые затем были переданы в местный музей.

По свидетельству двух местных старейшин, ойрата Чурюма и казаха Айтмухамета, в 1970-е гг. в этой местности находилось более 500 каменных сутр. По словам Чурюма, во время поиска камней в местности Цаган хад он видел камень с текстом сутры, на котором было указано, что это текст листа под номером 374. Все это свидетельствует о том, что в местности Цаган хад на реке Нилх-гол находилось большое количество камней, содержавших полный текст одной или нескольких сутр. Тем не менее на сегодняшний день обнаружено чуть более 50 каменных сутр. Причин их утраты несколько. Многое было уничтожено в годы культурной революции, какая-то часть могла быть унесена бурными потоками во время больших подъемов воды в реке, некоторые камни используются местными жителями как семейные обереги. Сколько плоских камней было унесено китайскими и зарубежными туристами, можно только предполагать. Доподлинно известно, что камень с ойратским текстом из этой местности находится в одной из частных коллекций в Японии [Song chuan jie 2010].

С 2007 г. были начаты интенсивные поиски каменных сутр в местности Цаган хад на реке Нилх-гол. В домах у местных жителей было обнаружено 6 камней с текстами. Высота самого большого камня — 46 см, ширина — 30 см, толщина — 6 см. Высота самого маленького — 30 см, ширина — 19 см, толщина — 4 см.

При знакомстве с текстом удалось установить название сутры — «Ваджрачхеддика сутра» («Xutuqtu biligiyin činadu küreqsen tasuluqči očir kemēkü sudur», или «Дорж җодв»). Известно, что рукописный текст этой сутры был обязательным атрибутом домашнего алтаря каждого верующего.

Используя два списка рукописи сутры «Ваджрачхеддики» на «ясном письме» и одно печатное издание рукописи «Qutuγtu biligün činadu küregsen tasuluγči včir yeke kölgünü sudur orusiba» на монгольской письменности («худам»), мы идентифицировали тексты каменных сутр. Рукописный текст сутры, хранящийся в личном архиве автора статьи, обозначен как «А». Рукописный текст из сомона Тогус обозначен как «В». Текст на старомонгольском письме — «С». Текст на обнаруженных нами камнях мы сравнили с текстом рукописей «А», «В» и «С».

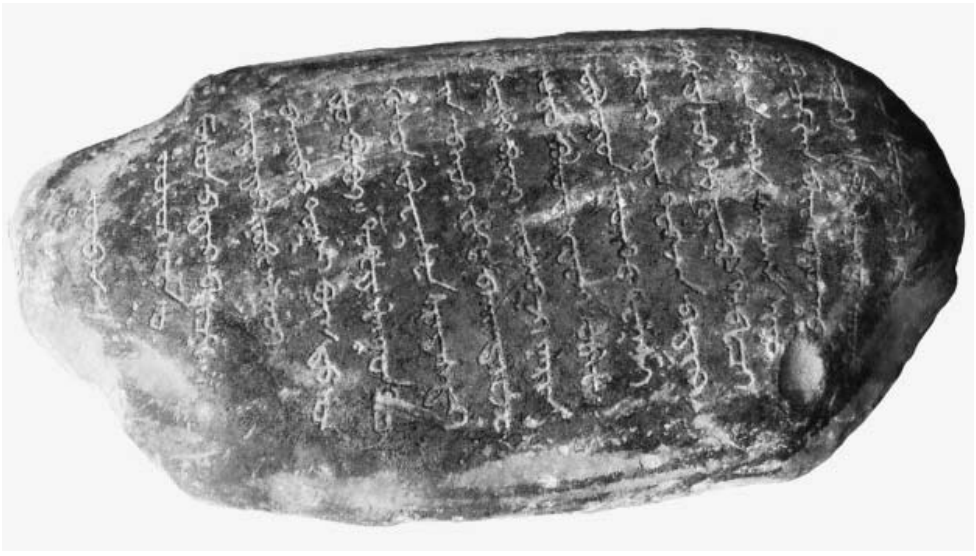


Рис. 1: *γurban: xoyor yēn ü-müsün badir barij̆i šaravasdi yeke abxui balγadtu teqši buyan du ȫ-dö bolbui: tegēd ilaγun tö-güsün ülüqsēn šaravadi yin abxui yeke balγad ēce teqši buyani idē abaci xarin ȫdö bolod: idēni üyile üyiledün: xoyitu teqši buyani idē tebčin badir ki-gēd nomtu debel talbij̆i köl yēn ukān yasaqsan sire dü zamilan beye šudurγu zalj̆i: sanal ilerkei aγoulun soubai:*

Камень, на котором выбит текст листа № 3, содержит 16 строк. Содержание текста на этом камне совпадает с текстом рукописи «A», начиная с последнего слова 13-й строки оборотной стороны 2-го листа и до конца 1-й строки оборотной стороны 3-го листа. В рукописи «B» текст начинается с 10-й строки 2-го листа, заканчиваясь до 1-й строки ее оборотной стороны вплоть до разделительного знака. В «C» — с последней строки 1-го листа и до 2-й строки 2-го листа.

Рис. 2: *zurγan: tögünčilen boluqsad bodhi sadv noγoudtu oγōto xadangγadaxaxuyin dēdü bēr kedüi činēn oγōto xadangγadaxaqsan inu: ilaγun tögüsüqsen maši γayixamšiq: sayibēr oduqsan maši γayixamšiq: ilaγun tögüsüqsen bodhi sadv nariyin külgün dü sayitur oroqsud: yamāru orošin üyiledekü: yamāru bütēn üyiledekü:*

Камень, на котором выбит текст листа № 6, содержит 11 строк, совпадающих с текстом рукописи «A», начиная с последнего слова 9-й строки 4-го листа и до 8-й строки оборотной стороны. В рукописи «B» текст начинается с 21-й строки оборотной стороны 2-го листа и до 4-й строки 3-го листа. В «C» — с середины 7-й строки 2-го листа до конца оборотной стороны этого листа.

Рис. 3: *do[lon]: yamāru se[dkil du sa]yitur to[qtōn üyi]ledkü: teyin kemēn ayiladxaq[san du bur]xan nasu tögös subudi du eyi[n kemēn zarliq] bolbui: subudi tere tö[göncilen tere] tögöncilenkü: tögöncilen boluqsad [bodhi sadv mahā] sadv noγoud tu tusalxuyin dēdü bēr tusalun: tögöncilen boloqsad bodhi sadv mahā [sadv noγoud tu] oγōto xada[ngγadaxaxuyin] dēdü bēr oγōto xada[ngγada]xabai: subudi töüni tulada čingana sedkil dü sayitur toqto:*

Камень, на котором выбит текст листа №7, содержит 15 строк. Несмотря на то, что некоторые буквы частично стерлись под воздействием времени и природных явлений, все же при сравнении его с текстами «A», «B» и «C» он легко прочитывается. Он совпадает с текстом рукописи «A», начиная с 8-й строки оборотной стороны 4-го листа и до 10-й строки 5-го листа. В рукописи «B» — это 5–19-е строки 3-го листа. В «C» — с последней строки 2-го листа и до середины 4-й строки 3-го листа.

Рис. 4: *bodhi sadv nariyin külgündü sayitur o-roqsod: yamāru orošin yamāru bütēn üyiledkü: sedkil dü yamāru sayitur toq-ton üyiledkü: bi čimadu nomlosu: ilaγun tögüsüqsen tere tögünčilenkü kemēn ayiladxād: nasu tögös subudi birxani zarliq metu čingnaxui du: ilaγun tögüsüq-sün ilüqsen burxan nasu tögös subu-di du eyin kemēn zarliq bolboi: subudi öün-du bodhi sadv nariyin külgün du sayituur*

Камень, на котором выбит текст оборотной стороны листа №6, содержит 15 строк, совпадающих с текстом рукописи «A», начиная с 11-й строки 5-го листа и до 11-й оборотной стороны листа. В рукописи «B» — это текст с 19-й строки 3-го листа и до 4-й строки оборотной стороны листа. В «C» — 4–7-е строки 3-го листа.

Рис. 5: *γučin zuryan*: *buyani coqco sedkü-ši ügei adalidaxaši ügei kemǰiši ügei üleši ügei tögüsün: amitan tere bügüdei bi Bodhi yin müru dü üürkü boluyu: te re youni tula kemēbēsü: subudi dorodu-ši tālaqčin nomiyin züyil öüni sonosun ülü čidaxu: bidu üzeqči noγoud busu: amitan du üzeqči noγoud busu: amitan du üzeqči noγoud busu: budyaliq tu üzeqči no-γoud sonosun abxui kigēd: toqton ingšixui büküni oroulun üyiledküi ülü čidaxu:*

Камень, на котором выбит текст оборотной стороны листа №36, содержит 13 строк, совпадающих с текстом рукописи «A», начиная с 10-й строки 36 листа и до 13-й строки оборотной стороны листа. В рукописи «B» границы текста — с 19-й строки 16-го листа и до 6-й строки оборотной стороны листа. В «C» — 2–6-я строки 22-го листа.

Рис. 6: *om ma ni pad me hum*

На отдельном камне квадратной формы выбита девятикратно повторяющаяся известная буддийская шестичленная молитва.

Таким образом, каменные сутры являются частью культурного наследия ойратов и одним из свидетельств исторического развития их письменности.

Литература

Möngke C. Todo üseq yer bičiqdeqsen čilaγun sudur un üldebüri // Öbör Mongγol un neyigem un šinǰelekü uxaγan sedekül. 1990. № 1. С. 37–52.

Xu Song. Xiyu shuidaoǰi. Waier zhong, Zhong guo Shiǰu Beiǰing. 2005. 324 с. (на кит. яз.).

Batujab Do. Soyol-un aburγu büitegel čilaγun sudur // Kelen ba orčiγulγa. 2007. № 3. С. 68–79.

Daoerǰi. He lie ke xian faxian tuo duo wen zang wen shike fo ǰing // Xinǰiang wenwu. Zazhi, 1989. № 1.

Batujab Do. Čilaγun sudur-un keseq čilaγunu ungšilaγa // Kelen ba orčiγulγa. 1988. №3. С. 34–46.

Song chuan ǰie. Menggu gishi fanǰing ǰian // Riben Shuxiang da yu daxue tushuguan. Bowuguan bao. 2010. № 27.

УДК 821.584.6
ББК 86.35+83.3(0)9(Монг)+83.3(0)6

КАТАЛОГ ОЙРАТСКИХ РУКОПИСЕЙ И КСИЛОГРАФОВ ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ОЧИР-ГЕНГИ (СУАР КНР)

О. Намджил

Одно из крупных хранилищ ойратских рукописей в Китае находится в архивном фонде Комитета по делам национальностей Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР КНР). Ойратская коллекция была создана во второй половине 1970-х гг. Она состоит из 382 произведений различного содержания: буддийские канонические тексты (сутры, шастры), произведения литературы популярного буддизма (джатаки, поучения, дидактические наставления и изречения, обрамленные повести и др.), астрологические, обрядовые и фольклорные тексты. Основой для ее создания послужили рукописи из частных коллекций, которые удалось сохранить от уничтожения в годы культурной революции [Basang 1984: 2].

Наиболее многочисленные коллекции рукописей были сохранены ойратами (олетами), проживающими в Или-Казахском автономном округе (АО) СУАР КНР. Одна из таких коллекций принадлежала учителю Ни. Басангу, унаследовавшему от своего отца более 50 рукописей на «ясном письме». В годы культурной революции ему пришлось хранить рукописи под полом своего дома. Впоследствии 11 письменных памятников из личной коллекции были переданы им в дар ойратскому фонду Комитета по делам национальностей [Basang 1984: 1–3]. Таких спасенных больших и малых собраний ойратских рукописей на территории Или-Казахского АО насчитывается более восьмидесяти [Šinjang 2009].

Большая коллекция рукописей принадлежала Очир-генге. Он был для своего времени высокообразованным человеком, хорошо знал тибетское и старомонгольское письмо (*худам*). Всю свою жизнь посвятил служению в буддийском храме в г. Монгол-Кюре. Одним из основных его занятий в свободное от храмовой службы время было собирание и переписывание тех текстов на «ясном письме», которых не было у него, но они имелись в личных коллекциях других хранителей старых рукописей.

Очир-генгя передал мне традицию освящения сакральных текстов, обучил технике переписывания и способу хранения рукописей. Его личная коллекция насчитывает 190 наименований письменных памятников различного содержания [Namjil 2011: 614–641]. Есть среди них и буддийские сочинения канонического содержания, образцы произведений популярного буддизма, обрядовые и фольклорные тексты. Одними из самых объемных по содержанию текстов являются два монгольских ксилографа «Nayiman mingγatu» (332 л.) и «Banzaraqči» (145 л.). Среди ойратских рукописей — «Yogačariyin erketü dēdü getülgeqči milarasabayayin namtar nirvan kigēd xamugi ayiladuqčiyin moriyigi üzüleqsen kemeqdeküi orošiboi» (219 л.); «Baγa bodhi moriyin üye orošiboi» (173 л.); «Bodi morin üye yin kötölbüri» (115 л.); «Šarayin nomiyin γarulγa merged bayasun üyiledkü kalpavarisiyin urγa kemekü yin türiüni coq orošiboi» (107 л.).

Среди канонических сочинений представлены три наиболее важных по своей функциональной значимости базовых текста — «Altan gerel» («Xutuqtu dēdü suduriyin ayimagiyin erkte xān kemēkü sudur orošiboi»), «Dorji jodba» («Xutuqtu biligiyin činadu küreqsen tasuluqči očir kemēkü sudur») и «Biligiyin zürüken» («Biliq barimid kemēkü sudur»).

Уникальной по своей форме является рукопись сборника, включающая тексты «Sayin kalbayin mingγan burxan», «Biligiyin caγān surbuγa», «Caγān tolγoi», «Eketei dangnār sudur». Размер этой рукописи 2 м ×10 см.

Среди других рукописей наибольшую ценность для исследователей представляют такие тексты, как «Arban zügiyin ēzen geser xāni tuuji orošiboi», «Üsün debiskertü xāni tuuji orošiboi», «Oyuni zula kemēkü sudur orošiboi», «Sayitur nomolxoi erdeniyin sang kemekü orošiboi», «Dorji jodob yin ači tusa yin tayilburi orošiboi», «Xašang neretei xān ni tuuji», «Ömönöki dalayin noγon dare ekeyin γasalanggiyigii ayimirilxu erdeni surγalin ünen nom», «Altan gereliyin xarangγui orošiboi», «Kiri ügei aršāni nomiyin tuuji orošiboi», «Bogdo jibzundambayin tabuduγar gegēni zarliq orošiboi» и др.

КАТАЛОГ

МОНГОЛЬСКИХ И ОЙРАТСКИХ РУКОПИСЕЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОЧИРА-ГЕНГЯ

1. **Kiyimori-yin bar.**
   Ксилографич. доска, 40 × 30.
2. **Sāyi-yin bar ba darcaq nayiraqsan sāyi.**
   Ксилограф.
3. **Batumöngkü ǰanggi-yin caq-yin kiyimori-yin bar-yin keb.**
   Деревянная матрица ксилографа, 29 × 27.
4. **Manu-yin bar.**
   Ксилограф, 8 × 6.5.
5. **Baγa kiyimori-yin bar** .
   Ксилограф, 15 × 14.
6. **Arban tabun ad adxaq-yigi tebčikü.**
   Монг. рук., 33 х 8, цветная иллюстрация.
7. **Nayiman mingγan-tu orošiboi.**
   Ойрат. рук., 332 л., 54×22.5, калам.
8. **Altan gerel.**
   Ойрат. рук., 105 л., 50×15, черная тушь, калам.
9. **Banzaraqči.**
   Монг. ксилограф, 145 л., 54×19.
10. **Yeke serüün üyen-yin sudur orošiboi.**
    Ойрат. рук., 15 л., 48×13.5, черная и красная тушь, калам.
11. **Yogačariyin erketü dēdü getülgeqči mīlarasabayayin rnamtar nirvan kigēd xamugi ayiladuqčiyin moriyigi üzüüleqsen kemeqdekü orošiboi.**
    Ойрат. рук., 219 л., 45×12.5, черная тушь, калам.
12. **Bodi morin üye-yin kötölbüri**.
    Ойрат. рук., 115 л., 47.5×14, черная тушь, калам.
13. **Dēdü amuγulungtu sokivadiyin oroni zokoliyigi ögüüleqsen kemekü orošiboi.**
    Ойрат. рук., 57 л., 12×8.5, черная тушь, калам.
14. **Üsün debiskertü xāni tuuji orošiboi.**
    Ойрат. рук., 17 л., 37×9, черная тушь, калам.
15. **Kiri ügei aršāni nomiyin tuüǰi orošiboi.**
    Ойрат. рук., 76 л., 37×11, черная тушь, калам.
16. **Oyoni zula kemekü sudur orošiboi.**
    Ойрат. рук., 17 л., 38×12.5, черная тушь, калам.
17. **Arašani zürken nayiman gešüütü niγuca ubdasayin ündüsün-ēce kesü dörbün xoyitu ündüsün kemekü orošiboi.**
    Ойрат. рук., 28 л., 48×10, черная тушь, калам.
18. **Baršiyin xamar-yin sudur orošiboi**.
    Ойрат. рук., 23 л., 46×9.5, черная тушь, калам.
19. **Oyoni zula kemekü šaštir orošiboi.**
    Ойрат. рук., 22 л., 49×8.6, черная тушь, калам.
20. **Sayitur nommolxoi erdeniyin sang kemekü šaštar.**
    Ойрат. рук., 34 л., 34×8, черная тушь, калам.
21. **Šaǰin-du oroqsan öüden itegel-yin kötölbüri-yin sedelkigi sai xubitai erel xangγāǰi kemekü sudur orošiboi.**
    Ойрат. рук., 34 л., 34.5×10, черная тушь, калам.
22. **Surulγa yeke kam rijabs sdeng ma kemekü orošiboi.**
    Ойрат. рук., 8 л., 58×11.5, черная тушь, калам.
23. **Ґurban sanvariyin teyin talbil orošiboi.**
    Ойрат. рук., 106 л., 59×10, черная тушь, калам.
24. **Baγa bodhi moriyin üye orošiboi.**
    Ойрат. рук., 173 л., 60×11, черная тушь, калам.
25. **Šarayin nomiyin γarulγa merged bayasun oyiledkü kalbavarasiyin urγa kemekü-yin türiüni coq orošiboi.**
    Ойрат. рук., 107 л., 56×11.5, черная тушь, калам.
26. **Dorǰi ǰodob-yin ači tusa-yin tayilburi orošiboi.**
    Ойрат. рук., 18 л., 36×11.5, черная тушь, калам.
27. **Aršan zürkün nayiman niγuca-yin obdosin-ēce xoyor-duγar keseq nomiyin ündüsün kemekü orošiboi.**
    Ойрат. рук., 45 л., 39×8.5, черная тушь, калам.
28. **Medeqdekün törbil ügei orošiboi.**
    Монг. ксилограф, 7 л., 36×8.5,
29. **Bodisadava-yin üyile namčilxu orošiboi.**
    Монг. ксилограф, 4 л., 36×8.5.
30. **Carān avadana-yin yöröl orošiboi.**
    Монг. ксилограф, 7 л.,36×8.5.
31. **Ēd debel isigikü ödör sudur kemēkü sudur orošiboi.**
    Ойрат. рук., 15 л., 28×10, черная тушь, калам.
32. **Nayiman gešüüd niγuuca ubdas.**
    Рук. тиб. и ойрат. текст, 28 л., 35×9.5, черная тушь, калам.
33. **Pō tataxu sudur orošiboi.**
    Рук. тиб. и ойрат. текст, 9 л., 22.5×7, черная тушь, калам.

34. **Eng uridin-yin tuuǰi orošiboi. Angxa urudin-yin tuuǰi orošiboi.**
Ойрат. рук., 17 л., 12×9, черная тушь, калам.
35. **Xara kitid-yin möčilγa.**
Рук. тиб. и ойрат. текст, 16 л.,1 7×10, черная тушь, калам.
36. **Arban zarliq orošiboi. Yömiyin ači orošiboi.**
Ойрат. рук., 11 листов, скрепленных кожаным ремешком, 11×9, черная тушь, калам.
37. **Xašang neretei xān ni tuuǰi.**
Ойрат. рук., 15 листов, скрепленных кожаным ремешком, 17×11, черная тушь, калам.
38. **Sayin γalab-yin mingγan burxan ni tamγa.**
Ойрат. рук., 19 листов, скрепленных кожаным ремешком, 11×9, черная тушь, калам.
39. **Dēdü xuramustan oqtorγoyin zarliq nom orošiboi.**
Ойрат. рук., 13 листов, скрепленных кожаным ремешком, 34×19.5, черная тушь, калам.
40. **Xutuqtu biligin činadü kürüqsen tasuluqči očir kemēkü yeke külgün sudur orošiboi.**
Ойрат. рук., 30 л., 56×11, черная тушь, калам.
41. **Sonosōd toniluqči zuürdüyin sudur orošiboi.**
Ойрат. рук., 19 л., 35×10, черная тушь, калам.
42. **Ömönöki dalayin noγon dare ekeyin γasalanggiyigii ayimirilxu erdeni surγalin ünen nom**.
Ойрат. рук., 16 листов, скрепленных кожаным ремешком, 18×11, черная тушь, калам.
43. **Bogdo jibzundambayin tabuduγar gegēni zarliq orošiboi.**
Ойрат. рук., 8 л., 23×9, черная тушь, калам.
44. **Čingges xān boqda gegēn yeke erdeni bančin boqda-yin zariligi mongγol ulusiyigi medetügei geǰi tarxaba.**
Ойрат. рук., 9 л., 27×9, черная тушь, калам.
45. **Dēdü bančin boqdoyin zarliq orošiboi.**
Ойрат. рук., 3 л., 10×8, черная тушь, калам.
46. **Milai burxan ni zarliq.**
Ойрат. рук., 5 л., 23×9.5, черная тушь, калам.
47. **Burxani zarliq yeke bogdo-yi baraqdoxu γalbayin ünen nom.**
Ойрат. рук., 10 л., 24×9.5, черная тушь, калам.
48. **Dēdü xurmusatan oqtorγoyin zarliq nom orošiboi.**
Ойрат. рук., 20 л., 22×8.5, черная тушь, калам.
49. **Erdeni bančin dalai lama-yin zarliq orošiboi.**
Ойрат. рук., 7 л., 24×8, черная тушь, калам.
50. **Dēdü tenggeriyin yeke xiüi xuuvang ni yertümčüdü uxalaxu zarliq**.
Ойрат. рук., 8 л., 13.5×9, черная тушь, калам.
51. **Geser boqdoyin uuxuluqsun zarliq orošiboi**.
Ойрат. рук., 11 л., 13.5×9, черная тушь, калам.
52. **Bembe xotoqtoyin zarliq orošiboi**.
Ойрат. рук., 6 листов, скрепленных кожаным ремешком, 11×8, черная тушь, калам.
53. **Altan örgültü coxobči**.
Ойрат. рук., 9 л., 10×9, черная тушь, калам.
54. **Tenggeri-ēce bulγuqsan zarliq orošiboi**.
Ойрат. рук., 11 л., 11×9, черная тушь, калам.
55. **Tenggeri-ēce bulγuqsan namyaqgiyin zarliq orošiboi**.
Ойрат. рук., 11 листов, скрепленных кожаным ремешком, 11×9, черная тушь, калам.
56. **Ömnöki dalayin noγon dare ēkeyin γasalanggiyigi ami arilxu erdeni surγaliyin ünen nom**.
Ойрат. рук., 7 листов, скрепленных кожаным ремешком, 11×8, черная тушь, калам.
57. **Caγān šuukurtu**.
Ойрат. рук., 15 л., 11×9, черная тушь, калам.
58. **Xara šuukurtu**.
Ойрат. рук., 14 л., 11×9, черная тушь, калам.
59. **Xara sanātuni möčilgeni xarilγa kemēkü toqtol orošiboi**.
Ойрат. рук., 14 л., 26.5×10.5, черная тушь, калам.
60. **Xutuqtu xara ama kelen ni amurliulun üyiledüqči sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 9 листов, скрепленных кожаным ремешком, 11×9, черная тушь, калам.
61. **Xutuqtu darē ekiyin xorin nigen maqtal kemekü orošiboi**.
Ойрат. рук., 11 л., 22×9, черная тушь, калам.
62. **Bazar bhadārānā-yin sudur**.
Ойрат. рук., 11 л., 22.5×9, черная тушь, калам.
63. **Xutuqtu biligiyin činadu kürüqsen tasuluqči očir kemekü yeke kölgüni sudur orošiboi**.
Ойрат. ксилограф, 30 л., 36.5×11.5.
64. **Xara sidhiyin toqtol kemekü orošiboi**.
Ойрат. рук., 14 л., 11×8.5, черная тушь, калам.
65. **Burxan baqši-yin surγula orošiboi**.
Ойрат. рук., 2 л., 22.5×7.5, черная тушь, калам.
66. **Caγān šuukurtu-yin xurangγu**.
Ойрат. рук., 4 л., 10×9, черная тушь, калам.
67. **Šaqjimoni biliyan caγān suburγai orošiboi**.
Ойрат. рук., 10 л., 11×8.5, черная тушь, калам.
68. **Xutuqtu sayin yabudal-yin iröl-yin xan orošiboi**.
Рук. тиб. и ойрат. текст, 26 л., 26.5×9.5, черная тушь, калам.

69. **Blama-yin takil-yin zang oroшiboi**.
Рук. тиб. и ойрат. текст, 35 л., 27×9.5, черная тушь, калам.
70. **Burxan baqši-yin zokiqsan angxan ni sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 3 л., 23×9, черная тушь, калам.
71. **Bodo morin-yin üüdayin-yigi nēqči kemekü sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 4 л., 27×9.5, черная тушь, калам.
72. **Xalaq xoxoi kemekü sudur**.
Ойрат. рук., 3 л., 27×9.5, черная тушь, калам.
73. **Coqtu itigel aralzuna zokiqsun ülamǰi yöröl oroшiboi**.
Монг. рук., 4 л., 27×9.5, черная тушь, калам.
74. **Dāre eke-yin dayidxal oroшiboi**.
Ойрат. рук., 3 л., 27×9.5, черная тушь, калам.
75. **Ene yertümči-ēce činadu yertemči-yin sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 38 л., 22.5×9, черная тушь, калам.
76. **Altan sabuu üzülkü sudur**.
Ойрат. рук., 38 л., 22.5×8.5, черная тушь, калам.
77. **Üüzülgeni bičiq sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 10 л., 22.5×8.5, черная тушь, калам.
78. **Nögüčüqsün kümüni gariq-yēr üzülgeyeni bičiq sudur**.
Ойрат. рук., 3 л., 23.5×8.5, черная тушь, калам.
79. **Xutuqtu mañzuširi xomšim bodhi sadv niγuuciyin ezen γartan očirtu sudur oroшiboi**. **Üzülgeyini sudur**.
Ойрат. рук., 10 л., 22.5×9, черная тушь, калам.
80. **Kümüni ǰiliyin üzülgeyini sudur**.
Ойрат. рук., 10 л., 27×9.5, черная тушь, калам.
81. **Yesün üyile-yin tölgeni sudur**. **Udusun tölge**.
Ойрат. рук., 10 л., 23×9.5, черная тушь, калам.
82. **Dāre eke-yin tarni-yēr tölge üzükü sudur**. **Arban züyil-yin udusun tölge**.
Ойрат. рук., 4 л., 22.5×8.5, черная тушь, калам.
83. **Dēdü nom caγān badmiyin zürken oroшiboi**.
Ойрат. рук., 4 л., 23×7.5, черная тушь, калам.
84. **Coqtu zandun sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 14 л., 23.5×9.5, черная тушь, калам.
85. **Tabun daginiyin caq-yēr zayāni üzülgüyiyani sudur**.
Ойрат. рук., 3 л., 22.5×9, черная тушь, калам.
86. **Lusuyin sang oroшiboi**.
Ойрат. рук., 3 л., 25×9, черная тушь, калам.
87. **Γazar usuni sang oroшiboi**.
Ойрат. рук., 6 л., 23.5×8.5, черная тушь, калам.
88. **Dalulγa duduxu sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 4 л., 21×9, черная тушь, калам.
89. **Arban önggü-bēr zayani menggei üzükü üzülgiyani sudur.**
Ойрат. рук., 11 л., 26.5×10.5, черная тушь, калам.
90. **Caqlaši ügei nasutuyin sudur oroшibai**.
Ойрат. рук., 11 л., 26.5×10.5, черная тушь, калам.
91. **Xutuqtu oqturγui γazariyin nayiman gegēn kemekü yeke kölgüni sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 18 л., 21×9, черная тушь, калам.
92. **Xutuqtu oqturγui γazariyin nayiman gegēn kemekü yeke kölgüni sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 14 л., 35.5×11, черная тушь, калам.
93. **Xutuqtu ölzei dabxurlaqsan kemekü yeke külgüni sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 10 л., 26.5×10.5, черная тушь, калам.
94. **Xutuqtu ölzei dabxurliqsan kemekü yeke külgüni sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 9 л., 35.5×11, черная тушь, калам.
95. **Mañzuuširi burxan ni zuliyin temdeq belge oroшiboi**.
Ойрат. рук., 3 л., 23×9, черная тушь, калам.
96. **Tarani-yin obdosu oroшiboi**.
Ойрат. рук., 5 л., 22.5×9.5, черная тушь, калам.
97. **Xutuqtu xara ama kele xaruuluqči xara siddiyin oroшiboi**.
Ойрат. рук., 9 л., 22.5×8.5, черная тушь, калам.
98. **Xutuqtu xara ama kele xaruuluqči xara siddiyin oroшiboi**.
Ойрат. рук., 13 л., 11×9, черная тушь, калам.
99. **Neng yeke caγān köqšin xurmustan tenggeri nayiman ayimaq takixu sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 23 листа, скрепленных кожаным ремешком, 17.5×9, черная тушь, калам.
100. **Rašiyin ni zürken nayiman gēšiütü nuuca obdisiyin ündüsün-ēce karaqyin ada öbčiyigi zasaxu sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 8 л., 22.5×9, черная тушь, калам.
101. **Sünesü duduxu sudur oroшiboi**.
Ойрат. рук., 4 л., 26×9, черная тушь, калам.
102. **Muu züüdeni xarilγuši oroшiboi**.
Ойрат. рук., 4 л., 25×9.5, черная тушь, калам.
103. **Obdos oroшiboi**.
Ойрат. рук., 19 л.,11×8.5, черная тушь, калам.

104. **Dörbün maxaranzan tergüüten olon tengerener iriǰi sakin ibēkü yosun orošiboi**.
Ойрат. рук., 2 л., 22.5×8, черная тушь, калам.
105. **Ali tamiyin zobulang arilxu sudur**.
Ойрат. рук., 2 л., 22.5×8, черная тушь, калам.
106. **Yeke nigüülisiküyin sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 8 л., 11×9, черная тушь, калам.
107. **Erkēr tölge üzükü sudur**.
Ойрат. рук., 2 л., 22.5×9, черная тушь, калам.
108. **Ґal takixui yoson kemekü sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 14 л., 25.5×10, черная тушь, калам.
109. **Xutuqtu kanču naqpu sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 5 л., 27×10, черная тушь, калам.
110. **Sayin galbayin mingγan burxan: Biligiyin caγān surbuγa. Caγān tolγoi: Eketei dangnār sudur**.
Ойрат. рук., 39 л., 2 м.×10 см., черная тушь, калам.
111. **Cacul-yin sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 8 л., 11.5×9, черная тушь, калам.
112. **Sayin kilbiyin (γalbiyin) mingγan burxan tamγa orošiboi**.
Ойрат. рук., 8 листов, скрепленных кожаным ремешком, 10.5×8.5, черная тушь, калам.
113. **Sayin kalbayin mingγan burxan tamγa orošiboi**.
Ойрат. рук., 10 листов, скрепленных кожаным ремешком, 10×8, черная тушь, калам.
114. **Araya balai süzüq orošiboi**.
Ойрат. рук., 14 л., 11×8, черная тушь, калам.
115. **Xutuqtu xara ama keleni xariulγan basa kilince nüül tüyidkür arilxu sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 8 л., 14×9, черная тушь, калам.
116. **Šulmusiyin arban xoyor yeke xara ödör-yin üzülgiyin sudur**.
Ойрат. рук., 8 л., 14×9, черная тушь, калам.
117. **Biliq barimadiyin sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 5 л., 22.5×9, черная тушь, калам.
118. **Xutuqtu xara ama kele amurlilun üyiledüqči sudur buyu xara ama kele yigi uqtulxui sudur**.
Ойрат. рук., 6 л., 23×9, черная тушь, калам.
119. **Obdus udaxa sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 9 л., 20.5×8.5, черная тушь, калам.
120. **Itigil nertu sudur nom orošiboi**.
Ойрат. рук., 4 листа, скрепленных кожаным ремешком, 22×9, черная тушь, калам.
121. **Orodiyin ezen caγān öbügeni sang orošiboi**.
Ойрат. рук., 6 л., 21×9, черная тушь, калам.
122. **Boqdo bančin erdeni dalai lama rarang nomiyin xān nariyin zarliq orošiboi**.
Ойрат. рук., 10 л., 20.5×7, черная тушь, калам.
123. **Taraniyin xurangγui altan čimiq orošiboi**.
Ойрат. рук., 4 л., 20.5×9, черная тушь, калам.
124. **Taraniyin xurangγui altan čimiq orošiboi**.
Ойрат. рук., 5 л., 17×10, черная тушь, калам.
125. **Ariun sang giyin sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 8 л., 21×9, черная тушь, калам.
126. **Mal seter seterilekü sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 3 л., 25×9, черная тушь, калам.
127. **Bančin gēgen egelin gümbüm kīdayan ezen sang sā sang dari kunda biden γurbun zöbšiyin nomuloqsan zarliq orošiboi**.
Ойрат. рук., 15 л., 26×11, черная тушь, калам.
128. **Vaginiyin caq vaginiyin ödör buyu 30 ödör yoro üzükü sudur**.
Рук. тиб. и ойрат. текст, 3 л., 20×7.5, черная тушь, калам.
129. **Yirin tabun tarini buyu nayan γurbun sayiq tabin züyil buyital orošiboi**.
Ойрат. рук., 13 л., 21.5×7.5, черная тушь, калам.
130. **Yeren dörbün tarani buyu nayan sayiq olon buyital yin tarani orošiboi**.
Ойрат. рук., 30 л., 10.5×7.5, черная тушь, калам.
131. **Xutuqtu lama sang dung mayin arbun γurbun yeke sang orošiboi**.
Ойрат. рук., 21 л., 25×10, черная тушь, калам.
132. **Omoq coqtu nayiman ayimaqtu altan umdān örgükü sudur orošiboi**.
Ойрат. рук., 9 л., 27×9, черная тушь, калам.
133. **Buyan kišiq yin dalalγa abxu nom orošiboi**.
Ойрат. рук., 15 л., 27×9, черная тушь, калам.
134. **Altan gereliyin xarangγui orošiboi**.
Ойрат. рук., 4 л., 25×9.5, черная тушь, калам.
135. **Xutuqtu ariun sang orošiboi**.
Ойрат. рук., 5 л., 22.5×9.5, черная тушь, калам.
136. **Xamuq gem bügedeyigi arilγaqči lama sang orošiboi**.
Ойрат. рук., 4 л., 22.5×9.5, черная тушь, калам.

137. **Ecege ekeyin ači tusa oroširoi**.
Ойрат. рук., 3 л., 20×9, черная тушь, калам.
138. **Küür γarγuxu üzülkü oroširoi**.
Ойрат. рук., 3 л., 12.5×9.5, черная тушь, калам.
139. **Dēdü moriyin üüde nēkü sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 5 л., 22×9, черная тушь, калам.
140. **Arbuyin burxani sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 3 л., 22×9, черная тушь, калам.
141. **Xutuqtu očir bāviyin sang oroširoi**.
Ойрат. рук., 3 листа, скрепленных кожаным ремешком, 20×7.5, черная тушь, калам.
142. **Sanalγayini xurangγui lama yogayin sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 5 л., 24×8.5, черная тушь, калам.
143. **Arban xoyor jiliyin nasuni nom oroširoi**.
Ойрат. рук., 4 л., 22×8.5, черная тушь, калам.
144. **Ā ba rā čidā toqtol kemekü oroširoi**: **Dēdü altan gereliyin xurangγui oroširoi**. **Očir paviyin sang oroširoi**: **Xutuqtu šara zambulayin sang oroširoi**: **Xutuqtu naγunzuyin zokoqsun sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 18 л., 22.5×8, черная тушь, калам.
145. **Γal takilγan yin dalalγain oroširoi**.
Ойрат. рук., 4 л., 23×8, черная тушь, калам.
146. **Tabin nayiman yin buu yin köröq sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 33 листа, скрепленных кожаным ремешком, 10×7, черная тушь, калам.
147. **Altan gerel yin kišiq xud abuqči kemekü yeke kölgüni sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 17 л., 37.5×13, черная тушь, калам.
148. **Xutuqtu yeke toniluqsini coqtu delgerüülüqči kemekü yeke külgüni sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 77 л., 42×18, черная тушь, калам.
149. **Sümüsün oroširxu ödör yin üzülgei**.
Ойрат. рук., 6 л., 22.5×9, черная тушь, калам.
150. **Naqčuna baqši dayan dür suuxu caqtu sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 42 л., 21.5×8, черная тушь, калам.
151. **Γaliyin tabun takil oroširoi**.
Ойрат. рук., 4 л., 23.5×8.5, черная тушь, калам.
152. **Xara lušiyin xān ni tölge sudur**.
Ойрат. рук., 27 л., 19×9, черная тушь, калам.
153. **Yesün zos ni tölge sudur**.
Ойрат. рук., 7 л., 19×9, черная тушь, калам.
154. **Yertüncüyin toli kemekü šaštir oroširoi**.
Ойрат. рук., 17 л., 42×11, черная тушь, калам.
155. **Zurγan züülin eke boluqsan Baγaman xatuni tuuji oroširoi**.
Ойрат. рук., 23 л., 22×9, черная тушь, калам.
156. **Surγaliyin baqši badama sambivayin zokōn arikiyin uq γarulγa sayitur ilγuqsan sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 10 л., 36×11, черная тушь, калам.
157. **Arban zügiyin ēzen geser xāni tuuji oroširoi**.
Ойрат. рук., 50 л., 31.5×11, черная тушь, калам.
158. **Geser boqdōn tuuji bölöq tögüsübei**.
Ойрат. рук., 30 л., 37×11.5, черная тушь, калам.
159. **Geser boqdoyin sang oroširoi**.
Ойрат. рук., 8 л., 15×8, черная тушь, калам.
160. **Itigel neretü sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 8 л., 21.5×8, черная тушь, калам.
161. **Daluyin tölge sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 6 л., 21.5×8, черная тушь, калам.
162. **Süüriyin nayiman külüliyin üzülge sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 7 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
163. **Banzaraqči yin xurangγui oroširoi**.
Ойрат. рук., 4 л., 24.5×9.5, черная тушь, калам.
164. **Adayigi tanixu toqtol sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 7 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
165. **Ezen sang sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 3 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
166. **Ezen süldiyin sang oroširoi**.
Ойрат. рук., 3 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
167. **Cakilγan ni sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 2 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
168. **Dolon gariq yin sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 3 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
169. **Nayiman okin tenggeriyin üzülge oroširoi**.
Ойрат. рук., 5 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
170. **Arban γurbun toqtoliyin sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 3 л., 16×8.5, черная тушь, ка-

лам.

171. **Biyigi uγaxu sara ödör yin üzülge oroširoi**.
Ойрат. рук., 2 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
172. **Xobuša šara yin sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 3 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
173. **Siddiyin doqbu oroširoi**.
Ойрат. рук., 2 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
174. **Bodhi sadv mahā sadv γazariyin zürikin ilγun tögüsün ülüqsen du ayiladxaqsan sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 4 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
175. **Bodhi sadv yin unan namčilxu kemekü sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 7 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
176. **Yaman daγayin zürkün oroširoi**.
Ойрат. рук., 2 л., 16×8.5, черная тушь, калам.
177. **Kikii mörin kiskikü ödör yin üzülkü sudur**.
Ойрат. рук., 2 л., 22.5×9, черная тушь, калам.
178. **Erdenit xayircaq sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 13 л., 33.5×10, черная тушь, калам.
179. **Mani gdara xān köböün manuahri okin tenggeriyin tuuji oroširoi**.
Ойрат. рук., 27 л., 35×10, черная тушь, калам.
180. **Menggeyēr todolxu üzülgei oroširoi**.
Ойрат. рук., 8 л., 22.5×9, черная тушь, калам.
181. **Itigel mazuširi oroširoi**.
Ойрат. рук., 8 л., 23×8, черная тушь, калам.
182. **Zeliyin sang oroširoi**.
Ойрат. рук., 5 л., 23×10, черная тушь, калам.
183. **Zayan ni tabun tenggeriyin sang sudur oroširoi**.
Монг. рук., 4 л., 19×9, черная тушь, калам.
184. **Šambalan yöröl oroširoi**.
Ойрат. рук., 4 л., 19×9, черная тушь, калам.
185. **Badam sididhi doqbu sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 4 л., 19×9, черная тушь, калам.
186. **Xutuqtu dēdü modoni čimeq sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 4 л., 26×9, черная тушь, калам.
187. **Xutuqtu dēdü modoni čimeq sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 4 листа, скрепленных кожаным ремешком, 17×10, черная тушь, калам.
188. **Dayani xān ni sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 3 л., 21×8.5, черная тушь, калам.
189. **Γal takixu sudur oroširoi**.
Ойрат. рук., 7 л., 21×8.5, черная тушь, калам.
190. **Itegel.**
Ойрат. ксилограф, 22×8.

Каталог рукописей из личного фонда Очир-генги поможет ученым расширить поле исследования письменного наследия ойратов, а любителям старинных рукописей на «ясном письме» даст стимул к собиранию, хранению и копированию текстов.

Литература

Ni. Basang ba tüündü bayiqsan xuučini nommud // Xan Tengger. № 2. 1984. С. 2 (на ойрат. письме).

Ni. Basang ba tüündü bayiqsan xuučini nommud // Xan Tengger. № 2. 1984: С. 1–3 (на ойрат. письме).

Šinjang un ili yin xasaq ündüsütenü öberdeken zasaxu šiu yani ögeled mongγolčuud un xadaγalaču bayixu mongγol xaγučin nom bičiq un γarčiq. 2009. 209 с. (на монг. яз.).

Namjil O. Mini xadaγalaqsan surbulji bičiq yin tanilcuulγa // Šinjiyang giyin ölödčuud yin zang üyile. Šinjiyang giyin šinjilekü uxān texnik mergejil yin keblel yin xorō, 2011. С. 614–641(на ойрат. письме).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 314+81'37+821.584.6+78
ББК 60.7+81.03+83.3(0)9(5Мон)+83.3(0)6+86.35+85.31

О НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН КНР

(хроника и предварительные результаты)*

Н. Г. Очирова

При поддержке РГНФ с 26 июля по 13 августа 2012 г. состоялась экспедиция по проекту «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР». Весной 2012 г. было проведено согласование программы и районов работ по указанной теме с коллегами из педагогического института г. Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района (далее — СУАР) Китая. В ходе уточнения программы и маршрута экспедиции, консультаций с учеными Б. Менкя, Б. Батбаяр был обсужден широкий круг научных и научно-организационных вопросов, связанных с проведением предстоящих полевых исследований. Наряду с этой работой, участники экспедиции изучали литературу по истории и современному состоянию ойратов Синьцзяна, составляли специальные вопросники. В этой связи был интересен опыт лингвистической экспедиции по изучению языков монгольских народностей Китая, предпринятой известным монголоведом Б. Х. Тодаевой в 1954–1957 гг. в КНР. Ее труды были хорошо известны участникам экспедиции, а вот дневниковые записи ученого, готовящиеся к изданию Институтом, позволили глубже вникнуть в суть проблемы и послужили своего рода методическим пособием для подготовки и проведения экспедиции. Кроме того, ценными были и советы Буляш Хойчиевны, хотя со времени ее путешествия в СУАР прошло почти 60 лет и многое в КНР изменилось.

Определив основную цель международной экспедиции как изучение с привлечением современных технологий состояния языка и диалектных особенностей, этнографии и этнической идентификации, демографии и социально-экономического положения, историко-культурного наследия ойратов Синьцзяна, главное внимание мы уделили исследованию наиболее близких калмыкам в этногенетическом отношении торгутов, хошутов, а также олетов/элютов (этнических преемников джунгар).

Следует отметить, что большинство современных ойрат-монголов СУАР КНР являются потомками откочевавших из Российской империи калмыков (1771 г.). Они проживают главным образом в Баянгол-Монгольском (далее — БГМАО), Или-Казахском (далее — ИКАО), а также в Бортала-Монгольском (БТМАО) автономных округах. С учетом этого и был составлен маршрут экспедиции: г. Урумчи — г. Корло — уезд Боху (Бост-Нур) — уезд Хошут – Баянбулаг — уезд Монгол-Кюря — г. Текес – г. Инин — уезд Цзинхэ (Жиң) — г. Урумчи.

Члены экспедиции 26 июля 2012 г. выехали из г. Элисты в Москву. В состав экспедиции входили 5 человек: руководитель, канд. полит. наук, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН Н. Г. Очирова, канд. филол. наук, доцент, зав. отделом языкознания Э. У. Омакаева, ученый секретарь Института, канд. филол. наук Е. В. Бембеев, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела языкознания Б. Х. Борлыкова, младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Б. В. Меняев. До этого все они побывали дважды в экспедициях в Западной Монголии, поэтому имели определенный опыт. 27 июля члены экспе-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-18021е «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР».

Участники Международной научной экспедиции

диции вылетели из Москвы в г. Урумчи — столицу СУАР КНР. В аэропорту г. Урумчи нас тепло встретили собратья-ойраты, после размещения в гостинице мы с коллегами из Синьцзянского педагогического института — Б. Менкя (уроженец БГМАО, хошут), А. Ланца, Ч. Эрнця (уроженец БГМАО, ик цаатн) — обсудили организационные вопросы, уточнили маршрут и программу экспедиции, определили состав участников с китайской стороны. Следует отметить, что в Китае ойратов СУАР называют «монголами». Но в российской историографии они именуются «ойратами Синьцзяна». В своих исследованиях мы решили придерживаться этого термина.

Мы сознательно сделали упор на проведение мобильного полевого исследования, когда одним или двумя интервьюерами в населенном пункте опрашивалось до двадцати респондентов. Среди опрошенных каждым интервьюером должны присутствовать как мужчины, так и женщины для гендерной репрезентативности. Было важно, чтобы среди респондентов присутствовало относительно равное количество представителей каждого субэтноса.

С последним условием тесно были связаны критерии выбора населенных пунктов, в которых планировалось обследование. Кроме очевидной необходимости принадлежности этих сел, поселков, городов к определенному округу, должны были быть представлены поселения не только с торгутским населением, но и такие, в которых проживает смешанное население. Вместе с тем мы полагали необходимым представить населенные пункты различных типов. Репрезентативность должна была быть обеспечена и широкой географией охваченных населенных пунктов в пределах региона.

29 июля состоялся круглый стол по теме экспедиционного проекта с участием некоторых информантов: это генерал армии Ба. Идамджав (уроженец уезда Хубуксар, торгут), известный ученый-джангаровед Т. Джамцо (уроженец уезда Хар-Усун, торгут), знаток ойратского фольклора, учитель Нором, писатель, переводчик и журналист Узмя, главный редактор газеты «Шинҗәңгин өдрин сонын» («Дневные новости») Бальджа (уроженец г. Бортала, чахар) и корреспондент Олонбайр (уроженец уезда Хубуксар, торгут), заместитель главного редактора журнала «Өрин Цолмн» Зоригтя, заведующий Архивом ойрат-монгольских рукописей Галдан. В ходе обсуждения участниками экспедиции осуществлялись аудио- и видеозапись, фотосъемка.

Участниками круглого стола были рассмотрены вопросы, связанные с перспективами реализации совместных научных проектов, в том числе по написанию монографии по проблемам современной языковой и демографической ситуации в местах проживания ойратов в СУАР КНР, составлению тематического словаря языка ойратов Синьцзяна, словаря «темных мест» героического эпоса «Джангар», сбору и публикации всех текстов песен национальных версий эпоса «Джангар» на «тодо бичг», «худам бичг», современном монгольском и калмыцком письме.

Большой интерес вызвало обсуждение проблем языка и письменности ойратов Синьцзяна в соотношении с калмыцким языком и письмом, что связано, прежде всего, с той важной ролью, которую играют язык и письменность в любом государстве. Было подчеркнуто, что «изучать язык сегодня изолированно, вне современного исторического, общественно-политического, социокультурного контекста, как это было всего несколько десятилетий назад, сегодня уже не представляется возможным. Следовательно, на первый план выдвигается задача совершенствования имеющегося исследовательского инструментария, в том числе социолингвистического, расширения эвристических возможностей традиционных научных подходов и внедрения новых, более адекватных современным реалиям. Последнее представляется нам особенно важным» [Омакаева 2012а: 121]. Будучи вовлеченными в орбиту иного языкового мира, почти все ойраты СУАР КНР не только владеют китайским, но и являются двуязычными (билингвами) и трехъязычными, что и было продемонстрировано нашими информантами в ходе встречи. Из 15 информантов ойратского происхождения 10 человек оказались представителями самого крупного субэтноса (торгутами), 3 человека — хошутами и 2 человека — олетами. Отметим, что их речь сохранила свои диалектные особенности в относительно чистом виде.

Ойраты Китая продолжают использовать свою национальную письменность «ясное письмо», на которой выходят несколько газет и журналов («Шинҗәңгин өдрин соньн», «Өрин Цолмн» и др.), о которых нам рассказали их главные редакторы Бальджа и Зоригтя. Информанты отметили, что на ойратском языке ведутся радио- и телепередачи.

В ходе встречи с информантами собраны последние сведения по составу и численности народонаселения изучаемого региона, данные о модернизационных процессах, происходящих в современном китайском обществе, и их влиянии на жизнедеятельность ойратов. Респонденты отметили, что демографическая политика в СУАР имеет свои особенности, а процессы трансформации касаются всех сфер жизни. Так, существующий официальный запрет на второго ребенка распространяется только на семейные пары, живущие в городе, то есть на 36 % населения Китая. Сельские семьи имеют право родить второго ребенка, если первый младенец — девочка. Представители же нацменьшинств — примерно 8 % населения Китая — могут иметь двух детей на семью в городе и трехчетырех в сельской местности. У большинства наших респондентов, проживающих в г. Урумчи, по двое детей. Как следствие проводимой политики в Китае наблюдается сегодня некоторый демографический перекос: на 100 женщин приходится 120–130 мужчин. Все это говорит о необходимости специальных научных исследований и о формировании на этой основе соответствующих практических рекомендаций[1].

30 июля члены экспедиции вылетели в г. Корла — столицу БМАО. В этот же день состоялась встреча с информантами г. Корла: Эренцен Бадмараа, Дайн Дода, Дорджин Найда, Ангайин Амджилта, Арвдан Ара, Лиджи-Аран Серджилдя, Боран Баатр. Были записаны интересные сведения по истории, языку, фольклору синьцзянских ойратов, а также об обычаях и обрядах. С руководством округа был уточнен план экспедиции по выезду в «поле» (в места компактного проживания ойратов данного региона).

31 июля 2012 г. экспедиция выехала в населенный пункт Бост-Нур, в котором проживают хошуты. Члены экспедиции встретились со знатоками устного народного творчества, с фольклорным коллективом, руководителем которого является Батнасн. Были сделаны аудио- и видеозаписи выступления фольклорного ансамбля, участниками которого являются Санджираа, Хаалга, Намца, Байр, Санджаа, Алтан, Мидгя. В тот же день мы посетили местный буддийский монастырь. Служитель монастыря «Бост-Нурин сюмэ» показал нам уникальные старинные предметы: серебряный

[1] О демографической ситуации см. подробнее: [Очирова, Бембеев 2012].

Реликвии, вывезенные калмыками из России в 1771 г.
и хранящиеся в монастыре «Бост-Нурин сюмэ»

Встреча с Зунгру-ламой

чайничек монахов (XIX в.), мирд бурхн, четки, которые, по преданию, были вывезены предками с берегов Волги во время ухода с наместником Калмыцкого ханства Убаши. Нам разрешили сфотографировать эти священные для калмыков реликвии. При монастыре «Бост-Нурин сюмэ» находится прекрасный музей, в котором представлены экспонаты материальной и духовной культуры ойратов.

1 августа 2012 г. экспедиционная группа выехала из Бост-Нура в Хошут. От жителей, сопровождавших нашу группу, были записаны предания о местности, исторических личностях, собрана информация о демографической ситуации данного населенного пункта. В районе Хошута члены экспедиции побывали в старинном монастыре, построенном в XIX в. Преклонного возраста настоятель монастыря Зунгру-лама встретился и побеседовал с нами, узнав о цели нашей поездки, выразил радость, а на прощание передал КИГИ РАН статуэтку Будды и благословил участников экспедиции. В Хошуте мы посетили населенный пункт Ользята тосхн, организованный в 2009 г. специально для переселения ойратов, которые занимаются кочевым скотоводством. Как сообщили нам жители этого населенного пункта (Менкядельгир, Батнасун), кроме разведения скота, каждый из жителей владеет земельным наделом, на котором выращиваются хлопок и виноград.

В этот вечер состоялась встреча со старейшинами — знатоками устного народного творчества: джангарчи Лиру, йорялчи Чагдыр, Мидыг, товшурчи Шока багши, биичи Цэрэнджаб, дуучи Гаара, Лидыг. Рукодельница, мастер по реконструкции традиционной ойратской одежды Узмя рассказала об особенностях национальных костюмов.

2 августа 2012 г. участники экспедиции выехали в местность Баянбулаг БГМАО. Маршрут пролегал через местности Балганта (название дерева — балган), Харашар, перевал Цаган-Нуурин дава, Зултус (Юлдуз, в 1771 г. в этих местах были расселены рода хошутов), Хяядгин гол, Адун кюрюнг дава, Кунгес (Кюнгес гол), перевал Хонгалын дава. В местности Баянбулаг были записаны песни, благопожелания, топонимические легенды и предания от известной певицы Сувсн (род *ик цаатн, омкахн*), писателя и переводчика На. Норова.

3 августа 2012 г. экспедиционная группа выехала в уезд Монгол-Кюря ИКАО в места компактного проживания олетов. Маршрут пролегал через местности Эрвэнгийн уул, Зуслынг Нарта, Хасган баг тосхын, Арылтюбе, Илин шар кедя, Тенгрин уул (северный

склон горной цепи Тянь-Шаня), Кунгес, Зах Джирглин орн, Дунд Джирглин орн, Шамбалын орн, Тегс Джирглин орн, Тексин гол, Тегс тара, Шар бохчин дава, Текес. От информантов были записаны легенды и предания, связанные с данными географическими названиями, что важно в аспекте раскрытия этимологии ойратских топонимов.

4 августа 2012 г. экспедиция посетила в уезде Монгол-Кюря старинный монастырь «Бурхн Багшин сюмэ», который был основан в 1898 г. Он представляет собой комплекс очень красивых застроек, хотя отдельные здания нуждаются в ремонте. Здесь часто бывают гости, туристы. Строительные материалы для постройки монастыря были привезены из Талгара. История монастыря была записана со слов молодого высокообразованного камбо-ламы Амр генги, с которым мы познакомились и который позже сопровождал нас в пути. Здесь мы произвели фотосъемки зданий монастыря, монастырских святынь: статуэток-божеств буддийского пантеона, музыкальных духовых инструментов и др. На втором этаже монастыря находится статуя Будды Шакъямуни, которая в 1771 г. была вывезена с берегов Волги, подняться туда разрешили только мужчинам.

Далее члены экспедиции в сопровождении местных жителей выехали на летнее кочевье в местность Атан-уул. Хозяева кибитки — Очра Олзя (52 года), его жена Топа (50 лет), сын Басанг (16 лет), дочь Бадма (21 год), ее муж Байнджиргал (22 года), внучка Очин (3 года). Здесь наша экспедиция остановилась на ночлег. Гостеприимные хозяева накормили нас традиционной пищей, которая не отличается от калмыцкой (чай с молоком, баранина, кумыс, который в Калмыкии давно уже большая редкость, здесь же это ежедневная пища). На месте проводился опрос информантов, велись аудио- и видеозаписи исполнения песен, йорялов (благопожеланий) хозяевами, фотосъемка кочевого образа жизни современной ойратской семьи.

5 августа 2012 г. мы поднялись на вершину священной горы Атан-уул. Проведена видеофиксация обряда поклонения священному месту, подношения хадаков «священному дереву», исполнения благопожеланий и протяжных песен.

Летовка скотовода Очра Ользя у подножия горы Атан-уул

В этот же день группа добралась до небольшого поселения Геденг. У местного жителя Харин Тогтоха были отсняты рукописи на ойратской письменности из его частной коллекции. Здесь же состоялась встреча с замечательным джангарчи Олонбаиром (олет, 55 лет), продолжающим живую устную традицию исполнения героического эпоса «Джангар», удивительно обаятельным и скромным.

6 августа 2012 г. экспедиция выехала в административный центр ИКАО г. Гулз (Инин, Кульджа). Маршрут пролегал через местности Аг тала, Тявн аймгин тяклг. Расстояние между Монгол-Кюря и Текес составляет 70 км. В Текесе проживает более 3 тыс. ойратов (хошутов и олетов). Здесь мы записали образцы разговорной речи носителей данных говоров, посетили краеведческий музей «Багуа». Состоялось также знакомство с информантом Унур (хошутка, 46 лет,), которая подробно рассказала об истории олетов, Джунгарском ханстве, о Текесе.

В небольшом населенном пункте под названием Бахлг нами был проведен опрос местного населения (олетов) сделаны записи речи, песенного фольклора, фотокопии рукописей на ойратской письменности из частных собраний, в том числе из коллекции рукописных памятников, хранящихся у местного собирателя антиквариата и древних рукописей Увэлзэнг генгя (олет, 52 года). Здесь нас ждало открытие — в его коллекции мы обнаружили уникальный ойратский ксилограф «Алтан гэрэл» времен правления калмыцкого хана Дондук-Даши (XVIII в.).

От информанта товшурчи Джунга (олет, 62 года) были записаны ойратские музыкальные термины[2], зафиксированы 12 мелодий товшура, элементы национального танца «Сяврдынг». Члены экспедиции посетили местный монастырь «Хутгтын-Кюря». Этот храм назван в честь Зая-пандиты Намкай Джамцо — ойратского просветителя, религиозного деятеля, создателя национальной письменности «тодо бичиг».

Вечером того же дня группа прибыла в г. Гулз (Кульджа), где познакомилась с частной коллекцией ойратских рукописей, хранящейся у собирателя Хуцин Аньтя (55 лет). Были перенесены на цифровые носители ряд рукописей, в том числе уникальный ксилограф «История Белой Тары», который не удалось пока обнаружить в российских собраниях.

7 августа 2012 г. группа выехала в поселение Джинг Бортала-Монгольского АО. В населенном пункте Толи познакомились с талантливым джангарчи Байнда. От него записали отрывки из эпоса «Джангар», ойратские песни. Важные сведения о цатанах, о своей родословной были записаны от отца Байнды, 82-летнего Донгрупа, цатана, который также исполнил старинную протяжную песню, рассказал о своей родословной, позволяющей проследить на примере одного рода, семьи этническую историю ойратских субэтносов.

8 августа 2012 г. в уезде Джинг посетили Культурный центр «Протяжная песня». Руководитель Общества «Протяжная песня» Уультем рассказал об истории этого песенного жанра, преподаватель Байн менкя сыграл монгольские наигрыши на морин хуре. Ученики джангарчи Байнды исполнили отрывки из героического эпоса «Джангара». Дети в Культурном центре обучаются игре на музыкальных инструментах (морин хуре, казахской домбре), танцам, исполнению песен и эпоса «Джангар». Деятельность Культурного центра убедительно свидетельстсвует о том, что ойраты стремятся сохранять и развивать традиции и богатое историко-культурное наследие предков.

Дальнейший маршрут экспедиции проходил через Улан ова, местность Байн-Амн, где нами была проведена аудиозапись местных знатоков устного народного творчества: Байнджиргал (38 лет), Очир (58 лет), Джууджа (57 лет).

9 августа 2012 г. участники экспедиции выехали в г. Урумчи. В местности Джингин мендин ова мы остановились у мемориального комплекса, посвященного наместнику Калмыцкого ханства Убаши. Надо отметить, что Убаши-хан у ойратов глубоко почитаем. Информанты Герлтя, Байнменкя рассказали нам историю создания комплекса. Далее маршрут проходил через населенные пункты Дервен модон, Хар усун, Чолут хол, Манас, Хойт бий, Цонджи. К вечеру доехали до г. Урумчи, где вечером состоялась официальная встреча с заместителем министра культуры СУАР КНР г-ном Майин, сотрудником министерства Тамирджаном, джангароведом Т. Джамцо, на которой были обсуждены вопросы международного сотрудничества Калмыкии и СУАР КНР в области изучения языка, культуры и истории.

10–11 августа 2012 г. состоялись встречи с информантами-ойратами, проживающими в г. Урумчи. Затем состоялось совещание с нашими синьцзянскими коллегами Б. Менкя, Г. Лиджи, Б. Батбаяр, А. Амар, Н. Чимдя, М. Урангоа и др., на котором мы подвели предварительные итоги нашей экспедиционной работы, поблагодарили ученых Китая за поддержку и большую помощь, оказанную ими в успешном проведении экспедиции. В этот же день после обеда экспедиционная группа вылетела в Москву через Новосибирск.

Проживание в пограничных районах и соседство с другими этносами отражаются на традиционном быте, языке и в других сферах жизнедеятельности ойратов. Большинство ойратов СУАР заняты в традиционных отраслях (скотоводство и земледелие). Их религией, как и в прежние времена, является тибетский буддизм. Отличитель-

[2] См. подробнее [Борлыкова 2012].

ной особенностью ойратов Синьцзяна является их полилингвальность. Ойраты СУАР владеют 2–3 и более языками: родным (ойратским), государственными языками СУАР (китайским, уйгурским), казахским (киргизским). Знание позволяет им быть более конкурентноспособными при выборе рода трудовой деятельности. Ойраты СУАР КНР заботятся о том, чтобы дать детям хорошее образование, направляют их для учебы в другие страны. Последнее десятилетие многие из них обучаются в Калмыцком госуниверситете. Невнимание родителей к вопросам обучения и воспитания детей осуждается в среде ойратов.

В высших государственных органах власти КНР представителей нацменьшинств единицы. Среди ойратов СУАР наиболее авторитетной личностью является Хонгрийн Бадай. Нам удалось встретиться и побеседовать с 83-летним лидером ойратов Синьцзяна, находящимся ныне на заслуженном отдыхе, в прошлом это известный государственный и партийный деятель. Духовным лидером ойратов СУАР является Шальван-гегян, с которым из-за его выезда в один из регионов страны нам встретиться не удалось.

Основными занятиями ойрат-монголов являются животноводство и растениеводство, во многих хозяйствах успешно развиваются обе отрасли. Это связано, по рассказам информантов, с тем, что в 90-е гг. прошлого столетия всем жителям сельской местности дали пай на аренду земли в безвозмездное пользование на 50 лет, что стимулировало население к более интенсивному занятию в этих отраслях. Раньше за землю взимались значительные суммы налогов.

Производство сельскохозяйственной продукции отличается здесь достаточно высоким уровнем. Растениеводство используется и для обеспечения кормом скота в зимний период.

За время экспедиции отснято почти 125 часов (45 Гб) видеоматериала, записано более 120 часов аудиоматериала (8 Гб непрерывного звучания), около 6 000 цифровых фотоснимков (11 Гб). Ученые встретились и записали речь более 60 информантов, возраст которых был от 12 до 85 лет. Опрос велся на калмыцком языке по адаптированному вопроснику. В записанных материалах значительную часть занимают устные рассказы: об истории ойратов и субэтнических группах (42 ед.), демографических процессах, происходящих в СУАР, и их особенностях (7 ед.), о географических названиях (26 ед.), автобиографические (24 ед.), о языке и письменности ойратов (10 ед.), о жилище, одежде, пище, предметах быта (38 ед.), об этническом составе и расселении ойратов (16 ед.), о животном мире (11 ед.), о растительном мире (7 ед.), о религии (15 ед.), о народной медицине (2 ед.) и др.

В ходе экспедиционной поездки выявлено 14 поселений с постоянным ойратским населением, собран и систематизирован материал, важный для представления о современной численности и социально-демографической структуре ойратов Синьцзяна; осуществлен анализ полученных сведений с целью построения целостной этнодемографической картины по ойратским субэтносам. Учеными выявлены численность ойратского населения СУАР КНР, темпы его прироста и убыли, основной показатель изменения численности населения (соотношение числа родившихся и умерших), а также миграционный фактор; половозрастной состав, продолжительность жизни людей, соотношение сельского и городского населения, формы брака, проанализирована связь этнодемографических показателей с экономическими, социальными и политическими процессами.

Учеными-филологами созданы лексическая база по ойратским говорам и банк данных информантов. Записаны образцы речи носителей разных ойратских говоров — торгутов, хошутов и олетов (30 часов непрерывного звучания), зафиксированы образцы фольклорных и этнографических текстов (около 50 текстов). Собран и систематизирован лексический материал, важный для представления о концептосфере ойратов; разработана классификация ойратской именной лексики по тематическим группам (лексика жилища, одежды, пищи, термины родства, соматизмы, колоративы, флористическая и анималистская), глагольной лексики — по лексико-семантическим группам; описаны семантика и синтаксис глаголов с точки зрения валентности. Осуществлен системный семантический анализ полученного фонда с целью построения целостного представления о культуре ойратских субэтносов. Лингвистам удалось собрать различные разряды онимической лексики, прежде всего ойратские антропонимы (276 мужских и женских имен) и географи-

ческие названия СУАР КНР — топонимы, включая хоронимы, оронимы, ойконимы, гидронимы и т. д. (345 наименований)[3].

В процессе проведения экспедиции выявлены буддийская лексика из текстов старописьменных ойратских памятников, зафиксированных в ходе поездки в частных коллекциях у жителей исследуемых населенных пунктов, и данные по современной языковой ситуации среди ойратов СУАР КНР. Кроме того, изучена лексика разных жанров (эпического, песенного, сказочного, пословичного и т. д.) синьцзян-ойратского фольклора и определены перспективы их лингвокультурологического осмысления.

Членами экспедиции были перенесены на цифровые носители 80 письменных памятников на ойратской и старомонгольской письменности, среди которых ойратский ксилограф «Алтан гэрэл» («Сутра Золотого блеска»): «Xutuq-tu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdü altan gerel kemēkü yeke külgüni sudur orošiboi» (131 л.) и др.

Выявлены и оцифрованы ойратские рукописи, хранящиеся в буддийских храмах, музеях и в частных собраниях (коллекция жителя селения Геденг ИКАО СУАР Харин Тогтоха — 76 ед.). Осуществлена классификация старописьменных памятников по следующим группам: 1) буддийские канонические тексты — «Алтан гэрэл», «Дорджи джодва», ойрат. «Xutuqtu biligiyin činadu kürüqsen tasuluqči očir kemeküi yeke külgüni sudur orošiboi»), «Тарпа Ченпо», ойрат. «Yeke toniluqsani sudur orošiboi»), 2) произведения из класса «народного буддизма»: «Burxan baqši-yin surγal orošiboi», «Rdorze gzodpayin tayilbur kemēkü yeke külgüni sudur orošiboi»; 3) тексты, относящиеся к культам различных божеств буддийского пантеона, и тексты воскурения им — «Očirpānin sang orošiboi», «Yaman Dagayin serjim orošiboi», «Aryā Pala sudur orošiboi», «Surγuuliyin baqši Badma Sambayin zokōqsan arkiyin uq γarulγagi sayitur ilaγuqsan sudur»; 4) астрологические, гадательные сочинения по приметам, явлениям природы и т. д. — «Kerē-in duu šinjilkü bičiq», «Kümün-ni šinji kemēküi sudur orošiboi», «Mongγoliyin xurdun mørinni šinji-in bičiq orošiboi»[4].

В ходе работы выявлено и записано значительное количество текстов традиционного фольклора, которые можно разделить по следующим жанрам: песни синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» (7 ед.), «магталы» — восхваления (6 ед.), «домог» — легенды и предания (13 ед.), «зүйр цэцэн үг» — пословицы и поговорки (25), «оньсого» — загадки (2), «йор» — приметы (5 ед.), «үлгэр» — сказки (2), «йорялы» — благопожелания (30 ед.), «*ут дуд*» — протяжные песни (40 ед.), пять вариантов песни «Иҗл Зәәһин усн», «*ахр дуд*» — короткие песни (30 ед.), инструментальные наигрыши на товшуре, морин хуре (25), демонологические рассказы и рассказы о приметах «шинджи», связанные с домашними животными, бараньей лопаткой (4 ед.), а также сведения о музыкальных инструментах (15) и др. Например:

1) благопожелания «Хурдн агтын магтал», «Герин йөрәл», «Насван йөрәл» — информант Норджим, торгут, 72 года, г. Урумчи;

2) протяжная песня «Хан уулын орад», исторические песни «Тавур тавн хасг», «Аду талан йовхлам», «Йоңхр торһн утцн» — информант Мидгя, хошут (баргас), 67 лет, Бост-Нур БГМАО[5];

3) «Темәнә арвн хойр шинҗ», Благопожелание гостям «Гиичин йөрәл», «Җаңһрин арвн хойр баатрин магтал», сказка «Белгч» — информант Олон Байр, торгут, 55 лет, Геденг ИКАО;

4) протяжная песня «Өргн Иҗл-Зә» — информант Донгруп, торгут (цаатн), 82 года, Толи уезда Цзинхэ (Җиң) БТМАО[6];

5) отрывки из синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» — исполнитель Байнда торгут (цаатн), 50 лет, Толи уезда Цзинхэ (Җиң) БТМАО;

6) наигрыши на товшуре «Җора хар», «Доһлң эмгн», «Бәвүрсн», «Орд тек», «Сәврдң», «Бальҗин кер», «Җөөлн нүдтә Торлач» — информант Джунга, 62 года, Бахлг уезда Монгол-Кюря ИКАО; «Төвкнүн Саврдң», «Түргн Саврдң», «Оруд тек», «Күүкн сәәхн Саврдң» — информант Ванджил, 61 год, хошут, уезд Хошут БГМАО.

В ходе экспедиции были приобретены и получены в дар около 50 книг и словарей, пополнивших фонды научной библиотеки КИГИ РАН и Музея традиционной культуры им. Зая-пандиты.

Таким образом, в результате выполнения экспедиционного проекта была реше-

[3] См. подробнее [Омакаева 2012].

[4] См. подробнее [Меняев 2012].

[5] См. подробнее [Омакаева, Борлыкова 2012].

[6] См. подробнее [Борлыкова, Омакаева 2012].

на задача по сбору материала по созданию объективной картины материальной и духовной жизни современных ойратов Синьцзяна. Исторически сложилось так, что в настоящее время потомки средневековых ойратов проживают на территории различных государств Евразии: России, Монголии, КНР и др. Благодаря двум грантам Российского гуманитарного научного фонда (№ 08-04-923-72е/G «Лингвоэтнографический ландшафт современной Монголии в структурно-типологическом ракурсе: западномонгольские локальные традиции» и №12-04-18921 «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР») удалось собрать ценный материал по языку, истории и культуре ойратов западной Монголии и ойратов СУАР КНР.

Надеемся, что у ученых КИГИ РАН будет возможность исследовать в дальнейшем и остальные регионы проживания ойратов (Цинхай, Ганьсу) и Автономном районе Внутренняя Монголия Китая (АРВМ КНР). Вместе с тем хотелось бы отметить, что изучение истории и культуры современных ойратов, некогда единого народа, по воле судеб разбросанного по миру, учеными Калмыкии только началось. Впереди у нас новые горизонты исследований и поисков.

Литература

Борлыкова Б. Х. О музыкальных инструментах ойратов Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 187–192.

Борлыкова Б. Х., Омакаева Э. У. Шинҗәнә өөрдин дууна тускар (2012 җилд болсн экспедицин бичврәс) // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 204–207.

Меняев Б. В. К характеристике ойратских рукописей и ксилографов, хранящихся в частных коллекциях Синьцзяна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 169–174.

Омакаева 2012а — Омакаева Э. У. Язык и письменность российских калмыков и ойратов Китая в контексте укрепления государственности // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 121–129.

Омакаева 2012б — Омакаева Э. У. Топонимия Синьцзяна как отражение ойратоязычной культуры региона: этнолингвистический аспект // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 155–168.

Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Этнолингвистическое изучение песенного фольклора ойратов Синьцзяна: из экспедиционного опыта // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 175–181.

Очирова Н. Г., Бембеев Е. В. Современное демографическое и социально-экономическое положение ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 149–154.

УДК 314
ББК 60.7

СОВРЕМЕННОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОЙРАТОВ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА КНР*

Н. Г. Очирова, Е. В. Бембеев

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) — самая большая провинция современной Китайской Народной Республики. Ее площадь составляет 1 млн 600 тыс. м^2, т. е. одну шестую часть страны. СУАР граничит с восемью государствами: Монголией, Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Индией, Пакистаном и Афганистаном, — что делает его геополитически и стратегически важнейшим регионом Китая [Синьцзян-Уйгурский автономный район].

СУАР имеет в своем составе 5 автономных округов (Баянгол-Монгольский автономный округ (БГМАО), Бортала-Монгольский автономный округ (БТМАО), Чанцзи-Хуэйский автономный округ дунган («хуэй-цзу»), Кызылсу-Киргизский автономный округ, Или-Казахский автономный округ(ИКАО)) и 7 округов, а также 6 городов, находящихся в непосредственном подчинении СУАР (Урумчи, Карамай, Шихэцзы, Арал, Тумщук, Уцзяцюй); 15 городов уездной ступени, 62 уезда, 6 автономных уездов [Административное деление СУАР].

По состоянию на 2010 г. население СУАР составляло 21 813 334 человека. Синьцзян населяют 47 из 56 национальностей Китая, наиболее многочисленные из них — китайцы (хань), уйгуры, казахи, дунгане (хуэй), ойраты[1], монголы-чахары, киргизы, сибо, «таджики» (сарыкольцы и ваханцы), узбеки, маньчжуры, дауры, татары, русские и др. По данным на 2010 г., большинство населения составляют хань (китайцы) и уйгуры — почти 90 % населения. Остальные народы составляют 10 % населения СУАР [Синьцзян-Уйгурский автономный район].

Центральное правительство Китая вкладывает значительные финансовые и материальные средства в промышленно-экономическое и социальное развитие СУАР, проводя планомерную политику «развитые окраины — сильная страна». Ярким свидетельством тому является столица региона г. Урумчи, административный, политический и экономический центр СУАР, население которого составляет более 2 млн человек. Две трети ВВП СУАР производится в столице. В Урумчи построен новейший аэропорт, в котором открыты 93 внутренних и 46 международных авиалиний. В ходе экспедиции мы убедились в том, что в регионе введены в строй и поддерживаются в хорошем состоянии автомобильные и железные дороги. Всю провинцию связывают новые платные автобаны, отвечающие мировым стандартам. Их протяженность составляет более 500 тыс. км. В 2013 г. запланирован запуск сверхскоростного железнодорожного сообщения «Пекин — Урумчи», благодаря которому из столицы страны можно будет попасть в столицу СУАР за 18–20 часов [ПМА]. Это еще раз подтверждает, что экономическое развитие провинции является одним из приоритетных задач властей страны. В СУАР повсюду видны новые стройки — заводы, фабрики, дома, больницы и т. д. Урумчи является одним из крупных промышленных центров северо-западного Китая. Нефтепереработка, металлургия, электроэнергия, угольная промышленость,

[1] В Китае ойратов СУАР называют «өөрд моңһл или моңһл» (ойрат-монголы, монголы). Под термином «ойрат-монголы» Синьцзяна объединяют следующие этнические группы: торгуты (*торһуд*), олеты (*өөлд*), дербеты (*дөрвд*), чахары (*цахрмуд, неойратская этническая группа, была переселена Цинским правительством из Внутренней Монголии в XVIII в.*), хошуты (*хошуд*), алтайские урянхайцы (*алтайн урянхай*) в составе которых имеются хөх мончог, захчины (*захчин*). Мы используем термин «ойраты Синьцзяна».

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-18021е «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР».

г. Урумчи

текстильно-прядильная отрасль, выпуск стройматериалов, машиностроение занимают важное место в экономике Синьцзяна. СУАР является крупнейшим регионом по добыче полезных ископаемых. В Синьцзяне находятся 134 из 150 обнаруженных в Китае видов природных ресурсов. Запасы нефтегазовых ресурсов (свыше 20 млрд тонн или 35 % всей нефти и газа Китая) и угля (27 млрд тонн, 40 % запасов КНР). Быстрыми темпами разрабатываются здесь богатейшие месторождения газа, нефти (Карамай-Урхэй, Душаньцзы-Усу, Хами-Турфан), строятся заводы по их переработке [Синьцзян-Уйгурский автономный район].

Большая часть ойратов проживает на востоке и в центре СУАР, а также на северо-западе района, в тех же местах, где их расселили в конце XVIII в. Ханьцы (китайцы) населяют восток и центр СУАР (г. Урумчи). 80 % уйгуров СУАР проживают на юго-западе (Кашгар, Хотан, Кызылсу-Киргизский автономный округ и Аксу). Казахи в основном проживают на севере Синьцзяна [ПМА].

Большинство современных ойратов СУАР КНР — потомки калмыков, откочевавших на историческую родину во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши в 1771 г. из России. Они проживают главным образом в БГМАО, в БТМАО и ИКАО, а также особых районах Алтай и Тарбагатай.

Потомки калмыков, составлявших улус наместника ханства Убаши, проживают в Баянгол-Монгольском автономном округе, в основном в уезде Хэджин (*ойрат.* Хэҗин), в автономных уездах Боху (*ойрат.* Бост-Нур), Хошут (*ойрат.* Хошуд), Яньхуэйцзу (*ойрат.* Янджи) и в центре БГМАО — г. Корла. Небольшие группы — в остальных уездах области. Ойратов (торгутов и хошутов) в БГМАО насчитывается около 46 тыс. человек: из них около 30 тыс. живут в уезде Хэджин, более 3 тыс. человек — в уезде Яньхуэйцзу. В г. Корла, как и в уезде Боху, наших соплеменников насчитывается более 4 тыс. человек. В уезде Хошут проживает 5,5 тыс. ойратов. Около 90 % ойратов (торгутов) уезда Хэджин занимаются скотоводством и земледелием, остальные работают в сфере обслуживания. Основным занятием ойратов (хошутов) уезда Боху является сельское хозяйство и рыболовство. Ойраты, проживающие в г. Корла, в основном работают служащими.

Ойраты ИКАО и Тарбагатая — это потомки калмыков улуса Цебек Дорджи, а также потомки олетов. В настоящее время они в основном живут в автономном уезде Хобуксар, а также в уездах Эмин, Юмин, в го-

роде Инин (Кульджа, *ойрат*. Гулз), в уездах Монгол-Кюря, Нилх, Текес. Их численность составляет более 25 тыс. человек. Большая часть из них занимается скотоводством, остальные — торговлей продукцией перерабатывающей промышленности и ковроткачеством.

Ойраты (торгуты), проживающие в уезде Хар-Усун, — потомки калмыков, владельцем которых являлся нойон Бамбар. Они были расселены восточнее улуса Убаши. Их численность составляет более 10 тыс. человек. Основными их занятиями являются скотоводство и растениеводство. К этой же группе относятся ойраты, живущие в БТМАО, которых называют также «западными» торгутами. Их насчитывается 6 тыс. человек, большая часть которых проживает в уезде Цзинхэ (Җиң).

Ойратов, расселенных в китайской части Алтая (Алта) и в районе Тарбагатая (Тарвһта), большинство из которых торгуты, называют *«*шин торгут*» — новые торгуты*. Общая численность населения около 10 тыс. человек. Они занимаются скотоводством и рыболовством.

Сведения об общем количестве ойратов, проживающих на территории Китая, расходятся. Китайские источники говорят о численности около 100 тыс. человек. По сведениям представителей местного населения, численность приближается к 170 тыс. человек [ПМА]. Эти данные подтверждаются сведениями монгольских ученых. Так, историк-ойратовед На. Сухэбаатар считает, что в СУАР проживает около 170 тыс. ойратов, в том числе по районам проживания:

- г. Урумчи — 7 тыс. чел.;
- г. Карамай — 2 тыс. чел.;
- Барколь-Казахский автономный уезд — 1,5 тыс. чел.;
- Чанцзи-Хуэйский автономный округ дунган («хуэй-цзу»): уезд Джимсар — 2 тыс. чел.;
- Бортала-Монгольский автономный округ: г. Бортала — 12 тыс. чел.; уезд Джинг — 5 тыс. чел.; уезд Аршан — 11 тыс. чел. (включая чахаров, неойратскую по происхождению этническую группу, переселенную из Внутренней Монголии);
- Баянгол-Монгольский автономный округ: г. Корла — 4 тыс. чел.; уезд Янджи — 3 тыс. чел.; уезд Хэджин — 30 тыс. чел.; уезд Хошут — 5,5 тыс. чел.; уезд Бост-Нур — 4 тыс. чел.;
- Или-Казахский автономный округ: уезд Монгол-Кюря — 12,5 тыс. чел.; уезд Текес — 6 тыс. чел.; уезд Нилх — 8 тыс. чел.;
- Округ Тарбагатай: уезд Дёрвлджин — 6 тыс. чел.; уезд Хар Усн — 9 тыс. чел.; уезд Ховг Сяяр — 16.5 тыс. чел.;
- Округ Алтай: г. Алтай — 2,5 тыс. чел.; уезд Бурджин — 2 тыс. чел.; уезд Хабай — 0,5 тыс. чел.; уезд Чингл — 0,8 тыс. чел. [На. Сухэбаатар 2007].

Как отмечает С. К. Хойт, «по данным „The Networkfor Strategic Missions“ (http://www.strategicnetwork.org) в 2000 г. в Китае, в провинциях Синьцзян, Ганьсу, Внутренняя Монголия и Цинхай насчитывалось свыше 250000 ойратов» [Хойт 2008].

В работе О. Утнасун отмечается, что численность ойратов в Китае составляет 260 000 чел, в том числе в Синьцзяне проживает 170 000 человек [Шинҗәнә… 2012: 6].

Демографический анализ показывает, что большинство населения СУАР составляют представители разных народов: хань (китайцы), уйгуры, дунгане («хуэй-цзу», китайцы, исповедующие ислам, и казахи. Численность каждого из этих народов превышает 1 млн человек. В настоящее время по сравнению с численностью вышеуказанных народов ойраты, даже в местах компактного проживания, составляют меньшинство. Данный факт, конечно, значительно влияет на состояние и перспективы развития этноса, как в демографическом, так и социально-экономическом аспектах. Проблема демографического роста ойратского населения усугубляется тем, что между местами компактного проживания ойратских групп очень большие расстояния. Так, от г. Урумчи до г. Бортала расстояние составляет 530 км, от г. Урумчи до г. Алта — 740 км, от г. Бортала до Или — 220 км, от г. Бортала до г. Карамай — 420 км, от г. Урумчи до г. Корла (центра БГМАО) — 500 км, а от г. Урумчи до района Хар-Усун — 270 км. Между тем, ойраты, несмотря на достаточно дисперсное расселение, стараются активно контактировать между собой [ПМА]. Ежегодно проводятся ойратские национальные праздники (Цаган-сар, Зул), фестивали мастеров искусств, песенного и музыкального творчества, куда съезжаются представители всех ойратских групп, проживающих в Синьцзяне.

Семья растениевода Хотолтугеса

Несмотря на проживание в пограничных районах и активное взаимодействие с другими многочисленными этносами, большинство ойратов СУАР заняты в традиционных отраслях (скотоводстве), а также в земледелии. Как и в прежние времена, исповедуют буддизм. Отличительной особенностью ойратов Синьцзяна является их полилингвальность. Ойраты СУАР (особенно население среднего и старшего возраста) владеют 2–3 и более языками в совершенстве — родным, государственными языками СУАР (китайским, уйгурским), а также казахским или киргизским [ПМА]. Знание языков является основополагающим при выборе профессиональной деятельности и способствует их дальнейшему карьерному росту. Ойраты СУАР, как правило, уделяют должное внимание воспитанию и образованию своих детей, что характерно и для российских калмыков. Несмотря на принадлежность к различным социальным слоям населения, родители прилагают все усилия для того, чтобы дать детям как минимум государственное обязательное девятилетнее образование. Если ребенок поступил в среднюю школу второй ступени, то они стремятся обеспечить ему возможность обучения в вузе для получения высшего образования. Характерно, что бедным семьям, у которых нет средств на обучение детей, оказывают помощь сородичи, что свидетельствует о том, что ойраты не утратили присущих этносу традиций взаимовыручки и поддержки в трудных жизненных ситуациях. Эта же традиция сохраняется и в калмыцких семьях. Невнимание родителей к проблеме обучения детей порицается среди ойратов: в отдельных случаях, когда дети не посещают школу, окружающие обращаются к ламам или представителям местных властных структур для принятия мер и оказания помощи в решении подобных проблем. Необходимо отметить, что ввиду малочисленности ойратов в 2006–2007 гг. были закрыты многие национальные (ойратские) школы. В настоящее время дети ойратов обучаются в китайских, а в ИКАО — в казахских школах. В этих образовательных учреждениях уроки родного языка для детей ойратов ведутся всего 2 часа в неделю [ПМА]. Дети, проживающие в школах крупных административных центров (г. Урумчи, г. Корла), как правило, обучаются в китайских школах, поэтому владеют в совершенстве китайским языком, а также английским. В ходе экспедиции мы наблюдали, что часть детей ойратов слабо владеет родным языком или вовсе его не знают и не могут изъясняться на нем [ПМА].

Получение высшего образования мотивируется ойратами тем, что дает возможность молодым людям устроиться на престижную, хорошо оплачиваемую работу. Стремление дать детям достойное образование на фоне достаточно низкого жизненного уровня является одним из факторов, влияющих на демографическую ситуацию. Так, в настоящее время молодые семьи имеют 1–2 ребенка. Информанты старшего возраста сетовали по поводу того, что их дети не хотят иметь 3 детей (по законам КНР представители национальных меньшинств, проживающие в городах, могут иметь не более 2 детей, в селах — не более 3 детей) [ПМА]. Ойраты СУАР, в отличие от других этносов, выглядят в этом вопросе наиболее законопослушными. Многие сельские семьи отказывают себе в возможности иметь 3 детей, мотивирую тем, что 1–2 детям легче дать хорошее воспитание и образование, чтобы обеспечить им лучшее будущее. Между тем, данные свидетельствуют о том, что в 60–70 гг. прошлого столетия ойратские семьи имели по 5–8 детей, несмотря на то, что это были очень тяжелые годы для КНР в экономическом плане и период «культурной революции» [ПМА]. Как видим, жизнь изменилась. В современных условиях рост ВВП, повышение уровня жизни населения, демографическая политика властей, безусловно, могли способствовать появлению позитивных тенденций в развитии жизнедеятельности малочисленного ойратского населения Китая.

Вместе с тем, как сообщили информанты, другие этносы, например казахи, имеют в своих семьях по 4–5 детей (особенно в сельской местности). Они предпочитают, чтобы их дети продолжали заниматься традиционным хозяйством. Кроме того, информантами отмечалось, что уйгуры часто не регистрируют своих детей [ПМА].

Как было отмечено выше, основными занятиями ойратов является сельскохозяйственное производство, прежде всего скотоводство и растениеводство. Следует отметить, что интерес к традиционному хозяйствованию у них в последние годы значительно возрос, видимо, это связано с тем, что в 90-е гг. XX в. всем жителям сельской местности выдали пай на землю в аренду на 50 лет, причем без взимания налогов. В настоящее время животноводы уделяют большое внимание изучению и использованию передовых технологий в области сельского хозяйства, занимаются активным внедрением новых методов хозяйствования, в том числе механизации. Производство сельскохозяйственной продукции отличается высоким уровнем рентабельности, развивается кормопроизводство. С развитием земледелия и животноводства строятся малые населенные пункты, где селятся скотоводы-кочевники. В процессе общения животноводы говорили о том, что кочевое скотоводство

Хлопковое поле

предполагает использование большого количества пастбищных угодий. Однако в последнее время площади для выпаса скота сокращаются. Если раньше, в 60–80 гг. XX в., кочевку производили 4 раза в года, то в настоящее время кочуют два раза — на летовки и зимовки. Плодородные земли и красивейшие места все больше отводятся под растениеводство или создание туристическо-рекреационных зон, поэтому для властей актуальными становятся проблемы обоседления ойратов и строительства стационарного жилья [ПМА].

Таким образом, несмотря на предпринимаемые властными структурами СУАР меры, демографическая ситуация в среде ойратов в определенной степени вызывает беспокойство и может иметь негативные последствия в будущем. Закрытие национальных ойратских школ в значительной степени отрицательно отражается на владении детьми родным языком, на знании истории и культуры своего народа. Уже сегодня среди молодежи статус родного языка как второстепенного влияет на выбор детей изучить только китайский язык. Эта проблема в определенной степени коррелирует с той ситуацией, которая наблюдается в нашей республике. Калмыцкий язык, несмотря на то, что имеет статус государственного языка, практически не используется во многих сферах жизни республики. Отход ойратов СУАР от традиционных занятий (кочевого скотоводства) и переход на оседлый образ жизни могут повлечь за собой утрату большого культурного пласта.

Информанты

Амр, 32 года, олет (Монгол-Кюря), проживает в уезде Монгол-Кюря, СУАР, КНР.

Араа, 45 лет, торгут (Баянгол), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Бадмараа, 60 лет, торгут, керят (Баянгол), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Батбаяр, 40 лет, торгут (Хар-Усун), проживает в г. Урумчи, СУАР, КНР.

Ирнчя, 58 лет, торгут, ик цаатн (Баянгол), проживает в г. Урумчи, СУАР, КНР.

Лиджи, 47 лет, торгут (Баянгол), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Мёнкя, 49 лет, хошут (Хошут), проживает в г Урумчи, СУАР, КНР.

Утнасн, 44 года, торгутка (Хар-Усун), проживает в г. Элиста, РК, Россия.

Хаалга, 52 года, хошут (Бостнуур), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Литература

Шинҗәнә өөрдин шүлгләнә товч хураңһу (Антология поэзии ойратов Синьцзяна) / сост., автор вступ. ст., пер. на совр. калм. яз. Осорин Утнасун; отв. ред. Б. А. Бичеев, Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 218 с.

Тод номын гэрэл. Түүх соёл, хэл бичиг судлалын Тод номын гэрэл төвийн сонин. 2007. 04 сар. № 3–4.

Хойт С. К. Последние данные о локализации и численности ойратов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: Изд-во КГУ, 2008. С. 136–157.

Уласинов Ю. Ю. К вопросу об изучении ойратов Китая // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 14–17.

Синьцзян-Уйгурский автономный район [электронный ресурс] // URL: www.ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 10.11.2012).

Административное деление СУАР [электронный ресурс] // URL: www.russian.xjts.cn/content/2012-08/02/content_7091085.htm (дата обращения: 10.11.2012).

УДК 81’37
ББК 81.03

ТОПОНИМИЯ СИНЬЦЗЯНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОЙРАТОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Э. У. Омакаева

В современных этногенетических исследованиях важную роль играют такие лингвистические источники, как онимы (имена собственные, далее — ИС), причем это не только этнонимы, то есть наименования этносов и субэтносов, племен и родов, но и географические названия, являющиеся объектами изучения особой отрасли ономастики — топонимики.

В ходе лингводемографической экспедиции в СУАР КНР летом 2012 г. объектом наших полевых исследований явились говоры ойратов, населяющих данный регион Китая. Наряду с диалектологическим материалом, нами был зафиксирован также определенный корпус ойратской топонимии, который и послужил источниковой базой для данной статьи.

Среди жителей населенных пунктов, входивших в маршрут экспедиции, нашими информантами были как пожилые люди, старожилы местности, так и молодежь, продемонстрировавшая неплохое знание местных географических названий. Большую помощь в сборе и оценке собранного топонимического материала оказали наши коллеги — синьцзянские ученые Б. Менкя и Г. Лиджи.

Сбор топонимов, составляющих важнейший раздел онимической лексики любого языка, осуществлялся нами по трем основным типам: ойконимы, гидронимы и оронимы — названия населенных пунктов, водных объектов и форм рельефа соответственно.

В работе ойратские топонимы даны в форме, установленной в соответствии с правилами передачи монгольских географических названий на русский язык. В отдельных случаях в скобках представлены различные варианты названий, зафиксированные в письменных источниках или на картах.

Выбор ойратоязычных топонимов СУАР КНР в качестве объекта исследования не случаен. Жизнь человека на всем ее протяжении самым непосредственным образом связана с различными местами (где он родился, вырос, учился, работал и т. д.). Топонимы — это как бы визитная карточка того или иного региона, документальные свидетельства разных исторических эпох, память, запечатленная в слове. Вспомним афоризм Платона: «Кто познал бы имена вещей, тот познает и вещи».

Как пишет Э. М. Мурзаев, «в географической номенклатуре тюрко-монгольских стран нередки такие собственные названия, этимологии которых кажутся простыми, но не оправдываются географическими реалиями. Это вызывает сомнение в достоверности формальных переводов и требует ревизии. Нужны поиски удовлетворительных решений…» [Мурзаев 1969: 101].

Выбор темы обусловлен и авторским интересом к проблеме топонимической картины мира, и тем фактом, что топонимы занимают ключевое место в системе имен собственных языка ойратов Синьцзяна в силу их особой этнокультурной релевантности, широты исторических и иных ассоциаций. К тому же, как было справедливо замечено, «ономастический материал составляет значительную часть лексики любого высокоразвитого языка и заслуживает того, чтобы его изучали» [Бондалетов 1983: 211].

Семантические особенности ИС определяются их функцией: основной номинативной функцией онимов является идентификация. Функциональная ономастика — это целая область исследований, в которых отражается весь спектр современных представлений об ИС. В основе функционального анализа лексических единиц лежит положение об особой значимости прагматического компонента в структуре слова

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-18021е «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР».

как языкового знака. Прагматический слой лексического значения слова «содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения, а также специфическую для данной лексемы информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью» [Кобозева 2000: 87].

Основной целью работы является введение в научный оборот и определение принципов этнолингвистического анализа выявленных нами ойратских топонимов Синьцзяна, предполагающего комплексное исследование типов и специфики номинации географических названий региона с учетом системы пространственной ориентации этноса, традиционного восприятия пространства и мотивационного контекста (объяснения топонимов информантами) с целью извлечения из топонимического материала важной этнокультурной информации, в том числе сакрального характера, и выявления еще не до конца раскрытого потенциала ойратской топонимии.

Следует отметить, что в последнее время все чаще поднимается вопрос о топонимии как части культурного наследия страны и необходимости сохранения топонимического наследия. Яркое тому подтверждение — X Конференция ООН по стандартизации географических названий, состоявшаяся с 31 июля по 10 августа 2012 г. в Нью-Йорке, на которой девятым пунктом повестки дня был поставлен вопрос о географических названиях как отражении культуры, наследия и самобытности (включая названия на языках коренных народов, меньшинств и региональных языках). В числе 289 участников форума были представители Китая и России. Представитель Китая внес на рассмотрение документ о мерах, принятых китайским правительством для охраны географических названий как культурного наследия. Результатом обсуждения стала резолюция о критериях установления и оценки характера географических названий как культурного наследия, в числе которых указываются «жизнестойкость названия (способность переступать пределы истории); редкость названия или топонимического явления, на которое указывает название; «показательность» названия или его способность четко олицетворять культурную, географическую, историческую, социальную или иную реальность, специфичную для конкретного места, которая является существенным компонентом местной, региональной или национальной самобытности; привлекательность названия, которая соответствует чувству принадлежности, связанному с названием или местом, которое оно обозначает; образность названия или его способность вдохновлять идеи или могучие, богатые образы у тех, кто его использует, причем эти образы или идеи необязательно должны относиться к истории или малозначительным местным фактам» [Десятая 2012: 28].

Таким образом, интерес к этнолингвистическому изучению топонимии налицо. Наиболее успешный опыт на материале русских топонимов представлен, на наш взгляд, монографией Е. Л. Березович [2007].

Топонимические исследования никогда не были чисто «кабинетными», они всегда основываются на полевых материалах. О топонимии интересующего нас региона имеется немало сведений в различного рода литературе, начиная с путевых заметок этнографического и географического характера посетивших эти территории в XVIII–XIX вв. путешественников, и заканчивая современными научными трудами, художественными произведениями и материалами СМИ.

Исследование современной топонимии Синьцзяна тесно связано с историей освоения этого края и сопредельных территорий. Как отмечает А. А. Бурыкин, «научное изучение происхождения географических названий немыслимо без изучения истории появления этих названий в документах и географических картах» [Бурыкин 2006: 4].

Важным картографическим источником по ойратской топонимии Синьцзяна остается так называемая карта Рената [Моисеев 1999; Волобуев 1993 и др.], на которую нанесены географические объекты Джунгарии и сопредельных территорий, но особенно четко представлена западная часть Джунгарии, т. е. Илийская долина и западный Тянь-Шань. И это не случайно. Семнадцать лет шведский военнопленный провел в плену у джунгаров на берегу Или.

Судьба карты Рената очень любопытна. Считается, что Ренат многому научил ойратов: плавить железную руду, отливать пушки и заниматься книгопечатанием. В благодарность он получил от ойратского князя Галдан-Цэрэна карту его владений, которую увез с собою в Швецию после освобождения из плена в 1733 г.

Известный монголист В. Л. Котвич, работая в русских архивах, обнаружил интересные сведения, касающиеся пребывания Рената в Джунгарии и его обратного путешествия в Россию. Об этом он сообщает известному шведскому географу С. Гедину в письме от 8 февраля 1925 г., ныне хранящемся в Государственном архиве Швеции и опубликованном в 1997 г. на русском языке Н. А. Андреевым: «Я также натолкнулся на подлинник письма, написанного Царице калмыцким ханом, Галдан Церингом, в котором он просит ее позволить Ренату вернуться в Швецию через Россию. Поскольку я владею калмыцким языком, я скопировал это послание для себя» [Андреев 1997: 59].

Автор книги «Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг.», известный географ В. Греков предполагает, что, будучи проездом в Петербурге в 1734 г., Ренат мог познакомить с этой картой русских ученых-востоковедов. Видимо, тогда и была проделана Василием Бакуниным работа по латинской транскрипции калмыцких названий. К сожалению, впоследствии карта Рената была утеряна. Только в 1879 г. после упорных поисков в Королевской библиотеке в Линчепинге удалось обнаружить ее шведскую копию, выполненную в 1738 г. Густавом Бенцельштерном. Нашел ее будущий писатель и общественный деятель Швеции Август Стриндберг, а тогда еще неизвестный никому помощник библиотекаря Стокгольмской королевской библиотеки, который при активном посредничестве акад. Я. К. Грота передал эту копию в РГО для издания. В результате в 1882 г. карта Рената была опубликована с комментариями генерала А. И. Макшеева [1886], а Стриндберг был награжден малой серебряной медалью РГО, что красноречиво свидетельствует о ценности находки.

Как известно, в 1890 г. в Упсале был обнаружен оригинал карты на монгольском языке, с которой, как считал В. В. Бартольд, шведский картограф сделал копию [Бартольд 1963: 527].

На основе тщательного изучения ойратских чертежей Рената английский историк Джон Фредерик Баддели в разделе о картах Рената своей фундаментальной монографии «Россия, Монголия, Китай», опубликованной в Лондоне в 1919 г., пришел к выводу, что карта была сделана по распоряжению ойратского правителя в самой Джунгарии [Baddeley 1919]. Позднее Н. Поппе высказал противоположное мнение, посчитав, что эта карта «была скопирована калмыком с китайского оригинала» [Poppe 1956: 157].

По мнению российских исследователей, «несмотря на схематизм изображения, карта настолько точно передает контуры крупных озер, направление течения рек и взаиморасположения притоков, что гидросеть во многих случаях удается отождествить географически, без прочтения подписей. Это позволяет считать, что карта Джунгарии, вывезенная Ренатом, – не рисованный чертеж, а именно географическая карта, составленная топографом по результатам проведенных на местности астрономических наблюдений» [Контев, Бородаев 2011: 11]. Современные исследователи считают, что ойратская карта Джунгарии представляет собой редчайший образец монгольской картографии первой трети XVIII века и требует дальнейшего изучения.

В XIX в. изучение территории современного Синьцзяна продолжается. На смену фрагментарному описанию географии Азии приходят обобщающие классические труды по ландшафту и орографии немецких ученых А. Гумбольдта, К. Риттера, послужившие стимулом для дальнейших исследований географических названий региона.

Капитан Унковский в 1823 г. составил карту Джунгарии по расспросам, а в 1832 г. Угрюмов уже смог составить карту этого же региона на основе личных наблюдений.

В конце XIX — начале XX века (1870–1920-е гг.) в Центральную Азию Императорским Русским географическим обществом было снаряжено более чем 20 научных экспедиций, главным результатом которых стало создание новой, научно достоверной карты изучаемого региона.

Одной из первых таких экспедиций была Вторая Центральноазиатская экспедиция Н. М. Пржевальского (август 1876 — март 1877), известная как Лобнорская, в маршрут которой входили Кульджа и Восточный Тянь-Шань, где путешественники встретились с местными ойратами (торгутами). В своей книге Н. М. Пржевальский отмечает, что монголы обыкновенно дают качественные имена озерам, рекам, горам и урочищам, и упоминает такие топонимы, как Текес, Кунгес, Цанма, Или и др. [Пржевальский 1947].

Известному монголоведу акад. Б. Я. Владимирцову не удалось достичь Синьцзяна и познакомиться с ойратами, проживающи-

ми в данном регионе, но в своей работе он упоминает некоторые ойратские топонимы: «известно еще несколько групп ойратских племен, живущих в разных местах Азии, например, на Тянь-Шане, в области Кукунора, в Алашани и других местах... Только о некоторых из них можно сказать, что они говорят на одном из ойратских говоров, приближающемся к говору Торгут-Алт.; таковы говоры торгутов, кочующих на Кобук-сари и на Юлдусе, и говоры Алашаньских ойратов», а «о положении ойратского письменного языка у Карашарских ойратов, Куку-норских и других точных сведений нет»» [Владимирцов 1929: 26].

Благодаря русским путешественникам, исследователям Китая и Монголии многие ойратские географические названия, хотя и переданы в отдельных случаях не совсем точно и корректно (например, Корл — Курля, Гулз — Кульджа), уже давно получили постоянную прописку и права гражданства в русскоязычной литературе (причем не только научной, но и художественной) и на географических картах.

К настоящему времени в монголистике накоплен достаточно объемный эмпирический материал топонимического характера, предлагаются новые подходы к трактовке топонимов. Различным аспектам изучения монголоязычных географических названий посвящены исследования российских, монгольских, казахских ученых (В. А. Казакевич [1934], Г. К. Конкашпаев [1959; 1984], Э. М. Мурзаев [1940], М. Н. Мельхеев [1969], Ц.-Д. Номинханов [1962], Х. Пэрлээ [1968], Ж. Цолоо [1992] и др.).

Существующая в настоящее время в калмыковедении обширная литература по данной проблематике также свидетельствует о повышенном интересе к вопросам калмыцкой топонимики [Борисенко 1983; Очир-Горяев 1980; 1983; Корсункиев 1987; Эрдниев 1993; Монраев 2006; Бадгаев, Омакаева 1989 и др.]. Основное внимание лингвистов было сосредоточено на принципах номинации географических объектов Калмыкии, структуре калмыцких топонимических единиц и способах их образования, географической терминологии в системе калмыцкой топонимии. В последнее десятилетие защищены две кандидатские диссертации по региональной топонимике [Хонинов 2003; Кичикова 2010].

Рассматривались монголистами и отдельные разряды топонимов. Так, например, этимологии монгольских и бурятских гидронимов (Тола, Керулен, Орхон, Селенга, Ангара, Ока и др.) посвящены статьи Т. А. Бертагаева [Бертагаев 2010], В. И. Рассадина [Рассадин 2010] и др. Оронимы монгольского языка представлены в исследовании Ч. Догсурэна [Догсурэн 2010], названия гор Центральной Азии систематизированы А. П. Горбуновым [2006].

Географические названия Синьцзяна частично привлекались в работах географа Э. М. Мурзаева [1974; 1975; 2005], историка В. П. Санчирова [2011], лингвистов М. У. Монраева [1983; 1985; 2008], А. Б. Лиджиева [2011]. Но в целом ойратский топонимикон не являлся предметом комплексного исследования, практически нет работ общетеоретического и типологического характера, хотя необходимость в такого рода исследованиях назрела давно. Остаются нерешенными вопросы специфики имени собственного как лексической категории, семантики топонимов, топонимического пространства и топонимического поля, прецедентности имен собственных, топонимической лексикографии. Комплексный анализ имен собственных требует выработки единой методики их описания [Омакаева 1997].

Выделим два ареала ойратских географических наименований: первый ареал включает регионы, где сегодня компактно проживают потомки средневековых ойратов (например, Республика Калмыкия в России, СУАР в КНР), второй ареал представлен теми местностями, в которых в настоящее время ойраты (калмыки) не проживают (например, Казахстан, Сибирь, Дон и т. д.). Распространение топонимов ойратского (калмыцкого) происхождения за пределами этнической Калмыкии объясняется историческими контактами и миграциями племен и народов. Именно сохранившиеся географические названия свидетельствуют о пребывании этноса на данной территории: «Когда-то по берегам рек Южного Обдонья кочевали калмыки, доходя временами до Даниловки (об этом вспоминает уроженец этой слободы, писатель XIX в. Д. Л. Мордовцев) и даже до Поворина, если считать, что приток Калмычок назван по народу, побывавшему на нем» [Крюкова, Супрун 2004: 84].

Многие топонимические названия, зафиксированные в прошлые столетия, не изменились. Но различная транслитерация

одного и того же слова, миграции населения и новая интерпретация уже известных топонимов сегодня значительно осложняют их идентификацию, выявление этимологии и значения географических названий.

Хотелось бы также акцентировать внимание на несовершенстве кириллической транслитерации многих ойратских топонимов. Графическая форма топонима является более релевантной для его идентификации, «узнаваемости», чем звуковой облик. Между тем, некоторые наименования при передаче с одного языка на другой настолько искажаются, что это может привести и уже приводит к ошибочной трактовке при этимологизации. К примеру, на географических картах разные звуки *γ* и *ө* в ойратских топонимах передаются на письме одной буквой *у*. И таких примеров много.

Стандартизация и унификация географических названий является важнейшим прикладным направлением современной топонимики. Проблема упорядочения топонимов давно уже обрела государственный масштаб, особенно это актуально для полиэтничных стран в связи с существованием двуязычных, а то и трехъязычных (как в СУАР КНР) параллельных названий одного и того же объекта. Более того, сегодня проблемы стандартизации топонимии выходят уже за пределы внутригосударственной политики, поскольку национальные топонимы должны получать признание и правильное отражение в международных документах — договорах, соглашениях, справочниках, картографических и иных информационных материалах (регистры населенных пунктов, газетиры, топонимические базы данных и атласы), в связи с чем встает проблема передачи национальных топонимов в иноязычных источниках средствами латинского алфавита. Группа экспертов ООН по географическим названиям [UNGEGN] разработала ряд рекомендаций, в которых подчеркивается, что написание и правильное произношение географических названий должно опираться на лингвистические принципы, при этом географическому объекту причисляется одно географическое название, что особенно актуально для топонимического пространства Синьцзяна.

Топонимическое пространство современного Синьцзяна неоднородно и по своему происхождению, и по времени возникновения. Процесс формирования топонимической системы региона протекал в несколько этапов. Первые географические названия, видимо, появились с началом заселения территории.

На топонимическом уровне в данном регионе прослеживается былое присутствие ираноязычного населения (река Кончедарья). Персидский пласт, видимо, самый древний, он начал складываться еще в дотюркский и домонгольский период. Территорию Южного Синьцзяна в древние времена населяли ираноязычные племена саков, затем последовала целая череда племен.

В IX в. здесь появляются уйгуры, а спустя четыре столетия приходят монголы. Второй сын Чингисхана Чагатай основал здесь свои владения, куда вошли районы к югу и северу от Тянь-Шаня и к востоку от реки Амударьи. В 70-х гг. XVII в. ойратское племя джунгар захватило бассейн Или и установило свое господство в регионе, создав Джунгарское ханство. За обширной территорией к северу от Тянь-Шаня закрепилось название «Джунгария» как исторический топоним.

Ойратские топонимы на территории Синьцзяна образуют хорошо очерченный ареал, что связано с историей заселения края. Следует заметить, что ойратов в Китае официально называют монголами, а тюркское население традиционно именует их калмаками, что нашло отражение в топонимии региона: ойконим Монгол-Кюря ‘Монгольский монастырь’ имеет вариант Калмак-Кюря (Калмаккуре) ‘Калмыцкий монастырь’, именно он приведен в статье Э. М. Мурзаева «Топонимика Синьцзяна» [Мурзаев 1964: 288].

Особенности этнической истории территории обусловили наличие здесь разнообразных по языковой принадлежности топонимов: китайских, тюркских, иранских, монгольских (ойратских). Вообще тюркский слой, как и ойратский, в топонимии Синьцзяна характеризуется большой плотностью, повсеместно представлен и китайский пласт топонимов. Но и нередки случаи, когда компоненты топонима имеют разную языковую принадлежность. Примером такого гибридного топонима является лимноним *Бост-Нур* (кит. *Боху*), первый компонент которого предположительно персидского происхождения (*бостан* ‘сад’), а второй — общемонгольский географический термин *нур* ‘озеро’.

Данное озеро более известно под уйгурским названием Баграшкель, это самое

Монгол-Кюря. Храм «Богд евэгч сүм»

крупное озеро Южного Синьцзяна. С северо-запада в него впадает река Хайдык-Гол, протекающая по центру Бост-Нур-шяня (уезда), на территории которого находится озеро. Уезд Бост-Нур, получивший свое название от лимнонима, граничит с соседним уездом Хошут (данный ойконим образовался от одноименного ойратского этнонима).

В юго-западной части озера берет начало река Кончедарья, которая протекает в центре города Корла, находящегося в 57 км от Бост-Нура. Здесь построили прекрасную набережную, и теперь это излюбленное место отдыха и вечерних прогулок корлачан, что мы могли наблюдать будучи в Корле.

По форме озеро напоминает треугольник. Живописное озеро давно снискало себе славу «жемчужины Тянь-Шаня», в чем мы не преминули убедиться сами. Озеро Баграшкель поразило нас своей природной красотой.

Озеро Бост-Нур. Баянгол-Монгольский АО

Особого внимания заслуживают случаи калькирования и переосмысления субстратных названий. В связи с этим изучение топонимии Синьцзяна значительно осложняется наличием целого ряда параллельных названий одного и того же объекта.

Так, например, город *Гулз*, административный центр Или-Казахской автономной области СУАР, хорошо известный русскоязычному читателю как *Кульджа*, китайцы именуют *Инин* (Yining) — сокращенное обозначение по первой букве названия реки Или, на северном берегу которой он расположен. Как известно, город был в свое время центром владений Чагатая, сына Чингисхана. В середине XIX столетия Кульджа получила известность как крупный торговый центр, соединяющий двух соседей — Россию и Китай.

Корпус собранных нами топонимов позволяет говорить о двух основных принципах номинации географических объектов: природном (по их физическим свойствам) и оценочном (по их роли в жизни человека).

Нами выделены лексико-семантические группы (далее — ЛСГ), в которые объединяются топонимы. Например, в ЛСГ «Наименования физического характера» зафиксировано 7 подгрупп: это названия, указывающие на размер объектов, их форму, ландшафт и рельеф, характер почвы, гидрометрические свойства, колористическую характеристику, звуковые признаки. ЛСГ «аксиологические наименования объектов» включает 2 подгруппы: негативной и позитивной оценки объекта.

г. Кульджа, административный центр Или-Казахского АО

Топонимикон Синьцзяна отражает особенности уникальной культуры ойратов, своеобразие кочевого образа жизни, ландшафта, географических реалий, местной флоры и фауны. Об этом свидетельствуют фитогидронимы (*Модта-гол* ‘Лесная река’, *Бургуста-гол* ‘Ивовая река’, *Уласта-гол* ‘Тополиная река’), зоогидронимы (*Арслангол* ‘Лев-река’, *Эцин-Бух-гол* ‘Тощий бык-река’), агиогидронимы (*Цаца-гол* ‘Цаца-река’, *Ова-гол* ‘Ова-река’) и др.

В составе названий рек и озер часто встречаются колоративы (*цаган* ‘белый’, *хар* ‘черный’, *улан* ‘красный’, *бор* ‘серый’) и другие ЛСГ прилагательных, например: *Байн-гол* ‘Богатая река’, *Хайдык-гол* ‘Одинокая река’ и т. д. Семантика цветовых топонимов порождает различные интерпретации [Суперанская 1970; Иванов 1981 и др.]. В частности, А. В. Суперанская пишет: «Цветовые названия встречаются слишком часто, для того чтобы быть случайными. В то же время набор их слишком беден для того, чтобы они могли отражать какие-либо реальные признаки объектов» [Суперанская 1970: 126]. Не вступая в полемику, отметим, что это тема отдельного исследования. Здесь же укажем, что цветообозначения могут входить в со-

став трехкомпонентных топонимов. В качестве примера приведем гидроним *Түрген Цаган гол* ‘Быстрая Белая река’.

Лимноним *Сайрам-Нур* (кит. *Selimu-hu*) — название крупного пресноводного высокогорного озера на западе Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, расположенного недалеко от казахстанской границы в горах Борохоро, в 114 км к юго-западу от озера Эби-Нур.

Это озеро имеет историческое значение. Здесь пролегал маршрут путешествия великого ойратского просветителя Зая-пандиты, описанный в «Биографии Зая-пандиты» его учеником Раднабхадрой [Раднабхадра 1999]. Сочинение является важным источником изучения ойратской топонимии. Синьцзянский историк проф. Ш. Норбо [1999] дал обстоятельный топонимический комментарий в своей книге, получившей высокую оценку казахского ученого проф. Ж. О. Артыкбаева, пояснивший в своей работе [Артыкбаев 2005] некоторые названия, значение которых может быть понятно только при привлечении казахских историко-фольклорных материалов.

Хотелось бы обратить внимание на гидронимы, восходящие к словам с амбивалентной семантикой, что вызывает закономерные затруднения в интерпретации названия водного объекта, имеющего альтернативный топонимический смысл. Таков, например, ойратский апеллятив *төмөрлиг* ‘железистый’, который представлен в потамониме *Төмөрлиг*. Кстати, в русскоязычной литературе фигурирует и ороним Тюмюрлук. Возникает вопрос: на что указывает название реки — на наличие железа (железной

Гора Атан-уул

руды), твердый характер почвы, ржавчину на поверхности воды, присущий воде металлический привкус, труднопроходимость местности и т. п.

Следует отметить существование топонимов-дублетов, встречающихся на значительном удалении друг от друга, в том числе на территории разных государств. Например, монголоязычный гидроним *Цаган-Нур,* что значит ‘Белое озеро’, можно обнаружить как в России (в Калмыкии, Забайкальском крае), так и в Монголии и Китае.

Другой пример — ойконим-дублет Хошут (калм. *Хошуд*) — населенный пункт в Баянгол-Монгольском АО СУАР КНР, где нам удалось побывать во время экспедиции, и сельский населенный пункт в Октябрьском районе Калмыкии.

Собранный материал показывает, что ключевую роль в образовании ойратских топонимов играют географические термины (апеллятивы, обозначающие разновидность географической реалии). Если в русских географических названиях они остаются за пределами топонима, то в монгольских

Ова в местности Байн-Тоха недалеко от населенного пункта Бахлык

языках ситуация иная: соответствующий термин (гидрографический термин «река» — ойрат. *гол, мөрөн*, ус, перс. *дарья*, кит. *хэ*; орографический термин «гора» — ойрат. *уул*) входит в состав гидронима или оронима, поэтому названия гор, рек и озер неоднословны. Иными словами, если особенностью русской топонимии является суффиксация, то ойратской топонимии (шире — монгольской) присущи сложные топонимы, состоящие из индивидуализирующего компонента (ИС) и сопровождающего его апеллятива — классифицирующего географического термина, указывающего на то, к какому типу географических объектов относится данное название: например, гидронимы Или-гол, Баян-гол, Кунгес-гол, Текес-гол, Tamhta-гол, Кончедарья, Бост-Нур (кит. Боху), Сайрам-Нур, Эви-Нур, Лоб-Нур и др., оронимы Тенгр-Уул ‘Небо-гора’ (Тянь-Шань), Хан-Уул ‘Хан-гора’, Атан-Уул ‘Атан-гора’, Богд-Уул ‘Богдо-гора’ и т. д.

Что касается названий населенных пунктов, то здесь картина несколько иная. Номенклатурный термин не входит в состав ойконима, поэтому среди них много однословных номинаций: *Өрөмч* (Урумчи), *Корл* (Корла), *Нилх* (Нилх), *Җиң* (Джинг), *Толь* (Толи), *Аршан* (Аршан), *Хеҗиң* (Хеджин) и т. д., хотя также встречаются двухкомпонентные названия (*Байн-Булаг*, *Боро-Тала*, *Хар-Усун*, *Ховог-Сайр*).

Ойконимы представляют собой наиболее динамичный разряд топонимической лексики: населенные пункты часто переименовываются, а могут и вообще исчезнуть. Ойконимия тесно связана с другими разрядами топонимии и онимической лексики в целом, поэтому ее изучение может помочь в объяснении значений онимов.

На территории СУАР КНР мы выделяем две основные лексико-семантические группы ойконимов: 1) названия населенных пунктов, образованные от имен собственных (этнонимов, гидронимов); 2) названия населенных пунктов, образованные от имен нарицательных. К первым относится большинство ойратских ойконимов. Так, например, топоним *Баркель* — это и озеро, и город. Если второй элемент топонима сомнений не вызывает (тюркский термин *озеро*), то происхождение первого компонента сложного топонима не ясно. У ойратов есть легенда, трактующая топоним на монгольской почве как *Барсин көл* ‘Лапа тигра’. В прошлом в этой местности водились тигры, и на одной скале остался след лапы тигра. Отсюда и пошло название *Баркель*.

Приведем другой пример с топонимом *Нилх* ‘Новорожденный’. Ойконим *Нилх* возник от потамонима. Река *Ар-Нилхин-гол*, доходящая до города Джинга, где мы побывали, берет начало на южном склоне горы *Булгун-Нур*.

Полевое исследование позволило выявить корпус ареальных типологических соответствий, связывающих топонимические пространства СУАР КНР и Республики Калмыкия РФ, а также ойратский язык и языки субстрата. Наибольшее межъязыковое сходство наблюдается в сфере географической терминологии и в некоторых других сферах топонимической номинации (физические свойства и оценка объектов, флора, фауна и др.). Обнаруживающиеся различия можно объяснить разной степенью продуктивности топонимических моделей и своеобразием номинативных средств каждого языка.

Рассмотренные топонимы представляют собой географические маркеры, зафиксировавшие в своей семантической структуре связь с пространственными объектами и со-

Улица в населенном пункте Геденг

циально-исторические этапы развития общества, репрезентируя базовые категории языковой картины мира — пространство и время — и эксплицируя тем самым важную этнокультурную информацию.

Процесс формирования ойратской ойконимии Синьцзяна был достаточно интенсивным, при этом иноязычные названия подверглись адаптации (Хар-Шар — Карашар, Зултс — Юлдуз).

Ойратские названия в основном относятся к рекам и озерам, а также к рельефу и в меньшей степени к поселениям, что можно объяснить кочевым образом жизни и особенностями быта ойратов в прошлом. На наш взгляд, гидронимы — лимнонимы (названия озер) и потамонимы (названия рек) — представляют ядро топонимического поля в языке ойратов Синьцзяна. И дело здесь не только в количественном факторе. Именно вокруг воды, возле рек всегда концентрировалась вся хозяйственно-экономическая и социокультурная жизнь сообщества. Наиболее значимым для ойратоязычной топонимической картины мира является обобщенный образ водного пространства, воплощенный в специализированных номинационных знаках — ландшафтных гидронимах, некоторые из которых, например, река Или в Синьцзяне или река Волга (*Иҗл һол*) в России на определенном этапе стали своего рода этническими символами.

С точки зрения структуры выявлены как однокомпонентные, так и многокомпонентные географические названия. В ойратской топонимии исследуемого ареала превалируют двухкомпонентные наименования, на втором месте — однокомпонентные топонимы, трех- и четырехкомпонентные названия немногочисленны. Первым компонентом выступают существительные или прилагательные, как аффиксальные, так и безаффиксальные. Первые оформляются аффиксом генитива *–ин,* вторые — аффиксом *-т (-та)*, имеющим значение обладания чем-либо (*Хуҗрт-гол* ‘Солончаковая река’, *Хунт-Нур* ‘Лебяжье озеро’ в местности Байн-Булаг).

Необходимо отметить, что нам удалось в ходе экспедиции собрать и так называемые микротопонимы, т. е. названия урочищ, колодцев, ключей и других объектов, известных лишь узкому кругу местных жителей. Все эти названия представляют для ономастики не меньший интерес, чем названия крупных географических объектов.

Переход топонимических исследований на новый (суб- и микрорегиональный) уро-

вень ясно обозначил четкие перспективы, связанные с реальной возможностью уже в ближайшем будущем представить детализированную топонимическую карту изучаемой территории.

Перспективность дальнейшей разработки темы обусловлена актуальностью типологического рассмотрения и научного осмысления зафиксированного нами в ходе экспедиции полевого материала.

А завершить статью хотелось бы словами замечательного ученого и путешественника Н. М. Пржевальского, которые очень созвучны нашим ощущениям, возникшим после экспедиции: «Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мной, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе» [Пржевальский 1883: 364].

Местность Байн-Булаг в уезде Хэджин Байнгол-Монгольского АО

Полевые материалы автора

Амр, 32 года, олет (Монгол-Кюря), проживает в уезде Монгол-Кюря, СУАР, КНР.

Араа, 45 лет, торгут (Баянгол), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Бадмараа, 60 лет, торгут, керят (Баянгол), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Батбаяр, 40 лет, торгут (Хар-Усун), проживает в г. Урумчи, СУАР, КНР.

Ирнчя, 58 лет, торгут, ик цаатн (Баянгол), проживает в г. Урумчи, СУАР, КНР.

Лиджи, 47 лет, торгут (Баянгол), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Мёнкя, 49 лет, хошут (Хошут), проживает в г. Урумчи, СУАР, КНР.

Мидгя, 1945 г. р., хошутка, проживает в уезде Бост-Нур.

Утнасн, 44 года, торгутка (Хар-Усун), проживает в г. Элиста, РК, Россия.

Хаалга, 52 года, хошут (Бостнуур), проживает в г. Корла, СУАР, КНР.

Литература

Андреев А. И. Русские письма из архива Свена Гедина в Стокгольме // Ариаварта. 1997. № 1. С. 29–76.

Артыкбаев Ж. О. Топонимические этюды по маршрутам Зая-пандиты // Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Докл. и сообщ. междунар. науч. семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. Казань: Алма Лит, 2005. С. 123–128.

Бадгаев Н. Б., Омакаева Э. У. О происхождении топонима Ессентуки // История и культура

монголоязычных народов: источники и традиции. Междунар. “круглый стол” монголоведов. Улан-Удэ, БФ СО АН СССР, 1989. С. 92–93.

Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Том 2. Ч. 1. М.: Наука, 1963. 759 с.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532 с.

Бертагаев Т. А. О монгольских и бурятских гидронимах // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 124–129.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Борисенко И. В. Топонимика Ергеней (дореволюционный период) // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 35–51.

Бурыкин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петербург. Восток-е, 2006. 224 с.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Издание Ленинградского Восточного института, 1929. 447 с.

Волобуев В. И. Некоторые итоги реконструкции карты И. Рената // Известия Национальной академии наук РК. Сер. общественных наук. 1993. № 6. С. 11–16.

Горбунов А. П. Горы Центральной Азии: Толковый словарь географических названий и терминов. Алматы: «Искандер», 2006. 128 с.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 428 с.

Десятая Конференция Организации Объединенных Наций по стандартизации географических названий. Нью-Йорк, 31 июля — 9 августа 2012 года. Нью-Йорк: ООН, 2012. 35 с.

Догсүрэн Ч. Оронимические термины в современном монгольском языке // Монгольский лингвистический сборник. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 115–124.

Иванов Вяч. Вс. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии // Балто-славянские исследования. 1980. М.: Наука, 1981. С. 163–177.

Казакевич В.А. Современная монгольская топонимика. Л.: АН СССР, 1934. 30 с.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Конкашпаев Г. К. Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. филол. и иск-я. Вып. I. Алма-Ата, 1956. С. 85–98.

Конкашпаев Г.К. Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста: Респ. тип-я Гос. комитета Калмыцкой АССР по делам изд-в, полиграфии и кн. торговли, 1984. С. 112–118.

Контев А. В., Бородаев В. Б. Верхнее Обь-Иртышье на ойратской карте Джунгарии первой трети XVIII века Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 5–11.

Корсункиев Ц.К. Топонимика Яшкульского района // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 57–72.

Крюкова И. В., Супрун В. И. К историко-лингвистическому изучению донской гидронимии // Вопросы ономастики. № 1. 2004. С. 75–85.

Лиджиев А. Б. Информативность и стереотипность ойратских и калмыцких топонимов // Гуманитарная наука Юга России: Международное и региональное взаимодействие. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сентября, 2011 г.). Часть I. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 113–115.

Макшеев А. И. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год // Записки император. Рус. географ. о-ва по общей географии. Отделение географии математической и физической. Т. 11 / под ред. И. В. Мушкетова. СПб., 1886. С. 107–145.

Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии: История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 186 с.

Моисеев В. А. Новые материалы о Ренате // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур). Мат-лы II регион. конф., 26 октября 1999 г. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 1999. С. 22–27.

Монраев М. У. Особенности топонимики Калмыкии // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3 (Спецвыпуск). С. 123–125.

Монраев М. У., Монраева Э. М. Топонимика Синьцзяна и Калмыкии в сравнительном освещении // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4. Ч. 2. С. 64–67.

Мурзаев Э. М. Заметки о географических названиях монголов // Современная Монголия. 1940. № 4–6. С. 119–126.

Мурзаев Э.М. Географическая семантика некоторых тюркских топонимов // Ономастика Поволжья: Мат-лы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск: Ин-т языкознания АН СССР, 1969. С. 101–104.

Мурзаев Э. М. Топонимика Синьцзяна // Мурзаев Э. М. Очерки топонимики / Оформление художника В. П. Логинова; Ин-т географии АН СССР. М.: Мысль, 1974. 384 с. С. 269–302.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 177 с.

Номинханов Ц.-Д. Монгольские элементы в этнонимике и топонимике Узбекской ССР // Записки Калм. НИИЯЛИ. Вып. II. Элиста: КНИИЯЛИ, 1962. С. 150–157.

Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописьм. монг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

Омакаева Э.У. Насущные проблемы калмыцкой ономастики // Тезисы и доклады Междунар. научно-теоретической конф. “Банзаровские чтения-2”, посв. 175-летию Д. Банзарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

Очир-Горяев В.Э. Культ гор у монгольских народов // Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. Элиста: КНИИИФЭ, 1980. С. 135–143.

Очир-Горяев В.Э. Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 3–34.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. С. 215.

Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во географ. лит-ры, 1947. 154 с.

Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб.: Изд. Император. Рус. Географ. о-ва, 1883. [6], II, IV. 476 с.

Пэрлээ Х. Монгол газрын түүхэн нэрийн нэгэн зүйл // Монгол орны газар зүйн асуудал. Улаанбаатар, 1968. № 8. Х. 146–153.

Рассадин В.И. Система гидронимов бассейна р. Ока // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 41–49.

Рассадин В. И., Михайлов Т. М. Исследования по топонимике Восточной Сибири // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1978. С. 108–117.

Раднабхадра. Лунный свет. История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслит. текста, предисл., примеч. и указ. А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербург. Востоковед., 1999. 176 с.

Санчиров В. П. К изучению топонимики ойратов и калмыков (XVII–XVIII вв.) // Новый исторический вестник. Специальный выпуск «Сибирские чтения в РГГУ». № 3 (29). 2011. [электронный ресурс] / URL: http://cyberleninka.ru/article/n/k-izucheniyu-toponimiki-oyratov-i-kalmykov-xvii-xviii-vv (дата обращения: 12.01.2013).

Суперанская А. В. Терминологичны ли цветовые названия рек? // Местные географические термины. М.: Мысль, 1970. С. 126–127.

Цолоо Ж. Сравнительное исследование диалектной лексики монгольского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1992. 36 с.

Шагдаров Л. Д. К принципам унификации слов и названий из восточных языков при передаче их на русском языке // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1976. С. 93–110.

Эрдниев У.Э. Топонимика Калмыкии // Историческая судьба калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. С. 58–79.

Baddeley John F. The Renats maps // Baddeley John F. Russia, Mongolia, China being some record of the relations between them from the beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602–1676. Vol. I–II. London: Macmillan, 1919. 446 p.

Hedin Sven. Southern Tibet: Discoveries in Former Times compared with my own researches in 1906–908. Vol. 1. Stockholm, 1917. P. 258–259.

Poppe N. Renat’s Kalmuck maps // Imago Mundi: The International Journal for the History of Cartography. Vol. 12 (1955). Stockholm; Leiden, 1956. P. 157.

УДК 821.584.6
ББК 83.3(0)9 (5 Мон)+83.3(0)6+86.35

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОЙРАТСКИХ РУКОПИСЕЙ И КСИЛОГРАФОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ СИНЬЦЗЯНА*

Б. В. Меняев

В настоящей статье дается описание ойратских рукописей, зафиксированных в частных коллекциях у жителей СУАР КНР.

Во время экспедиции нам удалось обнаружить письменные памятники в буддийских храмах, музеях и в частных собраниях. Как известно, у ойратов сложилось трепетное отношение к рукописям: к ним можно было прикасаться только чистыми руками, хранить их на алтаре, завернутыми в шелковые ткани, в специальных деревянных футлярах. Первая рукопись, находящаяся в частной коллекции, была выявлена на летней стоянке (калм. *зуслң*) чабана Очра Ользы (олет, 50 лет). Его стоянка находится недалеко от города Монгол-Кюря в местности под названием Атан-уул. На лицевом листе рукописи имеется надпись в рамке с названием сочинения «Pazar Bi-da-ra-na-yin sudur bui». В начале текста по традиции даны названия сочинения на санскрите, тибетском и монгольском (ойратском) языках (ened-kegiyin kelen-dü Pazar-bi-dara-na-na-ma-dhi-vi: töbüdiyin kelen-dü rdo-rze ramanar gzompa gvs byeva zus: mongγoliyin kelen-dü: teyin ebdeqči očir kemēkü toqtōl). Тут уместно будет дать русское название рукописи «Дхарани ваджры, разрушающей таким образом». Текст рукописи содержит заклинания (дхарани) на санскрите, записанные ойратским «ясным письмом». Рукопись состоит из семи листов.

В экспедиции нам посчастливилось увидеть один из ойратских ксилографов, коих на сегодняшний день обнаружено сравнительно небольшое количество. В поселке Бахлык Текесского уезда Или-Казахского автономного округа (ИКАО) СУАР в доме ламы Увелзенг-генги хранится ойратский ксилограф «Сутра Золотого блеска» («Xutuq-tu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdü altan gerel kemēkü yeke külgüni sudur orošiboi»). Это произведение широко известно в науке под кратким названием «Алтан герел». Произведение было переведено Зая-пандитой с тибетского языка. Сутра «Алтан герел» была чрезвычайно популярна и распространена у всех монгольских народов [Лувсанвандан 1970: 11]. Текст полный. Ксилограф состоит из 131 листа, пагинация полистная, бумага плотная. В колофоне рукописи имеется информация об инициаторах ксилографирования, переводчике и писцах. Так, донаторами печатания сутры являлись калмыцкий хан Дондук-Даши и ханша Деджит (*öqligüyin ezen oloni ezen oyirodiyin noyon Don grob bkra šes kigēd neyideyin yeke ezen eke xatun Bde skyed*). Дондук-Даши хан был известен как законотворец и большой поборник образования среди калмыков [Голстунский 1880]. Перевод сочинения с тибетского на ойратский язык осуществлен Огторгуйин Далай Зая-пандитой (*olburi dēdü yeke amuγuulang-gi olxuyin tula Oqtorγui Dalai Rab-byam Za-Ya pandida orčiulbai*). На письменной доске (самбар) сочинение вырезал писец Мерген Гуши Цультим Джамцо (*onomγoi uxātu Mergen güüši Çül-krim byam-co samuradan*), а на бумагу Гедун Занпо (*onco dēdü-yi-gi kereqleqči ketürkei bičīči Dge-dun Bzangpo cāsun-du bičiqsen*). Как пояснил хранитель ксилографа Увелзенг-генгя, ксилограф был вывезен с Волги в 1771 г., когда Убаши-хан увел большую часть подданных в Джунгарию. На каждом листе ксилографа стоит печать красного цвета, на которой вырезаны слоги мантры «Ом мани падме хум» на тибетском языке. По сообщению Увелзенг-генги, ксилограф «Алтан герел» раньше хранился в монастыре Зая-пандиты («Хутгтын-Кюря»).

Самая большая рукописная коллекция, которую нам удалось обнаружить, принадлежит жителю селения Геденг ИКАО СУАР

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ № 12-04-18021 «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР».

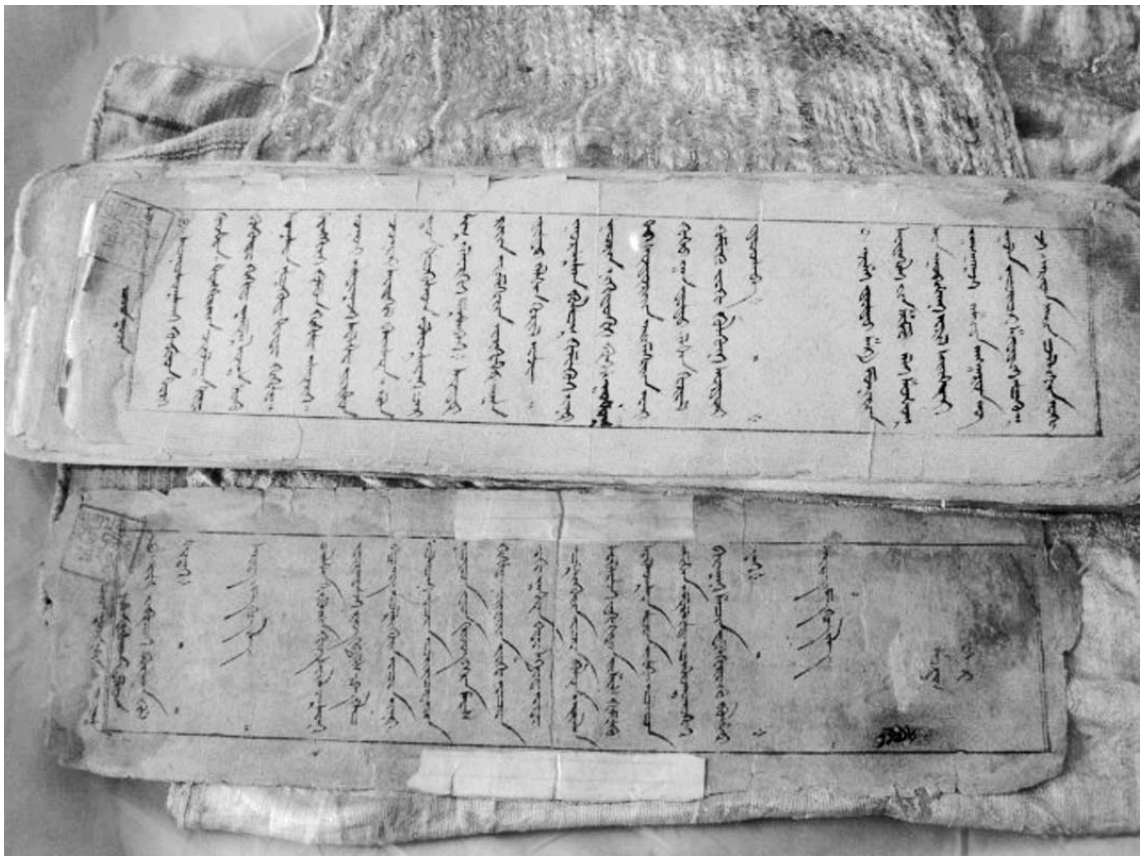
Рукописи из частной коллекции Харин Тогтоха

Харин Тогтоху. Его коллекция состоит из 74 рукописей, основная часть которых переписана им собственноручно. Среди его рукописей встречаются буддийские канонические тексты, такие как «Алтан гэрэл», «Дорджи джодва» (ойрат. «Xutuqtu biligiyin činadu kürüqsen tasuluqči očir kemeküi yeke külgüni sudur oroširoi»), ойрат. «Yeke toniluqsani sudur oroširoi», а также произведения из класса «народного буддизма»: «Burxan baqši-yin surγal oroširoi», «Rdorze gzodpayin tayilbur kemēkü yeke külgüni sudur oroširoi». Большой интерес вызвали тексты, относящиеся к культам различных божеств буддийского пантеона и тексты, сопровождающие ритуальные воскурения им. Например, «Očirpānin sang oroširoi», «Yaman Dagayin serjim oroširoi», сочинение, посвященное культу бодхисаттвы Авалокитешвары «Aryā Pala sudur oroširoi». В коллекции есть также одно из редких ойратских переводов под названием «Surγuuliyin baqši Badma Sambayin zokōqsan arkiyin uq γarulγa-gi sayitur ilaγuqsan sudur». В ней говорится о происхождении алкоголя и последствиях его употребления. Автором этого сочинения считается буддийский философ Падмасамбхава. Ряд текстов из коллекции Харин Тогтоха мы отнесли к разряду астрологических, гадательных сочинений по приметам, явлениям природы и т. д., например, такие как «Kerē-in duu šinjilkü bičiq», «Kümün-ni šinji kemēküi sudur oroširoi», «Mongγoliyin xurdun mörin-ni šinji-in bičiq oroširoi». Сочинения подобного рода были некогда популярны среди монгольских народов.

Из данной коллекции к добуддийским ритуальным произведениям можно отнести такие тексты, как, например, «Γal-in sang oroširoi», «Güün-ni sün-ni sang oroširoi». Последний текст предназначен для умилостивления божеств-охранителей кобылиц для того, чтобы они дали молоко в изобилии. К данному разряду сочинений можно отнести и тексты кроплений кобыльим молоком, например, «Güüni sün-ni caculi-in sudur oroširoi». Коллекция рукописей Харин Тогтоха интересна тем, что в ней присутствуют произведения, относящиеся к различным жанрам буддийской литературы. Примечательно то, что все эти тексты хранитель периодически прочитывает (ойрат. *ном неенэ*, т. е. ‘открывает книгу’ и калм. *ном әмрүлнэ* (‘оживляет книгу’). Это свидетельствует о том, что владелец рукописей хорошо знает состав своей коллекции и ее предназначение.

Приведем полный перечень рукописей из частного собрания Харин Тогтоха.

1. Yeke mingγani sayitur daruqči kemēkü toqtōl oroširoi. 32 лл. Текст переписан владельцем.
2. Uxān tarniyin xatun yeke toγos yeke oroširoi. 47 лл. Текст переписан владельцем.
3. Ārya Maha Prdi sarva bhdyā ra jē. 33 лл. Текст переписан владельцем.
4. Yeke seriün öyin sudur oroširoi. 16 лл. Текст переписан владельцем.



Колофон ксилографа «Алтан гэрэл»

5. Yeke niγuca tarni daxan bariqči sudur orošiboi. 16 лл.
6. Xutuqtu yeke toniluqsani züqtü delgerüülüqči kemēkü yeke külgüni sudur orošiboi. 76 лл.
7. Ölzei dabxurlaqsan orošiboi. 24 лл. Текст переписан владельцем.
8. Güün-ni sün-ni sang orošiboi. 2 лл. Текст переписан владельцем.
9. Ki mori-yin sang orošiboi. 3 лл. Текст переписан владельцем.
10. Ning yeke caγān köqšin Xurmustun tenggeri nayiman ayimaq takixui sudur orošibo:: 15 лл. Текст переписан владельцем.
11. Γal-in sang orošiboi. 3 лл. Текст переписан владельцем.
12. Iysun sülde tenggeriyin sang orošiboi. 2 лл.
13. Boqdo arši caγān öbügen-ni sang orošiboi. 2 лл. Переписан владельцем.
14. Caγān Esürüyin-ni sang orošiboi. 2 лл. Текст переписан владельцем.
15. Buzar-igi arilγaxui sang orošiboi. 2 лл. Текст переписан владельцем.
16. Baγa neyiteyin sang orošiboi. 2 лл. Текст переписан владельцем.
17. Erketü möngkü tenggeriyin sang orošiboi. 3 лл. Текст переписан владельцем.
18. Xara sülde-yin sang orošiboi. 4 лл. Текст переписан владельцем.
19. Zayān-ni tabun tenggeriyin sang orošiboi. 3 лл. Текст переписан владельцем.
20. Sariyin sang orošiboi. 7 лл. Текст переписан владельцем.
21. Ezen seldeyin sang orošiboi. 6 лл. Текст переписан владельцем.
22. Ezen Činggisiyin sang orošiboi. 6 лл. Текст переписан владельцем.
23. Dēdü ariun sang orošiboi. 4 лл. Текст переписан владельцем.
24. Očirpāňin sang orošiboi. 4 лл. Текст переписан владельцем.
25. Manāxān tenggeriyin sang orošiboi. 4 лл. Текст переписан владельцем.
26. Γazar usuni nomoγodxoqči caγān öbögün kemēkü orošiboi. 5 лл.
27. Γazar usuni sang orošiboi. Воскурение земле и воде. 6 лл.

28. Dolōn öbügen kemēkü odon-ni sudur oroširoi. 9 лл.
29. Molon toyin eke-yin ači-igi xariulaqsan sudur oroširoi. 13 лл. Текст переписан владельцем.
30. Abxui gēküyin dörbön möritü šülüq oroširoi. 7 лл.
31. Gedeng uula-yin gereltü bolor čiluun kösēyin bičiq. 5 лл. Текст переписан владельцем.
32. Sonosōd tonilaqči zuuridiyin sudur oroširoi. 21 лл.
33. Dāre eke oroširoi. 11 лл.
34. Xutuqtu Ganapadi sudur oroširoi.
35. Tangγartai beye ukāxu sudur oroširoi. 11 лл.
36. Erdeni šastir orošibo. Dalai blamayin zokōqsan sudur. 12 лл.
37. Pa bsdan pa sangse beyin touji oroširoi. 15 лл.
38. Burxan baqši-yin surγal oroširoi. (1a). 2 лл. Текст переписан владельцем.
39. Dörbön zügiyin yeke xān-ni zalbiral oroširoi. 2 лл. Текст переписан владельцем.
40. Arban burxan-ni zarliq oroširoi. 3 лл. Текст переписан владельцем.
41. Ezen sang oroširoi. 4 лл. Текст переписан владельцем.
42. Γazar usun-ni sang oroširoi. 4 лл. Текст переписан владельцем.
43. Yaman Dagayin serjim oroširoi. 2 лл. Текст переписан владельцем.
44. Ezen süldeyin sang oroširoi. 4 лл. Текст переписан владельцем.
45. Sabdaq serjim ši byeva šüü (?) so oroširoi. Текст переписан владельцем.
46. Kümüni kele ama utulxu bičiq oroširoi. 2 лл. Текст переписан владельцем.
47. Güün-ni sün-ni caculi-in sudur oroširoi. 5 лл. Текст переписан владельцем.
48. Manāxan tenggeri-in sang oroširoi. 3 лл. Текст переписан владельцем.
49. Ang-giyin sang oroširoi. 2 лл. Текст переписан владельцем.
50. Ēji-in ači kemēküi sudur oroširoi. 5 лл. Текст переписан владельцем.
51. Xutuqtu Ganapadi sudur oroširoi. 6 лл. Текст переписан владельцем.
52. Maňzuširi belge kigēd uxān örgüjikü toqtōl. 3 лл. Текст переписан владельцем.
53. Mayidariyin iröl oroširoi. 6 лл. Текст переписан владельцем.
54. Γal-in yöröl-in sudur oroširoi. 3 лл. Текст переписан владельцем.
55. Xutuqtu dēdü altan gerel suduriyin ayimaqiyin erketü xān kemēkü yeke külgüni sudur oroširoi. 93 лл.
56. Itegel oroširoi. 2 лл. Текст переписан владельцем.
57. Altan gerel-in kišiq xod abuqči kemēkü yeke külgün-ni sudur oroširoi. 9 лл. Текст переписан владельцем.
58. Saba šimeyin surγal oroširoi. 5 лл. Текст переписан владельцем.
59. Geriyin sünsü üzekü bičiq oroširoi. 16 лл.
60. Aryā Pala sudur oroširoi. 6 лл.
61. Surγuuliyin baqši Badma Sambayin zokōqsan arkiyin uq γarulγa-gi sayitur ilaγuqsan sudur. 15 лл. Текст переписан владельцем.
62. Erdeni šaštar oroširoi. Dalai blamayin zokōqsan sudur. 13 лл. Текст переписан владельцем.
63. Šajiyin sudur oroširoi. 17 лл. Текст переписан владельцем.
64. Sünüsün-ni bičiq.
65. Kerē-in duu šinjilkü bičiq. 2 лл. Текст переписан владельцем.
66. Mongγoliyin xurdun mörin-ni šinji-in bičiq oroširoi. 6 лл. Текст переписан владельцем.
67. Kümün-ni šinji kemēküi sudur oroširoi. 10 лл. Текст переписан владельцем.
68. Xutuqtu biligiyin činadu kürüqsen tasuluqči očir kemeküi yeke külgüni sudur oroširoi. 23 лл.
69. Rdorje gzodpayin tayilbur kemēkü yeke külgüni sudur oroširoi. 20 лл.
70. Γazar usuni caculiyin sudur oroširoi. 5 лл.
71. Γal takixu kišiq dallaxu sudur oroširoi. 9 лл.
72. Mayidariyin iröl oroširoi. 5 лл.
73. Xutuqtu xar ama kele amurlulun üyilüdüqči. 10 лл.
74. Xutuqtu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdü altan gerel kemēkü yeke külgüni sudur oroširoi. 130 лл.
75. Xutuqtu yeke toniluqsani züq-tü delgeröülüqči gemšin γašoudaxui-bēr kilince arilγan burxan-du bütēküi maši zokōqči kemēkü yeke külgüni sudur. 72 лл.

Таким образом, в ходе научной экспедиции к ойратам Синьцзяна нам впервые представилась возможность ознакомиться с рукописным наследием, хранящимся в частных коллекциях ойратов Синьцзяна, и получить общее представление о коллекциях рукописей. Данные собрания рукописей являются бесценной сокровищницей культурного наследия ойратов и представляют огромный интерес для дальнейших научных исследований.

Литература

С. Лувсанвандан. Памятники монгольского «ясного письма» и их изучение в МНР // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии (Элиста, 5–6 сентября 1968 г.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 108–113.

Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1880. 143 с.

УДК 78
ББК 85.31

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА ОЙРАТОВ СИНЬЦЗЯНА: ИЗ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ОПЫТА*

Э. У. Омакаева, Б. Х. Борлыкова

В условиях глобализации и модернизации все более значимой становится проблема сохранения традиционных культур малочисленных народов и их этнической идентичности. Любая культура — это своего рода «матрица», хранящая колоссальные знания. Одной из таких подматриц является народная песня, передающая из поколения в поколение традиционное этническое мироощущение и мировидение.

Носителями ойратской песенной традиции являются западномонгольские этносы и этнические группы, проживающие сегодня на территории различных государств. Под термином «ойратская народная песня» понимается песенный фольклор ойратоязычных народов (потомков средневековых ойратов, проживающих ныне в Китае, Монголии и России), хотя в литературе ойратская песня часто обозначается как монгольская [Моңһл ут дууна үг 1980; Ховгсээрин моңһл ут дун 1984], поскольку в Китае ойратов официально называют монголами.

Неоценимое значение для сохранения и научного изучения музыкально-поэтического творчества ойратов имеют разновременные записи песен, а также научные и популярные издания песенных текстов, осуществленные как в самом регионе бытования, так и за его пределами.

Экспедиция к ойратам Синьцзяна позволила нам зафиксировать с помощью новых информационных технологий современное состояние песенного фольклора среди различных групп ойратов — торгутов, хошутов и олетов. Данный регион привлек нас как место локализации устной песенной традиции ойратоязычных субэтнических групп, родственных российским калмыкам и ойратам Монголии.

Актуальность изучения ойратского песенного фольклора и ритуала как связующего звена между природой, космосом и человеком в контексте взаимодействия традиционной музыкальной культуры и окружающей среды не вызывает сомнения [Omakaeva 2000]. Песня антропоцентрична: окружающая среда отражается в ней через человека. Именно песня как синтетический жанр является наиболее эмоциональным средством передачи через музыку и слово традиционных ценностей этноса, его менталитета, национального характера, образа жизни и самосознания, сакрального знания.

В народной песне, целостность которой достигается синтезом поэтического текста и мелодии («песня по самой своей природе отражает синкретизм музыки и поэзии» [Кульганек 2001: 154]), заложена особая сила идейно-эстетического и эмоционально-психологического воздействия. Не случайно, русские путешественники, этнографы, интересовавшиеся бытом и культурой монголов, высоко оценивали их музыкально-поэтическое творчество. Известный русский путешественник П. К. Козлов писал: «Монголы — большие любители песен. Пение у них встречается хоровое, унисонное и сольное. Песни монголов – лирические и лироэпические, в них они воспевают удалых молодцов, своих коней, красавиц, свои кочевья» [Козлов 1949: 27].

Как известно, по своим жанровым признакам музыкально-поэтическое творчество ойратов разделяется на протяжную песню (ут дун «долгая песня») и быструю (ахр дун «корткая песня»). В качестве доминантного в песенной традиции ойратов признается жанр протяжной песни. Именно здесь были выработаны локальные стилевые особенности. «Протяжная песня урт ду — подлинная стихия самобытного музыкального творчества монголов скотоводов-кочевников» [Смирнов 1971: 49].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР», № 12-04-18021е).

Информант Донгруп, уезд Джинг, Бортала-Монгольский АО

Информант Байнда, уезд Джинг, Бортала-Монгольский АО

Фольклорный ансамбль уезда Бост-Нур

Этот песенный жанр занимает достойное место в фольклоре многих народов. Протяжной песне как особой форме русской народной песенной культуры была посвящена кандидатская диссертация И. И. Земцовского [1963].

В августе 2010 г. в Улан-Удэ усилиями наших бурятских коллег был проведен международный круглый стол по проблемам современного бытования протяжных песен у монгольских народов, в котором нам посчастливилось принять участие. В его рекомендациях отмечена необходимость дальнейшего совместного изучения рассматриваемой тематики [Протяжные песни монгольских народов 2010]. Данная статья может считаться реализацией принятых в 2010 г. рекомендаций.

Исследователи считают, что протяжное пение является маркером этнического поведения представителей народов степи [Шейкин 2002: 295]. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о ее генезисе. Древние ойратские легенды и предания со-

держат интересные сюжеты о происхождении протяжной песни, музыкальных инструментов (ятхи, икеля, товшура и др.).

На формирование стиля протяжного пения, несомненно, оказали влияние природные климатические условия и степной ландшафт. Уже в самом названии песенного жанра заложено пространственное представление о протяжной песне как «длинной». В открытом степном пространстве легче установить связь с природой, космосом, предками. Певец-номад выступает в роли медиатора, а его голос служит инструментом, посредством которого достигается гармония [Дашиева 2010].

По гипотезе Б. Ф. Смирнова, протяжная песня восходит к бестекстовым возгласным распевам [Смирнов 1971: 22]. Считается, что в основе различия протяжных и коротких песен лежат мелодические жанры [Смирнов 1971: 21]. Так, протяжная песня характеризуется распевом слогов. Но представляется, что принадлежность поэтического текста к одной из двух названных жанровых разновидностей определяется не только особой мелодикой, но и тематикой, символикой и характером образов. Так, исследователь Т. Г. Басангова отмечает магический характер протяжной песни, тематика которой связана с традиционным хозяйственным занятием монгольских народов — скотоводством [Басангова 1999: 46].

Видимо, возникновение этого самобытного феномена духовной культуры ойратов связано не только с климатическими и ландшафтными факторами, но и с архаическими мифологическими, космогоническими, древними магическими представлениями древнего человека. Не случайно в протяжной песне тесно переплетены и четко ощущаются следы других поэтических жанров — йорялей-благопожеланий, магталов-восхвалений, сургалов-наставлений, молитв-заклинаний и т. д. Все это говорит о том, что ойраты очень тонко ощущали и по-настоящему ценили красоту и музыкальность окружающего мира, что и нашло отражение в песенном творчестве.

Протяжной народной песне ойратов, монголов и калмыков посвящена значительная литература, созданная как в прошлые столетия, так и в относительно недавнее время. И это не случайно. Протяжные песни имеют большую познавательную и культурно-историческую ценность. Это своего рода опоэтизированная история жизни этноса, настоящая энциклопедия народного быта, передающая его неповторимый колорит, своеобразие материальной и духовной культуры, неписаные правила поведения в семье и обществе. Именно в «первобытной обрядово-лирической песне» некоторые исследователи видят истоки песенной формы героического эпоса [Мелетинский 1972: 59].

Исследованию генезиса и эволюции вокально-поэтического жанра монгольской и ойратской протяжной песни посвящены кандидатские диссертации и вышедшие позднее монографии Д. Оюунцэцэг [1990; 2006] и Ван Гао Чао [2008; 2012], но многие проблемы ввиду сложности объекта изучения остаются открытыми, в частности, язык песен. Лингвистическое изучение песенных текстов монгольских народов, в частности, ойратских и калмыцких песен, значительно отстает от их собственно фольклористического [Биткеев 1987; 2005; Оконов 1987, 2005; Хабунова 1998; Басангова 1999; 2007; Утнасун 2004; Борлыкова 2011 и др.] и музыковедческого [Цебиков 1991; Дорджиева 2000; Бадмаева 2001 и др.] осмысления. Достаточно сказать, что почти нет работ, специально посвященных языку ойратского и калмыцкого народно-песенного жанра, за исключением статей: [Омакаева, Убушиева 2008; Омакаева 2008]. При этнолингвистическом анализе необходимо учитывать и опыт фольклористического изучения монгольских народных песен [Хорлоо 1989; Яцковская 1988; Кульганек 2001].

В ходе экспедиции нами были записаны *ут дуд* «протяжные песни», *ахр дуд* «короткие песни» [Борлыкова, Омакаева 2012]. Ниже приводим тексты протяжной песни «Аду талан йовхлам», «Хан уулын орад», «Йоңхр торһн утцн», «Бөмбүрә-бөмбүрә моднд», «Тавур тавн хасг», записанных от информанта Мидгя, хошут (баргас), 67 лет, уезд Бост-Нур Баян-Монгольского автономного округа СУАР КНР.

Аду талан йовхлам

Аду талан йовхлам,
Атн темән һазрч,
Иҗл талан йовхлам,
Иньг тәмән һазрч.

Иньг талан йовхлам,
Хойр нүдн һазрч.

Нүүһәд сууһад йовхлам,
Нутгинм баран харгдна.

Нүүсн һазран бодхлам,
Нүднәсм нульмсн һооҗна.

Хан уулын орад

Хан уулын орад
Саңгин утан уйлдна.
Хамг үүлиг әәлдг
Мана богдан зәрлг.

Ке шар сүмднь
Кеңкргин дуран уйлдна
Кегсн үүлиг әәлдәгч
Мана богдан зәрлг.

Хо шар сүмднь
Хоңхан дуран уйлдна.
Хольжгсн үүлиг әәлдгч
Мана богдан зәрлг.

Беседа с исполнительницей народных песен Мидгя, Бост-Нур, Баянгол-Монгольский АО

Йоңхр торһн утцн

Йоңхр торһн утцмб,
Йоста бат утцмб.
Йовсн һазран бодхла,
Яснасм көөлсн һооҗна.

Дав гидг утцмб,
Татла бат утцмб.
Давсн даваһан бодхлам,
Даласн көөлсн һооҗна.

Самбу торһн утцмб,
Сәәхн бат утцмб.
Санан бодлан санхлам,
Шанаһасм көөлсн һооҗна.

Хаданчн өндр шовһрт
Харһдг угаһичнь яахви?
Харһсн хойрасчн сурхла,
Медсн угаһинь яахв?

Үзг деер һархла,
Үзгдг угаһичн яахви?
Үзгдсн хойрасчн сурхла,
Медсн угаһинь яахв?

Хамр деер һархла,
Харһлдг угаһичнь яахви?
Харһлдсн хойрасчн сурхла,
Медсн угаһинь яахв?

Бөмбүрә-бөмбүрә моднд

Бөмбүрә-бөмбүрә моднд,
Бүргд шовуд цуглрна.
Бүүвәлн, бүүвәлн өксн
Ээҗин ачиг яһн да кой.

Саглр, саглр моднд
Шаазһа шовуд цуглрна.
Шарухн уурган көкүлгсн
Ээҗин ачиг яһн да кой.

Харһа зандн моднд
Харцх шовуд цуглрна.
Харңһу сөөһәр бүүвәлгсн
Ээҗин ачиг яһн да кой.

В данной песне воспета великая сила материнской любви, перед которой все мы находимся в неоплатном долгу. Образ матери — традиционный поэтический символ в фольклоре монгольских народов [Дякиева, Омакаева 2012].

Тавр-тувр тавн хасг

Тавр-тувр тавн хасг
Таңсг мергн жувр хасг,
Улан нүдтә жувр хасг
Унсн мөрим авич хасг,
Улан һолым тәвич хасг.

Что касается последней песни, то интересно, что эта ойратская песня, записанная нами в Бост-Нуре, исполняется в Калмыкии в другом варианте Дмитрием Шараевым (26 лет, торгут, п. Чилгир Яшкульского р-на). Сам Дмитрий записал слова у Марии Манджиевны Ванькаевой (60 лет, торгутка, п. Чилгир Яшкульского р-на), которая в свою очередь выучила эту песню благодаря какому-то молодому человеку из Синьцзяна, приезжавшему в Калмыкию. Приведем записанный нами вариант этой песни, исполняемый Д. Шараевым:

Тавр-тувр тавн хасг
Талта мергн жолвң хасг
Тескнәр дүүрң темәд бәәнә.
Түүгм авад, әмим тәвич.
Яһтаһар дүүрң ямад бәәнә,
Түүгм авад, әмим тәвич.
Ажһар дүүрң адун бәәнә,
Түүгм авад, әмим тәвич.
Хотарар дүүрң хөд бәәнә,
Түүгм авад, әмим тәвич.

Экспедиция 2012 г. показала, что различные песенные жанры в разных местностях компактного проживания ойратов СУАР КНР сохранились в неодинаковой степени. Следует отметить и значительно возросшее влияние на устную традицию книжной традиции (письменных текстов). Поэтому, определяя современное состояние песенной традиции, мы обязательно указываем, активно ли бытует записываемое произведение устного народного творчества, или же зафиксировано лишь то, что сохранила память собеседника, что в жизни уже не исполняется.

Тем не менее песенный фольклор продолжает активно бытовать среди ойратов СУАР Китая (особенно у торгутов). В то же время нас не может не тревожить судьба песенного и, шире, музыкального искусства номадов. По какому пути пойдет дальнейшее развитие музыкального фольклора ойратов и в частности такого яркого его феномена, как протяжная песня?

Песня служит средством идентификации того или иного этноса, его культуры. Песня, как и язык, является своего рода семиотическим кодом, знаковой системой, средством коммуникации, инструментом познания и, образно говоря, матрицей души, духа народа. Поэтому изучение языковой картины мира, заключенной в ойратском песенном тексте и отражающей пространственно-временные представления, этические нормы, моральные ценности, эмоции и чувства, эстетические вкусы и предпочтения этноса, может пролить свет на многие нерешенные проблемы

исследования структуры и семантики песенного текста.

Песенная картина мира имеет свою структуру, которая представляет собой своеобразную семантическую «сеть», узлами которой являются опорные слова [Хроленко 1992: 18]. Так, субстантивы (существительные) задают статическую модель песенного мира (*темәд* ‘верблюды’, *хөд* ‘овцы’, *ямад* ‘козы’, *адун* ‘табун’, *харцх шовуд* ‘ястребы’), глаголы — динамическую (*цуглурна* ‘собираются’, *һооҗна* ‘течет’, *йовхлам* ‘когда иду’), а прилагательные часто выступают как эпитеты, дающие желаемое представление об объекте (*ке шар сүмднь* ‘в красивом желтом храме’, *сәәхн бат утцмб* ‘что за красивая прочная нить’, *харңһу сөөһәр* ‘темной ночью’, *улан нүдтә* ‘с красными глазами’). Что касается эпитетов, то они могут быть простыми, сложными, составными, но в любом случае семантика эпитета раскрывается в контексте.

Записанные нами народные песни ойратов являются ценным материалом для исследования как языка, так и песенного творчества ойратов в целом. Внедрение новых методов и принципов собирательской работы, использование возможностей электронных технологий имеют важное значение для сохранения, изучения и популяризации уникального культурного наследия региона.

Слушая протяжные песни в естественных условиях природной среды, мы испытали ни с чем не сравнимые ощущения гармонии человека и природы, поэзии и музыки, удивительное состояние эмоционального погружения в чарующий мир звуков древних кочевников Евразии.

Многое из записанного нами и нашими предшественниками еще не опубликовано. Необходимо провести систематизацию и классификацию имеющихся текстов, ввести в научный оборот как новые полевые материалы, так и неопубликованные архивные источники, хранящиеся в собраниях Китая, Монголии, Венгрии и других стран. Дальнейшая публикация расшифрованных *с* современных электронных носителей полевых записей исполнения песенных текстов, свидетельствующих о сохранности во времени устной музыкально-поэтической традиции, позволит восполнить многие лакуны в изучении фольклорного наследия, в частности малоизученного феномена исполнительства у народов Центральной Азии.

Закончить данную статью нам хотелось бы словами известного исследователя песенного творчества народов Центральной Азии Т. Левина, автора недавно вышедшей монографии «Где горы и реки поют: звук, музыка и кочевничество в Туве и за ее пределами»: «Удивительная способность кочевников извлекать музыку из окружающего их мира может послужить вдохновляющим примером для каждого из нас. Музыка номадов может помочь нам соединиться с нашим коллективным прошлым. А если мы прислушаемся повнимательнее, поможет достичь гармонии с окружающим миром в будущем» [Levin 2006: 5].

Информанты

Мидгя, 1945 г. р., хошут, Китай, Баянгол-Монгольский автономный округ, Бост-Нур.

Шараев Дмитрий, 1986 г. р., торгут, Республика Калмыкия, г. Элиста.

Донгруп, 1930 г. р., торгут, Китай, Бортала-Монгольский автономный округ, Цзинхэ.

Литература

Бадмаева Г. Ю. Традиционная музыка калмыков в контексте культур Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. иск. М.: МГК им. Чайковского, 2001. 14 с.

Биткеев Н. Ц. Калмыцкая народная песенная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 141 с.

Биткеев Н. Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 191 с.

Басангова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 450 с.

Борджанова (Басангова) Т. Г. Магическая поэзия калмыков Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.

Борлыкова Б. Х. Барун Моңһлын өөрднрин көгҗмин тускар // Халимагийн монгол судлал. Библиотека ойратика XXIII. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр. 2011. С. 166–172.

Борлыкова Б. Х. О песенном фольклоре ойратов Западной Монголии (по материалам международных научных экспедиций) // Фольклор в контексте культуры: Сб. ст. по мат-лам Всерос. науч. конф. (Махачкала, 10 марта 2011 г.). Махачкала, ДГПУ, 2011. С. 14–16.

Борлыкова Б. Х., Омакаева Э. У. Шинҗәнә өөрдин дууна тускар (2012 жилд болсн экспедицин бичврәс) // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 но-

ября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 204–207.

Ван Гао Чао. Народная песня ойратов в историческом контексте: автореф. дис. … канд. иск. Ростов-на-Дону, 2008. 22 с.

Ван Гао Чао. Традиционная музыкальная культура ойратов. Элиста: АУ РК «Издат. дом «Герел», 2012. 263 с.

Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л.: Ин-т живых вост. яз., 1926. 202 с.

Дашиева Л. Д. Интонационные модели монгольских протяжных песен уртын дуу // Народная культура Сибири: Мат-лы XIX науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2010. С. 103–109.

Дорджиева Г. А. Калмыцкие протяжные песни: опыт структурно-типологического и историко-стилевого исследования: дис. … канд. иск. СПб., 2000. 243 с.

Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У. Образ матери в калмыцком фольклоре: к проблеме универсального (на материале фольклорных текстов) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 183–187.

Земцовский И. И. Протяжная песня как особая форма русской народной песенной культуры: автореф. дис. … канд. иск. Л., 1964. 21 с.

Козлов П. К. Путешествие в Монголию, 1923–1926: Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой // Записки Всесоюзного Географического Общества. Новая серия. Т. 7. М., 1949. 324 с.

Кульганек И. В. Мир монгольской песни. СПб.: Петербург. восток-е, 2001. 224 с.

Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 149–189.

Омакаева Э. У. Фольклорный поэтический текст монголоязычных народов сквозь призму этнолингвистики и кросс-культурных контактов: история и современность // Proceedings of the Second International Conference “Past and Present of the Mongolic peoples”. Tokyo: University of Foreign Studies, 2009. Pp. 342–352.

Омакаева Э. У., Убушиева Б. Э. Лексика и синтаксис поэтического текста в этнолингвистическом освещении: к постановке проблемы (на материале калмыцких протяжных песен) // Кочевые цивилизации Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: сб. мат-лов I Междунар. науч.-практ. конф. Часть 2. Красноярск, 2008. С. 121–125.

Оюунцэцэг Д. Генезис и эволюция монгольского вокально-поэтического жанра уртын дуу: дис. ... канд. иск. М., 1990. 26 с.

Оюунцэцэг Д . Генезис и эволюция монгольского вокально-поэтического жанра уртын дуу. Улан-Батор: Аётоп, 2006. 190 с.

Протяжные песни монгольских народов. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 158 с.

Руднев А. Д. Мелодии монгольских племен // Записки РГО по отделению этнографии. Сб. в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. Т. 34. С. 395–430.

Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка. М.: Совет. композитор, 1971. 365 с.

Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.

Хорлоо П. Народная песенная поэзия монголов (проблема жанрового состава). Новосибирск: Наука, 1989. 151 с.

Сто калмыцких народных песен / сост. Л. И. Цебиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири. Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002.

Яцковская К. Н. Народные песни монголов. М.: Наука, 1988. 250 с.

Levin T. Where Rivers and Mountains Sing, Sound, Music and Nomadism in Tuva and Beyond. Bloomington: Indiana University Press, 2006. 285 p.

Моңһл ут дууна үг. Үрмч: Шинҗәнә ардын кевллин хора, 1980. 515 х.

Omakaeva E. U. Traditional culture and environment: Kalmyk music and ritual // Audiences, Patrons, and Performers in the Performing Arts of Asia). Book of abstracts. Leiden, 2000. P. 89.

Осорин Утнасн. Зәрм тууҗлгч дуудын үүдәмҗ // Теегин герл. 2004. № 5. С. 110–119.

Ховгсәәрин моңһл ут дун. Үрмч: Шинҗәнә ардын кевллин хора, 1984. 133 х.

УДК 78
ББК 85.31

О МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ ОЙРАТОВ МОНГОЛИИ И СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА КИТАЯ*

Б. Х. Борлыкова

Музыкальное искусство ойратов имеет многовековую историю развития и представляет собой одну из важнейших сторон общемонгольской культуры. Оно включает в себя творческое наследие нескольких поколений народных певцов, сказителей и музыкантов, а также искусных мастеров — исполнителей на народных инструментах.

Труды, имеющиеся в научной литературе, о традиционных музыкальных инструментах ойратов Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (далее Синьцзян), немногочисленны. Музыкальные инструменты ойратов с этнографической точки зрения описаны А. М. Позднеевым [1880], Б. Я. Владимирцовым [1926], Г. Бадрахом [1960], Ж. Бадраа [1986], А. Г. Деминым [2000] и др., в искусствоведческом плане исследованы музыковедами С. А. Кондратьевым [1970], Б. Ф. Смирновым [1971], Дурвулжингийн Оюунцэцэг [1990], М. И. Каратыгиной [1990], Джуди [1990], Ар Дин Фу [1992], Г. Ю. Бадмаевой [1999] и др.

Целью данной статьи является описание музыкальных инструментов ойратов Монголии и Синьцзяна. Игрой на этих инструментах ойраты имитируют шаг коня, движение волны, убаюкивание малышей и др. Для изготовления инструментов ойраты пользуются весьма ограниченным набором материалов (дерево и кожа). Названия музыкальных инструментов ойратов Монголии и Синьцзяна обнаруживают сходство: *цуур*, *товшуур*, *ятга*, *ихэл*, *хуур*, *хучир*, *шанз*, *йочин*.

Материал исследования взят из этнографической и искусствоведческой литературы, из опубликованных толковых, терминологических, двуязычных словарей, а также из полевых материалов международных научных экспедиций по Монголии и Синьцзяну.

Из духовых музыкальных инструментов у ойратов Монголии и Синьцзяна распространен цуур. Цуур — продольная отрытая флейта с тремя (пятью) игровыми отверстиями, изготавливаемая из дерева или из стеблей зонтичных растений (*наран цэцэг* ‘подсолнечник’). Длина инструмента составляет приблизительно 50–60 см. Цуур используется как инструмент аккомпанирующий и солирующий. В Монголии на цууре исполняют такие музыкальные произведения, как «Алтайин магтаал» («Восхваление Алтая»), «Балчин хээр» («Гнедой Балчина»), «Жороо морины явдал» («Иноходь») и др.

В музыкальном словаре Ж. Бадраа «Хөгжмийн нэр томьео» термин *цуур* встречается в следующих словосочетаниях: *эвэрт цуур* ‘брелка, жалейка’, букв. ‘рожковая дудка’ [Бадраа 1956: 7], *хөвөрөгт цуур* ‘волынка’, букв. ‘мех, мешок, дудка’ [Бадраа 1956: 8], *орос цуур* ‘дуда’, букв. ‘русская дудка’ [Бадраа 1956: 13], *хос цуур* ‘кашнай’, букв. ‘парная дудка’ [Бадраа 1956: 19], *модн цуур* ‘пыжатка’, букв. ‘деревянная дудка’ [Бадраа 1956: 30].

Одно из первых по времени кратких описаний струнных музыкальных инструментов (хуур, бишанз, ятга, ихэл) ойратов Монголии содержится в фундаментальном труде монголоведа А. М. Позднеева «Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1. Народные песни монголов». Автор отмечает, что в песне о Шуну батыре олеты восхваляют свои музыкальные инструменты [Позднеев 1880: 165–167]:

Древнейшим музыкальным инструментов у ойратов считается ихэл — двухструнный смычковый музыкальный инструмент. Архаические черты, сохранившиеся во внешнем облике ихэл, и его репертуар

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-04-18021е «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР».

свидетельствуют о древнем происхождении инструмента. По словам дербетки Бат-Улдзийн Джимс, ихэл, являясь прототипом современного морин хуур, первоначально появился у ойратов Монголии, а затем распространился по всей стране. По свидетельству торгута Чойжинжавын Дорж, конструкция ихэл могла быть с резной головкой льва либо коня. Информант Кишгтин Гомбо считает, что *бах ястнр* ‘малочисленные народы’ (имеются в виду захчины, торгуты, дербеты, олеты, урянхайцы) ихэл называют хуур. Строение ихэл аналогично строению морин хуура. Корпус имеет прямоугольную форму. Длина инструмента приблизительно 800–820 мм. Верхняя дека затянута мембраной из козьей шкуры ‘илгэн бүрээсэн’, а нижняя дека деревянная. Встречаются инструменты, у которых вовсе отсутствует нижняя дека (например, экспонат музея г. Улангом). Шейка без ладов. Головка шейки в отличие от морин хуура прямая, с двумя колками. Струны изготовляются из некрученого конского волоса. Музыкальные произведения, исполняемые на ихэле: «Цацал» («Кропление»), «Балчин хээр морь» («Гнедой конь Балчина») и др.

Происхождение слова *ихэл* остается спорным. В. Ю. Сузукей в книге «Музыкальная культура Тувы в XX столетии» приводит ряд предположений относительно происхождения названия тувинского музыкального инструмента игил: 1) от сложения числительного *ики* (в совр. тув. *ийи* — ‘два’) и существительного *кыл* (в совр. тув. *хыл* — «струна»), то есть > *ики* + *кыл* – ‘две струны’; 2) *эгил/игил* имеет общую основу с древнетюркским словом *ekätä* ‘музыкальный инструмент, род скрипки’, зафиксированным в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.); 3) от древнего звукоподражательного слова *ык* [Сузукей 2007: 76]. Известный монгольский фольклорист Б. Катуу считает, что название рассматриваемого инструмента будет правильнее произносить по-монгольски *эхэл* от словосочетания *эхин хэл*, калм. *экин келн* — ‘язык матери’.

Следует отметить, что в настоящее время ойраты Синьцзяна вместо музыкального

Ихэл.
Из фондов музея г. Кобдо, Монголия

Исполнительница на морин хууре
А. Дэлгэрмаа, Увс аймак, Монголия

Товшурчи Джунга,
с. Бахлык, уезд Монгол-Кюря СУАР КНР

Товшурчи Б. Дорджи,
г. Кобдо, Монголия

инструмента ихэл в концертно-оркестровой практике широко используют двухструнный смычковый инструмент хуур.

Хуур — смычковый, коробчатый (трапециевидной формы) хордофон с двумя струнами из конских волос и кожаной (или деревянной) декой. Длина инструмента 1000–1200 мм. Строй хуура — в не темперированную кварту в регистре малой октавы. Диапазон у каждого народного инструмента индивидуальный (сопрано, тенор, альт, бас). Инструмент используется в сольном репертуаре и при аккомпанировании песен. Хуур является одним из любимых инструментов ойратов. Разновидностями хуура являются морин хуур (головка грифа традиционно изготавливается в виде головы лошади) и хучир (смычковая пиколютня с трубчатым резонатором, мембранной декой и двумя струнами).

Слово *хуур* в сочетании с другим словами обозначает разные музыкальные инструменты: *амн хуур* ‘варган’, *татлагат хуур* ‘гудок’, *баян хуур* ‘баян’, *эгшигт хуур* ‘хромка’, *утгуур хуур* ‘кобуз’, *төгөлдрөнгүй хуур* ‘рояль’, *төгөлдөр хуур* ‘фортепьяно’.

Об этимологии слова *хуур* В. И. Рассадин [2007: 51] пишет, что слово *qoɣur* ‘смычковый струнный инструмент, хуур’ восходит к тюркской праформе *qobur* ‘струнный музыкальный инструмент’ (подробнее о тюркском характере данного слова см. [ЭСТЯ 2000: 69–70], ср. др.-тюрк. *qobuz* ‘музыкальный струнный инструмент’. Монгольский исследователь Ж. Бадраа [1986: 430–436], ссылаясь на целый ряд источников, в том числе работы Г. Бадраха, П. Пеллио, С. Кисибе, Г. Дерфера и др., указывает на этимологическое родство некоторых монгольских и существующих в других языках названий музыкальных инструментов, таких как хуур, кобыз (кубос, кубыз, кобуз, кумыз, комуз, комус, комык, комыз), хөөрөг, хэнгэрэг, кунхэу (хунхоу), шударга, товшуур и т. д. Одна из причин подобного родства, по мнению ученого, заложена в корнях *кө~хө~ху~шу,* изначально обозначавших движение, деятельность, что подтверждается, с одной стороны, существованием вокруг данных корней довольно большого гнезда слов с указанными значениями, с другой — ясно ощущаемой во многих явлениях традиционной монгольской культуры, взаимосвязью категорий движения и звучания. Примеры здесь многочисленны, приведем лишь некоторые из них: *хөдлөл* ‘движение’, *хөдөлгөө(н)* ‘движение, деятельность’, *хөгжил* ‘развитие, прогресс, рост, расцвет’.

У ойратов существует множество легенд о появлении музыкального инструмента хуур. Это, например, легенды «Шанаган

Ятх. Из фондов музея сомона Булган, Кобдоский аймак, Монголия

Товшур. Из фондов музея Бост-Нур, Баянгол-Монгольский АО

хуурын домог» («Легенда о половнике-хууре»), «Хөхөө Намжил хуур бүтээсэн домог» («Легенда об изготовлении хуура Хохоо Намжилом»), «Бурхан багш хуур бүтээсэн домог» («Легенда об изготовлении хуура Буддой Шакъямуни»), «Ихэл хуурын домог» («Легенда об ихэл-хууре»).

Разновидности хуур обозначаются в монгольском языке словами: *шанаган хуур* (черпак-хуур), *морин хуур* (инструмент с резным изображением головы коня), *луу хуур* (инструмент с резным изображением головы дракона), *хун хуур* (инструмент с резным изображением головы лебедя), *хүн хуур* (инструмент с резным изображением головы человека), *гарьд хуур* (инструмент с резным изображением головы орла), *матар хуур* (инструмент с резным изображением головы крокодила), *арслан хуур* (инструмент с резным изображением головы льва) [Смирнов 1971: 68].

По рассказам исполнительницы на *морин хууре* Алтан Дэлгэрмаа, этот инструмент состоит из следующих деталей:

корпуса — *цар* или *хайрцаг* ‘ящик, коробка’:
- деки — *царны нүүр* ‘лицо корпуса’;
- верхней подставки (кобылки) — *дээд тэвх*,
- нижней подставки (кобылки) — *доод тэвх* или *маар*;

грифа (шейки) — *иш* или *сумн*;

головки — *толгой*;
- колки — *чикн* ‘уши’ или *хөглөгч* ‘настройщик’;

струн:
- *чавхдас* (верхней струны — *арга* (из 150 конских волос);
- нижней струны — *билиг* (из 120 конских волос);
- веревочки, на которой крепятся струны, — *матуурга* ‘бечевка, веревочка, веревка’.

Смычок называется *нум* или *хөвч* ‘струна’ (из 90 конских волос). Н. Ю. Агеева в статье «Об иноземном происхождении некоторых струнных музыкальных инструментов Китая» отмечает, что «морин хуур был распространен в Китае в среде монголов во времена правления Чингис хана (1155–1227), то есть в XII–XIII вв.» [Агеева 2008: 194].

Разновидностью струнных смычковых инструментов является хучир (название произошло от кит. *huqin*, в котором *hu* ‘название северных племен (хунну, монголы, тюрки); инородный, чужой’, *qin* ‘общее название струнных инструментов’) — двухструнный инструмент сопранового регистра. Корпус металлический цилиндрической формы с передней кожаной декой. Снизу корпус открыт. Длина хучира приблизительно 500–650 мм. Встречаются инструменты и меньших размеров: к примеру хучир-пикалло.

Своеобразной цитрой[1] ойратов является инструмент ятга / ятх, многострунный, с деревянным долбленым корпусом из кедра или сосны. Форма корпуса напоминает перевернутое корыто с большим выступом для упора. На концах корпуса есть утолщения в виде валиков. Длина инструмента около 1 300 мм. Количество струн в классическом варианте — 8, на модернизированной ятге — в среднем 13, максимальное количество — 21.

В «Монгольско-русском словаре» слово *yatuɣa* переводится как ‘гусли о 14 струнах’, *yatuγaliγ* ‘гусли о 10 струнах’ [Голстунский III: 329]; в музыкальном словаре «Хөгжмийн нэр томьео» *ятга* ‘гусли’ [Бадраа 1956: 10]; в «Большом академическом монгольско-русском словаре» *ятга* — ‘ятга (четырнадцатиструнный музыкальный инструмент, похожий на арфу, гусли)’ [БАМРС IV: 470]. Как видно, *ятх* переводят как ‘гусли’[2]. Однако слово «гусли» не является эквивалентом слову *ятга*, так как и музыкальные инструменты являются разными. Поэтому ятга одному автору напоминает гусли, другому — арфу.

В инструментальных ансамблях ойратов используются настольные многострунные цимбалы — *еочин* (кит. *yang-qin* <*yang* — ‘иностранная’ + *qin* — ‘цитра’), имеющие хроматическую настройку (в пентатонной акустике). Корпус инструмента плоский, трапециевидный. Диапазон — 2,5–3 октавы. Звук извлекается деревянными или бамбуковыми палочками.

Шанз (<кит. *san-xian* ‘три струны’) — трехструнная коробчатая лютня с плекторным звукоизвлечением. Струны шелковые. Корпус овальный с мембранной декой (из кожи том моһа ‘питона’, букв. ‘большая змея’). Звукоизвлечение производится при помощи плектора ‘цокур’ — палочки из бамбука, пластмассы, длиной приблизительно 6–8 см, диаметром приблизительно 8 мм.

Самым распространенным музыкальным инструментом среди ойратов Монголии и Синьцзяна является двухструнный щипковый инструмент товшур (ойрат. товшуур). Корпус товшура долбленый, овальной формы, изготавливается из цельного куска дерева. Верхняя, открытая сторона корпуса обтягивается мембраной из бараньей, козьей или телячьей кожи, в которой имеется четыре-пять резонаторных отверстий. Кожаная мембрана чаще заменяется деревянной декой. Шейка длинная, заканчивается головкой в виде коробки, резного изображения головы коня или лебедя. Лады отсутствуют.

Рассмотрим данные дефиниции в словарях. В «Монгольско-русском словаре» читаем: *тобшур* ‘трехструнная балалайка, употребляемая шаманами и простонародьем, тоже ‘шутургу’; в «Большом академическом монгольско-русском словаре» дается следующее определение: *товшуур муз.* ‘товшур (двух или трехструнный музыкальный инструмент, имеющий чашевидную форму); балалайка; домра; щипковый инструмент’ [БАМРС III: 211]. Из словарных статей следует, что *товшур* мог быть не только двухструнным, но и трехструнным.

Хошуты Баянгол-Монгольского автономного округа Синьцзяна изготавливают корпус товшура из различных пород деревьев, растущих на их территории: это яблоня, сосна, дерево зегде, дерево тошл. В настоящее время в качестве струн для товшура применяются рыболовные лески. Раньше, по воспоминаниям старожилов, струны были жильные, они изготовлялись из бараньих, козьих кишок. Товшурчи Джунга из населенного пункта Бахлг отметил, что «его предки корпус товшура мастерили из сосны, растущей на горном хребте, а крепкие струны изготовляли из тонкой кишки тарбагана» [ПМА].

Ойраты Монголии данный инструмент называют *монгол товшуур*, букв. ‘монгольский товшуур’. Составные части товшура ойратов имеют свои терминологические названия. Информант Балдан Дорджи перечислил следующие детали товшура: *толгой* ‘головка’, она состоит из трех элементов: *нар* ‘верхняя часть головки’ (букв. ‘солнце’), *тариа* ‘средняя часть головки’ (букв. ‘зерно, поле’), *сар* ‘нижняя часть головки’ (букв. ‘луна’), *чихэн* ‘колки’ (букв. ‘уши’), *иш* ‘гриф’, *бүрэсэн* ‘дека’, *цацал*[3] ‘корпус’, *маар* ‘нижняя подставка инструмента’. *Тов-*

[1] Цитра (от греч. kithara) — струнный щипковый инструмент, имеющий вид небольшого фигурного ящика с натянутыми струнами и ладами.

[2] Гусли — старинный русский щипковый музыкальный инструмент, представляющий собой резонансный корпус четырехугольной неправильной формы с натянутыми струнами. Звук извлекается щипком.

[3] Цацал (монг.) — деревянный предмет в виде ложки с девятью углублениями для подношений земле, небу пищи.

шур может быть снабжен резным изображением головки дракона, лебедя, архара (символ горы Алтай).

В Монголии исполнители на *товшуре* сопровождают исполнение героического эпоса «Джангар», магталов («Алтаиин магтаал», «Хурдан морин магтаал», коротких песен — таких как «Үглээ шаазгай», «Бодгта сэвгэр» и др. и танцевальные мелодии. Синьцзянские исполнители на товшуре чаще всего исполняют танцевальные мелодии «Барлыг», «Җора хар», «Доһлң эмгн», «Бәвүрсн», «Товшурин арвн хойр цоклһн»): «Төвкнүн Саврдң», «Түргн Саврдң», «Сәәхн күүкн Саврдң», «Оруд тек» и др.

Таким образом, инструментальное творчество ойратов Монголии и Синьцзяна многогранно. Исполнители не только аккомпанируют, сопровождая пение, магталы, героический эпос «Джангар», но и исполняют самостоятельный инструментальный репертуар. Следует отметить, что зачастую авторы статей в названиях музыкальных инструментов монгольских народов при переводе на русский язык стремятся использовать их аналоги: *товшуур* ‘балалайка, домра’, *ятга* ‘гусли’, *хуур* ‘скрипка’. Но аналогии в большинстве случаев неточные. Необходимо учитывать, что данные инструменты являются реалиями музыкальной культуры ойратов и их названия относятся к безэквивалентной лексике.

Полевые материалы автора

Дэлгэрмаа, 1984 г. р., дербетка, Монголия, Увс аймак.

Дорджи, 1978 г. р., урянхаец, Монголия, г. Кобдо.

Катуу, 1951 г. р., дербет, Монголия, Увс аймак, Давст сомон.

Джимс, 1942 г. р., дербетка, Монголия, Увс аймак, г. Улангом.

Джунга, 1950 г. р., торгут, Китай, Или-Казахский автономный округ, уезд Монгол Кюря, Бахлыг.

Гомбо, 1945 г. р., захчин, Монголия, Кобдоский аймак, Манхан сомон.

Мидгя, 1945 г. р., хошутка, Китай, Баян-Монгольский автономный уезд, Бост-Нур.

Дорджи, 1957 г. р., торгут, Монголия, Кобдоский аймак, Булган сомон.

Источники

Бадраа Ж. Хөгжмийн нэр томьео. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1956. 44 с.

Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. А. Лувсандэндэва / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001; 2002. Т. 3. 440 с.; Т. 4. 532 с.

Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. В 3-х т. СПб.: Изд-во Ленинград. Вост. ин-та, 1895. Т. 3. 491 с.

Литература

Агеева Н. Ю. Об иноземном происхождении некоторых струнных музыкальных инструментов Китая // Общество и государство Китая. Мат-лы XXXVIII науч. конф. М.: Вост. лит., 2008. С. 187–198.

Бадраа Ж. Монгол ардын хөгжмийн зэмсэг, дан хөгжмийн уран бүтээлийн үүсэл, хөгжмийн түүхийг судлах учир // Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. 3-р боть. Улаанбаатар, 1986. С. 430–436.

Демин А. Г. Музыкальный инструментарий монголов в эпоху великой империи (XIII–XIV вв.): учебное пособие. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2000. 45 с.

Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1. Народные песни монголов. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1880. 376 с.

Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: АПП «Джангар», 2007. 164 с.

Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка. М.: Сов. композитор, 1971. 365 с.

Содгэрэл Т. Пастушечья флейта цуур в традиционной культуре Западной Монголии // Культура монголоязычных народов в глобализирующемся пространстве. Мат-лы Междунар. науч. форума (Элиста, 24–27 октября 2012 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 172 с.

Сузукей В. Ю. Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М.: Издат. дом «Композитор», 2007. 408 с.

Yundenbat S., Jamsran J. Documentary «The wooden tsuur of the Huns». Ulaanbaatar, 2009. 210 с.

РЕЦЕНЗИИ

Д. Н. Музраева. Рец. на: ***Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения Н. С. Яхонтовой***. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.

В известной серии изданий документов и материалов из рукописных коллекций восточных манускриптов «Памятники письменности Востока» в 2010 г. вышел в свет очередной (CXX) том, представляющий собой исследование, перевод и публикацию уникального ойратского текста из собрания Института восточных рукописей РАН — словаря поэтических выражений (или синонимов), — автором которого является Зая-пандита Намкай Джамцо (Намхайджамцо) (1599–1662). По сути, это памятник на ойратском языке, опубликованный впервые в данной серии и отмечающий юбилейный, 120-й, выпуск ее книг.

Книга «Ойратский словарь поэтических выражений», подготовленная к изданию Н. С. Яхонтовой, представляет вниманию читателей интереснейший памятник литературы и филологической мысли монгольских народов, развивавшихся под воздействием тибетской и индийской научной и литературной традиции. Опубликованное сочинение свидетельствует о высоком уровне развития лексикографии у монгольских народов, об осмыслении литературной формы языка, о формировании литературного языка в широком литературном и культурном контекстах, а также о важности лексикографических трудов для перевода буддийских текстов с тибетского языка на ойратский и монгольский языки. Главное его назначение заключается в том, чтобы проследить последовательность перевода того или иного слова или выражения, начиная с его санскритского эквивалента с привлечением соответствующих тибетских лексических единиц и словосочетаний и с сопоставлением их монгольских и ойратских переводов — именно в той последовательности, в которой осуществлялись переводы литературных и религиозных сочинений, утвердившиеся в средневековых монгольской и ойратской литературах. Автор исследования отмечает при этом, что, поскольку работа была посвящена ойратскому сочинению, то ойратский вариант того или иного слова (словосочетания) в этой «цепочке» дается как основной [Ойратский словарь … 2010: 15]. Это, на наш взгляд, обоснованно, поскольку позволяет вписать исследование и издание Н. С. Яхонтовой в контекст исторической лексикологии и книжной фразеологии ойратского литературного языка. Нет сомнений, что в этом сочинении отражен богатейший и ценнейший личный опыт Зая-пандиты в переводе учебно-религиозных и литературных сочинений с тибетского языка на ойратский.

Рецензируемая книга включает введение, транслитерацию и перевод ойратского текста, словарь с комментариями и факсимиле письменного источника. В качестве приложений представлены ойратский, монгольский, тибетский и санскритский индексы, список использованной литературы.

Во Введении рассматриваются разноплановые вопросы, как касающиеся непосредственно публикуемой рукописи, так и связанные с различными аспектами изучения, классификации (описания) и перевода буддийской лексики и лексикографических трудов в целом. Здесь автор дает общую характеристику рукописи, содержанием которой является словарь-лексикон, восходящий к древнеиндийской письменной традиции. При этом поясняется, что специфика подобного рода словарей-лексиконов заключается в том, что они представляют собой списки слов и словосочетаний, называющих или характеризующих персонажи буддийского пантеона (Будда Шакьямуни, Майтрея, Манчжушри и т. д.), небесные светила (Солнце, Луна, Марс и т. п.) и природные явления (небо, облако, молния, ветер и т. п.), представителей флоры (дерево, лотос, кумуда и т. п.) и фауны (лев, змея, рыба, павлин и т. п.), а также их эпитеты. Весь этот материал издатель распределяет по 82 разделам. Самой важной отличительной особенностью данного лексикографического труда является то, что в упомянутом перечне приводятся слова и выражения исключительно на ойратском языке без указания исходных тибетских эквивалентов, как это имеет место в хорошо известных тибетско-

монгольских терминологических словарях и справочниках (см.: [Merged γarqu-yin oron; Geyigülügči jula; Saran-u gegen gerel и др.]). Тибетские термины, наряду с санскритскими эквивалентами, восстановлены самой Н. С. Яхонтовой с помощью таких словарей, как словарь *Амаракоша* и *Махавьютпатти*.

Публикация ойратской рукописи словаря поэтических выражений, автором которого является Зая-пандита, осуществленная Н. С. Яхонтовой, на конкретных выразительных примерах иллюстрирует, как именно и при помощи каких справочных пособий осуществлялся процесс перевода средневековых буддийских текстов. В нем, как справедливо отмечает автор здесь же, во Введении, следует выделять такие два этапа: 1) перевод с санскрита на тибетский [Ойратский словарь … 2010: 44–56] и 2) перевод с тибетского на ойратский (монгольский) язык [Ойратский словарь … 2010: 56–65]. Важная проблема, которая затрагивается автором и которая призвана привлечь внимание специалистов: на каждом из этих этапов неминуемы переводческие трансформации, затрагивающие передачу санскритских и тибетских имен собственных на монгольские языки, перевод эпитетов и т. п., что в конечном итоге затрудняет и даже делает невозможным изучение переводного ойратского текста без привлечения его тибетского оригинала.

Следует сказать, что автор рецензируемой книги хорошо известен по другим своим ойратоведческим трудам. Занимаясь на протяжении многих лет изучением письменного наследия Зая-пандиты и его учеников, исследовательница неминуемо касалась вопросов о принципах перевода с тибетского языка на монгольский и ойратский языки, о влиянии языка оригинала на синтаксис переводов, выполненных Зая-пандитой, его учениками и последователями [Яхонтова 1982, 1986, 1999]. Необходимость решения этих проблем возникала в процессе работы самой Н. С. Яхонтовой над переводами буддийских текстов, подготовкой их к публикации. Среди ее работ — описание ойратского литературного языка XVII в., выполненное на материале письменных источников — переводов Зая-пандиты [Яхонтова 1996], а также перевод и публикация отдельных письменных источников на ойратском языке [Ойратская версия … 1999; Яхонтова 2001].

Творчество выдающегося ойратского просветителя XVII в. представляет уникальное явление в средневековой книжно-литературной традиции монголов и ойратов, прежде всего в силу того, что он прекрасно владел несколькими языками: ему принадлежат как монгольские переводы, так и переводы на ойратский литературный язык. Это делает его труды привлекательным объектом для сравнительно-сопоставительных исследований монгольских и ойратских переводов с тибетского языка. Кроме того, лингвистический кругозор Зая-пандиты в значительной мере отражает языковую ситуацию среди образованных ойратов XVII в., о которой мы по существу не можем судить по иным источникам.

Буддийские проповедники, как известно по письменным свидетельствам, большое значение придавали лексикографическим трудам, которые помогали упорядочить, систематизировать, унифицировать язык и стиль переводов, что в свою очередь во многом облегчало и ускоряло выполнение самих переводов: отпадала необходимость выбирать между альтернативными вариантами перевода лексики (все можно было посмотреть в многочисленных словарях-справочниках, которых было издано немало); разночтения могли возникнуть, как правило, при передаче тибетских глагольных форм на монгольские языки. От беглого взгляда современников, интересовавшихся творчеством Зая-пандиты, для которых не было разницы в том, на какой язык осуществлялся перевод (на монгольский или ойратский), были сокрыты ставшие сегодня очевидными различия в подборе лексики и некоторых других моментах. Все это нам наглядно демонстрируют материалы рукописи, опубликованной Н. С. Яхонтовой.

Вместе с тем в исследованиях, посвященных переводческой деятельности Зая-пандиты, уже высказывалась мысль о том, что какие-то из его ойратских переводов являются переложениями со старописьменного монгольского языка, на который они были переведены им ранее [Дамдинсурэн 1979: 31; Сазыкин 1988: 448–449]. Подобные выводы были сделаны на основе анализа текстов, избранных Зая-пандитой для своих переводов. Из огромного моря литературы он отобрал именно те сочинения, в которых была наиболее полно представлена буддийская доктрина. Когда заходит разговор о том, является ли какое-то

сочинение самостоятельным переводом, осуществленным непосредственно с текста тибетского оригинала либо переложением (или переделкой) перевода, уже сделанного ранее, то второй вариант неминуемо теряет в своей оригинальности, значимости и т. п., и ему придается некое второстепенное значение. Так ли уж это просто — простое переложение с одного языка, пусть и принадлежащего монгольской группе (т. е. близкородственного языка) на другой? Решению этих и других вопросов перевода буддийских текстов и призвана помочь работа Н. С. Яхонтовой. Конечно, сравнивая монгольские и ойратские переводы, мы не можем давать упрощенные оценки ни первым, ни вторым. В равной мере мы не можем не считаться с тем, что декларируется в переводоведении, теории перевода, что давно и достаточно детально разработано на материале других языков. Существуют разновидности перевода (пословный-дословный, смысловой и т. п.), исходя из цели и задачи которых и происходит отбор тем, языковых средств, лексики и т. д. Сопоставление, выявление различий между разными по своему назначению и цели монгольскими переводами одних и тех же тибетских сочинений, выполненных монгольскими и ойратскими авторами, уже рассматривались и обсуждались в ряде работ (см.: [Лувсанбалдан 1986; Цендина 2001 и др.]). Объем новых сведений, представленных Н. С. Яхонтовой, наглядно демонстрирует, что к вопросу о переложениях с монгольского на ойратский язык не следует подходить упрощенно.

С изданием «Ойратского словаря поэтических выражений» ойратоведы получили долгожданное наглядное свидетельство того, как переводил Зая-пандита, чем руководствовался, как систематизировал лексику. Словам и словосочетаниям, включенным в перечень ойратской рукописи, Н. С. Яхонтовой даны обширные комментарии относительно методики перевода буддийских терминов как ойратскими авторами, начиная с Зая-пандиты, так и монгольскими. Скажем больше: рецензируемое издание является именно такой публикацией памятника, в которой комментарии исследователя во много раз превышают объем самого издаваемого источника. И это особенно ценно, поскольку в комментариях мы находим не только ойратские термины, их санскритские и тибетские эквиваленты, но также и их параллели на монгольском языке. Подобный охват материала свидетельствует о высоком профессионализме автора книги. Ценность проделанной работы очевидна и не вызывает ни малейшего сомнения.

Книга, подготовленная Н. С. Яхонтовой, бесспорно, будет полезной не только для специалистов — филологов-востоковедов (ойратоведов, монголоведов, тибетологов), буддологов, историков, культурологов и пр., — но и для всех интересующихся буддизмом, истоками ойратской литературы, книжной культуры калмыков и ойратов.

Однако нам хотелось бы высказать некоторые замечания по новой книге с позиций ойратоведа-практика. Поскольку во введении представлен обширный материал, разнообразный по тематике (как факты, имеющие непосредственное отношение к опубликованной ойратской рукописи, так и информация более общего и теоретического характера), на наш взгляд, было бы лучше сгруппировать этот материал следующим образом: вначале привести все сведения, касающиеся непосредственно ойратской рукописи, а весь теоретический материал поместить далее, так, чтобы это не мешало концентрации читательского внимания.

В заключение хотелось бы отметить, что данная работа, несомненно, даст новый толчок в деле изучения переводной ойратской литературы, окажет неоценимую услугу в деле перевода буддийских текстов с тибетского языка на современный калмыцкий и русский языки, что будет способствовать их трансляции в культуру современной Калмыкии. Она также представляет собой важный этап в изучении письменного наследия Зая-пандиты, является заметным вкладом в разработку проблем монголоведения в целом и ойратоведения в частности.

Список сокращений

Geyigülügči ǰula — *brDa' yig* ming don gsal pa'i sgron me zhes bya ba bzhugs so. Ner-e udq-a-yi geyigülügči ǰula kemegdekü dokiyan-u bičig orusibai (Словарь-справочник, именуемый «Лампада, проясняющая смысл имен»). Научный архив КИГИ РАН. ФД–15 (Фонд О. М. Дорджиева). Оп. 1. Ед. хр. 133. Ксилограф на тибетском и монгольском языках, 54,5x8,7 см, 220 л.

Merged γarqu-yin oron — *Dag yig* mkhas pa'i 'byung gnas. Merged γarqu-yin oron. J̌anggiy-a Isidanbirome ǰokiyaba. J̌amyantübden J̌oriγtu kinaǰu tayilburilaba («Источник му-

дрецов») // Mongγol tulγur bičig-ün čuburil. Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a. 1988. 1 526 p.

Saran-u gegen gerel — *brDa' yig* ming don gsal bar byed pa'i zla ba'i 'od snang zhes bya ba bzhugs so. Ner-e udq-a-yi todudqaγči saran-u gegen gerel kemegdekü dokiyan-u bičig orusibai (Словарь-справочник, именуемый «Сияние луны, проясняющее смысл имен») / хэвлэлд бэлтгэсэн В. Мягмарсүрэн, Л. Тэрбиш. Б/г, б/м.

Литература

Дамдинсурэн Ц. Рамаяна в Монголии. Изд. текстов, пер. и исслед. Ц. Дамдинсурэна / отв. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. М.: Наука. ГРВЛ, 1979. 216 с.

Лувсанбалдан Х. Сведения о переводах ойратского Зая-пандиты / пер. с монг. Э. У. Омакаевой // Филологические исследования старописьменных памятников / отв. ред. П. Ц. Биткеев. Элиста: КНИИИФЭ, 1986. С. 44–56.

Ойратская версия «Истории о Молон-тойне». Факсимиле рукописи. Изд. текста, введ., пер. с ойрат., транслит., коммент. и прил. Н. С. Яхонтовой. СПб.: Петербург. востоковед., 1999. 200 с.

Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслит., введ., пер. с ойрат., сл. с коммент., прил. Н. С. Яхонтовой; Институт восточных рукописей РАН. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.

Сазыкин А. Г. Рукописная книга в истории культуры монгольских народов // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Книга вторая. М.: Наука. ГРВЛ, 1988. С. 423–464.

Цендина А. Д. Два монгольских перевода сочинения «Книга сына» // Mongolica–V. СПб.: Петербург. востоковед., 2001. С. 54–74.

Яхонтова Н. С. Принципы перевода буддийских текстов на ойратский и монгольский языки // Вторая всесоюзная школа молодых востоковедов. (Тбилиси, октябрь 1982). Тезисы. Т. 1. Ч. 1. М.: Наука. ГРВЛ, 1982. С. 83–85.

Яхонтова Н. С. Влияние тибетского языка на синтаксис ойратских переводов // Mongolica. Памяти Б. Я. Владимирцова (1884–1931). М.: Наука. ГРВЛ, 1986. С. 113–117.

Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII в. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.

Яхонтова Н. С. Сочинения на «ясном письме» — переводы или переложения? // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы Междунар. симпозума. Ч. 1. Язык и литература / КИГИ РАН, КГУ. Элиста: КИГИ, 1999. С. 60–62.

Яхонтова Н. С. «Ключ разума» (ойратский текст) // Mongolica–V: Сб. ст. СПб.: Петербург. восток-е, 2001. С. 38–53.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИГИ РАН

Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века». Элиста: НПП «Джангар», 2012. 376 с. 24 у. п. л.

В монографии освещается история волжских калмыков с момента их прихода в степи Северного Прикаспия в конце 20-х гг. до начала 70-х гг. XVII века, когда к власти пришел Аюка — будущий правитель Калмыцкого ханства. Автором отмечается, что появление калмыков, имевших значительный военный потенциал и выступивших в роли надежных защитников южных рубежей Московского государства, стало важным фактором дипломатического и военного сдерживания планов турецко-крымских правителей в данном регионе. В исследовании подробно рассматриваются русско-калмыцкие отношения, а также взаимоотношения калмыков с соседними тюркскими и северокавказскими народами.

Автор привлек к работе более ста дел из Российского государственного архива древних актов: 119 («Калмыцкие дела»), 127 («Ногайские дела»), 111 («Донские дела»), 115 («Кабардинские дела»). Новый материал позволил осветить ранее неизвестные или малоизвестные страницы истории ойратов XVII века. В частности, разработаны вопросы образования ойратских политических группировок в XVII в., впервые зафиксированы полные письменные тексты русско-калмыцких договоров — шертей (например, 1657 и 1661 гг.), обнаружены новые сведения о военном участии калмыков в Русско-польской войне и крымской кампании в 60-х гг., выявлены дополнительные обстоятельства политического кризиса в калмыцком обществе конца 60-х – начала 70-х гг. XVII в., а также неизвестные ранее сведения о визите ойратского просветителя Зая-пандиты к калмыкам в 1645−1646 гг. В книге опубликованы письма ойратских тайшей XVII века на старомонгольской и старокалмыцкой письменностях из РГАДА, в частности, письма тайшей Дайчина, Лузана, Соном-Церена, Очирту. Исследование вносит определенный вклад в разработку проблем истории ойратов и калмыков XVII в.

Очир-Горяева М. А. Древние всадники степей Евразии. М: Таус, 2012. 486 с. 59 у. п. л.

В фундаментальной монографии обобщены теоретические изыскания в области кочевниковедческих проблем, проведенные на основе комплексного анализа большого количества источников, включая предметы звериного стиля, сведения Геродота и данные по этнографии кочевых народов Евразии. По каждому виду источников были использованы методы и принципы, отвечающие его специфике. Основным источником, использованным в работе, являются курганные погребения классического скифского времени (более 300 погребений с предметами узды и захоронениями коней из более пяти тысяч комплексов четырех крупных регионов степной зоны Евразии (Северное Причерноморье, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье и Горный Алтай). В качестве аналогий привлечены также памятники саков Семиречья, северо-казахстанских степей и степных долин Саянского нагорья.

Результаты исследования являются новаторскими и открывают новую страницу в археологии ранних кочевников. На основе анализа сотен памятников сделан вывод о том, что в погребальном обряде племен скифской эпохи конь выполнял утилитарную роль сопровождающего транспортного животного, а также показателя престижа и богатства его «хозяина». Изучение расположения составляющих погребального сооружения по странам света и по отношению друг к другу позволило выявить основные принципы построения кургана, его сакральный код, согласно которому в скифском мире евразийских степей можно выделить два блока культур, расположенных чересполосно. Автор показал, что культуры с меридиональной ориентацией погребальных сооружений с центром в Южном Приуралье были окружены культурами с широтной ориентацией погребальных сооружений: с

запада — скифской культурой Северного Причерноморья и кочевников Нижнего Поволжья, с юго-востока — культурой саков Семиречья и пазырыкской культурой Горного Алтая.

Участие калмыков в наполеоновских войнах. Сборник документов и материалов. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 538 с. 37,8 у. п. л.

В сборник включено 209 документов, связанных с участием калмыков в войнах с наполеоновской Францией (1806–1807 гг., 1812–1814 гг.), выявленных, в основном, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва), Государственном архиве Ростовской области (ГА РО, г. Ростов-на-Дону), Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК, г. Элиста). Основной корпус документов относится к делопроизводственной переписке различных организаций и учреждений, большей частью военных. Опубликованы также выписки из дневников и фольклорный материал (историческая песня). Большая часть документов публикуется впервые. Кроме того, в сборник документов включены опубликованные ранее документы из различных книг, ставших ныне библиографической редкостью.

Работа включает археографическое введение, обширный именной указатель и основную часть, включающую 6 разделов. Новый массив документов позволил существенно уточнить боевой путь калмыцких полков и получить ясное представление об участии калмыков в наполеоновских войнах.

Тодаева Б. Х. О научной работе в Китайской Народной Республике: дневниковые записи. 1954-1957 гг. (Лингвистические экспедиции по изучению языков монгольских народностей Китая). Элиста: КИГИ РАН, 2012. 88 с. 5,1 у.п.л.

В издании опубликованы дневниковые записи известного востоковеда, канд. фил. наук Б. Х. Тодаевой, который автор вела в 1954–1957 гг. во время экспедиции по Китайской Народной Республике. Экспедиция по изучению монгольских языков Внутренней Монголии и Центральной части Китая была организована Академией национальных меньшинств, одной из экспедиционных групп руководила Б.Х. Тодаева. В дневниковых записях содержатся сведения о проведенной полевой работе: поездках, встречах, беседах и записях материалов по монгольским языкам, представленным на территории Китая. Кроме того, они включают уникальные сведения о работе, проводившейся Академией национальных меньшинств и Пекинским университетом, где Б.Х. Тодаева работала консультантом по монгольским языкам (по подготовке реформы и созданию письменностей для национальных меньшинств Китая, составлению карты распространения диалектов монгольского языка, созданию кафедры монгольского языка в Академии национальных меньшинств и др.).

Опубликованные материалы являются ценным источником и представляют большой интерес для исследователей культуры монголоязычных народов Китая, истории ее изучения.

Эренджен Хара-Даван и его наследие / Сост., вступ. ст., комментарии П. Э. Алексеевой. Элиста: Издат. дом «Герел», 2012. 350 с. 19,5 у.п.л.

Книга, составителем которой является главный библиограф научной библиотеки КИГИ РАН П. Э. Алексеева, включает статьи и материалы, принадлежащие перу одного из выдающихся представителей первого поколения калмыцкой интеллигенции, общественного и политического деятеля, одного из руководителей Советской Калмыкии (возглавлявшего в 1918 г. Калмыцкую секцию исполкома Астраханского губернского совета), оказавшегося в эмиграции, и активного последователя евразийского движения, прославившегося как историк и публицист, — Э. Хара-Давана (1885–1941). Впервые широкий круг читателей получает возможность ознакомиться с рядом работ Э. Хара-Давана, которые были опубликованы в 1920–30-е гг. в различных зарубежных изданиях, ставших библиографической редкостью. В книгу также включены статьи известных ученых о жизни и творчестве Э. Хара-Давана. Опубликованные материалы позволяют оценить масштабность личности одного из ярких представителей калмыцкой эмиграции.

Участие калмыков в укреплении российской государственности. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности и Году российской истории. Элиста: КИГИ РАН, 2012. 224 с. 26 у.п.л.

В сборник включены доклады и сообщения региональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности и Году российской истории. В статьях освещаются широкий круг проблем формирования и развития российского федерализма, гражданско-правового законодательства, местного самоуправления и национально-государственного строительства в Калмыкии, ключевые этапы калмыцкой истории в советский и постсоветский периоды. Ряд статей посвящен проблемам, связанным с особенностями современной языковой, социокультурной и экономической ситуации в Республике Калмыкия в контексте российской государственности.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Региональная научно-практическая конференция «Участие калмыков в укреплении российской государственности», посвященная 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (Элиста, 29 ноября 2012 г.).

В работе конференции приняли участие ученые КИГИ РАН, КГУ, представители Министерства образования, культуры и науки РК, учителя и преподаватели. На конференции был обсужден широкий круг вопросов, связанных с историей развития российского федерализма, местного самоуправления и национально-государственного строительства в Калмыкии. Отдельные доклады были посвящены проблемам советской национальной политики, социально-экономическому развитию Калмыкии в период социализма. Раскрываются вопросы правового статуса и развития Калмыкии в условиях нового российского федерализма и др. По итогам конференции опубликован сборник научных статей.

Открытие Ступы Победы в память героя Отечественной войны 1812 года, командира 1-го Калмыцкого полка Джамба-тайши Тундутова. (7 октября 2012 г.).

Сотрудники Института приняли деятельное участие в мероприятиях, посвященных увековечению памяти героев Отечественной войны 1812 года. В пос. Ергенинский Кетченеровского района в память о командире 1-го Калмыцкого полка, Героя Отечественной войны 1812 года Джамба-тайши Тундутова была восстановлена Ступа Победы. Культовое буддийское сооружение воздвигнуто на месте прежнего субургана, установленного в XIX в. в месте захоронения Джамба-тайши и разрушенного в 1929 году.

Кроме того, коллектив КИГИ РАН выступил инициатором по строительству субургана в память о командире 2-го Калмыцкого полка Серебджаба Тюменя, памятных стел воинам Ставропольского калмыцкого полка в г. Тольятти, воинам калмыкам-казакам, сражавшимся в воинских формированиях генерала Платова, в Ростовской области.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В октябре 2012 г. археологами Института совместно с немецкими специалистами были продолжены археологические раскопки поселения эпохи ранней бронзы «Ергенинский» в рамках международного проекта «Поселения в степи. Изучение образа жизни и хозяйства древнего населения волго-манычских степей» (рук. канд. ист. наук М. А. Очир-Горяева). В ходе экспедиции вскрыто 400 кв. метров площади поселения. Установлено, что культурный слой поселения достигает мощности 0,80−1,00 м. Обнаружены следы жилых конструкций в виде рядов столбовых ямок и пяти очагов, обложенных крупными песчаниковыми камнями. Концентрация находок также подтвердила контуры аномалий, выявленных во время геофизических исследований в 2011 г. Получен богатый палезоологический материал, сотни кремневых отщепов, фрагментов керамики и изделий из кости. Наиболее примечательными среди них являются фрагмент бронзового украшения, бронзовый нож, глиняные пряслица и альчик с обтесанными гранями для игры в кости.

В сентябре–октябре проведен ряд научно-изыскательских (разведывательных) археологических работ на территории районов Республики Калмыкия в зонах строительства хозяйственных объектов:

- в сентябре 2012 г. в Черноземельском и Лаганском районах РК в рамках охранного археологического обследования (археологических разведок) по проекту «Прокладка волоконно-оптического кабеля в рамках проектирования и строительства волоконно-оптической системы передачи (ВОСП)» по маршруту от границы с республикой Дагестан до с. Басы в Астраханской области через Артезиан, Улан-Хол и Зензели. В ходе обследования обнаружены 8 пунктов археологического значения.
- в октябре 2012 г. в Ики-Бурульском районе в зоне строительства группового водопровода Северо-Левокумского месторождению подземных вод. В ходе работ была выявлена группа из 6 курганов, трем из которых угрожал полный снос. В результате составления акта остановлены землеройные работы на участке ПК 68-72.

В октябре 2012 г. при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-21-03003 «Буддийское наследие западно-монгольских народов: устные и письменные традиции (сравнительный аспект)» д-р ист. наук Э. П. Бакаева совершила экспедиционный выезд в Монголию с целью сбора полевых материалов о буддийских монастырях и религиозных традициях ойратов. В ходе экспедиции собран материал по истории буддийских монастырей Западной Монголии, традициях и буддийской культуре ойратов Монголии.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

16 ноября 2012 г. в КИГИ РАН состоялась встреча с директором Центра славистики Университета Хоккайдо, доктором наук Уямо Томохико и сотрудником Центра, канд. ист. наук Такэхико Иноуэ. На встрече были обсуждены перспективы научного сотрудничества между учеными, вопросы стажировок, совместных исследований и др.

С 17 по 20 ноября 2012 г. директор Института Н. Г. Очирова приняла участие в Международном Саммите 2012 года «Эпические исследования: на пути к разнообразию творчества и устойчивого развития», организованном Институтом национальных литератур Китайской академии социальных наук (г. Пекин, КНР). Н.Г. Очирова выступила с докладом «Вопросы изучения калмыцкого героического эпоса “Джангар”». В ходе работы Саммита был обсужден широкий круг вопросов, связанных с проблемой сохранения и развития эпических традиций, взаимодействия между исследователями разных стран, включения эпосов в репрезентативный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО и др. Кроме того, были обсуждены вопросы двустороннего сотрудничества КИГИ РАН с Институтом национальных литератур Китайской академии социальных наук (директор проф. Чао Гэжин).

С 7 по 18 декабря 2012 г. сотрудники Института д-р филос. наук Б. А. Бичеев и канд. ист. наук Д. Г. Кукеев приняли участие в Третьем международном симпозиуме по монголоведению в Китае (г. Хух-Хото, АРВМ КНР). Симпозиум проводится под эгидой Академии общественных наук АРВМ КНР.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

26 октября 2012 г. на заседании диссертационного совета Д.212.029.02 при ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет» состоялась успешная защита диссертации старшего научного сотрудника отдела истории и археологии КИГИ РАН, канд. ист. наук Сартиковой Евгении Викторовны «Государственная политика в сфере школьного образования в Калмыкии в XX веке: компаративный анализ и оценка» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02. — «Отечественная история». В диссертационной работе выявлены общие закономерности и особенности формирования и реализации государственной политики в сфере школьного образования в Калмыкии в XX веке в сравнении с национальными республиками Поволжья. Автором проанализированы как сходства, так и различия в развитии школьного образования, изучена специфика национального образования на разных этапах исторического развития.

АННОТАЦИИ SUMMARIES

ИСТОРИЯ

Магомадова Т. С., Даутова Р. А. «Торговые люди» Терского города из чеченцев (XVII в.)
Статья посвящена описанию жизни «торговых людей» из чеченцев, которые переселись в Терский город в конце XVI в. Они стали государевыми служилыми людьми, за что получали жалованье. Кроме службы и земледелия, они активно занимались торговлей.
Ключевые слова: *Терский город, терские окочане, государева служба, торговые люди, Астраханская таможня, ассортимент товаров, «работные люди».*

Надбитов Р. К. Экономическое положение Калмыкии в годы Первой мировой войны
Статья посвящена разверсткам по сдаче скота в российскую армию в период Первой мировой войны в Калмыцкой степи Астраханской губернии и в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии. Выполнявшиеся под давлением попечительской администрации, они серьезно подорвали благосостояние населения Калмыкии.
Ключевые слова: *История Первой мировой войны, Калмыкия, начало XX в., поставки скота в армию.*

Красноженова Е. Е. Социальная проблема беспризорности и безнадзорности и ее решение в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья)
В статье рассмотрены основные направления деятельности местных органов власти Нижнего Поволжья в области решения проблем детской беспризорности и безнадзорности, выявлены формы и методы советского руководства по преодолению детской преступности, проанализированы проблемы, с которыми столкнулись советские государственные учреждения в борьбе с детской беспризорностью в военный период.
Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Нижнее Поволжье, беспризорность и безнадзорность, дети-сироты, детская преступность, детские комнаты, приемники-распределители.*

Гарри М. И. Кризис и угасание французской геополитики на Дальнем Востоке (1902–1922 гг.)
Статья посвящена анализу французской геополитики на Дальнем Востоке в конце XX в. Особое внимание уделяется системности и пространственной обоснованности происходивших событий. Делаются выводы о причинах и времени падения Французского Индокитая.
Ключевые слова: *геополитика, история, Франция, Вьетнам, Индокитай*.

Батинова И. В. Истоки зарождения театра в Калмыкии
Статья посвящена истории возникновения театрального искусства в Калмыкии. Рассмотрены элементы театрального искусства, заключенные в народном творчестве и религиозных обрядах мистерии Цам. Также рассмотрено появление театра в 20–30-х гг. XX в.
Ключевые слова: *театральное искусство, спектакль, драматическая школа, калмыцкий театр*.

HISTORY

Magomadova T., Dautova R. «Trading People» of the Tersky Town from Chechens (17th century)
The article is devoted to the description of life of the "trading people" from Chechens who were moved to the Tersky town at the end of the 16th century. They became the state servicing people, for what they received the salary. Besides of the service and agriculture, they actively were engaged in trade.
Keywords: *Tersky town, Tersky okoks, state service, trading people, Astrakhan customs, assortment of the goods, "working people".*

Nadbitov R. Economic Situation of Kalmykia in the days of the First World War
The article is dedicated to the planned cattle delivery to the Russian army during the First World War in the Kalmyk steppe of the Astrakhan gubernia and in the Bolshederbetovsky ulus of the Stavropol province. Carried out under the pressure of guardian administration, they have seriously undermined the welfare of the population of Kalmykia.
Keywords: *First World War history, Kalmykia, the early 20th century, cattle delivery to the army*.

Krasnozhenova E. Social Problem of Homelessness and Neglect and its Solution in the Great Patriotic War (on the material of the Lower Volga Region)
In the article the basic directions of local authorities activity of the Lower Volga region in the field of the solution of problems of children's homelessness and neglect are considered, forms and methods of the Soviet management on overcoming children's criminality are revealed, problems with which the Soviet official organizations were in struggle against children's homelessness during the military period are analyzed.
Keywords: *Great Patriotic war, Lower Volga region, homelessness and neglect, orphan, children's criminality, nursery, children's care centre.*

Garri M. Crisis and Decline of the Far Eastern Geopolitics of France (1902–1922)
The article is dedicated to an analysis of the Far Eastern geopolitics of France at the end of the 20th century. The special attention is paid to the systematic part and spatial determinism of the occurred events. The conclusions are presented in regard to the reasons and time of the fall of the French Indochina.
Keywords: *geopolitics, history, France, Vietnam, Indochina.*

Batinova I. The Sources of the Theatre Origination in Kalmykia
The article is devoted to the history of emergence of theatre in Kalmykia. The elements of theatrical art which are concluded in national creativity and religious practices of a Tsam mystery are considered. There are also considered the history of emergence of theatre in 1920–1930s.
Keywords: *theatrical art, performance, drama school, Kalmyk theatre*.

Бакаева Э. П. Центральное духовное управление буддистов: представления и реальность

Статья посвящена освещению вопроса о централизации управления делами буддистов России. Автор показывает, что мнение об организации первого Центрального духовного управления буддистов России в 1922 г. ошибочно и основано на искажении фактов.

Ключевые слова: *буддизм в России, Калмыкия, Бурятия, Центральное духовное управление буддистов СССР, Центральный Духовный Совет.*

Bakaeva E. Central Buddhist Board: Perceptions and Reality

The article is devoted to coverage of the issue of centralization of the administration of Russia's Buddhists. The author shows that the view on the organization of the first Central Buddhist Board of Russian Buddhists in 1922 is erroneous and is based on the distortion of the facts.

Keywords: *Buddhism in Russia, Kalmykia, Buryatia, the Central Buddhist Board of the USSR, the Central Buddhist Council.*

АНТРОПОЛОГИЯ

Комаров С. Г. Население Букеевской степи в эпоху Золотой Орды по данным краниологии

В статье содержатся результаты исследования краниологической серии из курганов Букеевской степи, локализованной в Волго-Уральском междуречье. По данным археологии, материалы датированы XIV в. — эпохой Золотой Орды. В работе проведен сравнительный анализ краниологических серий II тысячелетия с целью соотнесения кочевников Букеевской степи с другими группами средневекового населения Восточной Европы и прилегающих территорий.

Ключевые слова: *краниология, Золотая Орда, Букеевская степь, кочевники.*

ANTHROPOLOGY

Komarov S. Population of the Bukeevsky Steppe in the Golden Horde Period according to Craniological Data

The article contains the analysis of research of a craniological series from the Bukeevsky steppe's burial mounds localised in the Volga-Ural interflow. According to the archaeological data these materials were dated from the 14th century — an epoch of the Golden Horde age. In the paper in order to relate Bukeevsky steppe's nomads to other groups of medieval population of Eastern Europe and cross-border areas the comparative analysis of the craniological series (from the 2nd millennium AD) was carried out.

Keywords: *craniology, Golden Horde, Bukeevsky steppe, nomads.*

СОЦИОЛОГИЯ

Нусхаева Б. Б. Особенности материнского (семейного) капитала в Республике Калмыкия

В статье показана законодательная база государственной финансовой поддержки семьи. Рассмотрены основные направления использования средств материнского (семейного) капитала в Республике Калмыкия. Дается сравнительное описание законов о региональном материнском капитале четырех регионов Юга России.

Ключевые слова: *государственный поддержка семьи, семейная политика, демографическая политика, государственные пособия, закон о материнском (семейном) капитале.*

Нусхаева Б. Б., Буваев Д. А. Влияние природно-климатических условий на размещение населения Республики Калмыкия

В статье рассмотрена закономерность размещения населения Республики Калмыкия в природно-климатических районах. Впервые сопоставлены карты аридных зон и плотности населения. Выполнен сравнительный анализ плотности сельского населения по районам республики в 1970 и 2010 гг.

Ключевые слова: *аридные зоны, почвы, ландшафты, плотность проживания, сельское население.*

SOCIOLOGY

Nuskhaeva B. The Peculiarities of the Maternal (Family) Capital in the Republic of Kalmykia

The article describes the legislative base of state financial support for families. The main directions of the maternity (family) capital in the Republic of Kalmykia are considered. The comparative description of laws on the regional maternity (family) capital in four regions of Southern Russia is given.

Keywords: *state support for families, family policy, population policy, state benefits, the law on maternity (family) capital.*

Nuskhaeva B., Buvaev D. Influence of Natural and Climatic Conditions on Distribution of Population of the Republic of Kalmykia

The article puts into focus principles of the Republic of Kalmykia population distribution in natural and climatic zones. For the first time maps of arid zones and population density have been compared. The article contains also a comparative analysis of rural population density in the districts of Kalmykia in 1970 and 2010.

Keywords: *arid zones, soils, landscapes, population density, rural population.*

Байдалова О. В., Емельянова Е. А. Социальная реклама как форма передачи информации в современной массовой коммуникации

В статье предпринята попытка выявить значимость языково-коммуникационных структур при восприятии и оценке сообщений социальной рекламы. Приводится обоснование целесообразности освоения особенностей национального менталитета в качестве необходимого условия успешности рекламного продукта.

Ключевые слова: *социальная реклама, рекламное сообщение, методы социологического исследования, анкетный опрос, экспертная группа.*

Намруева Л. В. Молодежь и возрождение этнической культуры в Калмыкии

В статье описывается роль молодежи в сохранении калмыцкой культуры. Молодые люди, активно приобщаясь к народным обычаям, фольклору, не позволяют исчезнуть этнической культуре в условиях ассимиляции.

Ключевые слова: *молодежь, Калмыкия, народ, сохранение культуры, лидеры молодежных организаций.*

Baydalova O., Emelyanova E. Social Advertisement as the Form of Transmission of the Information in Modern Mass Communication

In the article the attempt to reveal the importance of linguistic and communication structures at perception and evaluation of social advertisement messages is undertaken. The substantiation of expediency of mastering of features of national mentality as a necessary condition of success of the advertising product is resulted.

Keywords: *social advertisement, advertising message, methods of sociological research, questionnaire, the expert group.*

Namrueva L. Youth and Revival of Ethnic Culture in Kalmykia

In the article the youth role in preservation of Kalmyk culture is described. Young men, actively joining to folk customs, folklore, do not allow the ethnic culture to disappear in the conditions of assimilation.

Keywords: *youth, Kalmykia, the people, culture preservation, leaders of the youth organizations.*

ЭКОНОМИКА

Манджиева Д. В. К вопросу об организационных аспектах составления управленческой отчетности в отрасли животноводства

В статье излагаются основные теоретические и методологические вопросы по составлению управленческой отчетности в отрасли животноводства. Рассматриваются варианты составления управленческой отчетности в отрасли животноводства.

Ключевые слова: *система управления, управленческий учет, затраты, центр ответственности, места возникновения затрат, управленческая отчетность.*

Басангов Л. Л. К вопросу о теоретических основах исламского банковского дела

В статье рассматриваются теоретические основы исламского банковского дела, дается определение исламского банка, анализируется роль исламского права в регулировании деятельности исламских финансовых институтов.

Ключевые слова: *финансы, банк, исламское право, исламская экономическая система, исламский банк, функции исламского банка, шариатский совет.*

ECONOMICS

Mandzhieva D. Towards the Question of the Organizational Aspects of Management Reporting in the Livestock Industry

The article outlines the basic theoretical and methodological issues in the compilation of management reportings in the livestock industry. The variants of compiling of management reporting in the livestock industry are examined.

Keywords: *management system, managerial accounting, costs, center responsibility, cost centers, management reporting.*

Basangov L. Towards the Question of the Theoretical Foundations of Islamic Banking

The article deals with the theoretical bases of the Islamic banking, definition of the Islamic bank was given and the role of the Islamic law in the regulation of the Islamic financial institutes activity is analyzed.

Keywords: *finance, bank, Islamic law, Islamic economic system, Islamic bank, Islamic bank functions, Shari'a Board.*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Делеева А. А. Зарубежный опыт правового регулирования контроля в сфере местного самоуправления

В статье исследуется зарубежный опыт организации системы контроля в сфере местного самоуправления на современном этапе. Важная часть статьи посвящена правовому анализу различных форм контроля за деятельностью местных организаций при реализации последними делегированных полномочий, а также опыту применения косвенного контроля за деятельностью органов местного самоуправления в отдельных зарубежных странах.

Ключевые слова: *контроль, государственный контроль, муниципальный контроль, косвенный контроль, индикаторы деятельности местных органов власти, транспарентность, мониторинг правового развития муниципальных образований.*

Максимов Г. К. Участие граждан Республики Калмыкия в реализации федерального законодательства о выборах Президента Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы формирования и развития федерального законодательства о выборах Президента Российской Федерации, демократизации избирательного права и процесса в 1990-е гг. Они сыграли важную роль в активизации позиции граждан России, в том числе и Калмыкии, в решении судьбоносных проблем государства.

Ключевые слова: *Конституция, федеральный закон, Президент Российской Федерации, выборы, избиратели, избирательные комиссии, Республика Калмыкия.*

ЛИНГВИСТИКА

Гедеева Д. Б. О падежном показателе *-a:/-o:/-e:* в калмыцком письменном языке XVIII в. (на материале деловых документов)

Статья посвящена падежному показателю *-a:/-o:/-e:*, встречающемуся в языке памятников калмыцкой письменности XVIII в., частности в деловых документах. Автор приходит к выводу, что по своей грамматической форме суффикс соответствует архаичному монгольскому дательно-местному падежу, который встречается в таких письменных памятниках, как «Сокровенное сказание монголов» (XIII в.) и «Алтан тобчи» (XVII в.). Однако по своим значениям он соответствует как дательно-местному, так и соединительному падежам.

Ключевые слова: *калмыцкая письменность, памятник, деловые документы, дательно-местный падеж.*

JURISPRUDENCE

Deleeva A. Foreign Experience of Legal Regulation of Control in the Sphere of Local Government

The article deals with the foreign experience in the organization of control system in the sphere of local government at the present time. The important part of the article is devoted to the lawful analysis of various control forms of local organizations in their implementation of the delegated authorities and also to the experience in the application of indirect control of the activity of local government in some foreign countries.

Keywords: *control, government control, municipal control, indirect control, the indicators of the activity of the local organs of authority, transparency, monitoring the lawful development of municipal formations.*

Maksimov G. Participation of Citizens of the Republic of Kalmykia in the Implemention of the Federal Law on Elections of the President of the Russian Federation

The article deals with the issues of formation and development of federal law on elections of the President of the Russian Federation, democratization of the electoral law and procedure in the 1990-s. The federal law played an important role in the foundation of the Russian citizens' position, including the citizens of Kalmykia, in solving crucial state problems.

Keywords: *Constitution, Federal Law, President of the Russian Federation, election, voters, election commissions, the Republic of Kalmykia.*

LINGUISTICS

Gedeeva D. About Case Index *-a:/-o:/-e:* in the Kalmyk Written Language XVIII Century (on the basis of business documents)

The article is devoted to the case indicator *-a:/-o:/-e:* which one can find in the texts of the old Kalmyk written works dating back to XVIII century, for instance in the official documents. According to its lexical-grammatical form, this case corresponds to the archaic Mongol dative-locative case which one can find in such written texts as "The Secret History of the Mongols" (XIII c.) and "Altan Tobchi" (XVIII c.). Though, in its meanings it matches both the dative-locative and linking cases.

Keywords: *Kalmyk writing, official documents, dative-locative case.*

Сусеева Д. А. Словообразовательные гнезда русского и калмыцкого языков в сопоставительном освещении

В статье рассматриваются результаты сопоставительного изучения словообразовательных гнезд калмыцкого и русского языков. В структуре гнезд двух разнотипных языков можно обнаружить много общего. В словообразовательных гнездах калмыцкого языка выявлены те же самые мотивационные и немотивационные отношения однокоренных слов, которые присущи однокоренным словам в русских гнездах, объем гнезда зависит от богатства лексического значения вершинного слова и его производных.

Ключевые слова: *типы, структура, синтагматические и парадигматические отношения в словообразовательных гнездах разнотипных языков.*

Suseeva D. Word Families in Russian and in Kalmyk in the Contrastive Aspect

The article deals with the results of the contrastive study of word families in the Kalmyk and the Russian languages. The structure of different types of nests belonging to different languages has much in common. In word families of the Kalmyk language one can find the same motivation and non motivation relations of single-root words which are common for the Russian word families. The volume of the word families depends on the wealth of the lexical meaning of the vertex word and its derivatives.

Keywords: *types, structure, syntagmatic and paradigmatic relations in word families of diverse languages.*

Бадагаров Ж. Б. Состав падежных форм дагурского и бурятского языков

В статье дается сравнительный анализ падежных форм дагурского и бурятского языков. Автор предлагает свою интерпретацию путей развития этих форм из общемонгольского состояния. Проведенный анализ позволяет констатировать формальное сходство падежных показателей дагурского и бурятского языков, обусловленное единством происхождения. Кроме того, дагурский сохранил ряд архаичных черт, отсутствующих в бурятском языке.

Ключевые слова: *дагурский, бурятский, монгольские языки, падежи*

Badagarov J. Composition of Case Forms of Dagur and Buryad Languages

The paper presents comparative analysis of the case forms in Dagur and Buryad. The author gives interpretation of ways of development of these forms from possible comments on how the case markers developed from common Mongolic state. The analysis lets us to ascertain the formal similarity of markers in Dagur and Buryad, which is due to the common origin. Above all the Dagur language has retained a number of archaic features, which Buryad lacks.

Keywords: *Dagur, Buryad, Mongolic, cases.*

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Сарангов В. Т. Девы-воительницы калмыцких сказок

В статье анализируются сюжеты богатырских сказок калмыцкого фольклора, имеюэих много общего с героическими сказаниями тюрко-монгольских народов.

Ключевые слова: *калмыцкая сказка, богатырская сказка, дева-воительница, амазонка, бурятские улигеры, алтайские сказания.*

FOLKLORISTICS

Sarangov V. Maiden Warriors of Kalmyk Fairy-Tales

In the article the plots of the bogatyr fairy-tales of the Kalmyk folklore which have much in common with Tatar and Mongolian heroic legends are analyzed.

Keywords: *Kalmyk fairy-tale, bogatyr fairy-tale, maiden warrior, horsewoman, Buryat uligers, Altai legends.*

Селеева Ц. Б. Об указателе эпических тем (из опыта составления)

В статье дается описание тематической структуры песен калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Автор приходит к выводу о том, что анализ сохранности и видоизменения, динамики и статики, продуктивности и непродуктивности тематических компонентов эпоса позволяет решить некоторые вопросы сложения и бытования эпического текста как в рамках локальной эпической традиции, так и на общеэпическом уровне.

Ключевые слова: *эпос «Джангар», тема, указатель, сюжетно-тематическая структура.*

Seleeva Ts. About the Index of Epic Themes (from the creating experience)

The article gives the description of thematic structure of songs of Kalmyk and Xinjiang-Oirat versions of the "Dzhangar" epos. The author comes to a conclusion that analysis of safety and modification, dynamics and statics, productivity and unproductiveness of thematic components of the epos allows to solve some issues of formation and existence of the epic text both within the framework of local epic tradition and of general epic level.

Keywords: *"Dzhangar" epos, theme, index, plot-thematic structure.*

Ингл О. П. Альберт Лорд и его работы по исследованию эпосов

В статье описывается жизнь и работа выдающегося американского ученого Альберта Б. Лорда, исследователя европейских эпосов, основателя «устной» теории, или теории Пэрри-Лорда. Автор описывает его исследования по «Калевале», опубликованные на английском языке.

Ключевые слова: *эпос, американский ученый, «устная» теория, теория Пэрри-Лорда, «Калевала», Гомер, сказитель.*

Ingle O. Albert B. Lord and His Works on Epic Research

In the article the life and work of an outstanding American scholar Albert B. Lord, the researcher of European eposes, the founder of the "oral" theory or Perry Lord's theory is described. The author gives the description of his research on the «Kalevala», published in English.

Keywords: *epos, American scholar, "oral" theory, Perry Lord's theory, the "Kalevala", Homer, the singer of tales*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Батужав До. «Каменные сутры» Синьцзяна

В статье приводятся данные о «каменных сутрах», которые являются неотъемлемой частью письменного и духовного наследия ойратов. Дается описание текстов на «ясном письме», которые обнаружены на шести камнях в одном из районов проживания ойратов Синьцзяна. Показано, что на пяти камнях выбиты тексты из «Ваджрачхеддика-сутры», на одном — буддийская мантра «Ом ма ни пад ме хум».

Ключевые слова: *буддийские памятники, ойратское «ясное письмо», «каменные сутры».*

Намджил О. Каталог ойратских рукописей и ксилографов из частной коллекции Очир-генги (Синьцзян, КНР)

В статье дается описание рукописей на «ясном письме», которые хранятся в личной коллекции буддийского монаха, проживающего в г. Монгол Кюре (КНР).

Ключевые слова: *ойратские рукописи, «ясное письмо», личная коллекция, каталог, буддизм.*

LITERATURE STUDIES

Batujav Do. "Stone Sutras" of Xinjiang

The article presents a data of the "stone sutras" which are an integral part of the written and spiritual heritage of the Oirats. The description of the texts on "Clear Script" which were found out on six stones in one of residing areas of Xinjiang Oirats is given. It is shown that on five stones texts from "Vajracchedika-Sutra", on one — Buddhist mantra "Om ma ni pad me hum" are beaten out.

Keywords: *Buddhist monuments, Oirat "Clear Script", "stone sutra".*

Namjil O. The Catalogue of Oirat Manuscripts and Xylographs from a Private Collection of Ochir-gengya (Xinjiang, PRC)

The article gives a description of manuscripts on "Clear Script" which are stored in the private collection of the Buddhist monk O. Namjil living in Mongol Kürya (PRC).

Keywords: *Oirat manuscripts, "Clear Script", private collection, catalogue, Buddhism.*

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Очирова Н. Г. О научной экспедиции в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (хроника и предварительные результаты)

Статья представляет собой отчет о научной экспедиции по проекту «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР» (с 6 июля по 13 августа 2012 г.). Автор описывает цели и задачи экспедиции, состав участников, предварительные результаты систематизации и обработки полевых материалов.

Ключевые слова: *Синьцзян, ойраты, хроника, экспедиция, предварительные результаты.*

Очирова Н. Г., Бембеев Е. В. Современное демографическое и социально-экономическое положение ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР

В статье представлены предварительные результаты анализа полевых материалов по современному демографическому и социально-политическому состоянию ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Ключевые слова: *Синьцзян, ойраты, демография, население, численность, традиционное хозяйство.*

FIELD STUDIES

Ochirova N. On the Scientific Expedition in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the PRC (chronicle and preliminary results)

The article is a summary of the scientific expedition on the project «Linguistic and ethno-demographic features of the Oirats (Kalmyks) of the Xinjiang Uyghur autonomous region of the PRC (from July 6 to August 13, 2012). The author describes the aims and objectives of the expedition, the participants, the preliminary results of the systematization and processing of field data.

Keywords: *Xinjiang, Oirats, chronicle, expedition, preliminary results*.

Ochirova N., Bembeev E. Modern Demographic and Socio-Economical Situation of the Oirats of Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China

The article presents the preliminary results of analysis of the field materials on modern demographic and socio-political status of Oirats of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China.

Keywords: *Xinjiang, Oirats, demographics, population, quantity, traditional economy*.

Омакаева Э. У. Топонимия Синьцзяна как отражение ойратоязычной культуры региона: этнолингвистический аспект

В статье отмечены некоторые топонимы ойратского происхождения, которые встречаются в настоящее время на китайской территории Синьцзян-Уйгурского автономного района. Предметом полевого исследования явился ойратский топонимический ландшафт (совокупность названий рек, озер, рельеф, населенные пункты и т. д.) как вербальное выражение географического ландшафта местности. Основное внимание в статье уделено ойратской гидронимии (названиям рек и озер). Представляя интерпретацию полевых сведений, собранных в ходе экспедиции в Китай в 2012 году, автор выявляет преобладание гидронимической системы в данном регионе.

Ключевые слова: *топонимия, гидронимы, оронимы, ойконимия, Синьцзян, ойратский язык и культура, этнолингвистический аспект, академическая экспедиция, полевой материал.*

Omakaeva E. The toponymy of Xinjiang as a reflection of the region's Oirat-language culture: ethnolinguistic aspect

The article observes some toponyms of Oirat origin which occur nowadays on the Chinese territory of Xinjiang Uyghur Autonomous Region. The subject of field study is an Oirat toponymic landscape, a set of the names of rivers, lakes, landforms, settlements, etc. as a verbal expression of the geographical landscape of the area. The main focus of the article is Oirat hydronymy (the names of the rivers and lakes). Presenting ethnolinguistic interpretation of the field data gathered during the expedition to China in 2012 the author reveals predominance of hydronymic system in the given area.

Keywords: *toponymy, hydronyms, oronyms, oikonymiya, Xinjiang, Oirat language and culture, ethnolinguistic aspect, the academic expedition, field material.*

Меняев Б. В. К характеристике ойратских рукописей и ксилографов, хранящихся в частных коллекциях Синьцзяна

Статья посвящена описанию частных коллекций ойратских рукописей и ксилографов, обнаруженных в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР во время научной экспедиции.

Ключевые слова: *Зая-пандита, ойраты, рукопись, литературный памятник.*

Menyaev B. On the Characteristics of Oirat Manuscripts and Xylographs Stored in Private Collections in Xinjiang

This article is devoted to description of the Oirat's private collections of manuscripts and xylographs found during a scientific expedition in the Xinjiang Uighur Autonomous Region of PRC.

Keywords: *Zaya-pandita, Oirats, manuscript, literary monument.*

Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Этнолингвистическое изучение песенного фольклора ойратов Синьцзяна: из экспедиционного опыта

Статья посвящена описанию современного песенного фольклора ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР на полевом материале, собранном авторами в ходе международной экспедиции 2012 г. Авторы ввели в научный оборот ряд песенных текстов, записанных от информатора по имени Мидгя.

Ключевые слова: *ойраты, Синьцзян, песенный фольклор, протяжные песни, язык, картина мира, тексты, ноты, лексика, этнолингвистический подход.*

Omakaeva E., Borlykova B. Ethnolinguistic study of Xinjiang Oirat's folk song: from the expeditionary experience

The article is devoted to the description of modern song folklore of Oirats of the Xinjiang-Uigur autonomous region of People's Republic of China on a material collected by authors during the international expedition of 2012. The authors introduced into the scientific circulation a number of musical texts, recorded from an informant named Midgya.

Keywords: *Oirats, Xinjiang, song folklore, long songs, language, world view, texts, notes, vocabulary, ethnolinguistic approach.*

Борлыкова Б. Х. О музыкальных инструментах ойратов Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая

Статья посвящена описанию музыкальных инструментов ойратов Западной Монголии и Синьцзяна. Музыкальный инструментарий ойратов отличается значительным разнообразием, что свидетельствует о высоком уровне их музыкальной культуры.

Ключевые слова: *ойраты, Западная Монголия, Синьцзян, музыкальные инструменты, духовые музыкальные инструменты, струнные музыкальные инструменты.*

Borlykova B. About Musical Instruments of Oirats of the Western Mongolia and the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China

The article dedicated to the description of musical instruments of Oirats in the Western Mongolia and Xinjiang. There is a great variety of musical instruments that testifies about a high degree of development of the Oirat musical culture.

Keywords: *Oirats, Western Mongolia, Xinjiang, musical instruments, wind musical instruments, string musical instruments.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадагаров Жаргал Баяндалаевич — аспирант кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: bjargal@mail.ru.

Байдалова Ольга Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии управления Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоград). E-mail: olta13@rambler.ru.

Бакаева Эльза Петровна — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Басангов Лиджи Лиджиевич — аспирант Международного банковского института (Санкт-Петербург). E-mail: b24ttx15@yandex.ru.

Батинова Ирина Владимировна — аспирантка Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Батужав До. — заведующий научно-информационным отделом правительства Илийской области Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (Нилх). E-mail: batujiapu2008@163.com.

Бембеев Евгений Владимирович — кандидат филологических наук, ученый секретарь Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: galdma@yandex.ru.

Борлыкова Босха Халгаевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Буваев Дмитрий Алексеевич — научный сотрудник отдела аридной экологии Института аридных зон Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону). E-mail: buvaev-ecolog@mail.ru.

Гарри Михаил Игоревич — аспирант Пекинского университета (Пекин, КНР). E-mail: mikhailgarri@yandex.ru.

Гедеева Дарья Бадмаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: dgedeeva@mail.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Jargal **Badagarov** — post-graduate student of the Department of Kalmyk Language and Mongolistics of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: bjargal@mail.ru.

Olga Baydalova — Ph. D. of Sociology, Professor of the Department of Sociology of Management of the Volgograd Branch of the Russian Academy of the National Economy and Governmental Service at the President of the Russian Federation (Volgograd). E-mail: olta13@rambler.ru.

Elza Bakaeva — Ph. D. of History, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Lidji Basangov — post-graduate student of the International Banking Institute (St.-Petersburg). E-mail: b24ttx15@yandex.ru.

Irina Batinova — post-graduate student of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Batuzhav Do. — Head of the Scientifically-information Department of the Government of the Ili Prefecture of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the People's Republic of China (Nilh). E-mail: batujiapu2008@163.com.

Evgeniy Bembeev — Ph. D. of Philology, the Academic Secretary of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: galdma@yandex.ru.

Boskha Borlykova — Ph. D. of Philology, research worker of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Dmitriy Buvaev — research worker of the Department of Arid Ecology of the Institute of Arid Zones of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: buvaev-ecolog@mail.ru.

Mikhail Garri — post-graduate student of the Peking University (Peking, People's Republic of China). E-mail: mikhailgarri@yandex.ru.

Darya Gedeeva — Ph. D. of Philology, associate professor of the Department of Kalmyk Language and Mongolistics of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: dgedeeva@mail.ru.

Даутова Резеда Абдулмуслимовна — ученый секретарь института гуманитарных исследований Академии Наук Чеченской Республики (Грозный). E-mail: mail@chesu.ru.

Dautova Rezeda — the Academic Secretary of the Institute for Humanities of the Academy of Sciences of the Chechen Republic (Grozny). E-mail: mail@chesu.ru.

Делеева Айса Александровна — соискатель кафедры конституционного и муниципального права Российской академии правосудия (Москва). E-mail: adelleeva@mail.ru.

Aysa Deleeva — competitor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Academy of justice (Moscow). E-mail: adelleeva@mail.ru.

Емельянова Екатерина Александровна — аспирантка кафедры социологии управления Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоград). E-mail: takluche@yandex.ru.

Ekaterina Emelyanova — post-graduate student of the Department of Sociology of Management of the Volgograd Branch of the Russian Academy of the National Economy and Governmental Service at the President of the Russian Federation (Volgograd). E-mail: takluche@yandex.ru.

Ингл Оксана Петровна — соискатель Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск). E-mail: oksana.ingle@gmail.com.

Oksana Ingle — competitor of the Scientific Research Institute of Humanitarian Sciences at the Government of the Republic of Mordovia (Saransk). E-mail: oksana.ingle@gmail.com.

Красноженова Елена Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент Астраханского государственного университета (Астрахань). E-mail: eleena@inbox.ru.

Elena Krasnozhenova — Ph. D. of History, associate professor of the Astrakhan State University (Astrakhan). E-mail: eleena@inbox.ru.

Комаров Сергей Геннадьевич — аспирант Института этнологии и антропологии Российской академии наук, младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва). E-mail: snirrrr@mail.ru.

Sergey Komarov — post-graduate student of Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, junior research worker of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: snirrrr@mail.ru.

Магомадова Тамара Сайпутдиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Чеченского государственного Университета (Грозный). E-mail: mail@chesu.ru.

Tamara Magomadova — Ph. D. of History, associate professor of the Department of History of the Chechen State University (Grozny). E-mail: mail@chesu.ru.

Максимов Герман Константинович — ведущий специалист юридического отдела аппарата Избирательной комиссии Республики Калмыкия. E-mail: kigiran@elista.ru.

German Maksimov — leading specialist of the Juridical Department of the Electoral Commission of the Republic of Kalmykia. E-mail: kigiran@elista.ru.

Манджиева Дельгир Владимировна — старший преподаватель кафедры учета, анализа и налогообложения Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: mandzhieva.delgir@mail.ru.

Delgir Mandzhiyeva — senior lecture of the Account, Analysis and Taxation Department of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: mandzhieva.delgir@mail.ru.

Меняев Бадма Викторович — младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: bmeyaev@mail.ru.

Badma Menyaev — junior research worker of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: bmeyaev@mail.ru.

Музраева Деляш Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: deliash@mail.ru.

Delyash Muzraeva — Ph. D. of Philology, associate professor, senior research worker of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: deliash@mail.ru.

Надбитов Руслан Константинович — кандидат исторических наук, методист краеведческого отдела Республиканской Станции детского и юношеского туризма и экскурсий (Элиста). E-mail: ruslannadbitov@mail.ru.

Намджил О. — буддийский монах монастыря Монгол-Кюря Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (Монгол Кюре). E-mail: baazr@mail.ru.

Намруева Людмила Васильевна — кандидат социологических наук, заведующий отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Нусхаева Баира Басанговна — кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Омакаева Эллара Уляевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Очирова Нина Гаряевна — кандидат политических наук, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: n.g.ochirova@gmail.com.

Сарангов Владимир Трофимович — кандидат филологических наук, доцент кафедры калмыцкой литературы и фольклора Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: oyirad@kalmsu.ru.

Селеева Цаган Бадмаевна — научный сотрудник отдела фольклористики и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Сусеева Данара Аксеновна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: human@kalmsu.ru.

Ruslan Nadbitov — Ph. D. of History, methodologist of the Department of Regional Studies of the Republican Station of children's and youthful Tourism and Excursions (Elista). E-mail: ruslannadbitov@mail.ru.

Namdzhil O. — Buddhist monk of the Mongol Kurya Monastery of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the People's Republic of China (Mongol Kurya). E-mail: baazr@mail.ru.

Ludmila Namrueva — Ph. D. of Sociology, associate professor, Head of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Baira Nuskhaeva — Ph. D. of Sociology, research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Ellara Omakaeva — Ph. D. of Philology, associate professor, Head of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Nina Ochirova — Ph. D. of Politology, Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: n.g.ochirova@gmail.com.

Vladimir Sarangov — Ph. D. of Philology, associate professor of the Department of the Kalmyk Literature and Folklore of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: oyirad@kalmsu.ru.

Tsagan Seleeva — research worker of the Department of Folklore and "Dzhanggar" studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Danara Suseeva — Ph. D. of Philology, professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: human@kalmsu.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

– история;
– юриспруденция;
– филология;
– религиоведение,
– политология,
– философия,
– педагогика,
– биология,
– экономика
– социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисуночных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 4, 2012

Сдано в набор 10.12.2012. Подписано в печать 24.12.2012. Формат бумаги 60x84⅛.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,11. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН (358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).